

Е. В. Падучева

ВЫСКАЗЫВАНИЕ

и

его соотнесенность
с действительностью

Падучева Елена Викторовна

Высказывание и его соотносительность с действительностью:

Референциальные аспекты семантики местоимений / Отв. ред.

В. А. Успенский. Изд. 6-е, испр. — М.: Издательство ЛКИ, 2010. — 296 с.

Настоящая монография посвящена проблемам соотношения высказывания с действительностью — с конкретными предметами, событиями и ситуациями реального мира. В книге рассматривается теория референции как раздел лингвистической семантики и теория речевых актов, понятие высказывания и понятие презумпции. Анализируются референциальные аспекты семантики местоимений, описывается роль местоимения и местоименных слов в осуществлении референции. Книга снабжена лексическим, предметным и именным указателями.

Для специалистов в области теоретической и прикладной лингвистики, студентов и аспирантов филологических факультетов вузов.

Рецензенты:

Н. Д. Арутюнова, Р. С. Гиляревский

Обложка выполнена по эскизу Е. Марголис.

В оформлении использован рисунок Анны Зализняк

Издательство ЛКИ 117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 9
Формат 60×90/16 Печ. л. 18,5 Зак № 3164

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД»
117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11

ISBN 978-5-382-01080-9

© Издательство ЛКИ, 2007, 2009

8374 ID 109874

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга посвящена референции, т.е. проблемам соотнесения высказывания и его частей с действительностью — с объектами, событиями, ситуациями, положениями вещей в реальном мире. Референция в полном ее объеме характеризует не предложение, а высказывание: референция осуществляется говорящими в речевом акте. Поэтому основные проблемы референции — это проблемы механизмов и средств актуализации предложения, включенного в речевой акт и превращенного в высказывание. Актуализация осуществляется с помощью местоименных и артиклеподобных элементов в составе именной группы, а также категорий времени, вида и наклонения в составе глагольной. Главное внимание в работе уделяется местоименным актуализаторам — местоимениям и местоименным словам.

В работе уточняются понятия, необходимые для последовательного описания референции — понятие речевого акта; иллюкутивной функции высказывания, т.е. коммуникативного намерения говорящего; презумпции в ее семантическом и прагматическом варианте и др., и вводится ряд новых понятий, главным из которых является понятие денотативного статуса — для именных групп с предметным значением и для пропозициональных компонентов предложения. Дается типология денотативных статусов и выявляется взаимодействие денотативного статуса с синтаксической структурой предложения, с семантикой лексики, с коммуникативной (темо-рематической) организацией высказывания, а также с прагматическим контекстом акта речи в целом; выявляются связи между денотативными статусами предметных именных групп и пропозициональных компонентов; исследуется роль денотативных статусов в кореференции.

Языковой текст всегда строится как имеющий некоторый внешний мир (действительность), с которым он соотносится — даже такой текст, который явно не рассчитан на оценку его с точки зрения истинности/ложности, например сюжетно-художественный текст: "... действительность может быть не только объективной, но и мыслимой, воображаемой... Впрочем, различие между этими двумя видами действительности весьма неустойчиво" (Балли 1955: 88).

Центральное понятие в работе — высказывание. Люди в своей речевой практике имеют дело с высказываниями, а не с предложениями. С предложениями имеют дело лингвисты. Но и в лингвистике объектом описания является на самом деле не предложение, а некий гибрид предложения и высказывания. Так, в любое описание синтаксиса входит "классификация предложений по цели высказы-

вания" (это деление предложений на утвердительные, вопросительные, восклицательные), хотя, казалось бы, если классифицируются предложения, то при чем тут высказывание? Или говорят, что в смысл предложения *Было бы сейчас лето!* входит семантический компонент 'Говорящий хочет ...'; но откуда берется говорящий, если в этом предложении нет даже слова *я*? Действительное решение вопроса состоит, однако, не в том, чтобы провести границу между предложением и высказыванием, а в том, чтобы по крайней мере при описании семантики предложения эксплицитно рассматривать предложение в контексте речевого акта, т.е. описывать семантику предложения, функционирующего как высказывание. Объект, с которым должна иметь дело семантика, — это не только семантическое представление предложения, но и семантико-прагматическое представление предложения, включенного в речевой акт, см. § II.3¹.

Хотя книга имеет преимущественно теоретическую направленность, следует сказать о ее прикладных истоках. Она возникла в связи с многолетней работой автора над построением алгоритмов перевода с естественного языка на информационно-логический. В частности, понятие денотативного статуса явилось результатом осознания недостаточности кванторов, используемых в классической математической логике, для представления языковой референции в полном ее объеме. Поэтому работа связана с проблематикой автоматической переработки информации уже по своему первоначальному замыслу. Она связана и с современными исследованиями в области искусственного интеллекта. Этим в значительной мере объясняется тот факт, что в центре нашего внимания оказались местоимения, этот общепризнанный камень преткновения для всех лингвистических процессоров, и речевой акт, изучение которого необходимо для построения информационных систем, работающих в режиме диалога.

Общий план работы следующий. Первая часть посвящена теоретическим аспектам референции. Глава I — это обзор логических теорий референции. В главе II дается анализ понятия высказывания в теории речевых актов и описывается механизм формирования суждения, который действует в речевом акте. Глава III посвящена презумпциям (пресуппозициям), прежде всего презумпциям существования и единственности, которые составляют основу семантики конкретной референции. Глава IV содержит полный обзор типов референции. Здесь вводится понятие денотативного статуса — именной группы и пропозиционального компонента — и рассматриваются связи денотативного статуса с семантикой и синтаксической структурой предложения. В главе V рассматривается связь референции с коммуникативной структурой предложения. Обнаруживается зависимость употребления того или иного типа имен от роли этого имени в коммуникативной структуре предложения.

Вторая часть — описание семантики и синтаксического употребления местоименных слов: местоимений и наречий. Вводный раздел содержит

¹ В работе принят следующий способ ссылок на ее главы и параграфы: § II.3 означает § 3 главы II. При ссылках в пределах главы номер главы не указывается.

общую классификацию местоимений и определение основных понятий, используемых в их анализе — таких, как кореферентность, анафорическая связь и др. Главы VI — XII посвящены основным разрядам местоимений, выделяемым при референциально-семантической классификации, — личным местоимениям, местоимениям 3-го лица, указательным, возвратным, кванторным (универсальным и неопределенным) и вопросительным. Семантическая уникальность местоимений 1-го лица рассматривается как следствие уникальной роли говорящего в речевом акте. Местоимения 3-го лица описываются на базе понятия кореферентности (в противоположность концептуальному тождеству) и ее разновидностей, обусловленных денотативным статусом местоимения. При анализе указательных местоимений раскрывается соотносительная роль концепта и отсылки к референту в семантике местоимения. Возвратные местоимения представлены как тип, в наиболее чистом виде выражающий кореферентность. Класс местоимений, традиционно выделяемых как неопределенные, делится на подклассы, в соответствии с различием денотативных статусов. Из местоименных слов с универсальным значением рассматривается *всегда*; попутно затрагиваются общие проблемы квантификации в глагольной группе. Для вопросительных местоимений показана их связь с семантикой вопросительного предложения.

Следует сказать о языковом материале работы. Часть приводимых примеров заимствована из словарей и из цитируемой лингвистической литературы (если пример не носит принципиального характера, ссылка на лингвистический источник иногда опускается). Некоторые примеры взяты из картотеки Словаря русского языка Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР. Литературный источник примера указывается обычно лишь в том случае, если он почему-либо представляет специальный интерес — например, если правильность предложения может быть поставлена под сомнение. Широко используются и "искусственные" примеры.

Всякое лингвистическое описание — как синтаксическое, так и семантическое — основывается на интуитивных суждениях носителей языка, касающихся грамматической правильности, однозначности, синтаксической связности, синонимичности, функционально-истинностной эквивалентности предложений или высказываний. Иногда эти суждения должны быть достаточно тонкими, и не удивительно, что они могут быть у разных людей разными. По крайней мере часть этих расхождений обусловлена различием идиолектов. Однако в некоторых случаях расхождения можно объяснить разницей установок. Обычно лингвист оказывается более строгим в суждениях относительно допустимости предложения, а "неискушенный" говорящий склонен проявлять изобретательность в нахождении таких смыслов и условий, при которых высказывание становится допустимым (ср. Postal 1974). Полезно оговорить, что большинство семантических запретов ориентировано на усредненную норму и на усредненную ситуацию общения — на нейтральную интонацию произнесения, обычный контекст и т.д. Впрочем, часто приходится скорее поражаться тому, сколь много об-

щего имеется в семантических суждениях разных людей, т.е. тому, как много знают носители языка о своем языке.

Более ранние варианты некоторых разделов этой книги были опубликованы в виде отдельных статей. В основу главы VI положена статья: Е.В. Падучева, Анна А. Зализняк. Семантические явления в высказываниях от 1-го лица (*Finitis duodecim lustris*. Сборник статей к 60-летию проф. Ю.М. Лотмана. Тарту: Ээсти раамат, 1982).

Автор приносит глубокую благодарность Н.Д. Арутюновой и В.Г. Гаку за ценные советы и соображения, высказанные по поводу данной книги, а также С.А. Крылову за помощь в работе и за составление предметного и именного указателей.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕФЕРЕНЦИИ

Глава I

ТЕОРИЯ РЕФЕРЕНЦИИ КАК РАЗДЕЛ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

§1. РЕФЕРЕНЦИЯ И СМЫСЛ

В центре внимания данной работы находятся механизмы референции, т.е. соотнесения языковых выражений с действительностью — механизмы, позволяющие связывать речевые сообщения и их компоненты с внеязыковыми объектами, ситуациями, событиями, фактами, положениями вещей в реальном мире. Хотя проблемы референции, несомненно, входят в задачи лингвистики¹, до последнего времени лингвистическая семантика занималась преимущественно смыслом языковых знаков. Такой важный аспект знака, как отношение к обозначаемому объекту — предметная соотнесенность, признается, вообще говоря, существенным (см. Курилович 1962: 251, Бенвенист 1974: 14, Виноградов 1975а, Маслов 1975: 113), но обычно остается в тени.

В лингвистике имеются разнообразные исследования, посвященные отдельным проблемам референции — речевым актам, теории высказывания, проблеме актуализации предложения в высказывании, дейксису, анафорическим и кореферентным отношениям в тексте, местоимениям, кванторным словам, именам собственным, пропозитивным и предметным номинациям, категории предикативности и модальностям, нереферентным синтаксическим употреблениям именных групп, категории определенности и артикля. Обобщающие работы в области лингвистической теории референции принадлежат Н.Д. Арутюновой (см. Арутюнова 1976а, Арутюнова 1980а, Арутюнова 1982).

В противоположность лингвистике, в логике референции знака издавна отводилась решающая роль. Более того, в некоторых логических концепциях смысл знака полностью сводится к его референции. Даже фундаментальная работа Г. Фреге 1892 года (см. Фреге 1977), доказавшего на примере предложений тождества противопоставленность денотата и концепта знака, не остановила логических исследований, имеющих целью редукцию смысла языковых выражений к их референции, а лишь направила их по другому руслу.

¹«Ведению лингвистики подлежат все возможные проблемы отношения между речью и универсумом (миром) речи» (Якобсон 1975: 195).

Референция — это соотнесенность, вообще говоря, с индивидуальными и каждый раз новыми объектами и ситуациями. Поэтому референция имеет место не для слов и выражений языка, а только для их употреблений в речи — для высказывания и его компонентов: "Значение — это свойство предложения как типа, а референция и истинность — это свойства данного употребления предложения и его компонентов в высказывании" (Стросон 1982а). Бессмыслен вопрос "Какова референция слова *человек*?" — как и любого другого слова в словаре, равно как и словосочетания (например, *молодой человек*, *человек высокого роста*) или предложения, построенного по правилам грамматики. Предложение *Вошел человек* само по себе не имеет референции — оно не соотнесено ни с какой конкретной ситуацией, ни с какими объектами.

Между смыслом и референцией имеется следующее существенное различие. Смыслом — в большей или меньшей степени автономным — обладает всякий синтаксически связный компонент предложения. Автономной же референцией обладает не всякий осмысленный компонент высказывания; например (см. Frege 1952), предикатное слово ничего не обозначает, а только приписывает свойство. Тезис о дискретности референции подробно развивается в работе Bhat 1979. Мы считаем референцию свойством: а) целого предложения (употребленного в составе высказывания); б) пропозициональных компонентов, входящих в состав такого предложения; и в) именных групп предложения (тоже актуализованного в высказывании).

Хотя референция осуществляется в ходе речевого акта, т.е. в высказывании, все механизмы референции принадлежат языку: средства, с помощью которых говорящий осуществляет свою референцию и делает ее достоянием слушающего, входят в семантику предложения. В этом смысле можно говорить о референциальных аспектах семантики предложения: в ходе речевого акта говорящий только приводит в действие те механизмы референции, которые заложены в предложении. Предметом изучения в лингвистической теории референции служит *предназначенность* предложения и его частей к тому или иному референциальному употреблению.

Референциальные аспекты семантики предложения вступают в многообразные связи со всеми другими аспектами и уровнями его структуры (см. § IV. 7) — с лексической семантикой (смысл многих слов сводится к указанию типа или способа референции); с семантикой грамматических категорий — прежде всего с видом, временем и наклонением; с синтаксической структурой (например, изменение синтаксической функции слова может менять его референциальные свойства). Референция находится в сложном взаимодействии с коммуникативной структурой (актуальным членением предложения, см. гл. V).

В то же время осуществление референции связано с прагматикой коммуникативного акта. Сама семантика референциальных элементов языка прагматична: она обращена на говорящих, на их общий фонд знаний, на контекст. Смысл слова, выполняющего референциальную функцию, — это своего рода инструкция по нахожде-

нию референта, выполнить которую предстоит участникам речевого акта (см. Крылов, Падучева 1983). Действительно, референция связана с индивидуализацией объектов, а самый продуктивный механизм индивидуализации — через указание связи объекта с тем речевым актом, о котором в нем идет речь.

Имеется и другая линия связи референции с прагматикой. Референция в естественном языке связана с отнесением объекта к тому или иному таксономическому классу — это языковая универсалия (см. Freudenthal 1960). Логико-семантический аспект референции определяется тем, как именно выражение соотносится с этим классом — выбирает ли оно один объект класса, весь класс, его часть и т.д. (см. Арутюнова 1982). Однако во всех языках выражение этой семантической информации неразрывно связано с категорией определенности (грамматической в артиклевых языках и скрытой, семантической — в безартиклевых, типа русского), т.е. с прагматическим противопоставлением по известности/неизвестности объекта для говорящего и слушающего.

В литературе по философской логике термин "референция" часто используется только в применении к конкретной референции, т.е. к высказываниям об индивидуализированных объектах. Между тем в любом высказывании именные группы как-то соотносятся с действительностью — в том числе и в таком, как *Кит — млекопитающее* или *Все люди смертны* (см. об этом Балли 1955: 92), так что широкое понимание референции более оправданно.

Не входит в компетенцию лингвистики вопрос о том, существует ли реально то, что является объектом референции говорящего, и истинно ли в действительности то, что он утверждает². Существование в реальном мире и в мире мифа древней Греции лингвистически равноценны, ср. обширную логическую литературу о Пегасе, которая вся бьет мимо цели. Как пишет Линский (1982: 173), "когда мы говорим о кинофильмах, пьесах, романах, снах, суевериях, вымышленных ситуациях и т.п., наши слова как бы попадают в зону действия особых операторов". Высказывания людей, которые обсуждают фильм, находясь в зоне действия оператора, порождающего мир этого фильма, см. Серл 1982: 181. Возможны и столкновения этих миров друг с другом — одновременное их рассмотрение, которое служит содержанием высказывания, ср. пример из работы Чехов 1979: *Наполеон в романе Толстого не похож на Наполеона в книге академика Тарле... обсуждать, какой из этих Наполеонов ближе к своему историческому прототипу, бессмысленно*, где фигурируют три разных Наполеона из трех миров — мира Толстого, мира книги Тарле и реального мира. Лингвистическая проблема возникает в том случае, если в высказывании обнаруживается одновременно несколько различных субъектов референции: их представления о реальности существования объектов и вообще об

²Практически любое высказывание, если параметр истинности окажется для него существенным (что далеко не всегда так, ср. Манин 1981), может стать предметом спора; такое безобидное высказывание, как *Скорый поезд Москва — Таллин проходит через Ленинград* является ложным, если *проходит через X* понимается как 'останавливается на одном из вокзалов X', и истинно при каких-то других пониманиях.

устройстве мира могут разойтись, и тогда возникает необходимость в рассмотрении множества возможных миров, лишь один из которых является реальным, см. Иванов 1982.

Лингвистически существенным параметром является истинность (предложения или его компонента), к которой обязывает себя говорящий самим смыслом своего высказывания; например, высказывание *Иван знает, что X* обязывает говорящего считать, что X истинно, в отличие от высказывания *Иван считает, что X*, которое не накладывает на говорящего такого обязательства. Как говорит Ш. Балли, "знак в самом себе несет свое значение... и только оно одно существенно для коммуникации. Оно может находиться в противоречии с мыслью того, кто употребляет знак" (Балли 1955: 46).

В логической традиции, идущей от Фреге, принята единообразная трактовка референции предметных термов и пропозиций — пропозиции, как и термы, имеют референт (для пропозиции референтом считается ее истинностное значение). Между тем в работах прагматического уклона (Стросон 1982а, Линский 1982) референция понимается в первую очередь как свойство предметных термов. Для лингвистики более естественна единообразная трактовка референции предметных термов и пропозиций: прикрепленность речевого высказывания к действительности создается не только референцией предметных термов, но и референцией компонентов с пропозициональным значением, которые соотносятся с фактами, событиями, ситуациями.

§ 2. МЕСТОИМЕНИЕ КАК ОДНО ИЗ ГЛАВНЫХ СРЕДСТВ РЕФЕРЕНЦИИ

Исследование, посвященное референции в естественном языке, с неизбежностью обращается в исследование о местоимениях. Действительно, местоимения и вообще местоименные элементы языка — это главное средство референции. Ср. Quine 1953, p. 13: "Pronouns are the basic media of reference; nouns might better have been named *prop*pronouns".

Из выражений, предназначенных для конкретной референции (в предметной сфере), приводятся обычно следующие три класса (ср. Стросон 1982а, Schwarz 1979, Searle 1969: 184): 1) дейктические местоимения (*я, ты, оно, это*); 2) имена собственные (*Венеция, Наполеон, Попов*); 3) дескрипции, т.е. выражения, включающие имя нарицательное и детерминатив — артикль или указательное местоимение, явное или подразумеваемое (*этот стол, король Франции*). Если учесть, что второй из перечисленных классов, собственные имена, "занимает периферийное положение в лексике любого языка" (Уфимцева 1974: 156; ср. об этом Курилович 1962: 251), а третий содержит местоимения или местоименные элементы, то остается признать, что местоимения и есть тот класс слов, который несет на себе главный груз конкретной референции. Отметим, кроме того, что и дескрипции, и (хотя и в меньшей мере) собственные имена могут иметь, помимо конкретно-референтного, и другие употребления, в

том числе предикатное (о неререферентных употреблении собственных имен см. Василевская 1979, Sloat 1969; примеры неререферентного употребления дескрипций см., в частности, в Линский 1982). Местоимениям такая полифункциональность не свойственна. Так что местоимения составляют к тому же и самый чистый класс референтных выражений.

С другой стороны, если перейти от конкретной референции к другим видам референции — универсальной, экзистенциальной и пр., то здесь незаменимость местоимений еще более очевидна.

В число средств референции входят все показатели анафорических связей, поскольку, устанавливая кореферентность имеи, они тем самым указывают референцию.

Что касается непредметной референции, то здесь главную роль играют не слова, а грамматические категории — время и наклонение, причем время по самой своей сути является категорией дейктической, т.е. местоименной (ср. в Бенвенист 1974: 314, и в Патнэм 1982 о том, что местоимения входят, вместе с некоторыми глагольными категориями, в единую систему указательных — или индексальных — средств языка). Средства выражения непредметной референции остаются в значительной мере за пределами настоящей работы.

Местоимения образуют класс слов, с обязательностью присутствующий в любом языке, и одновременно такой, единство которого часто подвергалось сомнению и оспаривалось. Семантические исследования последних лет подтверждают интуицию традиционной грамматики, которая всегда отстаивала единство класса местоимений как непосредственную очевидность. Обращение к референциальным аспектам высказывания показало, что местоимения, не являясь грамматической группировкой слов (частью речи), образуют, однако, лексико-семантический класс слов, единство которого обусловлено его принципиальной ролью в осуществлении референции: это слова, в значение которых входит либо отсылка к акту речи, либо указание на тип соотнесенности высказывания с действительностью.

§ 3. РЕФЕРЕНТ, ДЕНОТАТ, ЭКСТЕНСИОНАЛ

В логической семантике употребляются термины двух этимологических гнезд: одно с корнем *denote* — денотат, денотативный, другое с корнем *refer* — референт, референтный, референция. Л. Линский (1982) считает, что различие между этими группами терминов в том, что *denote* выражает двуместное отношение между языковым выражением и обозначаемым объектом, а *refer* подчеркивает, что это отношение по существу трехместное — третьим членом отношения является говорящий, субъект референции. Однако сложившееся соотношение употреблений этих терминов более сложное.

Во-первых, между этими терминами имеется хронологическое распределение. Термины с корнем *denote* использовались в тот период, когда логики, обращаясь к естественному языку, ограничи-

вались контекстно-независимыми предложениями, так что собственно прагматические аспекты высказывания оставались в стороне; именно так употребляется термин "денотат" у Рассела: денотат — это объект, к которому отсылает обозначающее выражение (*denoting phrase*), например определенная дескрипция. Позднее, при возросшем интересе к прагматике, термин "референция" стал употребляться иногда и там, где достаточно двуместного отношения обозначающего к обозначаемому; например, в Dummett 1973 фрегевское *Bedeutung* переводится как *reference*, хотя у Фреге круг рассматриваемых языковых выражений примерно тот же, что у Рассела (впрочем, и сейчас некоторые логики называют денотатом тот объект, который соотносится с данной группой в данном речевом акте, не имея в виду, что это единственный объект, обладающий теми свойствами, которые входят в ее смысл, как в употреблении Рассела, см., например, Stalnaker 1972). В работе Frege 1952 *Bedeutung* переводится как *denotation*.

Во-вторых, есть тенденция называть референциальными все виды отношений языковых выражений с действительностью, а не только отношения обозначающих выражений. Например, говорят о референции в применении к предикатным словам, ср. Davidson 1980, с. 131: "Мы понимаем под референцией отношение между собственным именем и тем, что оно называет; сингулярным термом и тем, что он обозначает (*denotes*); предикатом и объектами, для которых он истинен". Вообще термины *refer* и *denote* употребляются многими авторами как синонимы (ср. Pfeifer 1966, с. 146: "the term 'bachelor' can *refer to*, or *denote*, one of the objects").

Конкретная референция во всех практически интересных случаях подразумевает участие говорящего (см. § IV. 3), поэтому разграничение Л. Линского не только не отражает реального употребления, но и не соответствует действительным потребностям. Наиболее существенным представляется различие между референцией как соотносительностью языковых выражений с референтами, которая возникает в контексте речевого акта, и отношением слов и некоторых сочетаний (так наз. общих имен, простых и сложных) к их экстенсионалу, т.е. множеству всех потенциально возможных референтов (см. Карнап 1959), которое определяется значениями языковых выражений и не имеет отношения к акту речи. Референция выражений, построенных с участием той или иной номинативной лексемы, определяется, по крайней мере частично, экстенсиональными связями этой лексемы. Однако референциальными естественно называть только те аспекты семантики предложения, которые касаются референции актуализованных предложений, а не экстенсионала лексем, поскольку описание экстенсионала лексических единиц для лингвиста практически сводится к описанию его значения: это "обыкновенная", а не референциальная семантика. Куайн и др. используют для отношения лексемы к ее экстенсионалу термин "денотация", восстанавливая традицию, идущую от Дж. С. Милля, который называл денотатом слова его экстенсионал (или произволь-

ный элемент экстенционала, см. Lyons 1978: 207³). Мы считаем допустимыми для терминов "денотативного" гнезда, ввиду полной стертости их значения, только фразеологически связанные употребления.

Иногда к референциальным аспектам значения слова относят всю ту фактическую информацию, которую говорящему естественно использовать для того, чтобы осуществить таксономическую идентификацию объекта, т.е. установить его принадлежность к данному таксономическому классу (это понимание представлено, в частности, работой Nunberg 1978). В таком понимании референциальные аспекты значения противопоставлены разве что оценочным. Мы считаем здесь более уместным говорить о денотативных аспектах значения слова.

Все языки допускают некоторые типы варьирования значения слова, резко влияющие на его экстенционал. Приведем примеры такого варьирования (ср. обсуждение проблем этого рода в работах Шмелев 1973, Апресян 1974, Nunberg 1978):

1) *писатель* (и любое собственное имя писателя, например *Пушкин*) — сам писатель и его произведения;

2) *Пекин, Вашингтон* — столица государства и его нынешнее правительство;

3) *книга* (и любое соответствующее имя собственное) — литературное произведение и физический предмет (*Толстой написал "Анну Каренину" в 1877 году — Он ударил меня "Анной Карениной" по голове*); аналогично для всех физических носителей информации — *диссертация, словарь, статья, газета, оттиск* и т.д.;

4) *трамвай* (и любой номер трамвая) — физический объект и маршрут; аналогично для всех других видов транспорта;

5) *"Труд"* — газета и редакция газеты;

6) *тарелка* — физический предмет и содержимое; аналогично для всех видов вместителей, ср. *вся палатка, наша байдарка*.

Вариативность такого рода непоследовательно отражается в словарях, а ее универсальный характер показывает, что ей, возможно, и место не в словаре, а в общей теории метонимических переносов — ср. тот факт, что активнее всего участвуют в процессах такого рода имена собственные, которых в толковых словарях вообще нет. Для данного явления представляется более уместным термин "денотативная неоднозначность" (а не "референциальная", как в Pfeifer 1966).

Важным примером денотативной неоднозначности является противопоставление факт/процесс (см. Арутюнова 1980б), ср. *сообщил о создании* (факт) — *участвовал в создании* (процесс).

Денотативная неоднозначность имеет отношение — хотя и косвенное — к проблематике теории референции; в частности, она должна быть принята во внимание при определении понятия кореферентности, см. с. 134.

³Поскольку *denote* — это буквально "обозначать", то иногда говорят, что общее имя "обозначает" любой элемент множества, составляющего его экстенционал. Однако "обозначает" естественно понимать только как "имеет референтом".

Явление другого рода может быть продемонстрировано на примере слов типа *молодой*, *лысый*: про эти слова иногда говорят, что они обладают референциальной неопределенностью, поскольку множество объектов, обладающих соответствующими свойствами, имеет размытые границы. В соответствии с принятым нами делением эти слова естественно охарактеризовать как имеющие размытый экстенционал: их экстенционал — размытое множество.

У. Вейнрейх говорит применительно к глаголу *есть* о неопределенной референции, указывая на то, что конкретные физические действия, связанные с едой, могут быть существенно различны — в зависимости от того, ест ли человек ложкой, вилкой или руками; ест ли он (вилкой), скажем, бобы или спагетти и т.д. (Weinreich 1966: 411). Однако здесь тоже правильнее было бы говорить о свойствах экстенционала, а не референтов, и скорее об экстенциональной разнородности, чем о неопределенности.

§ 4. О НЕСВОДИМОСТИ СМЫСЛА К РЕФЕРЕНЦИИ

Говоря о референции, естественно охарактеризовать общую семантическую концепцию, в рамки которой должно укладываться предлагаемое ее описание. В последние годы получила широкое распространение логическая теория семантики естественного языка, которую можно назвать референциальной теорией семантики (функционально-истинностная семантика Тарского, теоретико-модельная семантика Крипке, семантика Монтегю, семантика условий истинности — *truth-conditional semantics*, см. Montague 1974; ср. также Fodor 1977, Allwood, Anderson, Dahl 1977, Павилёнис 1983). Эта теория принадлежит к числу редукционистских теорий смысла, поскольку в ней ставится задача свести смысл языковых выражений к каким-то другим сущностям, а именно, к референции и истинности. Исходное положение этой теории состоит в том, что всякое предложение описывает некоторое положение вещей, в котором оно истинно, так что, вообще говоря, понимать предложение — значит знать, какое положение вещей имеет место в случае его истинности (см. Витгенштейн 1958). Отсюда возникает идея свести смысл предложения к условиям истинности тех утверждений, которые могут быть сделаны с его помощью.

Один из первых вариантов референциальной теории семантики — это теория истины А. Тарского⁴.

Теория истины (языка *L*) — это множество теорем (Т-предложений) вида "*s* истинно, если и только если *p*", где *s* — предложение, а *p* — его условие истинности, представленное на том же языке или же на каком-то метаязыке.

Условия истинности сложных высказываний (в исчислении вы-

⁴Теория истины Тарского создана для формализованных языков и применима только к тем фрагментам естественного, смысл которых поддается формализации с помощью классической логики. О зависимости смысла и референции предложения от контекста речевого акта мы при изложении теорий Тарского не упоминаем, поскольку она заведомо ограничена контекстно независимыми предложениями.

сказываний) задаются с помощью истинностных таблиц. Действительно, связки *и*, *или*, *если* — это функции, которые позволяют по истинности исходных предложений вычислять истинность результата. Для пропозициональных констант условия истинности задаются формулами типа:

(1) Предложение *Снег белый* истинно, если и только если снег белый.

Теория предполагает порождающий аппарат для бесконечного множества предложений языка и считается адекватной, если она имплицитно имеет Т-предложение для каждого предложения языка L.

В формуле (1) простое предложение (*Снег белый*) рассматривается как семантически неразложимое. Если же обратиться к внутренней структуре простого предложения, то понадобятся дополнительные понятия. Рассмотрим предложение *Сократ мудр*. В нем имя *Сократ* относится к индивиду, а предикат *мудр* выражает свойство "быть мудрым". Если свойство трактовать экстенционально — как принадлежность соответствующему множеству, то условия истинности предложения *Сократ мудр* таковы: предложение истинно, если и только если объект, обозначенный как *Сократ*, принадлежит множеству всех мудрых объектов. Аналогично формулируются условия истинности для других видов простых предложений, в частности, для предложений с кванторными словами, с предикатами, выражающими двуместное отношение и проч.

Приняв условия истинности за определение смысла, мы можем заменить формулу "s истинно, если и только если r" на "s означает r", получив тем самым определение смысла предложения как функцию от его структуры.

Постольку множество Т-предложений в своей совокупности задает условия истинности для всех предложений языка L, то, приняв условия истинности за смысл, мы получаем теорию, которая показывает, как смысл предложения зависит от его структуры.

Однако модель Тарского дает удовлетворительное описание смысла только для того фрагмента естественного языка, который поддается формализации средствами классической логики предикатов 1-го порядка: смысл логических констант и предикатов получается в ней экстенциональное определение. За пределами этого весьма ограниченного фрагмента остается большое количество типов языковых выражений, которые не имеют в рамках этой теории никакого объяснения с точки зрения их понимания носителями языка. К таковым относятся, в частности, модальные понятия (*необходимо*, *возможно*), пропозициональные установки (*знает*, *считает*, *хочет*, *боится* и т.д.), предложения условия — особенно контрфактические условные предложения, временные выражения, местоимения, выражающие кореферентность не в действительном мире и др. Анализ этих выражений в пределах классической логики невозможен. В расширенной референциальной теории семантики, развитой прежде всего в работах Крипке и Монтэгу, где смысл рассматривается как истинность относительно множества возможных миров — миров, являющихся альтернативами к действительному миру (идея, идущая от Лейб-

ница), — для этих типов выражений дается адекватная интерпретация (возможный мир — это, содержательно, состояние мира, которое могло бы иметь место в тот или иной момент, вместо реально-го; формально, возможный мир определяется множеством пропозиций, которые в нем истинны).

Так, с помощью понятия возможных миров модальные понятия необходимой и возможной истины естественно интерпретируются как истинность во всех или в одном из возможных миров; контрафактическое условие — как условие, выполняющееся в мире, отличном от реального; предикаты мнения порождают множество миров, совместимых с мнением субъекта (т.е. таких, в которых соответствующее предложение истинно), не обязательно включающее реальный мир.

Если у Тарского функции истинности, задающие смысл предложений, принимали значения только из действительного мира, то здесь возможный мир становится одним из свободных параметров (аргументов) этих функций.

Второе важнейшее отличие концепции Монтэгу, породившее надежды на использование семантики условий истинности в лингвистике, — это то, что набор аргументов функций истинности, представляющих смысл предложения, был расширен за счет так наз. индексальных компонентов предложения. Анализ в рамках классической логики недоступны те предложения естественного языка (а таких подавляющее большинство), которые содержат индексальные элементы, например, слова *он*, *сейчас* или глагольное время: истинностным значением обладает не предложение (*Идет дождь*), а его употребление в речевом акте, см. § II. 5. Эта трудность была преодолена в семантике Монтэгу за счет введения индекса, или точки референции, в число аргументов функции истинности. В конечном счете, смысл предложения (его интенционал) — это функция, позволяющая установить истинность предложения в зависимости от возможного мира, времени, места высказывания, говорящего и других индексальных характеристик.

Понятие интенционала (референтного выражения и предиката) в референциальной теории семантики служит формальным аналогом смысла. Интенционал референтного выражения — это функция, сопоставляющая каждому из возможных миров некоторый индивид, являющийся референтом этого выражения в этом мире. Таким образом, интенционал референтного выражения позволяет сопоставить выражению множество объектов, являющихся референтами этого выражения в разных возможных мирах. Действительно, можно считать, что человек понимает смысл выражения *король Франции*, если он может в каждом из возможных миров указать его референт. Интенционалом предиката (одноместного) является функция, сопоставляющая каждому миру множество индивидов, т.е. экстенционал данного предиката в данном мире. Интенционал предложения — это функция из возможных миров в истинностные значения (т.е. функция, задающая истинность суждения в каждом из миров).

Семантика Монтэгу позволяет дать семантическую экспликацию

так наз. предложениям пропозициональной установки (см. Карнап 1959: 111), т.е. предложениям с глаголами типа *считать*, *хотеть*, *бояться*. Эти предложения служат примером неэкстенциональных контекстов (см. Quine 1953), т.е. контекстов, в которых взаимозамена выражений с одинаковым референтом (в данном мире) или одинаковым истинностным значением не обязательно оставляет неизменной истинность. В семантике Монтэгю реализуется идея Фреге о том, что предикат пропозициональной установки применяется к интенционалу соответствующего языкового выражения, а не к его денотату, как аргументы обычных предикатов.

И еще одно приближение к естественному языку — включение в область рассмотрения неутвердительных предложений (см. Lewis 1972): смысл вопросительного предложения разлагается на пропозициональную компоненту и показатель иллюкутивной функции, а пропозициональные компоненты утвердительных, вопросительных и побудительных предложений одни и те же, см § II. 3.

Однако референциальная концепция семантики не составляет базы для лингвистического анализа семантики языка.

1. В рамках этой теории можно охарактеризовать типы объектов (функций), которыми являются интенционалы слов разных грамматических разрядов — например, прилагательных, в отличие от глаголов; но она ничего не говорит об интенционалах конкретных лексем. Бессмысленно, например, пытаться в рамках этой теории искать различий между интенционалами прилагательных *белый* и *зеленый*: определение их интенционала дается через отсылку к экстенционалу соответствующих прилагательных в каждом из возможных миров, т.е. лингвистически бессодержательно. Задача этой теории — описать общие правила построения смыслов сложных составляющих из смысла более простых частей (точнее даже, доказать принципиальную возможность таких правил). Смысл простейших составляющих, а именно, слов языка, принимается в рамках данной теории заранее заданным (см. Fodor 1977: 42).

2. Другое возражение касается самой идеи о том, что интенционалы служат адекватным формальным аналогом понятия смысла, т.е. идеи о возможности выразить смысл через референцию. Такая редукция оказывается несостоятельной по крайней мере в двух следующих отношениях.

а) В языке есть предложения, выражающие логические (необходимые) истины. Эти предложения должны иметь одно и то же истинностное значение во всех возможных мирах. Они имеют поэтому, в соответствии с данной концепцией, один и тот же интенционал. Между тем ясно, что, скажем, предложения *Дважды два четыре* и *Работа есть работа* имеют разный смысл.

б) Референциальные теории семантики адекватны только при описании пропозиционального содержания предложения, и притом при условии, что пропозиция используется в качестве утверждения — в асертивной форме. Между тем в предложении может быть несколько пропозициональных компонентов, причем одни утвержда-

ются, а другие находятся в ранге презумпций. Известный пример — соединительные союзы. У предложений примера (2) пропозициональное содержание (условия истинности) одно и то же; между тем они имеют разный смысл:

- (2) а. Он пошел на вечер, и я не пошла; б. Он пошел на вечер, а я не пошла; в. Он пошел на вечер, но я не пошла.

То же самое для предложений примера (3), смысл которых различается в зависимости от наличия/отсутствия частицы *даже* и ее синтаксической сферы действия:

- (3) а. Иван вышел на площадь; б. *Даже* Иван вышел на площадь; в. Иван *даже* вышел на площадь.

Есть лексемы, тождественные в денотативном плане и различающиеся в плане сопутствующих оценок говорящего, ср. примеры из Wilson 1975: 113: *лишил* <хорошего> — *избавил от* <плохого>, *необычный* <привлекательно> — *ненормальный* <плохо>. Они тоже не описываются средствами референциальной семантики. Другие примеры см. в Sgall 1978.

Итак, при всей полезности логических концепций семантики с их строгостью аргументации и ясностью постановки задачи такое понятие референции, которое является средством элиминировать категорию смысла, оказывается непригодным в лингвистике.

Основным принимаемым методом семантического анализа является толкование лексических единиц и синтаксических конструкций разной степени сложности (см. Апресян 1974, Падучева 1974). Аналогично, методом описания референции является толкование слов и элементов, служащих для осуществления референции. Целью описания является разработка а) формальных семантических представлений предложения; б) семантико-прагматических представлений предложения в контексте речевого акта.

Обычно толкование, даже если в нем используется в целях компактности символика языков логики, может быть выражено и средствами естественного языка (недопустимость средств искусственных языков в языке толкований особенно отстаивается в Wierzbicka 1980). Например, вместо того, чтобы сказать, что данный компонент смысла предложения является прагматической презумпцией, можно предварить его соответствующей модальной рамкой типа 'Я полагаю, ты знаешь, что ...'.

Единственное существенное отличие нашего языка толкований от естественного состоит в использовании переменных для представления местоимений, находящихся в отношении кореферентности с антецедентом. А. Вежицкая вместо переменных употребляет язык дейктических жестов, вроде *это нечто*: "Формализм референциальных индексов является весьма мощным. Он гораздо более мощен, чем нужно, чтобы быть адекватным" (Wierzbicka 1980: 15). Действительно, дейктические и анафорические средства естественного языка разрешают говорящим следить одновременно за очень небольшим числом объектов, тогда как на число одновременно употребляемых переменных не накладывается никакого ограничения. Это возражение вполне справедливо. Однако сформулировать естест-

венные ограничения для числа одновременно употребляемых дейктических жестов тоже отнюдь не просто, так что это не решает проблему. Остальные недостатки референциальных индексов — переменных (например, "Референциальные индексы неадекватны, потому что они указывают кореферентность, не указывая, в чьем представлении два объекта кореферентны", Wierzbicka 1980: 16) кажутся исправимыми, см. Падучева 1983а.

Что обязательно отличает язык семантических толкований от естественного — это лишение слов естественного языка их естественной многозначности. Обычно для достижения однозначности принимается соглашение о том, что из разных контекстов употребления слова лишь какой-то один считается допустимым. В этом отношении язык толкований никогда не является просто естественным.

Глава II

ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ И ПОНЯТИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

§ 1. ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Теория речевых актов связана в первую очередь с именем философа Оксфордской школы Дж. Остина (Austin 1962), который впервые привлек внимание к тому, что произнесение высказывания может представлять собой не только сообщение информации, но и совершение многих других действий. В процессе общения люди не просто строят предложения, а используют эти предложения для совершения таких действий, как информирование, просьба, совет, вопрос, приказание, предупреждение, обещание, выражение благодарности и т.п. Все это — речевые акты. В речевых актах используются предложения; но речевые акты не должны смешиваться с предложениями. Необходимость такого различия видна, в частности, на примере употребления местоимений. Так, в (1) *это* относится к предложению из предшествующей реплики, т.е. ложью объявляется содержание предложения, а в (2) — к тому речевому акту, в состав которого входит предложение, т.е. наглостью объявляется сам факт просьбы:

(1) — Он шарлатан. — Это ложь.

(2) — Отдай мне свою шубу! — Ну, знаешь, это наглость.

Фактором, положившим начало теории речевых актов, было обнаруженное Дж. Остином существование перформативных предложений. Перформативные предложения — это предложения, повествовательные по своей структуре, но обладающие тем замечательным свойством, что высказывание, в составе которого они употреблены, не описывает соответствующее действие, а равносильно самому осуществлению этого действия. Так, высказывание *Обещаю тебе прийти в два* есть уже обещание; высказывание *Прошу Вас прийти пораньше* есть уже просьба; *Советую Вам обратиться к врачу* есть уже совет; ср. также *Объявляю перерыв*; *Благодарю*

за внимание; *Поздравляю Вас с Новым годом; Желаю Вам счастливо доехать; Прошу прощения.*

Уникальность перформативных предложений прекрасно описывает Э. Бенвенист (1974: 299): "Высказывание *Я клянусь* есть сам акт принятия на себя обязательства, а не описание выполняемого мною акта... Различие окажется заметным, если заменить *Я клянусь* на *Он клянется*. В то время как *Я клянусь* является обязательством, *Он клянется* — всего лишь описание, того же рода, что и *Он бежит, Он курит*".

С логической точки зрения главным свойством перформативных предложений является то, что они не имеют истинностного значения. Точнее говоря, перформативное предложение обладает свойством прагматической самоверифицируемости (см. Karttunen 1978: 166): такое предложение тривиальным образом истинно в каждом высказывании, в силу самого осуществления акта высказывания. Так, высказывание *Он шарлатан* может быть, вообще говоря, истинным или ложным (его можно подтвердить и опровергнуть); но предложение *Я утверждаю, что он шарлатан* тривиальным образом истинно в каждом своем произнесении.

В Åqvist 1971 предложено теоретико-модельное описание семантики перформативных предложений. Смысл предложения (3а) эксплицируется через (3б), т.е. (а) и (б) признаются имеющими одни и те же условия истинности:

(3) а. Обещаю вернуть тебе эти пять фунтов; б. Я говорю тебе фразу "Обещаю вернуть тебе эти пять фунтов" в данном контексте, и с помощью этого действия я связываю себя обещанием вернуть тебе эти пять фунтов.

При такой экспликации для перформативных предложений оказывается возможной проверка их выполнимости в модели. Однако, как справедливо отмечает Дж. Лакофф (Lakoff 1975), это означает просто, что выполнимость в модели не соответствует обычному понятию истинности, которое имел в виду Дж. Остин говоря, что эти предложения не могут быть ни истинными, ни ложными. Так, хотя произнесение обещания означает, что действие произошло, никто не скажет по поводу высказывания (3а) "Это верно" или "Это ложь". Таким образом, истинность остается все-таки свойством неперформативных предложений (в контексте соответствующих речевых актов).

Проблема перформативных предложений — важная проблема теории референции, поскольку это тип предложений с нестандартным соотношением между высказыванием и действительностью. Перформативные высказывания Э. Бенвенист справедливо называет автореферентными. Действительно, перформативные высказывания обозначают то самое действие, которое происходит при осуществлении данного высказывания¹. В этом смысле перформативное употребление предложения составляет аналог автонимному употреблению знака, т.е. такому, при котором знак обозначает сам себя. Естественно,

¹Автореферентность может иметь поверхностные проявления; ср. формулы типа *Настоящим удостоверяю; I hereby declare.*

что перформативные предложения, кроме того, обладают эгоцентричностью по Б. Расселу (1957: 110), т.е. зависимостью от акта высказывания, а также свойством, которое Г. Рейхенбах (Reichenbach 1947) называл обращенностью на экземпляр (token-reflexivity) — зависимостью от данного употребления некоторого знака-типа²: каждый случай использования такого предложения обозначает другое действие.

Разумеется, вовсе не все повествовательные предложения, за вычетом перформативных, будут эмпирически верифицируемыми. Остаются, например, эмотивные предложения, т.е. скрыто или явно оценочные, и многие виды модальных. Как говорит З. Вендлер, "не все пропозициональные установли и речевые акты порождают параметр истинности" (Vendler 1967: 710). Например, фраза, начинающаяся с *Я хочу*, с трудом поддается оценке как истинная или ложная.

Перформативность, т.е. способность обеспечивать предложению перформативного употребления, — специфическое свойство некоторых глаголов (согласно Лайонсу — Lyons 1978: 736, — в английском языке число перформативных глаголов доходит до трехсот). Например, *обещать*, *благодарить* — перформативные глаголы, а *хотеть*, *с сожалеть* — нет: высказывание *Сожалею, что не смог Вас известить* не является истинным в силу одного лишь факта своего произнесения.

Разумеется, для всякого перформативного глагола возможно, кроме перформативного, и обычное — описательное — употребление, ср. *Обещаю прийти* и *Обещал прийти*. Обычно перформативное употребление допускают только такие предложения, в которых перформативный глагол стоит в 1-м лице наст. времени изъявительного наклонения (*Советую Вам; Просим Вас; Я обещаю Вам*). Однако перформативный глагол может, вообще говоря, давать перформативное предложение и не будучи в 1-м лице, ср. *Пассажиры просят пройти на посадку в третью секцию; Пассажиры приглашаются в салон*.

Перформативное употребление часто имеют предложения, в которых перформативный глагол подчинен модальному слову — *хочу, должен, вынужден, следует*:

(4) *Должен* Вам сообщить, что поезд уже ушел; *Я хочу* попросить Вас выступить на нашем семинаре; *Следует* заметить, что вопрос не такой простой.

Об условиях, при которых такое употребление возможно, см. Fraser 1974; Caton 1976.

В русском языке широко распространено также перформативное употребление предложений с глаголом не в настоящем, а в будущем времени: *Упомяну лишь о том, что Чайковский был в Гамбурге в 1879 году; Я попрошу Вас выбрать выражения*.

Менее характерно для русского языка, но тем не менее допустимо подчинение перформативного глагола другим предикатам внутреннего состояния:

(5) *Осмелюсь* предложить, красавица, Вам руку; *Счастливы* известить;

²О противопоставлении знака-экземпляра (token) и знака-типа см. подробно в Lyons 1978: 7.

Любопытно отметить; *Рад* сообщить, что Вы включены в список участников конференции; *Честь имею* доложить; *Разрешите* Вам сказать, что Вы ошибаетесь; *Позволю* себе пригласить Вас к столу; *Надо* Вам сказать; *Я забыл* Вам сказать (ср. англ. формулы I regret to inform, I'm happy to tell).

В работе Ross 1970 утверждается, что перформативный глагол не может иметь перформативного употребления, не будучи сказуемым в главном предложении. Примеры из (5) показывают, что такие употребления возможны. Дело, однако, в том, что глубинная структура этих предложений не соответствует их поверхностному синтаксису: в глубинной структуре этих предложений перформативный глагол занимает более независимое положение. Так, *Рад сообщить* ≈ 'сообщаю с радостью', т.е. 'сообщаю, причем рад, что сообщаю'; I regret to inform ≈ 'сообщаю с прискорбием' (аналогично тому, как *Рады стараться* = 'стараемся с радостью', а не 'рады, что стараемся'). Единственное, чему перформативный глагол может быть действительно подчинен семантически в пределах предложения, — это модальному оператору, как в (4).

Перформативный глагол может находиться также в сфере действия квантора (ср. Gazdar 1979):

(6) *Благодарю* каждого из вас за подарок; *Приговариваю* каждого из вас к 7 годам тюрьмы.

Перформативное употребление не исключено, если перформативный глагол входит в состав сложносочиненного предложения: (7) *Благодарю* за подарок, и *обещаю* использовать его по назначению.

Что же касается перформативных употреблений в составе придаточного, как в (8), то они будут рассмотрены отдельно в § 6.

(8) Хотя ты этого не заслуживаешь, *обещаю* выполнить твою просьбу; Я устал, так что *прошу* тебя пойти одной; Раз ты пришел, *прошу* тебя остаться; Поскольку разговор долгий, *прошу* вас сесть; Если вас это не устраивает, *прошу* сказать прямо.

Э. Бенвенист (1974: 320) выводит прагматические особенности перформативных глаголов из того, что в смысл этих глаголов существенным образом входит компонент 'говорить', ср. *salutare* = 'сказать Salus!' (он называет эти глаголы деловыми), и считает их неперформативное употребление семантически производным от перформативного.

Бенвенист отмечает следующее семантическое ограничение, которому удовлетворяют все перформативные глаголы: их дополнение (сентенциальное) не может обозначать факт — только диктум. Поэтому, скажем, *знать*, с фактивным дополнением, не может иметь перформативного употребления.

Перформативные глаголы обладают и другими нетривиальными семантическими свойствами; так, настоящее время этих глаголов (в не 1-м лице) практически не имеет значения актуального настоящего (Апресян 1980: 37). Например, фраза *Он обещает все исправить* означает по существу, что обещание уже имело место.

Как справедливо говорят Дж. Остин, побудительные высказыва-

ния всегда перформативны: произнесение побудительного предложения *Закройте дверь!* само по себе служит просьбой или повелением в той же мере, что и произнесение перформативного предложения *Прошу вас закрыть дверь.* То же самое касается и вопросов: произнесение фразы *Который час?* уже является осуществлением действия задавания вопроса. Дж. Лайонз (Lyons 1978: 725), строго следуя Остину, предлагает называть перформативными все предложения, содержащие какой-либо эксплицитный показатель своей иллокутивной функции — например, частицу *ли*, выражающую вопрос, или глагол в повелительном наклонении. Однако такая терминология лингвистически нецелесообразна: перформативные предложения образуют интересный подкласс именно в составе класса повествовательных предложений — тем, что они, будучи повествовательными, лишены истинностного значения. Если эксплицитный показатель относит предложение, например, к числу выражающих вопрос, то отсутствие истинностного значения у этого предложения не вызывает удивления. Таким образом, в нашем употреблении термин "перформативное предложение" будет относиться лишь к части предложений с эксплицитно выраженной предназначенностью для выполнения определенного вида речевых актов, а именно, только к повествовательным перформативным предложениям.

§ 2. ИЛЛОКУТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Теория речевых актов³ рассматривает речевое общение как одну из разновидностей целенаправленного поведения, подчиняющуюся определенным правилам. Во всяком высказывании (т.е. в речевом акте высказывания) различается три аспекта; иначе говоря, в нем различается по крайней мере три разных акта, осуществляемых говорящим: а) акт собственно произнесения предложения (локутивный акт); б) пропозициональный акт (включающий акт референции, т.е. привлечение в зону рассмотрения определенных объектов, и акт предикации, т.е. приписывание свойств этим объектам); в) иллокутивный акт, например, выражение утверждения, обещания, просьбы, благодарности; давание приказа, совета, задавание вопроса — вообще, реализация коммуникативного намерения говорящего.

Высказывание может быть предназначено, кроме того, для осуществления того или иного воздействия на слушателя (например, может привести его в замешательство, оскорбить, напугать), т.е. иметь также перлокутивный аспект. Однако этот аспект намерения говорящего не является собственно речевым. Критерием различения считается здесь то, что содержание иллокутивного акта может быть вербально эксплицировано, т.е. иллокутивному акту соответствует определенный перформативный глагол (например, можно сказать *Я предупреждаю тебя, что...*, и этим совершить акт предупреждения); между тем для перлокутивного аспекта намерения говорящего

³ Мы следуем здесь и далее изложению и развитию идей Дж. Остина, осуществленному в книгах Searle 1969, Searle 1979.

нет соответствующего перформативного глагола. Например, высказывания *Я убеждаю тебя...*, *Я угрожаю тебе...* или *Я оскорбляю тебя...* не будут актами, соответственно, убеждения, угрозы и оскорбления.

Каждый речевой акт относится к тому или иному типу в соответствии с его иллокутивной функцией (illocutionary force), т.е. в соответствии с характером входящего в его состав иллокутивного акта. Каждый тип иллокутивного акта характеризуется условиями, выполнение которых необходимо для успешного осуществления иллокутивного акта данного типа. Эти условия определенным образом ранжированы: различаются предварительные условия; условия искренности и просто существенные условия (см. табл. 1; в скобки заключены условия, отсутствующие в Searle 1969).

Условия успешности речевого акта играют по отношению к перформативному предложению такую же роль, какую для обычного предложения играют условия истинности: выполнения условий успешности достаточно, чтобы перформативное высказывание было успешным (каковым оно не будет, например, если говорящий не будет признан авторитетным, искренним, находящимся в соответствующей данному речевому акту ситуации и т.д.), как выполнения условий истинности достаточно, чтобы высказывание было истинным. В теоретико-модельной семантике при проверке выполнимости в модели условия успешности перформативного предложения играют роль просто тождественную условиям истинности обычного предложения, см. Lakoff 1975: 260, Lewis 1972: 210.

Условия успешности речевого акта — это фактически компоненты семантического разложения соответствующего глагола с актантами — говорящим и слушающим, см. Lakoff 1975: 261. Н. Хомский выдвигает следующие возражения против семантических формулировок, основанных на обращении к говорящему: «Действительные намерения говорящего могут, даже в "простейших случаях", сильно варьироваться и не проливать вообще никакого света на смысл того, что он говорит»; так, человек может сказать *Wash my baby!* не для совершения какого-либо вида побуждения, а для того, например, чтобы развлечь аудиторию, чтобы поддержать разговор и т.д. В работе Wierzbicka 1980: 304 предлагается, чтобы обойти это возражение, не переходить от 1-го лица к 3-му, а во всех семантических формулировках сохранять 1-е лицо: не 'Говорящий считает ...', а 'Я считаю ...'. Представляется, однако, достаточной оговорка о том, что условия успешности описывают не действительные намерения говорящего, а те, которые он пожелал выразить в своем высказывании: "Существенны (с семантической точки зрения) выраженные намерения говорящего, а не его действительные намерения" (Wierzbicka 1980: 306). Существенны в том смысле, что они накладывают на говорящего определенные эпистемические или деонтические обязательства, см. § 1.1.

В работе Gordon, Lakoff 1971 предлагаются "постулаты значения", которые описывают смысл перформативных глаголов, соответствующих основным речевым актам, и делается попытка свести отношения между таким глаголом и его условиями успешности к семан-

Таблица 1*

Речевой акт	Условия успешности		
	Предварительные и существенные условия	Условие искренности	Назначение
Акты утверждения (сообщение, констатация, настоятельное утверждение)	1. Г имеет основания считать р истинным. 2. Для Г не очевидно, что С знает, что р (и не нуждается в напоминании).	Г считает, что р.	1. Данный акт рассматривается как сообщение о действительном положении вещей (2. Утверждение вводится в общее поле зрения Г и С.)
Акт обязательства (обещания)	1. Г в состоянии совершить Д. (2. Г считает Д полезным для С.) (3. Г и С считают, что Д не относится к числу событий, которые очевидным образом произойдут сами собой.)	Г собирается совершить Д.	Данный акт рассматривается как обязательство со стороны Г совершить Д.
Акты побуждения (просьба, приказ и пр.)	1. Г считает, что С в состоянии совершить Д. 2. Ни для Г, ни для С не очевидно, что С, при нормальном ходе событий, сам по себе совершит Д. (3. Состояние, которое является результатом Д, не имеет места.)	Г хочет, чтобы С совершил Д.	Данный акт рассматривается как попытка Г добиться того, чтобы С совершил Д.
Акт вопроса	1. Г не знает ответа. 2. Ни для Г, ни для С не очевидно, что С сам сообщит нужную информацию, не будучи спрошен. (3. Г считает, что С знает ответ.)	Г хочет иметь информацию.	Данный акт рассматривается как попытка Г получить информацию от С.

* Обозначения: Г — говорящий, С — слушающий, р — пропозиция, Д — действие.

тическим отношениям типа следствий и презумпций. Здесь возникают, правда, те же трудности с переходом от 1-го лица к 3-му. Так, если принять постулат

[ПРОСИТ] (х, у, Р) — [ХОЧЕТ] (х, у, Р),

то фраза *Ходжа Насреддин попросил жену остаться дома, потому что хотел, чтобы она уехала* должна быть противоречива — каковой она не является. В самом деле, она означает, что Насреддин, зная упрямство своей жены, выразил ей желание (связав себя обязательством перед ней), которого не имел. В принципе, однако, условия успешности речевого акта действительно совпадают с теми или

иными смысловыми компонентами в составе значения перформативного глагола (вопреки тому, что утверждается в Gazdar 1979).

Проведенная Остином категоризация условий успешности — деление их на условия искренности, предварительные условия и просто существенные — имеет следующий смысл. Возьмем, например, речевой акт обещания. Если не выполнено его условие искренности (Г собирается совершить Д), это значит, что Г неискренне пообещал, что сделает Д. Между тем, если не выполнены предварительные или существенные условия, например, 'Г считает, что Д полезно для С' или 'Г считает, что Д не относится к числу событий, которые очевидным образом произойдут сами собой', то речевой акт говорящего вообще едва ли можно рассматривать как обещание. Аналогично, нарушение условия искренности акта утверждения — 'Г считает, что р' — дает ложное утверждение, но все-таки утверждение.

Практически условия успешности могут ослабляться. Так, предварительным условием акта побуждения может быть не 'Г считает, что С в состоянии совершить Д', а 'Г не считает, что С не в состоянии совершить Д'.

Особенности утверждения как речевого акта — в отличие от суждения, т.е. пропозиции, которая лежит в основе утверждения, равно как и других речевых актов, — рассматриваются в Stalnaker 1978. Утверждение — это речевой акт, назначение которого состоит в расширении информационного фонда, единого для говорящего и слушающего (*common informational background*), — общего фонда их знаний о мире. Поэтому все утвердительные речевые акты имеют предварительное условие 'Для Г не очевидно, что С знает, что р'. Кроме приведенных в табл. 1, условием успешности утверждения является то, что утверждаемое суждение не должно совпадать с суждениями, ранее принятыми в качестве презумпций; с другой стороны, оно не должно вступать в противоречие с имеющимися презумпциями. Разумеется, утверждение включается в общий фонд знаний только при условии, что оно не было тут же опровергнуто слушателем, взято назад говорящим и т.д.

В Wierzbicka 1980: 298 описывается интересный иллокутивный тип высказываний, представленный примерами *У тебя новая прическа* или *Вы плохо себя чувствуете*. Поскольку эти высказывания нарушают предварительное условие всех утвердительных актов 'Для Г не очевидно, что С знает, что р', они не являются утверждениями (во всяком случае, они не являются сообщениями), а имеют какую-то иную иллокутивную функцию.

Важный вид иллокутивных актов — неуверенное утверждение. Это высказывание, в котором говорящий ищет у собеседника подтверждения своей гипотезе (см. Mittwoch 1976). По форме предложение вопросительное, однако ряд ограничений, свойственных вопроситель-

⁴ Об этом условии П.Стросон говорит следующее: "Поскольку нет никакого смысла ... информировать человека о чем-то, что тому уже известно, утвердительное высказывание ... имеет презумпцию со стороны говорящего, что хотя бы часть заключенной в этом высказывании информации неизвестна слушающему" (Стросон 1982б:110)

ному предложению, здесь нарушается, что и служит средством отличия неуверенного утверждения от обычного вопроса. Так, в настоящем вопросе возможна только частица *-нибудь*, а неуверенное утверждение допускает и *-то*, пример (1); в настоящем вопросе недопустимы вводные слова типа *возможно, к счастью*, а в неуверенном утверждении допустимы, пример (2):

(1) а. Разве он захватил какие-нибудь документы? б. Неужели он захватил какие-то документы?

(2) а. *Он, возможно, знает об этом или нет? б. Он, возможно, знает об этом?

Показатели иллюкутивной функции весьма разнообразны. Так, фраза (3) *Я тебе не Жанна д'Арк* иллюстрирует особый иллюкутивный тип высказывания, направленный на развенчание ложных презумпций слушателя (см. Арутюнова 1983: 14), причем единственным средством выражения этого сложного речевого намерения является местоимение *тебе* (*тебе* ≈ 'как ты неправильно полагаешь'). К особому иллюкутивному типу относится речевой акт отказа от сделанного предложения, ср. (4) *Так я ему и пошел!* Большое разнообразие формально выраженных иллюкутивных типов дают предложения со специфической восклицательной структурой: (5) *Как жаль, что вышел он из моды!*; (6) *Какой дурной пример вы им подаете!* (ср. семантический анализ восклицательных предложений в Wierzbicka 1980: 330).

Особый иллюкутивный тип имеют, по-видимому, высказывания, выражающие пропозициональные установки говорящего — *Хочу, Думаю, Опасаюсь* и проч. Такие высказывания, как и перформативные, оцениваются скорее по параметру искренности, чем истинности. Так, *Неправда* в ответ на *Я хочу, чтобы ты выиграл* означает, скорее, 'Ты неискренне говоришь', чем 'Ты сделал ложное утверждение'. Согласно Wierzbicka 1980, желания, предположения, опасения и проч. выражаются, а не утверждаются говорящим, т.е. имеют иллюкутивную функцию "выражение". Для речевого акта выражения условием искренности будет не 'Г считает, что р', а 'Г испытывает р'.

Между условиями успешности различных иллюкутивных актов имеются многообразные связи — сложная система сходств и различий. Ср. связи между обещанием и угрозой; сообщением и предупреждением (при сообщении Г хочет, чтобы С знал, что р; при предупреждении — то же, что при сообщении, и, кроме того, Г хочет сделать так, чтобы С мог противодействовать возможному злу, см. Searle 1979); просьбой и приказанием; побуждением и вопросом (вопрос есть побуждение сообщить информацию, см. Есперсен 1958: 351). Невыполнение того или иного условия данного иллюкутивного акта может свидетельствовать о том, что перед нами другой, смежный иллюкутивный акт. Так, вопрос с невыполненным предварительным условием 'Г не знает ответа' — это так наз. экзаменационный вопрос.

К числу задач теории речевых актов относится описание естественных комбинаций иллюкутивных актов друг с другом (см. Падучева 1982б). Так, реакцией на акт побуждения может быть принятие предложения, отклонение его, контрпредложение или обсуждение ус-

ловий; естественной реакцией на вопрос является ответ и т.д. Как говорит Э. Бенвенист (1974), вопрос — это разновидность высказывания, которая по определению имеет целью вызвать реакцию, тоже являющуюся высказыванием.

У высказываний без эксплицитного перформатива иллокутивная функция часто неоднозначна; ср. формальную неотличимость обещания от угрозы и простой констатации события, относящегося к будущему. Высказывание *Ты за это получишь 10 лет* может означать предупреждение и просто информирование. Правильное понимание иллокутивной функции высказывания иногда почти неувловимым образом определяется ситуацией. Пример. Ребенок звонит на работу матери: (7) — Позовите, пожалуйста, Анну Ивановну!

— Она вышла, позвоните попозже.

— Ладно!

Ребенок ответил на высказывание *Позвоните попозже!* как на просьбу, в то время как ситуация требовала понять его как совет и ответить не *Ладно!*, а *Спасибо!*

Ср. пример обыгрывания возможной неоднозначности иллокутивной функции высказывания Л. Кэрролом в "Алисе в Зазеркалье": — ... *Этой ужасной минуты я не забуду никогда в жизни!* < говорит Король > — *Забудешь*, — заметила Королева, — *если не запишешь в записную книжку*. Высказывание Короля имеет констатирующий характер, тогда как Королева понимает его фразу — с глаголом в 1-м лице — как обещание, и дает ему совет по поводу того, как лучше выполнить это обещание.

Иллокутивная функция высказывания может проясняться при переводе высказывания в косвенную речь: в зависимости от того, как слушающий понял фразу *Я приду в два*, он может передать ее как *Г обещал прийти в два* или *Г грозился прийти в два* и т.д. (см. Lyons 1978: 736).

Обычно считается, что каждому типу иллокутивных актов соответствует перформативный глагол, который адекватно выражает данную иллокутивную функцию. Однако это далеко не всегда так. Например, среди типов иллокутивных актов есть акт угрозы, отличающийся от обещания наличием злой воли со стороны говорящего, ср. *Ты еще за это заплатишься*. Но глагол *угрожать* неспособен к перформативному употреблению. Не существует перформативных глаголов, которые бы адекватно выражали иллокутивную функцию восклицательных предложений — типа *Какой красивый у вас пояс!* Нет перформативных глаголов, соответствующих косвенным иллокутивным актам (см. § 6).

Неспособность к перформативному употреблению у глаголов типа *хвастаться*, *упрекать*, *намекать*, *угрожать*, *осадить*, *срезать* (которые могут, однако, служить для передачи высказываний 3-го лица, см. Wierzbicka 1980)⁵ имеет естественное объяснение. Действительно, перформативное употребление такого глагола было бы равносильно "иллокутивному самоубийству" говорящего, см. Vendler 1976.

⁵ Для *хвастаться*, впрочем, перформативное употребление не исключено, ср. *Хочу похвастаться: мой сын поступил в мореходное училище*.

§ 3. СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Термин "высказывание" употребляется в лингвистической литературе в двух значениях — 1) как синоним термина "речевой акт" и 2) как обозначение для речевого произведения, созданного в ходе речевого акта и рассматриваемого в контексте этого речевого акта. Мы используем во всех случаях, кроме прямого цитирования, только второе его значение.

Справедливый упрек в адрес традиционного синтаксиса (речь идет в первую очередь о семантике некоторых грамматических категорий) высказан в ряде статей М.М. Бахтина (1979)⁶. Его основная идея следующая: "... то, что они <лингвисты> изучают как предложение, есть в сущности какой-то *гибрид* предложения (единицы языка) и высказывания (единицы речевого общения)", с. 253. На самом деле, между предложением и его употреблением в высказывании огромное расстояние: "Там, где предложение фигурирует как целое высказывание, оно как бы вставлено в оправу из материала совсем иной природы" (там же). Далее следует весьма точное описание различий между предложением и высказыванием: "Предложение, утвердительное по своей природе, становится *реальным* утверждением лишь в контексте утвердительного высказывания" (с. 263). "Только высказывание имеет *непосредственное* отношение к действительности и к живому говорящему человеку (субъекту). В языке только потенциальные возможности (схемы) этих отношений... Только высказывание может быть верным (или неверным), истинным, правдивым (ложным), прекрасным, справедливым и т.д." (с. 301). "Предложение как единица языка, подобно слову, не имеет автора. Оно *ничье*, как и слово, и, только функционировав как целое высказывание, оно становится выражением позиции индивидуального говорящего в конкретной ситуации языкового общения" (с. 263).

Половинчатость лингвистического подхода состоит в том, что, с одной стороны, во многих случаях вместо предложения рассматривают высказывание, т.е. предложение в контексте своего речевого акта, поскольку говорится, например, о соотношении предложения с действительностью; а с другой стороны, это делают неявно, т.е. переход от предложения к высказыванию никак не отмечается, и вместо того, чтобы рассматривать речевой акт во всей его полноте, т.е. с его автором, речевыми намерениями автора, адресатом и т.д., ограничиваются крайне упрощенным и урезанным представлением о речевом акте: «При анализе такого отдельного предложения обычно и воспринимают его как законченное высказывание в какой-то до предела упрощенной ситуации: солнце взошло, и говорящий констатирует: "Солнце взошло"... В действительности же всякое подобное сообщение к кому-то обращено, чем-то вызвано, имеет какую-то цель, то есть является реальным звеном в цепи речевого общения...» (с. 263).

Переход традиционных описаний от одного объекта к другому виден хотя бы на примере того, как при описании семантики

⁶ См. в этой связи Гладкий 1981.

наклонения у предложения, не содержащего местоимения 1-го лица, откуда ни возьмись, вдруг появляется говорящий (ср. Виноградов 1947, с. 581: "Категория наклонения отражает точку зрения говорящего на характер связи действия с действующим лицом или предметом"). Очевидно, это происходит потому, что предложение рассматривается вместе с типовым речевым актом, в котором его естественно употребить (ср. Wunderlich 1980:298 о том, что лингвистическая семантика описывает смысл предложения в контексте "нейтрального" высказывания).

Конечной целью описания семантики языка должны быть эксплицитные правила соотнесения предложений с их смыслами. Оказывается, однако, что существенные компоненты смысла предложения естественно выявляются только при рассмотрении предложения в контексте речевого акта, что требует перехода от предложения к высказыванию. Так, основополагающее деление предложений на повествовательные, вопросительные, побудительные и восклицательные — это деление с точки зрения "предназначения" предложения к использованию в речевом акте с той или иной иллокутивной функцией⁷ (ср. понятие "иллокутивный потенциал" предложения в Huddleston 1971: 5). Суть семантики наклонения (по крайней мере, противопоставления изъявительного и повелительного наклонения) тоже сводится к выражению иллокутивного предназначения предложения.

Эти соображения приводят к идее о том, что семантика предложения должна иметь дело не только с семантическим представлением предложения, но и с семантико-прагматическим представлением предложения в контексте речевого акта, т.е. с семантико-прагматическим представлением высказывания.

В семантико-прагматическом представлении высказывания (СППВ) смысл предложения должен быть представлен вместе с тем содержанием, которое является следствием использования предложения в речевом акте данного иллокутивного типа. В этом едином представлении нельзя провести отчетливой границы между содержанием, идущим от смысла предложения и от контекста речевого акта, поскольку те компоненты смысла предложения, которые предназначены к реализации в составе речевого акта, например смысл категорий наклонения и времени, дублируются содержанием, идущим от речевого акта, или же сливаются воедино с этим содержанием. В то же время в СППВ проходит четкая граница между собственно семантической его частью, т.е. пропозициональным содержанием (см. понятие пропозиции в § 4), и "оправой", т.е. речевым актом, намерениями говорящего в этом речевом акте и т.п.

Эксплицитное обращение к понятию речевого акта дает возможность ясно описать два рода явлений: 1) превращение иллокутивного предназначения предложения в иллокутивную функцию высказывания и 2) возникновение референции.

⁷ Структура предложения, конечно, дает основание и для более дробной классификации иллокутивных предназначений, чем принятая трехчленная, см. примеры (1) — (6) в § 2, но мелкие типы обычно игнорируются.

Иллокутивная функция высказывания — это тип речевого акта, в ходе которого возникло это высказывание. Одни предложения в силу своей структуры оставляют свободу использования в речевых актах разных иллокутивных типов; другие предсказывают тип речевого акта более однозначно. Иллокутивное предназначение — это компонент смысла предложения, предопределяющий возможности его употребления в речевых актах тех или иных типов.

Тот факт, что говорящий сделал некоторое высказывание, т.е. произвел речевой акт, не может входить в описание семантики предложения и не может быть представлен никакой "лексемой семантического языка", поскольку речевой акт — это действие говорящего. Это действие может фигурировать только в таком объекте, как семантико-прагматическое представление высказывания — априори гетерогенном, хотя и различающем явления семантического и "действенного" плана.

Иллокутивное предназначение предложения может быть неоднозначным. Так, предложение *Иди домой!* может выполнять иллокутивную функцию просьбы, приказа, мольбы, совета, предложения, разрешения и т.д. А иллокутивное предназначение данного предложения — это то, что есть общего во всех этих иллокутивных функциях, а может быть даже и дизъюнкция функций (ср. Wilson 1975:10). Допущение дизъюнкции в качестве описания иллокутивного предназначения предложения не обязательно означает признание всякой фразы в повелительном наклонении неоднозначной. Аналогично, предложение в изъявительном наклонении, например *Ружье заряжено*, может выполнять иллокутивные функции сообщения, предупреждения, настоятельного утверждения (но не приказа или просьбы!), т.е. изъявительное наклонение тоже имеет богатый иллокутивный потенциал. В контексте речевого акта из дизъюнкции возможностей иллокутивного употребления предложения *Иди домой!*, *Ружье заряжено* и под. выбирается одна (или же общее предназначение реализуется в виде конкретной функции).

Шагом на пути к разработке семантико-прагматического представления высказывания была так наз. перформативная гипотеза и соответствующий ей перформативный анализ (см. Ross 1970, Lakoff 1972, Sadock 1974), в рамках которого были предложены представления смысла предложений, где каждое предложение "начинается" с перформативного глагола. В точном смысле перформативная гипотеза несостоятельна, поскольку она смешивает описание смысла предложения (с определенным иллокутивным предназначением) с описанием речевого акта (с определенной иллокутивной функцией): "Перформативный анализ очевидным образом тяготеет к отказу от различия между предложением в системе языка и высказыванием, которое мы до сих пор старались проводить со всей возможной последовательностью" (Lyons 1978: 779). Однако некоторые результаты работ этого направления могут быть полезны. Отметим следующее.

1. При перформативном анализе перформативная приставка фигурирует в семантическом представлении любого предложения независимо от того, был в этом предложении эксплицитный перформативный

глагол или нет. Тем самым утрачивается различие между обычным повествовательным предложением, которое выражает суждение, истинное или ложное, и самоверифицирующимся предложением, не имеющим истинностного значения, ср. (1) и (2):

(1) Он шарлатан;

(2) Я утверждаю, что он шарлатан.

В контексте речевого акта различие между (1) и (2) и в самом деле утрачивается (разумеется, при условии, что глагол *утверждаю* в точности выражает иллокутивный потенциал предложения (2), что, конечно, не так): высказывание предложения с констативным перформативом есть утверждение его пропозиционального актанта. Так, в диалоге (3) ложным (или истинным) объявляется пропозициональный актант перформатива, из чего видно, что он воспринимается как утверждаемый:

(3) — Я утверждаю, что он шарлатан.

— Это ложь (=‘Он не шарлатан’, ≠‘Ты этого не утверждаешь’); или: — Это правда (=‘Он, действительно, шарлатан’, ≠‘Ты, действительно, так утверждаешь’).

Однако это не синонимия предложений, а прагматическая эквивалентность соответствующих высказываний в контексте речевого акта.

2. Перформативный анализ исходит из того, что наличие/отсутствие эксплицитного перформатива — это факт поверхностной структуры предложения. Как мы видели, в контексте речевого акта различие между предложением и его перформативной перефразировкой действительно ослабляется. Имеется, однако, принципиальное различие между повествовательными и не-повествовательными предложениями. В не-повествовательном предложении автореферентность, т.е. обозначение самого себя, присутствует обязательно — независимо от того, включает ли предложение перформативный глагол или же данное иллокутивное предназначение выражено наклонением, частицами, вопросительным словом и проч. Поэтому предложения (4б), (5б) являются довольно точными перефразировками для (4а), (5а) (см. подобное в § XII. 3):

(4) а. Открой дверь! б. Я прошу тебя открыть дверь.

(5) а. Где ты был? б. Скажи мне, где ты был.

Между тем повествовательное предложение не автореферентно: оно предназначено для выражения суждения, которое соотносится с действительностью, с каким-то положением вещей, а не с действием говорящего. Поэтому включение перформативного глагола в смысл повествовательного предложения существенно искажает его семантику, превращая его в автореферентное (самоверифицирующееся). Таким образом, самым спорным в перформативной гипотезе является именно постулирование перформативной приставки в представлении смысла повествовательных предложений. Ср. Lewis 1972, где перформативная приставка используется для представления смысла повелительных и вопросительных, но не повествовательных предложений.

3. Рассмотрим следующую аналогию: в смысл предложения (4а) входит предназначенность к употреблению в речевом акте побуждения, выраженная повелительным наклонением; в смысл (5а) — пред-

назначенность к употреблению в речевом акте вопроса, выраженная вопросительным словом; казалось бы, можно сказать, что в смысл предложения *Кошка поймала мышь* входит предназначенность к употреблению в речевом акте утверждения, выраженная индикативом⁸. Дело, однако, в том, что констативный перформатив, именно в силу своих перформативных свойств, служит неадекватным средством для представления иллокутивного предназначения утвердительного предложения. Перформативные предложения — это сложный феномен внутри повествовательных предложений, и странно было бы ожидать преимуществ от сведения простого к сложному.

"С точки зрения порождающей семантики, иллокутивная функция — это один из аспектов семантики предложения" (Sadock 1977: 67), и этот аспект кодируется при перформативном анализе с помощью абстрактного глагола в семантическом представлении предложения. Однако в смысл предложения входит не иллокутивная функция, а иллокутивное предназначение: иллокутивная функция есть только у высказывания. Между тем перформативная гипотеза номинально остается в пределах предложения, а фактически описывает высказывание.

Очевидно, представление иллокутивной функции высказывания — задача более простая, чем описание иллокутивного потенциала предложения. Однако, как показано А. Вежибицкой, в общем случае она не решается нахождением соответствующего перформативного глагола: адекватное представление высказывания требует семантического разложения показателя иллокутивной функции⁹. В общем случае иллокутивная функция высказывания задается несколькими иллокутивными элементами, причем разные элементы воздействуют на разные пропозиции в составе высказывания. Например, в утвердительном высказывании почти всегда есть, кроме ассертивных, презумптивные пропозициональные компоненты. Значит, такое высказывание является, строго говоря, не утвердительным, а презумптивно-утвердительным. Другие примеры сложных иллокутивных показателей мы рассмотрим в § 6.

Рассмотрение предложения в контексте речевого акта создает увлекательное поприще для анализа разного рода частиц и наречий.

⁸ По поводу индикатива может возникнуть сомнение в его предназначенности для утверждения: индикатив, будучи немаркированным наклонением, используется далеко не только для утверждения, ср. употребление индикатива в разных видах нефактивных придаточных. Однако естественно считать, что независимое употребление — это сильная позиция для индикатива, а при зависимом употреблении утвердительность "гасится" семантико-синтаксическим контекстом (см. о контекстах снятой утвердительности в Вейнрейх 1970: 173), так же как, скажем, семантика вопросительности меняется в косвенном вопросе или контекстах типа *Принимать или не принимать — такого вопроса для меня не было*.

⁹ Необходимость в семантическом разложении показателя иллокутивной функции демонстрируется, в частности, на следующем примере (см. Wierzbicka 1980, с. 296): иллокутивная функция высказывания *Ты завтра придешь?* должна быть разложена на элементы так, чтобы, представляя смысл высказывания *Нет, правда, ты завтра придешь?*, можно было указать, что оно означает 'Г хочет, чтобы Г сказал правду', а не 'Правда, что Г хочет знать ...'.

Так, значение 'едва ли', возникающее у англ. *hardly* в контекстах типа *This definition is hardly precise enough* при более основном значении 'с трудом', естественно объясняется тем, что в таких контекстах *hardly* относится не к эксплицитному предикату предложения, а к условию успешности утверждения с этим предикатом, т.е. к подразумеваемому компоненту 'может быть названо' или 'может быть сочтено'. Другой пример (см. Широкова 1982). В предложениях (6) *Она-таки блондинка* и (7) *Он-таки убил ее* частица *-таки* имеет разный смысл: в (7) она отсылает скорее всего к семантическому компоненту предшествующего текста 'Он собирался ее убить', а в (6) — к предшествующему речевому акту (или актам), где обсуждалось, блондинка она или нет.

§ 4. ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ: ПОНЯТИЕ ПРОПОЗИЦИИ

При анализе содержания предложения с точки зрения его употребления в речевом акте возникает понятие пропозиции. Действительно, исходный тезис теории речевых актов — разграничение пропозиционального содержания высказывания и его иллокутивной функции (см. Searle 1969; Lewis 1972). Одно и то же пропозициональное содержание может соединяться с разными иллокутивными функциями, давая разные речевые акты, ср. *Купи себе велосипед!; Ты купишь себе велосипед; Ты купишь себе велосипед?* Таким образом, пропозиция — это "общее содержание утверждений, суждений, обещаний, пожеланий и желаний, вопросов и ответов, того, что может быть возможным или вероятным" (Stalnaker 1972). Т.е. пропозиция — это именно тот объект, с которым имеют дело речевые акты (а также модальные операторы, предикаты пропозициональной установки и нек. др.).

Термин "пропозиция" — это транслитерация английского слова *proposition*, которое можно было бы перевести на русский язык как "суждение"¹⁰, если бы не то обстоятельство, что оба термина, *proposition* и суждение, по мере развития логических концепций, меняли свое содержание, так что для того содержания, которое ныне актуально, лучше, видимо, закрепить в русском языке новый термин (см. Арутюнова 1976а, где используется термин "пропозиция" и где подробно излагается эволюция терминов *proposition* и "суждение" в логике)¹¹.

В классической математической логике суждением называется

¹⁰ Имеется устойчивая — и неудачная — традиция переводить термин *proposition* в логических текстах как "высказывание", ср. *propositional calculus* — *исчисление высказываний*. Единственное исключение — книга Черч 1960, где термин *proposition* (означающий "то, что может быть смыслом предложения, являющегося истинным или ложным", Успенский 1960: 10) переводится как "суждение", см. убедительное обоснование в предисловии "От редактора перевода".

¹¹ Термином "пропозиция" пользуется С.Д. Кацнельсон, употребляя его для обозначения "мыслительного содержания предложения", т.е. того, что "называют то «мыслью», то «смыслом», то «суждением» и т.д. Мы будем придерживаться термина «пропозиция», принятого в современной логике" (Кацнельсон 1972: 141).

смысл (концепт) предложения, которое является истинным или ложным, т.е. смысл обычного утвердительного предложения (см. Черч 1960: 32). Истинность и ложность — это главные интересующие логику атрибуты суждения. В недавнее время возникло, однако, осознание того обстоятельства, что истинность или ложность не являются неотъемлемыми параметрами суждения: суждение обретает истинность или ложность тогда, когда оно утверждается, т.е. суждение — это нечто способное быть утверждаемым (см. Lewis 1946); а вообще говоря, суждение может и не утверждаться, а использоваться, например, как предположение, мнение или в каких-то иных функциях. Только употребление предложения, выражающего данное суждение, в высказывании (и притом далеко не во всяком высказывании) делает суждение истинным или ложным: "... propositions *per se* are neither true nor false. Only those *held* in a certain way (e.g. belief, opinion), *issued* with a certain force (e.g. statement, verdict) or *viewed* in a certain context (e.g. as expressing a fact) are true or false", см. Vendler 1967: 710. Истинностное значение появляется у суждения только в силу его употребления в составе утвердительного высказывания, когда говорящий как бы берет на себя ответственность за его истинность. Суждение вообще может находиться в таком контексте (в семантической или логической структуре предложения), который "не порождает параметра истинности", см. Vendler 1967: 710.

Таким образом, в отношении к истинностному значению пропозиция прямо противоположна суждению в логике: для классической математической логики суждение — это, по определению, то, что является истинным или ложным; к пропозиции же понятие истинности неприменимо: оно применимо только к утверждаемой пропозиции, к пропозиции, высказанной в качестве мнения, и т.п.

Замечание. В сущности различие утверждаемых и неутверждаемых суждений вводит Фреге (Frege 1952), который употребляет перед предложением горизонтальную черту, чтобы обозначить неутвержденное употребление предложения (и тем самым суждения), в противоположность знаку, который выражает утвердительное употребление. В логике это различие, однако, практически не использовалось. А. Черч (1960: 357) пишет, что "неутвердительно употребляемые предложения всегда являются частями утверждаемых предложений", т.е. они неспособны к самостоятельному употреблению. Это верно, однако, только если ограничиваться, как это и делала логика до самого последнего времени, единственным видом "употребления" предложений — употреблением в составе утверждения. Теория речевых актов расширяет контексты неутвердительных употреблений предложений. Не говоря о том, что существуют и просто неупотребленные предложения, которые до последнего времени и были основным объектом рассмотрения в синтаксисе, по крайней мере номинально.

Термин "пропозиция" применяется в дальнейшем именно к неутверждаемым суждениям. Практически часто допускается расширенное понимание этого термина: термин "пропозиция" употребляется в значении 'пропозициональная форма' (пропозициональной формой называется то, что превращается в пропозицию при подстановке констант на место свободных переменных, см. Черч 1960: 33). Это расширение вызвано тем, что большинство предложений, реально употребляемых в речи (например, *Идет дождь*), не выражают никакого суждения, так что их "мыслительное содержание" является именно пропозициональной формой (см. § 5).

Итак, основные "области обитания" пропозиций следующие:

1. Пропозиция — это то, что фигурирует в речевом акте, т.е. то, что может быть подвергнуто утверждению, сомнению; то, что может быть предметом просьбы, приказа, пожелания, обещания: все эти различные иллокутивные акты могут иметь одну и ту же пропозицию (не могут, однако, иметь одну и ту же пропозицию утверждение и отрицание: отрицание — это не разновидность речевого акта, а семантический оператор, порождающий из одной пропозиции другую, см. Бенвенист 1974: 316).

2. Пропозиция является естественным аргументом модальных операторов и предикатов пропозициональной установки (т.е. разного рода интенциональных операторов), таких, как 'возможно', 'необходимо', 'считает', 'боится' и т.д.

3. Неутверждаемая пропозиция является семантическим актантом перформативных глаголов — ср. примеры типа *Прошу тебя закрыть окно*, *Советую тебе пойти к врачу*. То, что подчиненная пропозиция не утверждается, особенно ясно в случае не-констативного перформатива (констативный перформатив прозрачен для утверждения: когда констативный перформатив употребляется в речевом акте утверждения, утвердительность переносится на подчиненную ему пропозицию).

Подчеркнем, что термин "пропозиция" относится только к семантическому плану предложения. В предложении самом по себе нет никаких пропозиций. Пропозицией может быть лишь его смысл и какие-то компоненты смысла: какие-то части предложения могут выражать пропозиции. В этом отношении термин "пропозиция" употребляется здесь иначе, чем в Fillmore 1968: 23: у Ч. Филлмора, в соответствии с общей концепцией порождающей грамматики, пропозиции фигурируют в представлении самого предложения, а не его смысла. Отметим также, что аргумент-пропозиция — не то же самое, что аргумент-предикат; см. о предикатных аргументах, т.е. предикатах от предикатов, в Reichenbach 1947.

Определение пропозиции через ее роль в концептуальных структурах — чуть ли не единственное перспективное. Определение через денотат в значительной мере тавтологично. Так, можно, конечно, сказать, что пропозиция — это такой компонент смысла, который является концептом ситуации или положения вещей (state of affairs). Однако это определение неэффективно: имея перед глазами некоторую ситуацию, говорящий может употребить и такое языковое выражение, концепт которого является предметным термом, т.е. сущностью, прямо противоположной пропозиции. Так, названия живописных полотен, вроде, "Орел, уносящий Ганимеда", "Спящая Венера" или "Марокканец, седлающий коня", употреблены в контексте, когда перед зрителем разворачивается некоторая ситуация; однако смыслы этих названий не пропозициональны.

Определение пропозиции может быть дано в структурных терминах: пропозиция — это потенциальный концепт предложения, т.е. такой смысл, который выражается в языке предикатной группой (предикатом, со всеми словами, служащими для заполнения его семанти-

ческих валентностей) или группой какого-то другого сентенциально-го оператора — связи, квантора и пр. (только не перформатива!). Тем самым пропозиции противопоставлены тем смыслам, которые являются потенциальными концептами предметов и выражаются с помощью предметных именных групп.

Хотя пропозициям естественно быть аргументами модальных операторов или пропозициональных установок, они и сами могут иметь такого рода интенциональный оператор в своем составе — в противном случае невозможны были бы предложения с интенциональными операторами, вставленными друг в друга, типа *может быть необходимо, боится верить в возможность* и т.д. (о том, что пропозиция может включать в свой состав и модальные операторы, см. Stalnaker 1972: 385).

Иное дело перформативное предложение. Поскольку пропозиция — это то, что способно быть при утверждении истинным или ложным, смысл перформативного предложения — не пропозиция.

Итак, пропозиции отличаются от предложений, которые их выражают, и от речевых актов, в ходе которых они утверждаются, становятся приказами, просьбами и т.д.

3. Вендлер (Vendler 1967) находит возможным ввести деление пропозиций на "просто" пропозиции (суждения) и то, что он называет фактами (которые в его понимании являются разновидностью пропозиций: факты — это тоже семантические объекты). Различие суждений и фактов демонстрируется на следующих примерах. Предложение (1) *Эдип женился на Иокасте* не синонимично предложению (2) *Эдип женился на своей матери*, т.е. они выражают разные суждения. Поэтому не удивительно, что из двух предложений — (3) *Эдип не знал, что он женился на своей матери* и (4) *Эдип не знал, что он женился на Иокасте* — одно (3) верно, а другое (4) — нет. Действительно, в контексте предикатов пропозициональной установки, в частности *знать*, фигурируют именно суждения. В то же время, предложения (1) и (2) выражают один и тот же факт; поэтому предложения (5) *То, что Эдип женился на своей матери, привело к тяжелой трагедии* и (6) *То, что Эдип женился на Иокасте, привело к тяжелой трагедии* не могут различаться по истинностному значению (хотя, конечно, первая формулировка причины трагедии более убедительна, чем вторая). Действительно, как утверждает Вендлер, причинами являются факты, а в (5) и (6) в качестве причины трагедии выставляется один и тот же факт.

3. Вендлер отмечает два различия между "просто" пропозициями и фактами. Первое различие в том, что факты референциально прозрачны, а те пропозиции, которые не являются фактами, непрозрачны (ср. взаимозаменяемость референциально тождественных термов в (5), (6) и не взаимозаменяемость в (3), (4)). Второе различие — в том, что пропозиции принадлежат людям, которые являются их носителями, а факты не имеют владельцев. Мнения имеют люди; люди питают и оставляют надежды, делают утверждения, выносят приговоры и т.п. Факты же предшествуют всем людским представ-

лениям, мнениям и утверждениям; мнения могут только соответствовать фактам, в каком-либо случае они будут истинны (Vendler 1967: 710).

Определение Вендлера сводится к тому, что суждение — это класс интенциональной эквивалентности, т.е. класс всех синонимичных друг другу предложений (или абстракция такого класса), а факт создается на основе экстенциональной эквивалентности, т.е. факт — это класс всех референциально эквивалентных истинных пропозиций (условие об истинности пропозиции нужно для того, чтобы избежать "ложных фактов").

По-видимому, различие, демонстрируемое этими примерами, сводится к противопоставлению экстенциональных контекстов пропозиции (типа (5), (6)) и неэкстенциональных (типа (3), (4)). Во всяком случае, различие суждений и фактов существенно только для пропозиций, служащих аргументами других предикатов: скажем, для утверждаемых пропозиций это деление перестает быть структурно значимым.

Хотя одна и та же пропозиция в принципе может входить в разные речевые акты, имеется определенное согласование между типом речевого акта и структурой участвующей в нем пропозиции: каждому иллокутивному акту соответствуют определенные ограничения, наложенные на структуру или смысл пропозиций. Действительно, не каждое предложение может быть использовано в каждом из возможных иллокутивных актов. Так, в иллокутивном акте побуждения (приказа, просьбы) содержанием пропозиции является будущее действие Д, которое осуществляется слушающим С или по крайней мере как-то зависит от С. В акте о б е щ а н и я (и любом другом акте обязательства) содержанием пропозиции является будущее действие Д говорящего Г, которое как-то затрагивает С. В акте вопроса пропозиция может быть незамкнутой; т.е. она может содержать переменные и быть пропозициональной формой.

Относительно структуры пропозиции, участвующей в речевом акте вопроса, имеются неясности. В Stalnaker 1972 утверждается, что в вопросе "Ты идешь на вечер?" и в ответе "Да, иду" фигурирует одна и та же пропозиция. Однако на уровне естественной интуиции кажется, что вопрос содержит нечто вроде альтернативы — "Идешь или не идешь?", — а в ответе ее нет.

§ 5. ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ВЫСКАЗЫВАНИЕ

Между предложением и высказыванием имеются следующие различия.

1. Предложение имеет иллокутивное предназначение — выраженное с помощью наклонения, типа предложения по цели высказывания и, быть может, лексически, например модальными словами. В речевом акте говорящий использует предложение (с тем или иным иллокутивным предназначением) для выражения своего коммуникативного намерения, т.е. для построения высказывания с той или иной иллокутивной функцией.

2. Смыслом предложения обычно является пропозициональная форма от так наз. прагматических переменных. В высказывании прагматические переменные принимают конкретные значения, в результате чего пропозициональная форма превращается в замкнутую пропозицию.

3. Предложение обычно содержит конкретно-референтные предметные термы, т.е. выражения, предназначенные для обозначения индивидуализированных объектов. В высказывании эти термы действительно вступают в референцию с индивидуализированными объектами из общего поля зрения или фонда знаний участников речевого акта.

4. Аналогично, пропозиции, выражаемые в предложении, вступают в соотношение с ситуациями, событиями, фактами реального мира.

Иногда к числу параметров, отличающих высказывание от предложения, относят коммуникативную структуру (актуальное членение), выражаемую порядком слов и интонацией. Мы считаем, что порядок слов и интонация фиксированы и в предложении, а не только в высказывании (см. гл. V).

О соотношении иллокутивной функции высказывания с иллокутивным предназначением предложения уже шла речь в § 3, а теперь обратимся к проблемам референции.

Одно из назначений языка состоит в том, чтобы выражать пропозиции. Однако предложение обычно не выражает никакой замкнутой пропозиции само по себе: только в контексте речевого акта, в котором употребляется данное предложение, фиксируются значения всех прагматических переменных, входящих в смысл предложения. Таким образом, включение предложения в речевой акт не только придает пропозиции ту или иную иллокутивную функцию, но и формирует саму пропозицию из той пропозициональной формы, которой в подавляющем большинстве случаев является смысл предложения.

Предложения, которые сами по себе истинны или ложны (например, *Все прямые углы равны между собой*, *Земля имеет форму геоида*), т.е. предложения, смысл которых является замкнутой пропозицией, составляют очевидное меньшинство среди тех, которыми мы пользуемся¹². В обычном случае предложение (например, *Идет дождь*, *Я вчера ходил в кино*) не выражает суждения: его смысл является не пропозицией, а пропозициональной формой. Переменные, которые входят в смысл большинства предложений, — мы будем называть их прагматическими переменными, — это Я (говорящий, 'тот, кто делает данное высказываниеU') и СЕЙЧАС (Т, 'тот момент, когда Я делаю высказываниеU'). Имеется, кроме того, ряд других прагматических переменных, которые не могут, однако, принимать значения, независимые от значений этих двух основных переменных. Зависимые прагматические переменные предложения — это ТЫ = 'тот, к кому говорящий Я обращает свое высказывание

¹² Куайн (Quine 1960: 193) говорит о вечных предложениях, т.е. "таких, у которых истинностное значение не меняется ни от времени, ни от смены говорящего". Более фундаментальное понятие вводится в Kaplan 1978: 235 — понятие предложения без временной перспективы: предложение, содержащее оборот *был*, *есть* и *будет*, требует для своей интерпретации акта высказывания, хотя и является вечным по Куайну.

У в момент Т'; ЗДЕСЬ = 'в том месте, где говорящий Я делает свое высказывание У в момент Т', и т.д. В модальной логике вводится еще одна независимая прагматическая переменная, принимающая значение из множества возможных миров: МИР = 'мир, который говорящий Я принимает за действительный'. Набор прагматических переменных предложения с приданными им значениями называется индексом, или точкой референции (Скотт 1981).

В каждом случае употребления предложения в конкретном речевом акте прагматические переменные принимают некоторое значение, и пропозициональная форма превращается в замкнутую пропозицию. Тем самым предложение, скажем, (1) *Я вчера ходил в кино* не имеет истинностного значения само по себе, но приобретает его в каждом своем употреблении в речевом акте.

В предложении (2) *Иван иногда навещает свою приятельницу* нет зависимости от прагматических переменных в явной форме. Однако суждение, выражаемое этим предложением, может быть истинным или ложным тоже только в контексте речевого акта: вне такого контекста неясно, кто имеется в виду под Иваном и кто под приятельницей Ивана.

Из примеров (1) и (2) ясно, что референцией, т.е. соотносением с внешним миром, обладает в общем случае только предложение, употребленное в речи. Предложение может иметь во всех своих употреблениях один и тот же смысл. Однако при каждом новом наборе прагматических переменных и при новой референции референтных термов на базе этого смысла возникает новая пропозиция.

Насколько существенно меняется реальное содержание высказывания от изменения значения прагматических переменных предложения, можно судить хотя бы по тому, что от переменной Я зависит не только референт слова *я*, но и реальный вид всех презумпций высказывания (см. гл. III), значение многих слов (см. гл. VI) и т.д.

Предложения со словами *все, некоторые* (см. подробнее § IV. 4) могут на первый взгляд показаться вечными; на самом же деле и они часто зависят от контекста речевого акта; так, в предложениях из (3) обычно подразумеваются предприятия одной конкретной страны или одного города, района и т.д.:

(3) а. Некоторые предприятия выполнили план досрочно.

б. Все предприятия выполнили план досрочно.

Как справедливо отмечено в Дюкро 1982, шифтерами здесь являются не местоимения; просто интерпретация высказывания зависит от дополнительного параметра — страны, города или района, которые составляют о б щ у ю т е м у дискурса; при слове *предприятия* как бы "опущено" необходимое ограничительное условие, которое восстанавливается из контекста речевого акта. Этот контекст определяет также, какие возможные миры должны приниматься во внимание при интерпретации модальных операторов (см Stalnaker 1972).

Превращения, которые происходят с предложением в контексте речевого акта, прекрасно описаны Э. Бенвенистом (1974) в статье "Формальный аппарат высказывания". Речевой акт рассматривается как акт употребления языка: "Высказывание и есть приведение

языка в действие посредством индивидуального акта его использования" (с. 312). Бенвенист выявляет основные параметры речевого акта: "Индивидуальный акт, посредством которого мы используем язык, вводит прежде всего говорящего как параметр среди условий, необходимых для высказывания" (с. 313). "Всякий акт высказывания является, эксплицитно или имплицитно, обращением к кому-то, он постулирует наличие собеседника".

Далее Бенвенист говорит о том, что главное отличие высказывания от предложения составляет референция: "... в акте высказывания язык оказывается употребленным для выражения того или иного соотношения с действительностью". "Сам факт использования... языка отвечает потребности говорящего установить посредством речевого сообщения некоторое соотношение, референцию с реальным миром, а у партнера создает возможность установить тождественную референцию... Референция является неотъемлемой частью акта высказывания".

Следующий тезис Бенвениста состоит в том, что основу референции составляет говорящий: "Высказывание ... можно определить по отношению к языку как процесс присвоения". "Индивидуальный акт присвоения языка вводит того, кто говорит, в его собственную речь". "Присутствие говорящего в его высказывании приводит к тому, что каждый речевой акт образует центр внутренней референции". Бенвенист перечисляет те языковые формы, функции и классы языковых знаков, "которые прямо обязаны своим происхождением акту высказывания, в буквальном смысле вызывающему их к жизни". "Необходимо различать языковые элементы, которые имеют свой полный и постоянный статус в языке", и такие, которые возникают в акте высказывания. К последним относятся: 1) местоимения *я, ты*; 2) многочисленные средства остенсивного указания (*это, здесь*); 3) вся парадигма временных форм: "Высказыванию обязана своим появлением категория настоящего, а из категории настоящего рождается категория времени"; 4) некоторые основные синтаксические функции — вопрос; побуждение (ср. императив и вокатив), предполагающее непосредственную связь лица, производящего высказывание, с другим лицом "в обязательной соотнесенности со времени высказывания"; утверждение. Сюда же примыкают средства выражения модальности — как грамматические (глагольное наклонение), так и лексические, в том числе идиоматические (ср. ответ *Может быть* как отказ от подтверждения).

Весь набор изменений, происходящих при переходе от предложения к высказыванию, можно назвать, используя термин Ш. Балли (1955), актуализацией предложения. Разумеется, актуализация предложения ни в какой мере не является процессом, который реально осуществляется говорящими в их речевой деятельности: не существует такого момента, когда предложение, уже построенное, включается в речевой акт и актуализуется (наоборот, предложения, с которыми имеет дело лингвист, как правило, изъяты из какого-то речевого акта). Актуализация понимается как обобщенное обозначение всей совокупности различий между предложением и высказыванием.

§ 6. ИМПЛИКАТУРЫ ДИСКУРСА И КОСВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

Существенным вкладом в теорию речевых актов являются предложенные в Grice 1975 коммуникативные постулаты, или постулаты дискурса (*conversational maxims*). Это своего рода предписания говорящим, вытекающие из некоторого общего принципа кооперации — принципа, состоящего в том, что участники речевой коммуникации в нормальных условиях имеют общей целью достижение взаимопонимания. Коммуникативные постулаты позволяют выводить из прямого смысла высказывания то, что называется импликатурами дискурса (*conversational implicatures*), — компоненты содержания высказывания, которые не входят в собственно смысл предложения, но "вычитываются" слушающим в контексте речевого акта.

Коммуникативные постулаты Г.П. Грайса делятся на четыре группы — 1) постулаты информативности ("Твое высказывание должно быть достаточно информативным"; "Оно не должно содержать лишней информации"); 2) постулаты истинности ("Говори правду" или по крайней мере "Не говори того, что ты считаешь ложным"; "Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований"); 3) постулат релевантности ("Будь релевантен", т.е. "Говори то, что в данный момент имеет отношение к делу"); 4) постулаты ясности выражения ("Избегай неясных выражений"; "Избегай неоднозначности"; "Будь краток"; "Будь упорядочен").

Г э к с п л у а т и р у е т некоторый постулат, если он формулирует свое высказывание таким образом, что С извлекает из него большее содержание, чем в нем непосредственно выражается — благодаря тому, что С полагает про Г, что тот соблюдает принцип кооперации. Заключение, использующие презумпцию кооперативности Г, и есть импликатуры. Т.е. импликатуры — это заключения, которые делает С, принимая во внимание не только само содержание предложения S, но и то обстоятельство, что Г вообще произнес S в данной ситуации, и то, что Г не сделал вместо высказывания S некоторого другого высказывания S'. При этом используется интуитивно ясное, но не поддающееся точному определению понятие "усилие": S' — это высказывание, которое требует меньшего усилия, чем S. Иными словами, импликатуры дискурса порождаются не структурой конкретных языков и ее конвенциональными свойствами, а вытекают из общих условий успешности коммуникации.

Примеры ситуаций, требующих обращения к коммуникативным постулатам.

1) В тавтологических высказываниях типа *Закон есть закон*, *Женщина есть женщина* нарушение постулата информативности — прямой их смысл тавтологичен — заставляет слушающего считать, что их подлинный смысл — в ассоциациях, связанных с понятиями закона или женщины: отсюда понимания 'Закон надо выполнять', 'Женщине свойственны многочисленные недостатки' и т.д.

2) Ирония, метафора, литота (мейозис), гипербола — все это приемы для порождения ситуации, когда очевидная ложность прямого смысла высказывания, т.е. нарушение постулата истинности, заставляет слушающего искать в высказывании скрытый смысл.

3) Диалог, в котором ответ лица В на реплику А очевидным образом нарушает постулат релевантности, может породить импликацию 'А сделал бестактное заявление'.

4) Каламбур — это прием, в котором говорящий нарушает один из постулатов ясности — "Будь однозначен", будучи преднамеренно неоднозначным. Высказывание, допускающее два или несколько осмыслений (в особенности осмыслений, далеких между собой), которые все "имеются в виду" говорящим, следует признать семантически аномальным: назначение такого высказывания состоит не в том, чтобы выразить какой-либо из его смыслов, а в том, чтобы обратить внимание слушающего на игру этих смыслов друг с другом (в работе Якобсон 1975: 211 говорится об игре на неоднозначности как проявлении обращенности сообщения на само себя; там же приведены замечательные примеры намеренно неоднозначной референции в поэзии).

Понятие импликатуры дает возможность "разгрузить" семантическое описание предложения и текста, удалив из него некоторые компоненты общекоммуникативного происхождения. Не все, что слушатель извлекает для себя в том или ином высказывании в контексте речевого акта, входит в собственно смысл предложения, т.е. в смысл какого-то слова или конструкции: некоторые компоненты содержания не заложены в смысле, а восстанавливаются слушателем, притом достаточно однозначно, исходя из контекста и коммуникативных постулатов.

Интересная импликация связана с союзом *или* (см. McCawley 1981). Сравнение союза *или* в естественном языке с логической связкой $\vee$, дизъюнкцией, в логике высказываний показывает, что *или*, в отличие от логической дизъюнкции, означает не только то, что одна из возможностей имеет место, но и то, что говорящий не знает, какая именно. Однако этот компонент смысла легко выводится из коммуникативных постулатов. В самом деле, если бы говорящий знал, какая из альтернатив реализуется в действительности, он бы так и сказал: этим он придал бы своему высказыванию большую информативность ценой меньших языковых усилий. Следовательно, если исходить из искренности намерений говорящего, остается допустить, что он просто этого не знает. Таким образом, компонент 'незнание' можно исключить из собственно смысла союза *или*. "Мы употребляем дизъюнкцию суждений, только если мы полагаем, что одно из них истинно, но не знаем, какое именно..."; в противном случае "мы можем утверждать нечто более простое и вместе с тем более сильное" (Гарский 1948: 52). Действительно, если говорящий нарушает это условие употребления союза *или*, он нарушает постулат информативности.

Понятие импликатуры дискурса позволяет Грайсу дать следующее объяснение различию между смыслом слова *некоторые* в естественном языке и квантором существования в логике. Известно, что в естественном языке *некоторые* имплицитно означает 'не все', тогда как в логике из $\exists x P(x)$ не следует $\neg \forall x P(x)$. По Грайсу утверждение (1а) в ситуации, когда Г знает, что все люди смертны, вводит в заблужде-

ние, поскольку Γ может, не затрачивая лишних усилий, сказать более информативное (1б):

(1) а. Некоторые люди смертны; б. Все люди смертны.

Поэтому если Γ не утверждает (б), Σ должен заключить, что он считает (б) неверным (использование аргументации, опирающейся на усилия говорящего и их измерение, разумеется, требует а) оценки смыслов по степени сложности; б) признания смысла 'все' более простым, чем 'некоторые'). При этом заведомо компонент $\neg \forall x P(x)$ не присоединяется конъюнктивно к значению предложения вида "Некоторые $x P(x)$ ", поскольку возможен, например, следующий диалог: — *Ведь некоторые из вас были на выставке?* — *Да, все были.*

Понимание условного предложения как выражающего не только достаточное условие, но и необходимое, возникает как следствие постулата информативности: если в импликации $p \rightarrow q$ отриц q требуется, чтобы каждое из них было либо истинным, либо ложным, достаточное условие становится излишним, если оно не является также и необходимым. Ср. диалог: — *Если позовешь, приду.* — *А если нет?* — *Тогда же приду.* — *Тогда зачем ты говоришь "Если позовешь"?*

Тем же постулатом информативности порождается импликатура (б) в составе высказывания (а) в (2) (пример разбирается, в несколько иной связи, в Fillmore 1976):

(2) а. Левый глаз у него видит прекрасно; б. С правым глазом что-то не в порядке.

Говорящий мог бы сделать более сильное утверждение ценой меньших усилий, сказавши то же самое про оба глаза сразу, и это заставляет предположить, что более сильный факт не имеет места.

Во всех этих примерах имплицитные сведения не являются компонентами собственного смысла данного предложения, хотя они и являются компонентами содержания высказывания. Эти компоненты не конвенциональны: они вытекают не из знания языка.

З а м е ч а н и е. Грайс выделяет, помимо импликатур дискурса, конвенциональные импликатуры, т.е. импликатуры, связанные конвенциональным образом, в силу устройства данного языка, с тем или иным словом или синтаксической конструкцией. Однако понятие конвенциональной импликатуры — это, по-видимому, всего лишь новый термин для обозначения того круга явлений, который соответствует понятию презумпции, см. гл. III.

Коммуникативные постулаты Г.П. Грайса получили удачное применение при анализе так наз. косвенных речевых актов (см. Searle 1975). Как объяснить, например, что предложение *Can you pass the salt* ('Вы не могли бы передать соль?'), которое имеет буквальное значение общего вопроса, т.е. требует реакции в виде ответа *Да/Нет*, практически употребляется в значении просьбы (хотя может, конечно, употребляться и в буквальном значении), т.е. имеет косвенную иллокутивную функцию, отличную от прямой, которая вытекает из буквального смысла предложения. Предположение о неоднозначности этой фразы явно противоречит интуиции. И действительно, возможность ее употребления в значении просьбы, т.е. с косвенной иллокутивной функцией, можно "вывести" из прямого смысла предложения, если обратиться к

коммуникативным постулатам. В этих выводах используется также то, что можно назвать вещественными предпосылками коммуникации. К таким предпосылкам относятся: 1) наличие у Г и С общего фонда знаний о мире; 2) наличие у Г и С общей оперативной памяти, касающейся данного диалога; 3) наличие у Г и С общего поля зрения (см. пример вывода в работе Падучева 1982а).

Выводы такого рода полезны тем, что позволяют объяснить реальное функционирование предложения без "всеобъясняющей" и тем самым плоской гипотезы о его неоднозначности. Другие примеры косвенного выражения просьбы имеются в изобилии (см. Searle 1975); ср.: *Я бы хотел, чтобы ты ушел; Будет хорошо, если ты уйдешь; Ты уйдешь, наконец?; Не хочешь ли ты уйти?; Ты должен уйти; Почему бы тебе не уйти? "Долго ты еще будешь здесь стоять?; Что ты скажешь, если я попрошу тебя уйти?; Можно попросить тебя уйти?; Ты мог бы и уйти; Как насчет того, чтобы тебе уйти?* и т.д. Несобственные употребления вопросительных предложений давно являются предметом изучения, см. Шмелев 1959, Рестан 1969, Бердник 1974, Земская 1979: 180.

Изучение тех компонентов смысла высказывания, которые представляемы как импликатуры, можно отнести к собственно прагматике, оставив в ведении лингвистической семантики только то, что конвенционально. Правда, импликатуры имеют сильную тенденцию к конвенционализации: фразы типа *Can you pass the salt?* находятся на пути к тому, чтобы стать конвенциональным выражением просьбы, так что граница между семантическим и прагматическим кажется размытой. Дж. Морган (Morgan 1978), поддерживающий Дж. Серла в его попытке разграничения семантического и прагматического, считает, что это все-таки конвенции употребления, которые не являются конвенциями языка, т.е. в полном смысле слова языковыми значениями.

Различие между конвенциональным употреблением предложения в косвенной иллокутивной функции и неконвенциональным, т.е. различие между фразой (3) *Вы не могли бы открыть окно?*, фактически являющейся обычной формой вежливой просьбы, и (4) *Вы можете открыть окно?*, состоит в том, что для фразы (4), даже при употреблении ее с целью просьбы, ее дополнительное содержание принадлежит сфере прагматики и может никак не отражаться в ее семантическом представлении, а для (3) конвенция употребления должна быть оговорена.

Неправильно было бы думать, что в косвенном речевом акте косвенная иллокутивная функция является единственной. Так, высказывание (3), даже если оно делается с целью попросить открыть окно, сохраняет нечто от своей семантики вопроса. Вопрос входит в буквальный смысл высказывания, который в случае косвенных речевых актов, в отличие от прямых, расходится с подлинным намерением говорящего. Это расхождение всегда оставляет у С возможность, игнорируя подлинное речевое намерение Г, прореагировать только на буквальный смысл.

Обычно косвенный речевой акт строится на том, что говорящий выражает в явном виде лишь какое-то из условий успешности того

речевого акта, который соответствует его действительному намерению. Например, косвенным средством побуждения может быть выражение желания (быть может, тоже косвенное, ср. *Уйдешь ты наконец? Долго ты будешь еще тут стоять?*). Показательно, что при этом невозможно передача высказывания в 3-м лице с помощью глагола побуждения: **Уйдешь ты наконец?* — *попросил он ее* (ср. Wierzbicka 1980: 294).

Вернемся теперь к проблеме семантического разложения иллокутивного показателя, поставленной в § 3. В сложном предложении могут возникать ощутимые смысловые различия, связанные с тем, соотносится ли в его семантической структуре смысл одного предложения с пропозициональным смыслом другого или же с его иллокутивной компонентой. Так, во фразе (5) союз *так что* выражает причинную обусловленность между положением вещей, описываемым в 1-м предложении (отсутствием хлеба), и иллокутивной компонентой просьбы, входящей в смысл 2-го:

(5) Хлеба тоже нет, так что зайди в булочную.

Иллокутивная компонента в составе 1-го предложения в смысловых связях не участвует. Поэтому (5) синонимично (6а), но не (6б):

- (6) а. Хлеба тоже нет, поэтому я прошу тебя зайти в булочную;
б. Я сообщаю тебе, что хлеба тоже нет, и поэтому прошу тебя зайти в булочную.

Свободно вступает в связь с иллокутивной компонентой также союз *а то*: *Где Иван, а то им начальство интересовалось*. Возможность соотнесения причинных союзов с иллокутивной компонентой предложения, а не с его пропозициональным содержанием — это известный факт. Ср. пример из Виноградова 1975а, с. 267: — *Что, ветерок в аллее?* — *Да, потому что листья дрожат (потому что = 'Я так утверждаю, потому что')*. В басне Крылова "Волк и ягненок" фраза *Поэтому я лгу?* означает 'Поэтому ты утверждаешь, что я лгу?'. Ср. также о *почему*-вопросах в работе Арутюнова 1970.

Аналогичные связи возможны и для других союзов: *Если хочешь знать, я там вообще не был; Пока я не забыл, куда ты положил словари? Чтобы не спутать, в каком часу завтра собрание?*, ср. также пример (8) из § 1. Очевидно, если считать, что одному предложению (хотя бы и сложному) соответствует один речевой акт, то этот речевой акт должен иметь сложный иллокутивный показатель.

Обращение к сложным иллокутивным функциям (типа обусловленного или гипотетического побуждения, гипотетического вопроса и т.д.) позволяет адекватно представить смысловые связи и в высказываниях типа (7), структура которых осложнена не только тем, что союз связывает пропозициональную компоненту смысла с иллокутивной, но и тем, что один из компонентов имеет косвенную иллокутивную функцию; так, в (7а) говорящий оговаривает условием не наличие мяса в холодильнике, а свой собственный совет, т.е. для осмысления (7а) надо восстановить скрытое побуждение в его 2-м предложении:

- (7) а. Если ты захочешь есть, в холодильнике есть мясо (пример Дж. Остина); б. Раз ты такой умный, какая столица Южной Дакоты? (пример из McCawley 1981); в. Жанна пришла, так что где Жора?

От успеха в исчислении косвенных иллокутивных функций зависит решение важных задач, традиционно включаемых в компетенцию синтаксиса. Так, естественная задача семантики синтаксиса — описание сочетаемости наклонений в сложносочиненном предложении, например изъявительного и повелительного (ср. Грамматика 1970: 663). Аналогичная задача — описание условий сочинения повествовательного и вопросительного компонентов. Однако реальные законы сочетаемости могут быть обнаружены только при условии, что рассматривается не формальный морфолого-синтаксический тип компонентов, а их иллокутивная характеристика. В примерах ниже фраза (а) демонстрирует запрет сочетаемости компонентов того или иного формального типа в составе сложносочиненного предложения с союзом *и*, а остальные — нарушение запрета, возникающие в силу допустимой интерпретации одного из компонентов как имеющего косвенную иллокутивную функцию, согласующуюся с функцией другого (ср. Mittwoch 1976).

(8) 1-е предложение побудительное, 2-е вопросительное:

а. **Помой посуду, и куда ты дела венки?* б. Оставь в покое кошку, и почему ты до сих пор не спишь; Не забудь портфель, и можно я возьму твою ручку.

У 2-го компонента в (б) косвенная иллокутивная функция побуждения.

(9) 1-е предложение повествовательное, 2-е вопросительное:

а. **Погода плохая, и пойдём ли мы гулять?* б. Он работал всю жизнь, и что он за это получил? в. Ты слишком расшумелся, и не пора ли тебе делать уроки? г. В шесть утра позвонил телефон, и кто, ты думаешь, это был?

В (б) 2-е предложение имеет косвенную функцию риторического вопроса. В (в) оба предложения имеют скрытую побудительность.

(10) 1-е предложение побудительное, 2-е повествовательное:

а. **Заходи ко мне, и у меня есть интересная книга.* б. Возвращайся скорее, и я рассчитываю, что ты купишь хлеба. в. Поезжайте на лето в деревню, и вы вернетесь здоровым.

В (б) 2-й компонент имеет косвенную функцию побуждения; (в) — это просто условное предложение.

(11) 1-е предложение повествовательное, 2-е побудительное:

а. **Я заболел, и приходи ко мне.* б. Я сплю, и не буди меня; Я работаю, и не приставай ко мне. в. У нас нет чая, и еще купи сыру на всякий случай.

В (б) 2-й компонент выражает не столько побуждение, сколько просто желание, в (в), наоборот, 1-й компонент выражает побуждение.

Союзы *а* и *но* никаких ограничений на иллокутивные характеристики соединяемых компонентов не накладывают: *Я слушаю тебя, а ты меня?*; *Верю, что любишь ты, но слушай*. То, что на поверхностном уровне предстает как капризное ограничение сочетаемости побудительных и вопросительных предложений с союзами, интерпретируется как требование о возможности соединения иллокутивных элементов в осмысленное единое целое.

Глава III

ПОНЯТИЕ ПРЕЗУМПЦИИ

Одним из первых понятий логической теории референции, проникших в лингвистику и утвердившихся в ней, было понятие презумпции (пресуппозиции). Понятие презумпции заставило лингвистов более внимательно отнестись к тому пониманию задач семантики, которое сложилось в логике.

Имеется известное различие между так называемой слабой и сильной семантикой, которое соответствует введенному У. Куайном различению теории значения и теории референции (Quine 1953: 130)¹: «Если принять во внимание то фундаментальное различие, которое существует между значением и референцией, то наука, называемая, в нестрогом смысле, семантикой, расщепляется на две области, принципиально отдельные одна от другой и едва ли заслуживающие общего названия. Эти области могут быть названы теория значения и теория референции. Для теории значения хорошо подошел бы термин "семантика", если бы не то обстоятельство, что одна из лучших работ в области так наз. семантики, а именно, работа Тарского, относится к теории референции. Основными понятиями в теории значения, помимо самого значения, являются синонимия (или тождество значения), значимость (или наличие значения, осмысленность) и аналитичность (истинность в силу одного лишь значения). Сюда же относится следование, т.е. аналитичность условного суждения. Основные понятия теории референции — это отношение именования, истинность, обозначение (*обозначать* — значит "быть истинным для всех...") и экстенционал. Сюда же примыкает понятие значения переменной».

Лингвистическая семантика является по преимуществу слабой: лингвистическая теория референции — это просто изучение значения слов и категорий с преимущественно референциальной функцией. Логическая семантика — это в основном сильная семантика, и значением она занимается постольку, поскольку оно выразимо через референцию (см. § I. 4). Понятие презумпции — дополнительное свидетельство того, что различие между слабой и сильной семантикой — это различие скорее в подходе, чем в объекте изучения.

Предложения естественного языка не являются семантически элементарными, а разлагаются на смысловые компоненты. Особый интерес представляют такие смысловые компоненты, которые сами по себе могут составить высказывание, т.е. пропозиции. Например, в предложении *Наполеон встретился с Александром в Тильзите* можно выделить два пропозициональных компонента: 'Наполеон встретился с Александром'; 'Это событие произошло в Тильзите'. Логическую семантику интересуют прежде всего те связи между предложением и его смысловыми компонентами, которые состоят в том, что истинность суждения, соответствующего всему предложению, зависит от

¹ Ср. об этом Падучева 1967b: 37.

истинности суждений, выраженных составляющими компонентами, поскольку конечная задача логической семантики (функционально-истинностной) — описание условий истинности предложений. Лингвистическая семантика до последнего времени вообще не занималась истинностью предложений, считая своей задачей описание их смысла, определяемого через внутриязыковую синонимию, ср. известное определение Р. Якобсона (Якобсон 1978): "Значение языкового знака — это его перевод в другой знак, прежде всего в такой, в котором его значение выявлено более полно". Оказалось, однако, что даже оставаясь в рамках слабой семантики, лингвист не может полностью отвлечься от вопроса об истинности суждений, составляющих смысловые компоненты предложений, поскольку истинность или ложность этих суждений в некоторых случаях обуславливает не истинность, а осмысленность предложения в целом (а иногда и его грамматическую правильность), его способность к синонимическим преобразованиям и другие свойства, относящиеся к компетенции слабой семантики.

Понятие презумпции представляет интерес не только для теории, но и для практических приложений. В одной из первых экспериментальных систем человеко-машинного диалога — так наз. "Роботе Винограда" (Виноград 1976) — использовалось существенным, хотя и неявным, образом понятие презумпции. Так, на команду "Возьми пирамиду!" робот отвечал "Я не знаю, какую пирамиду Вы имеете в виду", поскольку на сцене было три пирамиды, а предложение, составляющее команду, содержало презумпцию единственности пирамиды в общем поле зрения участников диалога, выраженную в английском предложении (*Grasp the pyramid!*) определенным артиклем (по отношению к команде, касающейся неопределенного объекта, вопроса о единственности не вставало, робот брал первый попавшийся объект соответствующего класса). Далее, на вопрос "Почему ты его поставил?" — речь шла о блоке, который в предшествующей части диалога требовалось поднять, — робот отвечал: "Я не могу объяснить причину события, которое не имело места". В обоих случаях коммуникация терпит неудачу — команда не может быть выполнена, вопрос не может получить ответа, — поскольку вопрос и команда содержат ложные презумпции.

§ 1. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПРЕЗУМПЦИЯ

Рассмотрим следующие предложения:

- (1) Иван знает, что Нью-Йорк — столица США;
- (2) Человек, которому удалось построить перпетуум мобиле, был самоучкой.

Эти предложения очевидным образом аномальны. Их аномалия состоит, в частности, в том, что они не являются ни истинными, ни ложными. Действительно, отрицание ложного предложения дает истинное; между тем предложения (1), (2) при отрицании дают предложения в той же степени аномальные:

- (1') Иван не знает, что Нью-Йорк — столица США;

(2') Человек, которому удалось построить перпетуум мобиле, не был самоучкой.

Источник аномальности этих предложений легко обнаружить, причем, несмотря на внешние различия предложений (1), (2), он в обоих предложениях один и тот же — это ложность некоторых компонентов в их семантической структуре:

(1') Нью-Йорк — столица США;

(2') Имеется человек, которому удалось построить перпетуум мобиле.

Из рассмотрения явлений такого рода возникло следующее понятие презумпции (см. Стросон 1982а, Keenan 1971, van Fraassen 1968).

Определение 1. Суждение Р называется семантической презумпцией (пресуппозицией) суждения S, если и из истинности, и из ложности S следует, что Р истинно. Иначе говоря, Р — презумпция S, если ложность Р означает, что S не является ни истинным, ни ложным, т.е. не имеет истинностного значения.

Близкая формулировка возникает в контексте модальной логики (см. Keenan, Hull 1973: 450): Р — презумпция S, если во всех возможных мирах, где S истинно или ложно, Р истинно (причем бывает так, что S ни истинно, ни ложно).

В работах по логике обычно принимается, что Р и S не суждения, а предложения. Более естественно, однако, перенести рассмотрение в семантическую плоскость и применять свойство "быть презумпцией" к суждениям (пропозициям). Впрочем, чаще всего нет оснований проводить четкую границу между суждением и выражающим его предложением или высказыванием, см. в Успенский 1960 о том, что неразличение такого рода принято в русской логической терминологии, где термин "высказывание" употребляется нерасчлененно для обозначения предложений и выражаемых ими суждений. Поэтому презумпцию, например, предложения (1) в равной мере допустимо записывать как 'Нью-Йорк — столица США' и как *Нью-Йорк — столица США*. Встречаются и такие определения презумпций, когда принимается, что S — предложение, а Р — суждение, или "логическая форма" (см. Karttunen 1974: 149)².

Понятие семантической презумпции не может быть описано средствами двузначной логики, а требует многозначной логики (самое меньшее — трехзначной). В двузначной логике если и истинность S влечет Р, и ложность S, т.е. $\neg S$, влечет Р, то $S \vee \neg S$ влечет Р, так что получается, что презумпциями предложения являются все тавтологии и только они, поскольку только они следуют из тождественно истинного суждения $S \vee \neg S$. Поэтому условием логической содержательности определения 1 является то, что S не обязательно является истинным или ложным. Чтобы сделать определение 1 лингвистически содержательным, мы добавим оговорку, что принимаются во внимание только такие суждения Р, которые являются семантическими компонентами S (см.

² В некоторых работах (например, Fillmore 1969, Horn 1969) презумпция предложения определяется как факт, который должен иметь место в некоторой ситуации для того, чтобы высказывание имело в этой ситуации истинностное значение. Действительно, можно считать, что каждому истинному суждению соответствует некоторый факт.

Ducrot 1968); это дает возможность исключить тавтологии из числа презумпций каждого предложения.

Важным аспектом определения 1 является также то, что в соответствии с этим определением презумпции предложения не являются, вообще говоря, его следствиями (если понимать отношение следования как подчиняющееся закону контрапозиции). Действительно, если P есть следствие S , т.е. если имеет место $S \supset P$, то из ложности P следует, что S ложно: по закону контрапозиции, если $S \supset P$, то $\neg P \supset \neg S$. Между тем, по определению 1, в случае ложности презумпции P суждение S не ложно, а лишено истинностного значения.

Чтобы выявить то общее, что по интуитивному ощущению все-таки имеется между презумпцией и следствием, Ван Фраassen (van Fraassen 1968) обращается к понятию семантического следования (semantic entailment), или вынуждения (necessitation): S вынуждает P , если и только если во всех мирах, где истинно S , истинно и P . Как легко видеть, и презумпция, и следствие (импликация) — это разновидности вынуждения. Действительно, P является презумпцией S , если S вынуждает P и $\neg S$ вынуждает P ; и P является следствием S , если S вынуждает P , а $\neg P$ вынуждает $\neg S$. Мы увидим в дальнейшем, что между семантическими компонентами предложения может иметь место отношение вынуждения, причем вынуждаемый компонент не является ни презумпцией, ни следствием.

Функционально-истинностное понятие презумпции, задаваемое определением 1, содержательно для традиционной, т.е. слабой, семантики лишь постольку, поскольку понятие "отсутствие истинностного значения" можно считать экспликацией для более туманного на первый взгляд понятия аномальности, неуместности высказывания в том или ином контексте, а именно, в контексте ложности его презумпций. Действительно, понятие презумпции представляет интерес прежде всего потому, что оно позволяет указать простой источник аномальности высказывания — вообще или в той или иной ситуации. Например, источник аномальности высказывания

(3а) Мери огорчена, что Джон провалился на экзаменах
в ситуации, когда ложно

(3б) Джон провалился на экзаменах, —
это ложность презумпции (3б).

В работах по логическому анализу презумпций, начиная с Г. Фреге (1977) и П. Стросона (1982а), аномальность, ощущаемая в высказываниях, сделанных в условиях нарушения презумпций, эксплицировалась как отсутствие истинностного значения. Оказывается, однако, что противопоставление по наличию — отсутствию у предложения истинностного значения, вообще говоря, не обладает достаточной определенностью и практической проверяемостью на основе обращения к человеческой интуиции. Так, выяснилось, что в лингвистических работах, где используется то же самое определение презумпции, что и в логике, круг презумпций оказывается гораздо более широким, чем в исследованиях логической направленности. Уже Фреге пришлось мириться с существованием предложений, имеющих оттенок неуместности в том или ином контексте, которым он не хотел отка-

зывать в истинностном значении (хотя и констатировал наличие в них побочных суждений, "не созвучных" основному, Фреге 1977). Во многих исследованиях с логической ориентацией (в частности, в Katz 1979b) признаются приводящими к утрате истинностного значения только нарушенные экзистенциальные и фактивные презумпции. Имеются и разного рода промежуточные позиции. Так, Л. Карттунен и С. Петерс (Karttunen, Peters 1979) признают не имеющим истинностного значения предложение с нарушенной презумпцией факта при фактивном глаголе (например, предложение *Филипп знает, что столица Никарагуа — Тегусигальпа*) и с нарушенной презумпцией наличия попытки при имплицативном глаголе (ср. высказывание *Ивану не удалось отправить посылку*, сделанное в ситуации, когда он и не пытался), но не считают лишенными истинностного значения высказывания с неуместно употребленными союзами (например, *Солнце палит, но воздух душен* или *Я хотел пойти в кино, но пошел*) или частицами (вроде *Эту теорему может доказать даже Гедель*): значение частицы они считают не вносящим вклада в условия истинности предложения, а значение всех соединительных союзов — сводимым к конъюнкции. И уж заведомо отрицается возможность утраты предложением истинностного значения из-за неадекватной линейно-интонационной структуры. Так, предложение (4) *Чашку разбил Иван* с имплицитным семантическим компонентом 'Кто-то разбил чашку' в ситуации, когда чашка вообще не разбита, считается просто ложным, так же как предложение (4') *Иван разбил чашку*, не имеющее этого компонента. Между тем, скорее можно думать, что (4), в отличие от (4'), в этой ситуации неуместно, так что вопрос о его истинности уже не встает: оно должно попасть в функционально-истинностный провал, так же, как, скажем, (3а) при ложном (3б).

Из сказанного следует, что функционально-истинностное определение семантической пресуппозиции оказалось не столь удачным, как казалось первым приверженцам семантических пресуппозиций: нельзя предполагать, что сведения о наличии или отсутствии у предложения истинностного значения составляют непосредственный компонент языковой интуиции говорящего. Тем самым это понятие неудовлетворительно в качестве проверяемого более исходного понятия при выделении класса семантически аномальных предложений (или какого-то их подкласса). Как говорит А. Черч (Черч 1960: 359), "легко подобрать примеры сомнительных суждений, по отношению к которым решение вопроса о наличии у них истинностного значения связано с трудностями". В Fodor 1979 справедливо отмечается, что говорящие с достаточной определенностью выделяют круг предложений, про которые в данной ситуации можно сказать, что они истинные; но какие из оставшихся признать ложными, а какие отбросить в функционально-истинностный провал — это в большей мере вопрос теоретической установки, чем непосредственного языкового чутья.

В работе Karttunen, Peters 1979 предлагается некоторые из "бывших" семантических пресуппозиций считать конвенциональными импликатурами высказывания (понятие конвенциональной имплицатуры введено Грайсом, Grice 1975): суждение S содержит импликатуру P, если,

высказывая S, говорящий дает возможность слушающему сделать заключение, что P, хотя и не говорит прямо, что P; импликатура P называется конвенциональной, если она вытекает из смысла слов или грамматических конструкций, а не просто из Принципа кооперации (см. § II.6). Утверждается, что конвенциональные импликации отличаются от пресуппозиций тем, что ложность импликации не лишает утвердительное предложение истинностного значения, а вопроса — возможности на него ответить. В частности, утверждается, что на вопрос *Даже Пестель вышел на площадь?* слушающий может ответить *Да*, не разделяя установки говорящего (выраженной смыслом слова *даже*) 'От Пестеля труднее всего было этого ожидать', и потому эта установка — не пресуппозиция. Однако никаких критериев для разграничения пресуппозиций и конвенциональных импликаций не предлагается: с таким же успехом можно было бы провести деление имплицитных семантических компонентов на пресуппозиции и конвенциональные импликации просто списком, отнеся, скажем, экзистенциальные и фактивные пресуппозиции к одному классу, а все остальные — к другому, и не ссылаясь ни на какие содержательные различия.

Не видя оснований для этого разделения, мы принимаем следующее определение семантической презумпции:

Определение 2. Семантический компонент P суждения S является презумпцией S, если ложность P в некоторой ситуации делает утверждение S в этой ситуации неуместным, аномальным, бессмысленным.

Иначе говоря, P — презумпция S, если из уместного употребления S в некоторой ситуации следует, что P является истинным в этой ситуации. Аналогично для вопросов, побуждений и других речевых актов.

Понятие аномалии не вполне симметрично в своем отношении к говорящему и слушающему. В непосредственном виде оно обращено на слушающего: слушающий воспринимает высказывание как аномальное, если не считает истинными содержащиеся в нем презумпции. По отношению к говорящему употребление высказывания, презумпции которого он сам не считает истинными, скорее можно назвать ненормативным, незаконным, неискренним и т.п.

Разумеется, всегда есть возможность "осмыслить" предложение, которое содержит ложные презумпции, — приняв допущение, что это говорящий считает данную презумпцию истинным предложением; что говорящий только делает вид, что считает данную презумпцию истинным предложением, и т.д. Однако осмысления такого рода происходят за счет разрушения нормальной ситуации общения.

Если истинностное значение презумпции P неизвестно слушающему, то слушающий, как правило, принимает его за положительное — в силу исходной предпосылки об осмысленности языкового текста, которая лежит в основе взаимопонимания между людьми (см. об этом в работе Беллерт 1978).

Таким образом, понятие семантической презумпции, которым мы пользуемся, не является функционально-истинностным.

Среди пропозициональных компонентов предложения презумпции

противопоставлены ассертивным компонентам (ассерциям). Ассертивные компоненты могут быть истинными или ложными, и это не делает предложение аномальным. Помимо этих двух классов пропозициональных компонентов есть и другие (ср. Najibova 1972), см. § IV.6.

Иногда встречаются формулировки, согласно которым ту или иную презумпцию имеет не предложение, а говорящий или слушающий (о противопоставлении "презумпция говорящего — презумпция предложения" см. Garner 1971). В принципе, эти формулировки эквивалентны: предложение S имеет презумпцию P, если оно обязывает говорящего считать P истинным при любом употреблении S в высказывании. Поэтому упоминание о говорящем в контексте определения 2 избыточно: набор презумпций данного предложения (если это предложение не омонимично) однозначно определяется самим предложением, т.е. является объективным фактом его семантической структуры и не зависит ни от говорящего, ни от слушающего.

Другое дело, что суждения об истинности одной и той же презумпции могут быть у разных носителей языка различны, и потому одно и то же предложение может быть для одного человека осмысленным, а для другого — нет. Так, возможно, для некоторых людей будут семантически нормальны предложения (1), (2). Понятие презумпции позволяет охарактеризовать в общем виде условия нормальности всех употреблений этого предложения в конкретных речевых актах.

Различные оценки истинности одного и того же предложения в разных высказываниях возможны не только из-за субъективности суждений, свойственной людям, но и из-за того, что большинство предложений содержат отсылки к акту речи (т.е. дейктические, или указательные, элементы) и в силу этого в каждом новом случае употребления в речи выражают другое высказывание, хотя смысл предложения остается один и тот же. Соответственно, и осмысленность предложения с дейктическими элементами в презумпции в разных высказываниях разная. Например, высказывание (5) *Моя жена — милейший человек* семантически аномально, если говорящий — женщина, поскольку в данном акте речи ложно высказывание *У говорящего есть жена*, которое является презумпцией предложения (5).

Предложение может быть аномально и безотносительно к внеязыковой ситуации — если некоторые из его презумпций противоречат не устройству мира (т.е. ложны), а каким-то другим смысловым компонентам того же предложения. Например, сочетание *воспоминания о будущем* (пример из Ильин 1973) содержит аномальность, создаваемую нарушением ограничения о том, что вспоминать можно только о том, что было или есть, входящего в значение слова *вспоминать*. Предложение с данным сочетанием, впрочем, может быть осмыслено — за счет добавления в его семантическое представление какого-то опционального семантического компонента, например, 'Будущее — то же, что прошлое'. Однако не всякая аномалия является нарушением презумпций, ср. Апресян 1978.

Замечание (о презумпциях у Фреге). Впервые понятие презумпции было введено Фреге в 1892 г. (см. Фреге 1977). Фреге допускает, однако, лишь один вид презумпций — презумпции, связанные с употреблением имен и дескрипций, т.е. так наз. экзистенциальные презумпции, или презумпции существования. Ср. Frege 1952, с. 69: "Если мы что-либо

утверждаем, то всегда имеется презумпция, что все простые и сложные имена в нашем утверждении имеют денотаты". Пример Фреге: предложение

(а) Тот, кто открыл эллиптическую форму орбит небесных тел, умер в нищете
имеет презумпцию

(а') Был человек, который открыл эллиптическую форму орбит небесных тел.

Если предложение (а') ложно, то предикат в суждении (а) (*умер в нищете*) относится к сложному имени (*тот, кто открыл эллиптическую форму орбит небесных тел*), которое не имеет денотата, так что суждение (а) тоже не имеет денотата, т.е. не может быть ни истинным, ни ложным. Другой пример. Для предложения

(б) После отторжения Шлезвиг-Гольштейна от Дании между Австрией и Пруссией возник конфликт

обязательной предпосылкой того, чтобы оно имело истинностное значение, является истинность суждения

(б') В какой-то момент времени Шлезвиг-Гольштейн был отторгнут от Дании.

Если человек считает предложение (б') неверным, то для него предложение (б) не будет ни истинным, ни ложным: он просто не припишет ему никакого истинностного значения.

При семантическом анализе предложения Фреге часто выделяет так наз. побочные суждения; ср. Frege 1952, с. 72: "Почти всегда, как мне кажется, наряду с высказываемым нами главным суждением, в предложении имеется ряд побочных суждений, которые, хотя они эксплицитно не выражены, слушатель связывает с нашими словами в соответствии с законами психологии. И поскольку эти побочные суждения связаны с нашими словами почти так же тесно, как и само главное суждение, их тоже приходится считать выраженными в предложении. Тем самым смысл предложения становится богаче и может оказаться, что в сложном предложении простых суждений будет больше, чем простых предложений". Эти побочные суждения Фреге, однако, не относит к презумпциям и отличает предложения с "неуместным освещением", которые возникают в случае ложности таких побочных суждений, от предложений, не имеющих истинностного значения. Распространившееся понимание термина "презумпция", таким образом, шире, чем у Фреге.

Функционально-истинностное определение презумпции вызвалоковую критику — как раз со стороны представителей референциального направления в семантике. В работах Kempson 1975, Wilson 1975, Böer, Lycan 1976, Gazdar 1979 развиваются следующие положения:

1) То, что называется презумпциями, не имеет существенных отличий от следствий, так что презумпции не составляют никакого особого явления в семантике (имеется в виду, в семантике условий истинности).

2) Особенности понимания предложений, состоящие в том, что некоторые их смысловые компоненты ощущаются как истинные, могут быть описаны в рамках прагматики.

Основные нападки были направлены на поведение презумпций при отрицании. Из определения 1 вытекает следующее особое отношение презумпций к отрицанию. Если и истинность и ложность предложения имеют следствием (семантическим) истинность его презумпции Р, то презумпция должна сохраняться неизменной при отрицании. Действительно, если, как гласит определение 1,

ИСТИННО (S) $\supset$ ИСТИННО (Р),

ЛОЖНО (S) $\supset$ ИСТИННО (Р)

($\supset$ обозначает семантическое следование), то поскольку ЛОЖНО (S) = ИСТИННО ($\neg$ S), мы получаем:

ИСТИННО (S) $\supset$ ИСТИННО (Р)

ИСТИННО ($\neg$ S) $\supset$ ИСТИННО (Р),

откуда следует, что если Р есть презумпция S, то $S \supset P$ и $\neg S \supset P$.

Чтобы доказать, что презумпции не имеют существенных отличий от следствий, надо доказать, что там, где Р есть, согласно принятому мнению, презумпция S, на самом деле Р просто следует из S, а в предложении вида $\neg S$ относительно истинности Р ничего сказать нельзя. Иными словами, нужно доказать, что в контексте отрицания Р подавляется, т.е. утверждение $\neg P$ в контексте $\neg S$ не вызывает ощущения противоречия. В доказательство тезиса о подавлении презумпций приводятся примеры следующего типа: (6) *Иван не выздоровел — он вообще не болел*; (7) *Иван не жалеет, что он провалился, потому что он не провалился*; (8) *Иван не перестал бить свою жену — он никогда ее не бил*; (9) *Джон не бросил курить: как он мог бросить, когда он никогда не курил*; (10) *Мой муж не пришел меня встречать, и вообще я не замужем*.

Однако такие примеры не могут служить доказательством возможности подавления презумпций при отрицании предложения. Употребление отрицания в (6) — (10) если и не аномальное, то во всяком случае весьма специфическое. В частности, понимание отрицания в значении, подавляющем презумпцию (оно называется в Kempson 1975 внешним отрицанием), всегда требует "мощного" контекста. Во-первых, (6) — (10) приемлемы только как реакция на то, что произнесенную фразу, например, (6) — на фразу со значением "Иван выздоровел". Во-вторых, требуется отдельное поясняющее предложение: само по себе *Иван не выздоровел* ни в коем случае не может быть понято в том значении, которое ему приходится иметь в контексте (6).

Смысл (6) можно передать приблизительно так: 'Про Ивана нельзя сказать "Он выздоровел", потому что он вообще не болел'. Тем самым, (6) близко по значению к предложению "Как он мог выздороветь, если он вообще не болел". То, что в значении этих предложений существенным образом входит модальность, может проявляться и в их поверхностной структуре, ср. (9).

Что касается модального контекста, то, действительно, некоторые модальные слова допускают такое понимание, при котором они воздействуют на презумпцию. Так, при одном из пониманий предложения (11) *Возможно, Иван раскаивается, что совершил бесчестный поступок* совершение Иваном бесчестного поступка тоже является гипотезой говорящего. По-видимому, отрицание способно давать эффект подавления презумпции именно в том случае, если оно дополнительно включает в свою сферу действия модальность, а быть может и перформативный глагол. (Подробный анализ возможных расширений сферы действия отрицания в специфическом семантическом контексте см. в Богуславский 1979). Само по себе *Иван выздоровел* не допускает отрицания с подавлением презумпции.

Понимание предложения как содержащего "внешнее" отрицание относится к каким-то вторичным механизмам интерпретации предложения, которые вступают в действие, когда обычные способы интерпретации констатируют семантическую аномалию. Отсюда ясно, что примеры типа (6) — (10) никак не могут опровергнуть тезис о сохранении презумпций в контексте обычного (не "внутреннего" в противоположность "внешнему", а именно обычного) отрицания в

обычном контексте, не усложненной модальностью и перформативностью.

Наличие фактивного компонента в предложении вне контекста отрицания (например, связь фразы *Иван выздоровел* с фактом 'Он был болен' или фразы *Иван жалеет, что он провалился* — с 'Он провалился') объясняют в этой концепции постулатами Грайса. О неадекватности таких объяснений см. Kiefer 1977b: 267. Действительно, при отсутствии отрицания противоречие с презумпцией приводит к абсурду:

(12) Я огорчен, что Иван провалился, хотя он не провалился.

Таким образом, попытки отказаться от понятия презумпции следует признать неудавшимися.

§ 2. ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПРЕЗУМПЦИЯ

Перейдем теперь к прагматическим презумпциям. Определение прагматической презумпции предложения основано на понятии прагматической презумпции говорящего (ср. Stalnaker 1972, 1974, Sellars 1954, Schmerling 1971).

Определение 3. Говорящий, который высказывает суждение S, имеет прагматическую презумпцию P, если он, высказывая S, считает P само собой разумеющимся, в частности, известным слушателю.

Определение 4. Предложение S имеет прагматическую презумпцию P, если оно обязывает говорящего иметь прагматическую презумпцию P при любом нормативном употреблении S в высказывании.

Так же, как и в случае семантической презумпции, эффект от ложности прагматической презумпции различен для говорящего и слушающего: у слушающего ложность прагматической презумпции создает впечатление неуместности высказывания; а для говорящего высказывание с несоблюдением содержащейся в нем презумпции означает ненормативное, неискреннее, провокационное поведение — быть может, демагогический прием, ср. Ducrot 1968.

Прагматическая презумпция является прагматической в том смысле, что характеристика ее содержания включает отсылку к одной из прагматических составляющих речевого акта — к слушающему: это презумпция о знаниях слушающего.

Семантическая презумпция предложения — это, по определению, истинное суждение. А прагматической презумпцией может быть "неутверждаемое суждение" (т.е. суждение, имеющее нейтральный денотативный статус, см. § IV. 6) и даже пропозициональная форма. Например:

(1) А. Правда ли, что он болен? Б. Не знаю, но он всем говорит, что он болен,

(2) А. Вы ошибаетесь. Б. Если я пойму, что я ошибаюсь, я сам вам скажу.

В (1) прагматической презумпцией фразы В является пропозиция 'Он болен' в нейтральном денотативном статусе, т.е. нечто вроде 'Он болен или он не болен'; в (2) аналогичный статус у пропозиции 'Я ошибаюсь'.

Прагматические презумпции — важное формальное средство для

описания семантики коммуникативной структуры предложения — в частности, семантики частиц типа *это*, *ведь* и варьирования линейно-интонационной структуры, см. гл. V.

Семантическая презумпция Р терпит провал только в том случае, если слушающий знает, что суждение Р ложно: если он ничего не знает о Р, он просто принимает Р к сведению. Между тем прагматическая презумпция проваливается уже в том случае, если слушающий ничего не знает про Р. В то же время провал прагматической презумпции оказывает менее существенное влияние на коммуникацию. Так, вопрос *Это ты разбил чашку?* имеет прагматическую презумпцию 'Кто-то разбил чашку', так что нормальной реакцией собеседника, который не знает этого факта, будет что-то вроде *Какую чашку?*, а не *Не я*. Однако ответ *Не я*, вообще говоря, тоже может быть получен и свидетельствует не об отсутствии у предложения данной прагматической презумпции, а о том, что ее провал может игнорироваться.

Иногда наличие у предложения семантической презумпции отрицается на том основании, что отсутствует парная прагматическая (ср. Торопова 1978). Между тем, следует подчеркнуть, что при определениях 1 и 2 семантическая презумпция вовсе не обязана дублироваться соответствующей прагматической. Так, у предложения (3а) есть семантическая, но не прагматическая презумпция (3б):

- (3) а. Сегодня в овощном были только яблоки; б. Сегодня в овощном были яблоки.

Другие примеры того же рода:

- (4) а. Мой редактор менее требователен, чем ее помощник; б. Мой редактор — женщина (пример из McCawley 1979).
(5) а. Ты знаешь, что Мери пригласила Джона? б. Мери пригласила Джона.

Последний пример особенно показателен: если предполагать у говорящего прагматическую презумпцию 'Слушатель знает, что Мери пригласила Джона', то вопрос лишается смысла.

Итак, семантическая презумпция предложения S — это суждение, которое слушающий должен считать истинным, чтобы предложение S было для него осмысленным; а прагматическая презумпция — это суждение, которое слушающему должно быть известно, чтобы высказывание было нормативным.

Связь прагматической презумпции с коммуникативной организацией высказывания видна на следующем примере (см. Schmerling 1971):

- (6) а. Он не знал \, что там есть столовая; б. Он не знал /, что там есть столовая \.

Семантическая презумпция в (6а) и (6б) одна и та же: (7) 'Там есть столовая'. Между тем коммуникативная организация у (6а) и (6б) различна (так, например, (6б), в отличие от (6а), неуместно в контексте, где о столовой уже шла речь). Отличие (6б) от (6а) естественно приписать тому, что у (6а) суждение (7) составляет также и прагматическую презумпцию, а у (6б) — нет.

Другой пример: предложение (8) *Я видел только Ивана*, сказанное в ответ на вопрос *Кого ты там видел?*, имеет семантическую презумпцию

(8') *Я видел Ивана*; прагматической презумпции (8') у (8) нет. В то же время, если (8) будет сказано в ответ на вопрос *Кого еще ты видел?*, т.е. будет иметь вид *Я видел только Ивана*, компонент (8') будет в нем прагматической презумпцией.

Оговорка в определении 4 относительно нормативного употребления предложения вызвана тем, что говорящий может, вообще говоря, сознательно сдвигать акценты, т.е. эксплуатировать презумпции. Ср. пример из Stalnaker 1973:

(9) — Какая хорошенькая у тебя секретарша!

— Да, и ее муж тоже так думает,

где действительная интенция человека может состоять в том, чтобы довести до сведения собеседника смысловой компонент 'У секретарши есть муж', хотя формально предложение построено так, как если бы этот компонент составлял прагматическую презумпцию, т.е. вошел в фонд общих сведений говорящего и слушающего.

Показательный пример расхождения семантической презумпции с прагматической дают ИГ со значением слабой определенности (см. гл. IV). Такие ИГ иногда оформляются в артиклевых языках определенным артиклем, но не являются полностью определенными — в том смысле, что они не содержат прагматической презумпции известности объекта слушающему. Ср. фразу, которая приводится (с другим анализом) в Karttunen 1974:

(10) Он живет в третьем слева каменном доме на противоположном берегу реки,

которая не имеет прагматической презумпции 'На противоположном берегу реки есть по крайней мере три дома', и потому вполне нормально может быть обращена к собеседнику, который этого не знает.

Другой аналогичный пример приводится как парадоксальный в Stalnaker 1974:

(11) — Ты идешь обедать?

— Нет, я сначала должен зайти за сестрой.

Сталнейкер полагает, что хотя из ситуации никак не видно, что говорящий должен предполагать у собеседника сведения о существовании сестры, он "ведет себя как если бы" предполагал наличие этих сведений. На самом деле, пример (11), в отличие от (9), не демонстрирует никакого ненормативного поведения говорящего: ИГ в (11), несмотря на определенность, не несет прагматической презумпции. Анализ Сталнейкера подвергает критике Газдар (Gazdar 1979: 106), который справедливо говорит, что в высказывании "Простите, что опоздал: у меня машина сломалась", с признаком определенности у *машина*, от слушателя не требуется предварительного знания о том, что у говорящего есть машина.

Предлагаемое нами определение прагматической презумпции, хотя оно и близко по формулировке к определениям в Stalnaker 1972, 1974 или в Karttunen 1974, имеет два существенных отличия.

1. Определения в этих работах предполагают то, что можно называть прагматическим подходом к понятию презумпции: назначение этих определений в том, чтобы, пользуясь другими средствами, получить тот же самый результат (т.е. тот же набор презумпций), что

и при функционально-истинностном подходе, — как оказалось, неудовлетворительном. Иными словами, это попытка своего рода "моделирования" семантической презумпции на базе прагматических понятий.

Примеры (3) — (11) ясно показывают, однако, что прагматическая презумпция как компонент общих знаний говорящего и слушающего не совпадает и не должна совпадать с семантической презумпцией при любом разумном ее понимании. При прагматическом подходе презумпциями могут оказаться только те суждения, которые присутствуют в контексте; между тем, для семантической презумпции достаточно, чтобы она не противоречила контексту (ср. об этом Gazdar 1979). И то, и другое понятие нужно по-отдельности для адекватного описания языковых фактов.

2. Второе отличие определения 4 от существующих прагматических определений презумпции — в том, что оно допускает в число прагматических презумпций неутверждаемые и вообще незамкнутые пропозиции — пропозициональные формы. Такое понятие представляется более естественным не только потому, что оно лучше согласуется с нуждами семантики актуального членения, которую прагматические презумпции предназначены выражать, но и потому, что именно пропозиции являются наиболее естественными аргументами эпистемических предикатов, входящих в состав прагматических презумпций.

Попытка заменить функционально-истинностное определение презумпции прагматическим, по-видимому, была продиктована в значительной мере желанием сохранить двузначную логику при функционально-истинностном подходе к семантике. Действительно, если считать, что презумпция — это явление чисто прагматического плана, то нет оснований признавать предложения с невыполненными презумпциями лишенными истинностного значения. Например, предложения с частицами, союзами, глаголами типа *удалось* можно условиться считать в контексте ложности презумпции истинными, а предложения с невыполненными экзистенциальными и фактивными презумпциями — ложными. Что же касается самой презумпции, то ее вклад можно свести к прагматическому эффекту неуместности высказывания в той или иной ситуации. Дело, однако, в том, что вне рамок функционально-истинностной семантики вопрос об истинности неуместных (т.е. аномальных) высказываниях просто не представляет интереса.

§ 3. ПРЕЗУМПЦИИ И ДРУГИЕ ВИДЫ НЕЭКСПЛИЦИТНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Одно из свойств презумпций, как это явствует из обиходного смысла самого слова, состоит в том, что презумпция — это подразумеваемый семантический компонент предложения, не выраженный в нем с достаточной эксплицитностью. Отсюда тот факт, что презумпции входят в широкий спектр весьма разнородных семантических образований; действительно, во всяком тексте, помимо эксплицитно выраженной информации, есть такие сведения, которые не содержатся в нем в явном виде и, тем не менее, имеются в виду говорящим и воспринимаются слушающим, т.е. разного рода коннотации, импликации,

импликатуры, следствия, правдоподобные заключения, конъектуры и пр. Чтобы эксплицировать неэксплицитное, нужно прежде всего внести естественные разграничения в круг рассматриваемых явлений — с тем, чтобы каждому отдельному явлению можно было дать точное определение, обеспечивающее максимальную содержательность, т.е. общность достаточно большого числа свойств у соответствующих объектов. Дело в том, что понятие презумпции, несмотря на свое "логическое" происхождение и относительно недолгую историю, оказалось размытым.

К числу разграничений, которые необходимо сделать, относятся следующие: (1) презумпция и следствие; (2) презумпция и условие успешности речевого акта; (3) презумпция и импликатура дискурса; (4) презумпция и исходное предположение вопроса; (5) презумпция и вводный компонент предложения. Каждому из этих разграничений посвящен ниже отдельный раздел.

1. Презумпция и следствие

Отличие следствий (импликаций) от презумпций состоит в том, что следствия подчиняются закону контрапозиции: если Р есть следствие S, то из $\neg P$ следует, что $\neg S$ (т.е. если $S \supset P$, то $\neg P \supset \neg S$). Примеры следствий (фраза (б) — следствие (а)):

- (1) а. Иван женат на Марии; б. Иван женат.
- (2) а. Мери съела пирог; б. Пирог был съеден.
- (3) а. Он ушел с вечера рано; б. Он ушел с вечера.
- (4) а. Он прекратил работать; б. Он не работает.

Если семантический компонент Р является не презумпцией, а следствием предложения S, то ложность Р не вызывает ощущения аномальности S. Ср. диалог А: *Нина сейчас работает в МГУ*. Б: *Как в МГУ? Она же уехала в Хабаровск! Из работает в МГУ следует живет в Москве*, что противоречит знанию Б: 'живет в Хабаровске'; однако фраза А вызывает у Б лишь удивление или подозрение в ложности, а не ощущение неуместности или аномальности.

Различие между следствиями и презумпциями хорошо видно на примере фазовых глаголов (см. Givón 1972). Интересная семантическая особенность этих глаголов состоит в том, что их презумпция описывает некоторую ситуацию, которая имела место в прошлом (по отношению к обстоятельству времени), тогда как следствие касается будущего события:

- (5) *В два часа Джон начал работать;*

Презумпция: *В некоторый момент до двух часов Джон не работал;*

Следствие: *В некоторый момент после двух часов Джон работал.*

Естественно, в отрицательном предложении презумпция остается, а следствие меняется на противоположное:

- (5') *В два часа Джон не начал работать;*

Презумпция: *В некоторый момент до двух часов Джон не работал;*

Следствие: *В некоторый момент после двух часов Джон не работал.*

Следует иметь в виду, что вовсе не все следствия, которые можно вывести из предложения, являются компонентами его семантической структуры (ср., например, следствие *Нина живет в Москве* предло-

жения *Нина работает в МГУ*), хотя почти любое следствие может оказаться необходимо выявить, — например, для установления семантической связности текста, ср. Дорофеев, Мартемьянов 1969.

Из определения следствия вытекает, что не являются следствиями (т.е. импликациями) пропозиции, служащие аргументами имплицативных глаголов и глаголов отрицательной импликации (по Karttunen 1971a). К имплицативным относятся, в частности, следующие глаголы и сочетания: *удалось <ему>, не забыл, позаботился, осмелился, побеспокоился, рискнул, снизошел, случилось <ему>, поспешил, не постеснялся; был достаточно предусмотрителен, чтобы; имел несчастье, хватило ума <у него>, воспользовался возможностью, счел за благо, нашел нужным*. Эти слова обладают тем свойством, что если истинно предложение *S*, скажем, *Джону удалось Р* (где *Р* — предикатный актант глагола *удалось*), то имеет место *Р*, а если *S* ложно, то имеет место $\neg P$. То есть *S*, вынуждает *Р*, а $\neg S$ вынуждает $\neg P$. Так, *Ивану удалось отправить посылку* $\supset$ *Иван отправил посылку; Ивану не удалось отправить посылку* $\supset$ *Иван не отправил посылку*. (Ясно, что *Р* здесь не является презумпцией *S*, поскольку если *S* ложно, то *Р* ложно, а не истинно, как требовалось бы в том случае, если бы *Р* было презумпцией.) Глаголы отрицательной импликации — это *забыл, не сумел* — англ. *failed, пренебрег, отказался, постеснялся, избежал, воздержался*. Они обладают тем свойством, что *S* вынуждает $\neg P$, а $\neg S$ вынуждает *Р* (ср. *Он забыл закрыть дверь* $\supset$ *Дверь не закрыта; Он не забыл закрыть дверь* $\supset$ *Дверь закрыта*).

Как легко видеть, в предложении *S*, содержащем имплицативный глагол, суждение *Р*, вынуждаемое предложением *S*, не есть следствие *S*, поскольку оно не подчиняется закону контрапозиции. Так, предложение (6) *Ивану удалось отправить посылку* вынуждает (6') *Иван отправил посылку*. Однако из того, что Иван не отправил посылку, вовсе не следует, что Ивану не удалось ее отправить, поскольку *не удалось* связано с идеей 'пытался', а не отправил не включает этого смысла, т.е. $\neg P$ не вынуждает $\neg S$. То же самое для глаголов отрицательной импликации: предложение $\neg P$, вынуждаемое предложением *S* с глаголом отрицательной импликации, не является его следствием. Действительно, из фразы *Иван постеснялся выйти* следует *Иван не вышел*; но из *Иван вышел* не следует *Иван не постеснялся выйти*; т.е. *S* вынуждает $\neg P$, но *Р* не вынуждает $\neg S$.

По-видимому, эта особенность поведения семантического компонента *Р* в составе предложения *S* с имплицативным глаголом связана с имеющейся в *S* презумпцией. Действительно, смысл предложения (6) можно представить как состоящий из двух компонентов: *Р* = 'Иван отправил посылку'; *Q* = 'Иван прилагал усилия к тому, чтобы отправить посылку'. При этом компоненте *Q* — презумпция, т.е. (6) $\approx$ 'Иван, прилагая усилия, отправил посылку'. Очевидно, наше интуитивное нежелание признать, что $\neg P$ вынуждает $\neg S$, основано на том, что $\neg S$, сохраняющее презумпцию *Q* (по закону о том, что презумпция не подвергается действию отрицания), оказывается более богато "положительным" содержанием; а именно, $\neg S$ вынуждает *Q*, а $\neg P$, конечно, нет.

2. Презумпция и условие успешности речевого акта

От презумпций следует отличать те компоненты содержания предложения, которые составляют условия успешности соответствующего речевого акта (см. гл. II), — побуждения, вопроса, утверждения, обязательства и т.д. В одной из первых лингвистических работ, посвященных понятию презумпции (Fillmore 1969), утверждалось, что фраза *Закрой дверь!* имеет презумпцию 'Дверь открыта'. На самом деле суждение 'Дверь открыта' не презумпция фразы *Закрой дверь!*; однако истинность этого суждения составляет условие успешности акта побуждения, осуществляемого с помощью данной фразы. Действительно, побуждение (каузация словом), как и каузация вообще, может быть успешным лишь при условии, что состояние, достижение которого является целью акта побуждения, не имеет места. Условия успешности речевых актов утверждения, побуждения, вопроса и обязательства указаны в табл. 1 (см. § II.2).

Как и нарушение презумпций, нарушение условий успешности может приводить к аномалиям. Так, источник аномальности фразы (7), иллюстрирующей так наз. парадокс Мура (см. Лусан 1970), выявляется при обращении к условиям успешности речевого акта утверждения: (7) *Идет дождь, но я так не считаю.*

Здесь 2-е утверждение противоречит не 1-му самому по себе (что было бы простым противоречием), а имплицатуре 'Говорящий считает, что идет дождь', соответствующей условию искренности 1-го утверждения.

Ту же природу — противоречие с условием успешности речевого акта — имеет семантическая аномалия, иллюстрируемая предложением (8) *Я не знаю, что идет дождь.* Здесь содержание высказывания вступает в противоречие с предварительным условием речевого акта утверждения — 'Говорящий знает то, что он говорит'. Действительно, в силу этого условия говорящий должен знать презумпцию 'Идет дождь' своего высказывания (8); между тем он в этом самом высказывании заявляет, что не знает ее. Для фразы *Никто не знает, что идет дождь*, во избежание того же противоречия, естественная интерпретация такова, что говорящий — и, быть может, адресат — исключаются из множества, ассоциирующегося в данном контексте со словом *никто* (ср. Gazdar 1979: 142).

Между презумпциями и условиями успешности речевых актов, конечно, много общего: условия успешности представляют собой компоненты семантического разложения соответствующих перформативных глаголов, и некоторые из этих компонентов, возможно, являются презумпциями. Однако опасности смешения здесь нет, поскольку условия успешности речевых актов заданы списком.

3. Презумпция и имплицатура дискурса

Еще одно разграничение — между презумпциями и имплицатурами дискурса по Г.П. Грайсу (Grice 1975). Естественное различие состоит в том, что презумпции вытекают из значения слов и конст-

рукций данного конкретного языка, в то время как импликатуры порождаются коммуникативными постулатами, которые никак не связаны с конвенциональными свойствами конкретных языков, а вытекают только из общих условий успешности коммуникации.

В конкретных случаях, однако, решение может и не быть однозначным. Ср., например, компонент (9б) в составе смысла предложения (9а), который в § 11.6 был назван его импликатурой:

(9) а. Если позовешь — приду; б. А если нет, то нет.

Наличие импликатуры (9б) в составе фразы (9а) проявляется в определенной особенности поведения условных предложений при отрицании — отрицанием для (9а) будут синонимичные друг другу (10а) и (10б):

(10) а. Даже если позовешь, не приду; б. Если и позовешь, все равно не приду.

В обоих предложениях с помощью частиц выражается следующий смысл: 'Если не позовешь, то не приду, но и если позовешь, тоже не приду'; т.е. импликатура (9б) переходит неизменной из утвердительного предложения в соответствующее отрицательное. Ясно, что такое отношение к отрицанию сближает импликатуры с презумпциями (о проекции импликатур см. Gazdar 1979: 135).

4. Презумпция и исходное предположение вопроса

Особую разновидность скрытой информации (не презумпция, не следствие, не импликатура, не условие успешности речевого акта) составляет так наз. исходное предположение вопроса (Kiefer 1977a): вопрос (11) *Кто хочет выступить?* имеет исходное предположение 'Кто-то хочет выступить'; вопрос (12) *В каких странах проводится исследование загрязнения воды?* имеет исходное предположение 'В некоторых странах проводится исследование загрязнения воды'. В ряде работ исходное предположение вопроса отождествляется с презумпцией (см. Хинтиikka 1974; Вøeg, Lysaen 1976). Однако исходное предположение вопроса играет в семантике вопроса иную роль, чем то, что можно назвать презумпцией вопроса. Исходное предположение может нарушаться без ущерба для коммуникации — в число допустимых ответов на вопросы (11) и (12) входят: *Никто не хочет; Ни в каких не проводится*. Между тем реплика, действительно нарушающая презумпцию вопроса, свидетельствует о неудаче коммуникативного акта. Таковой, например, является для вопроса (12) реплика *Загрязнения воды не существует* (или: *Какое загрязнение воды?*).

Презумпциями вопроса естественно считать только те суждения, которые будут презумпциями всех его допустимых ответов, в том числе "отрицательных". А исходное предположение вопроса (специального, т.е. содержащего вопросительное слово) — это такое суждение, которое является следствием всех его положительных ответов; например, суждение *Кто-то хочет выступить* является следствием ответов *Иванов хочет выступить; Иванов и Петров хотят выступить* и т.д.

5. Презумпция и вводный компонент

В предложении с аппозитивным — как бы вводным — придаточным

(13) Боб, который недавно ездил в Баку, пропустил последнее занятие семинара

имеется семантический компонент 'Боб недавно ездил в Баку', который не имеет ассертивного статуса — он не утверждается, в отличие от компонента 'Боб пропустил последнее занятие семинара'. Однако этот компонент, вопреки Keenan 1971, не является и презумпцией: в ситуации, когда этот компонент ложен, предложение не становится аномальным.

Исходной структурой для предложений с аппозитивным придаточным принято считать конъюнкцию (ср. Падучева 1974: 134). Эффект, возникающий от превращения одного из конъюнктивных членов в придаточное предложение, скорее всего прагматический и может быть описан как обратный эмфазе (см. Böer, Lycan 1976), а именно, снижающий тот пафос, который естественно сопровождает каждое отдельное утверждение. Это своего рода антиэмфаза.

По-видимому, таким же прагматическим эффектом антиэмфазы сопровождается переход к так наз. вводному употреблению глаголов по Urmson 1963 (помимо основного изменения, состоящего в том, что за высказывание отвечает и говорящий, а не только субъект установки, ср. Reinhart 1975), ср.:

(14) а. Остин полагал, что это допущение излишне; б. Как и полагал Остин, это допущение излишне.

§ 4. ОБЩИЕ СВОЙСТВА ПРЕЗУМПЦИЙ

1. Первое свойство презумпций, которое в § 1 было положено в основу определения этого понятия, состоит в том, что ложность презумпции предложения *S* (в некоторой данной ситуации) делает употребление *S* в высказывании (в этой ситуации) аномальным. Это отличает презумпции от следствий, от вводных компонентов и от исходных предположений вопроса. Что касается условий успешности речевого акта и импликатур дискурса, то их нарушение тоже приводит к аномалии, и по этому параметру они не отличимы.

2. Презумпции предложения сохраняются при отрицании. Если презумпция определяется как условие наличия истинностного значения, то сохранение презумпций при отрицании непосредственно следует из определения презумпции. Возникает вопрос — как объяснить связь презумпций с отрицанием, если отказаться от функционально-истинностного определения презумпции. Объяснение состоит в том, что никакой специальной связи презумпций именно с отрицанием на самом деле и нет. Отрицание — лишь частный случай оператора, который: а) обладает максимально широкой областью осмысленности — его можно применять к любой пропозиции; б) не добавляет таких компонентов, которые могут взаимодействовать с содержанием презумпции; ср. пропозициональные установки, которые добавляют новый субъект, конкурирующий с говорящим субъектом.

С другой стороны, почему ложность каких-то компонентов, входящих в состав высказывания, делает высказывание в данной ситуации аномальным? Очевидно, дело в том, что смысловые компоненты предложения образуют естественную иерархию, и некоторые занимают в этой иерархии столь глубокое место, что не могут меняться без разрушения всего здания: объект должен существовать, чтобы имело смысл говорить, что с ним происходит; факт должен иметь место, чтобы стоило выяснять его причины, и т.д. Таким образом, функционально-истинностное определение презумпции не необходимо для объяснения того, что презумпции не подвергаются действию отрицания, равно как и других сентенциональных операторов. Тест на отрицание не может, однако, всегда служить критерием презумпции, поскольку при всей "неразборчивости" отрицания к содержанию подчиненной пропозиции, есть такие пропозиции, для которых присоединение 'Неверно, что' не дает семантически полноценного результата. А именно, имеются следующие возможности интерпретации смысла 'Неверно, что S'.

1) Смысл 'Неверно, что S' может быть выражен просто путем перевода предложения S в соответствующее ему грамматически отрицательное; т.е. чтобы выразить смысл 'Неверно, что S', достаточно добавить в S отрицательную частицу (или частицы) и, быть может, произвести какие-то сопутствующие преобразования (Падучева 1969).

Так, 'Неверно, что отрезки a и b равны' = *Отрезки a и b не равны*.

2) Смысл 'Неверно, что S' понятен (и полноценен), но не может быть выражен путем перевода предложения S в соответствующее отрицательное. Так обстоит дело, например, с предложением

(1) Суданские негры еще выше, чем норвежцы.

Оно означает: 'Норвежцы высокие <презумпция>; суданские негры выше их <ассерция>'. Тогда 'Неверно, что (1)' должно означать: 'Норвежцы высокие <презумпция>; суданские негры не выше их <ассерция>'. Но этот смысл не имеет простого выражения. Поэтому в (1) трудно использовать тест на отрицание при выявлении презумпции.

3) Смысл 'Неверно, что S' в том или ином отношении неполноценен. Например, такая неполноценность часто возникает в том случае, если S — конъюнкция. Действительно, если $S = 'S_1 \& S_2'$, то смысл 'Неверно, что S' может быть перефразирован так: 'То ли не S_1 , то ли не S_2 , то ли ни то, ни другое, причем неизвестно, что именно'. Такой смысл может оказаться неполноценным, если трудно представить себе фактическую ситуацию, которая дала бы говорящему основание для столь неинформативного утверждения (см. в Grice 1975 о прагматических ограничениях, накладываемых на дизъюнкцию).

4) Смысл 'Неверно, что S' вообще непонятен. Ср. предложение (2) *Скоро апрель, а на дворе мороз*; смысл 'Неверно, что (2)' столь загадочен, что даже не допускает перефразировок. В самом деле, у предложения (2), в соответствии с определением 2, имеется презумпция, порождаемая союзом *а*, — о несоответствии соединяемых компонентов (точнее, обозначаемых ими фактов) друг другу: 'Если скоро апрель, то, вообще говоря, не должно быть мороза', см. Крейдлин. Падучева 1974 (действительно, если между фактами нет несоответ-

ствия, то возникает аномалия: ²*Скоро январь, а на дворе мороз*); однако эта презумпция не может быть выявлена с помощью теста на отрицание.

Во всех случаях, когда отрицание S дает неполноценный смысл, отрицание нельзя использовать для выявления презумпции. В частности, неполноценность смысла 'Неверно, что S' вызывается наличием в S конъюнкции (а значит, более чем одного утверждения).

3. Свойство презумпций не подвергаться отрицанию — это частное проявление более общего их свойства: не подвергаться действию никаких подчиняющих операторов, применяемых к предложению. Так, фраза (3) *Я рад тому, что Петя тоже приехал* сохраняет презумпцию 'Приехал кто-то еще', входящую в смысл предложения *Петя тоже приехал*. Действительно, смысл (3) таков, что поводом для радости служит не то, что приехал кто-то еще, а только то, что приехал Петя.

Рассмотрим предложение (4) *Странно, что пришли только малыши*. Его составляющая (4') *Пришли только малыши* имеет два семантических компонента: а) 'Малыши пришли <презумпция>'; б) 'Больше никто не пришел <ассерция>'. Аргументом предиката *странно* является, однако, только компонент б), ассертивный; действительно, (4) = 'а) Малыши пришли; б) Странно, что больше никто не пришел'. Компонент а), составляющий презумпцию не только (4'), но и (4), не входит в сферу действия главного предиката в (4), ср. Keenan 1971.

Интересный пример приводится в Langendoen 1971: в предложениях (5) *Он справедливо обвиняет Ивана в поверхностном отношении к людям* и (6) *Он справедливо осуждает Ивана за поверхностное отношение к людям* сферой действия обстоятельство *справедливо* является в каждом случае только утверждение, т.е. (5) = 'Он справедливо считает, что Иван поверхностно относится к людям', а (6) = 'Он справедливо считает, что поверхностное отношение к людям дурно' (см. анализ презумпций глаголов *обвинять* и *осуждать* в Fillmore 1969).

Имеются, однако, некоторые непоследовательности: одни презумпции сохраняются при всех изменениях модальности и иллокутивной функции пропозиции, а для других это не так. Так, в примере (7) 'Иван уехал' является презумпцией у всех предложений (а) — (в), а в (8) — только у (а) и (б); в (8в) неясно, считает ли говорящий отъезд Ивана несомненным фактом, или он тоже подвергается действию оператора 'кажется':

(7) а. Он не рад тому, что Иван уехал; б. Он рад тому, что Иван уехал; в. Кажется, он рад тому, что Иван уехал.

(8) а. Не только Иван уехал; б. Только Иван уехал? в. Кажется, только Иван уехал.

Впрочем, свойство не подвергаться действию подчиняющих операторов характеризует не одни только презумпции: оно объединяет презумпцию с вводным компонентом. Так, в предложении *Мери убеждена, что Боб, который ездил в Баку, пропустил последнее занятие семинара* убеждение в том, что Боб ездил в Баку, принадлежит не Мери, а говорящему, т.е. не подвергается действию предиката пропозициональной установки. Аналогично, в контексте пропозициональной установки в предложении (9а) предметом опасений ока-

зывается наличие у Остина данного мнения (*Он боится, что Остин полагал, что это допущение излишне*), тогда как в (96) тот факт, что Остин придерживался данного мнения, не подвергается сомнению (*Он боится, что, как и полагал Остин, это допущение излишне*).

4. Имеется определенное правило, касающееся относительного расположения семантических компонентов, совпадающих по смыслу с презумптивными и ассертивными частями других предложений (ср. Bickerton 1979, Вендлер 1982):

а) Ассертивный компонент предложения может далее дублироваться в форме презумпции в последующем предложении. Например: (10) Джон груб и невежествен, *что* глубоко огорчает Марию (*что* = 'то, что Джон груб и невежествен <презумпция>').

(11) У Ивана есть жена. *Жена Ивана* работает в сберкассе (*жена Ивана* — определенная ИГ, которой соответствует презумпция 'Существует некто, являющийся женой Ивана' = 'у Ивана есть жена').

(12) Кто-то разбил чашку. Наверное, *это* ты (*это* = 'тот, кто разбил').

(13) Я смертен. И я рад, что я *смертен* (Горький); Господа, я далеко не литератор, и вы *это* видите.

(14) Джон работал, и он до сих пор не прекратил *работу*.

б) Между тем обратное расположение компонентов приводит к аномалии — ассертивная часть данного предложения не может совпадать с презумпцией предложения, предшествующего данному: (10') **Марию глубоко огорчает, что Джон груб и невежествен, каковым он является*; (11') **Жена Ивана работает в сберкассе. У Ивана есть жена*.

Примеры (15), (16), на первый взгляд нарушающие данное правило, на самом деле не являются таковыми — в (15) компонент *Джон груб и невежествен* не является презумпцией в 1-м упоминании (*говорить* не фактивный глагол), а в (16) этот компонент является презумпцией в обоих упоминаниях: (15) *Мария говорит, что Джон груб и невежествен, каковым он и является*; (16) *Марию возмущает, что Джон груб и невежествен, каковым он оказался не по своей вине*.

В предложении *Только Джон вышел на улицу, больше никто* вторая часть дублирует ассертивный компонент первой, но не презумпцию. Дублирование презумпции дало бы аномальный результат: **Только Джон вышел на улицу, он вышел на улицу*.

Нарушение описанного закона неповторимости презумпции в форме утверждения возможно только в том случае, если имеются союзы, частицы или эмфатические средства, специально отмечающие это нарушение:

(17) Мария не знает, что Иван уехал, но Иван-таки уехал; Иван перестал бить свою жену, но *ведь* он бил ее.

§ 5. ПРИМЕРЫ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРЕЗУМПЦИЙ

Каждая презумпция "порождается" каким-то элементом предложения, т.е. входит в описание его значения. Одни презумпции соответствуют автономному компоненту поверхностной структуры предложения, например придаточному предложению или именной группе: в семантическом представлении достаточно указать, что факт, соответствующий данной пропозиции, имеет место (фактивные презумпции) или что объект, соответствующий данному описанию, существует (экзистенциальные презумпции). В других случаях презумпция входит в значение слов и выявляется только при толковании слова. Ниже рассматриваются примеры презумпций обоих типов.

1. Экзистенциальные и фактивные презумпции

С каждым собственным именем связана презумпция существования и единственности соответствующего объекта (при этом речь может идти о существовании в универсуме речи, например, в некотором вымышленном мире, который, однако, на протяжении данного акта речи рассматривается как реальный); ср. Reichenbach 1947, с. 256: "Синтаксическое употребление собственных имен таково, что предложение, содержащее собственное имя, предполагает (involves) существование соответствующего объекта независимо от того, является ли это предложение истинным или ложным". В контексте предиката, обозначающего действие, экзистенциальная презумпция связана с именной группой, выражающей агенс. Например, в семантическое представление предложения (1) входит презумпция существования, соответствующая ИГ *двоюродная сестра Ивана и сын двоюродной сестры Ивана*:

(1) *Сын двоюродной сестры Ивана женился на зулуске.*

Именная группа с ограничительным придаточным определительным (в контексте глаголов действия) обычно порождает презумпцию существования и единственности объекта, обладающего тем свойством, которое задается придаточным:

(2) *Вазу, которую я ей подарил, она поставила на пол.*

Предложение (2) включает презумпцию: 'Существует и единственна ваза, которую я ей подарил'.

Следует оговорить, что в предложениях типа (2) презумпция существования, соответствующая именной группе, обусловлена не одной лишь внутренней структурой этой группы, как полагал Фреге, а обязательно требует контекста предиката в главном предложении, обозначающего конкретное действие. Так, в предложении

(3) *Тот, кто победил (= 'тот человек, который победил'), должен быть великодушен*

придаточному не соответствует презумпции существования.

Перейдем теперь к фактивным презумпциям. Как уже говорилось, многие предикаты (глаголы, прилагательные и предикативы), вводящие придаточное дополнительное (*знает, сожалеет, удивляется, огорчен, рад* и т.д.) или придаточное-подлежащее (*доказывает, свидетельствует* и т.д.), имеют презумпцию истинности суждения, выражаемого

придаточным предложением (Kiparski, Kiparski 1970). Такие предикаты называются **фактивными**. Ср. (4а) и (4б):

(4) а. Он *знает*, что мы вернулись;

б. Он *думает*, что мы вернулись.

Предложение (4а) с глаголом *знать* имеет презумпцию 'Мы вернулись', а предложение (4б) с глаголом *думать* не имеет такой презумпции. Отрицание предложения (6а) дает предложение *Он не знает, что мы вернулись* с той же презумпцией 'Мы вернулись'.

Различие между фактивными предикатами (типа *рад*) и нефактивными может проявляться и в их синтаксическом поведении. Ср.:

(5) $\neg$ (Я рад, что он уезжает) = Я не рад, что он уезжает;

(6) $\neg$ (Он решил, что уедет) = Он не решил, уедет он или нет.

Семантическое противопоставление по наличию/отсутствию презумпции факта возможно не только для придаточных предложений, но и для именных групп:

(9) а. Она знает искренность ваших намерений (презумпция: *Ваши намерения искренни*); б. Она верит в искренность ваших намерений (нет такой презумпции).

Если фактивный глагол не обозначает действия или состояния, отнесенного к определенному моменту или периоду (например, если он употребляется в сослагательном наклонении, буд. времени, в контексте общности или модальности), то презумпции факта может и не возникать; так что презумпция порождается не глаголом, а глаголом в контексте пропозиции с определенным денотативным статусом (см. § IV. 7):

(10) а. Его отказ от игры *не способствовал* росту популярности шахмат;

б. Его отказ от игры *не будет способствовать* росту популярности шахмат.

Предложение (10а) имеет презумпцию 'Он отказался от игры', и глагол *способствовать* фактивный; однако (10б), где этот глагол стоит в буд. времени, имеет два понимания — с презумпцией и без: а) 'То, что он отказался от игры, не будет способствовать росту популярности шахмат'; б) 'Если он откажется от игры, это не будет способствовать росту популярности шахмат'.

Среди фактивных предикатов выделяется группа **когнитивов** (*знать, сознавать, помнить, забыть* <что>, *скрывать* и т.д.) и группа **эмотивов** (*радоваться, гордиться, сердиться, злиться, обижаться, стыдиться, удивляться, расстраиваться* и т.д.). Глаголы 2-й группы не требуют фактивной презумпции: достаточно наличия соответствующего убеждения у субъекта пропозициональной установки (см. Kieffer 1977b). Так, в высказывании (11) *Федя радуется тому, что отменены занятия* говорящий может полагаться в вопросе об отмене занятий на мнение Феде. По-видимому, такое же употребление допускают все глаголы "возмездительного" действия (см. Падучева 1980а): *ругает, хвалит, благодарит, критикует* за; так, во фразе *Директор уволил Ивана за опоздания* презумпция наличия опозданий может принадлежать директору и не разделяться говорящим.

Что касается предикатов с эмотивным значением, то интересно рассмотреть пары типа *радуется* — *рад*, *гордится* — *горд*, *сердится* — *недоволен*, *стыдится* — *стыдно*, *удивляется* — *удивлен*; в этих парах

2-й элемент, обозначающий состояние, требует фактивной презумпции от самого говорящего, а 1-й, который не требует, обозначает не состояние, а процесс.

Допустимость отстраненного понимания придаточного доказывається возможностью вставки в него "загородок" (hedges):

(12) Федя радуется тому, что занятия якобы отменены;

(13) *Федя рад тому, что занятия якобы отменены.

В классификации Карттунена (Karttunen 1971a) был выделен класс предикатов, которые называются *у с л о в н ы м и*. Предложение S с предикатом этого класса влечет P, а из TS не следует ни P, ни TP. Здесь требуется, однако, более тщательный анализ. Так, глагол *заставить* считается условным, поскольку утверждается, что *Он заставил меня остаться дома* $\supset$ *Я остался дома*, но *Он не заставил меня остаться дома* $\nRightarrow$ *Я остался дома* и $\nRightarrow$ *Я не остался дома*. Однако предложение *Он не заставил меня остаться дома* при нормальном его употреблении (т.е. без эмфазы и вне контекста противопоставления) имеет семантический компонент 'Я не остался дома' и является имплицативным. Понимание, при котором этот компонент исчезает, требует эмфазы или противопоставления (ср. о "внешнем" отрицании в § 1). Между тем в контексте противопоставления возможны какие угодно сдвиги логических акцентов и утрата презумпций, ср. пример из Fillmore 1969: слово *escape* в контексте противопоставления — *I didn't ESCAPE from the prison; they released me* 'Я не убежал из тюрьмы; меня освободили' — утрачивает свою презумпцию 'х был удерживаем силой'. Или пример из G. Lakoff 1972: слово *pretend* при произнесении с эмфатической интонацией теряет презумпцию 'Событие X не имеет места', как в предложении *He doesn't PRETEND to be ill* со значением 'Он не притворяется больным, а на самом деле болен'.

Противопоставление по наличию/отсутствию фактивной презумпции допускают не только актантные, но и обстоятельственные ИГ. Так, предложение (14) *Поезд не остановится из-за плохой погоды* имеет два понимания (различаемых интонационно): а) 'Поскольку погода плохая, поезд не остановится'; б) 'Неверно, что если погода будет плохая, то поезд остановится'. Различие смыслов определяется, во-первых, различием в сфере действия отрицания, а во-вторых, наличием/отсутствием презумпции 'Погода плохая', порождаемой обстоятельством.

В качестве примера презумпций, описывающих значение грамматической категории, можно привести контрфактическую презумпцию, выражаемую сослагательным наклонением глагола в условном предложении в английском языке (ср. Morgan 1969)³:

(15) *If Brutus hadn't persuaded Caesar to go to the senate, the conspiracy would have failed* 'Если бы Брут не уговорил Цезаря прийти в сенат, заговор бы провалился'.

Человек, понимающий смысл предложения (15), получает из него информацию о том, что Брут уговорил Цезаря прийти в сенат.

В русском условном предложении сослагательное наклонение

³ В Karttunen, Peters 1979 делается попытка, едва ли успешная, вывести контрфактическое значение (15) из прагматических предпосылок.

означает невыполненное условие только в случае лексически или контекстно выраженной отнесенности условия к плану прошлого:

(16) Если бы ты *вчера* туда пошел, ты бы узнал много нового;

(17) Если бы ты туда пошел, ты бы узнал много нового.

Предложение (17), в котором время действия не определено, имеет два понимания; в одном оно означает 'Если ты туда пойдешь, ты узнаешь много нового' и не содержит никаких презумпций относительно выполнения или невыполнения условия, соответствующего придаточному предложению; при другом понимании речь идет о действии, отнесенном к прошлому, и тогда (17) означает (если пренебречь различием между утверждениями и презумпциями) 'Ты туда не пошел, но если бы пошел, то узнал бы много нового'.

2. Презумпции в толкованиях слов

Значение слова, как правило, состоит из нескольких смысловых компонентов. При этом одни компоненты значения как бы несут логический акцент, а остальные выражают условия, при которых эти главные (ассертивные) компоненты вообще имеют смысл.

При отрицании предложения с семантически разложимым словом (предикативно употребленным) отрицаются не все компоненты его значения, а только главные; имплицитные компоненты входят в состав отрицательного предложения так же, как они входили в состав утвердительного. Таким образом, имплицитные компоненты значения слова являются презумпциями.

Так, значение слова *помогать* может быть описано следующим образом (Апресян 1974): *А помогает В в С* ≈ 'В прилагает усилия к С, а А присоединяет к ним свои'. Это описание будет, однако, неполным, если не указать, что 1-й компонент смысла 'В прилагает усилия к С' составляет презумпцию. Только после этого понятно, почему в контексте отрицания (*А не помогает В в С*) отрицается только участие А, а не тот факт, что В прилагает усилия. Ср. известную присказку *Один ничего не делает, а другой ему помогает*: аномалия вызвана тем, что презумптивный компонент одной части сочиненного предложения — 'В прилагает усилия к С' — противоречит другой его части: 'В ничего не делает'.

Презумпции входят в значение фазовых глаголов (*начать, перестать, продолжать, прекратить, кончить, бросить*). Так, *Он бросил курить* означает 'Он курил и перестал <курить>', причем *Он курил* — презумпция. Поэтому *Он не бросил курить* означает 'Он курил и не перестал <курить>'. Предложение (18) *Он продолжает работать* означает: 'а) Он работал до настоящего момента; б) Он работает в настоящий момент', причем (а) — презумпция. Поэтому 'Неверно, что (18)' = 'Он перестал работать', т.е. 'Он работал до настоящего момента <не обязательно вплоть до!>, а в настоящий момент не работает'.

Пожалуй, наиболее принципиальной является роль понятия презумпций для описания семантики частиц, поскольку у частиц, как правило, в сё значение сводится к выражению каких-то презумпций.

Известно, что при отрицании предложения с частицей *уже* надо заменить *уже* на *еще*, и наоборот (см. Падучева 1974:149). Отчего это

происходит? Рассмотрим фразу (19) *Ребенок уже уснул*. Ее смысл (слегка огрубляя) — 'а) Ребенок должен был уснуть и б) Он уснул', причем компонент (а) — презумпция. В соответствии с этим анализом, отрицание фразы (19) должно иметь смысл 'а) Ребенок должен был уснуть и б) Он не уснул'. Ясно, что этот смысл адекватно передается предложением (20а) и ни в коем случае не предложением (20б):

(20) а. *Ребенок еще не уснул*; б. *Ребенок уже не уснул*.

Действительно, (20а) = 'а) Ребенок должен был уснуть и б) Он не уснул', т.е. (20а) сохраняет презумпцию предложения (19), а асертивный компонент из (19) меняет на противоположный. Это происходит следующим образом. Каждой из частиц соответствует правило вычисления презумпций, причем частицы антонимичны, так что и правила антонимичны. Но поскольку правила применяются к противоположным аргументам — 'Ребенок уснул' в (19) и 'Ребенок не уснул' в (20а), — порождаемая презумпция оказывается в (19) и (20а) одной и той же.

Значение частицы *даже* рассмотрим на примере предложения (21) *Даже первоклассники меня поняли*, которое имеет следующий смысл: 'а) Первоклассники меня поняли, б) Кто-то другой меня понял, в) От первоклассников этого было труднее всего ожидать', причем компоненты (б) и (в) — презумпции, порождаемые словом *даже*, а компонент (а) соответствует значению предложения, "за вычетом" частицы (ср. анализ *даже* в Вежбицка 1968). Однако для *даже*, в отличие от *уже*, нет такой парной частицы, которая позволяла бы подвергать предложение отрицанию, сохраняя в нем исходные презумпции. Поэтому предложение (21) не имеет соответствующего грамматически отрицательного.

Презумпцией выражается также смысл частицы *опять*. Рассмотрим, например, фразу (22) *Он вчера опять опоздал*. Ее смысл 'а) Он раньше опаздывал <презумпция>, б) Он вчера опоздал <ассерция>'. Распределение презумптивной и асертивной части — единственное, что отличает по смыслу (22) от (23) *Он вчера не впервые опоздал*. Действительно, при отрицании (23) отрицается компонент (а), т.е. отрицание (23) должно иметь смысл 'а) Он раньше не опаздывал <ассерция>, б) Он вчера опоздал <презумпция>'. Этот смысл адекватно выражается предложением *Он вчера впервые опоздал*. Между тем отрицание (22) должно иметь смысл 'а) Он раньше опаздывал <презумпция>, б) Он вчера не опоздал <ассерция>', который нельзя выразить простым предложением.

Однако не всякий имплицитный компонент смысла — презумпция. Семантический компонент 'И это мало' входит в состав значения слова *меньше* (в одном из его употреблений), а противоположный — 'И это много' — в состав значения слова *больше* (факт, обнаруженный Э.Сепиром, см. Sapir 1944):

(24) а. *Я ждал больше двух часов* = 'Я ждал около двух часов, и это много'; б. *Я ждал меньше двух часов* = 'Я ждал около двух часов, и это мало'.

Поэтому *Собрано более двух миллионов пудов хлеба* ≠ *Собрано менее трех миллионов пудов хлеба*.

Присоединение частицы *не* к одному из этих слов равносильно его замене на другое, и потому не дает возможности получить из

предложения со значением 'Х' предложение со значением 'Неверно, что Х': *Я ждал не больше двух часов* = 'Я ждал около двух часов, и это мало'. Компонент 'И это много' не сохраняется, а меняется на противоположный; поэтому он не является презумпцией.

Понятие презумпции позволяет объяснить, почему не имеют соответствующих грамматически отрицательных предложения со словом *почти* (ср. Падучева 1969):

(25) а. Он решил почти все задачи = 'Он решил не все задачи, но осталось немного'; б. Он почти закончил работу = 'Он не закончил работу, но осталось немного'.

Семантическое представление предложения с *почти* представляет собой конъюнкцию из двух элементов, из которых ни один не является презумпцией. Поэтому смыслы 'Неверно, что (25а)' и 'Неверно, что (25б)' неполноценны: они неинформативны. Так, 'Неверно, что (25а)' = 'То ли он решил все задачи, то ли не решил многих задач'; 'Неверно, что (25б)' = 'То ли он закончил всю работу, то ли ему много осталось до конца'.

С презумпциями связано широко обсуждавшееся в литературе понятие сочетаемостной характеристики предиката (selectional feature, см. Chomsky 1965). Это понятие было предложено для описания важного явления, состоящего в том, что нормальное употребление данного слова (предиката) часто предполагает наличие некоторого семантического признака у синтаксически связанного с ним слова (актанта). Такими ожидаемыми семантическими признаками актантов могут быть, например, "одушевленность", "неодушевленность", "мужской пол", "женский пол", "промежуток времени" и т.д. Соответственно, сочетаемостными характеристиками предикатов будут: требование одушевленности, мужского пола и проч. Ср. аномальность фразы *The boy frightens sincerity*, возникшую из-за употребления глагола *to frighten* в контексте, не соответствующем его сочетаемостной характеристике. Впрочем, как показал У. Вейнрейх (Weinreich 1966), для возникновения нормального сочетания не обязательно наличие у актанта данного семантического признака — достаточно отсутствия противоположного: при образовании сочетания предикат как бы индуцирует у актанта соответствующий признак (если тот не имеет его сам по себе)⁴. Так (пример Вейнрейха), английское прилагательное *pretty* имеет сочетаемостную характеристику <неодушевленный> или <одушевленный + женский пол>. Поэтому сочетание *pretty girl* (где *girl* имеет семантические признаки "одушевленный", "женский пол") нормально; сочетание *pretty children* тоже нормально: при образовании словосочетания в толкование слова *children* добавляется семантический признак "женский пол"; и только сочетание *pretty man* аномально, так как слово *man* обладает противоположным признаком "мужской пол".

Механизм действия сочетаемостных ограничений такого типа может быть описан с помощью понятия презумпции: в состав толкования предиката входит схема презумпции, и семантическая нормальность

⁴Более точная формулировка состоит в том, что предикат требует не наличия тех или иных семантических признаков у именной группы, а наличия соответствующих свойств у ее референта, см. Арутюнова 1976а: 374.

сочетания данного слова с некоторым другим определяется тем, насколько правдоподобна будет презумпция, получающаяся при подстановке конкретного актанта на место переменной в этой схеме. Так, предложение *Этот пылесос надо мной издевается* осмысленно, если понимать его как содержащее презумпцию одушевленности пылесоса, порожденную одним из компонентов толкования предиката *издевается*, у которого слово *пылесос* является актантом. Таков общий механизм персонификации неодушевленных объектов в контексте предиката, который требует одушевленных актантов.

§ 6. ПРОБЛЕМА НАСЛЕДОВАНИЯ ПРЕЗУМПЦИЙ

Презумпция порождается смыслом какого-то слова или синтаксической конструкции (быть может, в контексте фиксированного денотативного статуса пропозиции — утвердительного или презумптивного). Проблема наследования презумпций состоит в том, всегда ли презумпции, порождаемые таким локальным контекстом ("потенциальные" презумпции), сохраняются в более широком контексте — в частности, в сложном предложении. Правила, позволяющие вычислять презумпции сложного предложения на основе потенциальных презумпций и контекста, называются правилами **на следования** (или проекции) презумпций.

Первое предположение, выдвинутое в работе Langendoen, Savin 1971, где проблема наследования была впервые поставлена, состояло в том, что правило наследования имеет следующий простой вид: всякая потенциальная презумпция *P* простого предложения *S'* в сложном предложении *S*, включающем в свой состав *S'*, сохраняется неизменной. Именно это простое правило демонстрируется, скажем, примерами (3) — (7) из § 4. В целом, однако, ситуация сложнее, и ее можно описать как результат взаимодействия нескольких различных правил. Правила естественнее формулировать на семантических компонентах, а не на поверхностных составляющих предложения.

Правило 1 (транзитивность презумпций). Если семантический компонент *S'* в составе предложения *S* является презумпцией или следствием *S*, а компонент *P* — презумпция *S'*, то *P* — презумпция *S*.

Действие этого правила иллюстрируется примерами (3) — (7) из § 4. Рассмотрим еще некоторые примеры. Фраза (1а) имеет презумпцию (1б); а (1б) в свою очередь имеет презумпцию (1в). Поэтому (1в) — презумпция фразы (1а) в целом:

- (1) а. После отторжения Шлезвиг-Гольштейна от Дании между Австрией и Пруссией возник конфликт; б. Шлезвиг-Гольштейн был отторгнут от Дании; в. Шлезвиг-Гольштейн до этого принадлежал Дании.

Предложение (2а) имеет презумпции (2в, г) — поскольку их имеет (2б), само являющееся презумпцией (2а):

- (2) а. Теперь ты убедился, что даже Володе нравится наша кошка? б. Даже Володе нравится наша кошка; в. Другим людям нравится наша кошка; г. От Володи этого трудно было ожидать.

То же правило действует в (3):

- (3) Я не делаю вид, что я не знаю, что он богат.

Здесь компонент 'Он богат' — это презумпция компонента 'Я знаю, что он богат', который сам является презумпцией предложения (3), а следовательно, 'Он богат' — презумпция предложения (3) в целом.

Пример (3) показывает, что презумпции предложения естественным образом вычисляются при движении "сверху вниз" по его семантическому представлению: сначала вычисляется презумпция 'Я знаю, что он богат', а потом 'Он богат'. Если идти "снизу вверх" по предложению, мы сразу наткнемся на составляющую *Я не знаю, что он богат*, которая вне контекста глагола *делать вид*, требующего контрфактической интерпретации дополнения (в результате чего получается осмысленный компонент 'Я знаю, что он богат'), вообще аномальна, см. § 3.

Приведем пример более сложного вычисления наследования презумпций в соответствии с правилом 1 (пример взят, с некоторыми изменениями, из работы Karttunen 1973, где он приводится в несколько иной связи):

- (4) Мери огорчена, что Фред не осмелился перестать выполнять указания своего начальника.

Предложение (4) имеет, в частности, следующие семантические компоненты:

- (а) У Фреда есть начальник <презумпция>; (б) Начальник дает Фреду указания (= 'Существуют указания начальника Фреду') <презумпция>; (в) Фред выполняет указания своего начальника <следствие>; (г) Фред не осмелился перестать выполнять указания своего начальника <презумпция>.

В то же время (4) не имеет семантического компонента (д) *Фред перестал выполнять указания своего начальника*, что, вообще говоря, требует объяснения, поскольку в (4) имеется два однотипных синтаксических компонента — *выполнять указания своего начальника* и *перестать выполнять указания своего начальника*, и одному из них соответствует семантический компонент вида 'Фред выполняет...', ср. (в), а другому не соответствует семантический компонент вида 'Фред перестал...', ср. (д).

Вычисление презумпций происходит следующим образом. Компонент (г) является презумпцией предложения (4) — вследствие фактивности предиката *огорчен* и утвердительного денотативного статуса соответствующей пропозиции. Далее, компонент (г), в силу отрицательной имплицативности *не осмелился*, имеет следствие (в') *Фред не перестал выполнять указания своего начальника*, из которого, в силу имплицативности *не перестал* (= 'продолжает'), выводится следствие (в). Компонент (в) имеет презумпцию (б), как следствие фактивности предиката *выполняет* и асертивного статуса пропозиции. По правилу 1, (б) — презумпция не только (в), но и самого (4). Аналогично получаем, что (а) — презумпция (4).

Правило 2 (насыщение презумпций). Если потенциальная презумпция Р в составе предложения S дублирует асертивный компонент того же содержания — относящийся к тому же возможному миру, к которому относится Р, — то презумпция Р насыщается и не является презумпцией S.

Так, предложение

(5) Я тоже поеду в Калугу

имеет презумпцию 'Кто-то поедет в Калугу'; между тем, предложение

(6) Когда вы поедете в Калугу, я тоже поеду <в Калугу>, в состав которого входит (5), этой презумпции не имеет.

Другие примеры такого рода:

(7) а. Иван раньше курил, но теперь бросил курить.

б. Если Иван и бил свою жену, то теперь перестал <бить свою жену>.

(8) а. У Джона есть жена, но она сейчас в больнице. б. Если у Джона есть жена, она красавица.

(9) а. Мария курит, а Иван знает, что она курит. б. Если бы Мария курила, Иван бы знал, что она курит. в. Мария курит, и, возможно, Иван не знает, что она курит.

Сопоставление пар предложений в примерах (7) — (9) показывает, что несущественно, имеет ли место совпадение презумпции реального мира говорящего с другим суждением, истинным в реальном мире, или же речь идет о мире, порождаемом условным предложением. Презумпция одной из частей предложения не является презумпцией целого предложения, потому что она дублирует некоторый смысловой компонент того же предложения и насыщается. Если же в первом вхождении соответствующий смысловой компонент тоже имеет форму презумпции, то презумпция в составе целого предложения сохраняется.

Насыщение презумпции в контексте ассертивного предупоминания следует отличать от так наз. п о д а в л е н и я (cancellation) презумпции: последний термин естественно применять к потенциальной презумпции, если она почему-либо не переходит в реальную. Например, о подавлении можно говорить в контексте, где презумпция говорящего, т.е. презумпция реального мира, переходит в презумпцию мира, отличного от реального.

Правило насыщения получает естественную интерпретацию на базе прагматического подхода к презумпциям: презумпция предложения предъявляет определенное требование к контексту (касающееся то ли истинности в нем некоторого утверждения, то ли наличия определенной информации). Если выясняется, что условие соблюдено в пределах предложения, то презумпция насыщается и не переходит в требование, которое предъявляет к своему контексту предложение в целом.

Правило 3 (факультативная окраска презумпций). Если составляющая с потенциальной презумпцией Р является синтаксическим актантом миропорождающего предиката, то имеется две возможности: а) Р является презумпцией в соответствующем мире и может быть переведена в презумпцию реального мира (или, по крайней мере, в суждение, истинное в реальном мире) при соответствующем изменении содержания — модальной "окраске" (термин "окраска" — из Schiebe 1979); б) Р остается презумпцией в реальном мире.

Различие пониманий а) и б) не имеет регулярного семантического выражения, и обычно возникает неоднозначность. Примеры неоднозначного понимания предложений, удовлетворяющих условию правила 3: (10) *Мери считает, что соседский крокодил пугает ее кошку*: а. Мери считает, что у соседей есть крокодил; б. У соседей есть крокодил.

- (11) *Мери считает, что Джон перестал бить свою жену*: а. Мери считает, что раньше Джон бил свою жену; б. Джон раньше бил свою жену.
- (12) *Возможно, он раскаивается, что совершил нечестный поступок*: а. Возможно, он совершил нечестный поступок; б. Он совершил нечестный поступок.
- (13) *Если окажется, что бутылка пуста, значит Джон тоже побывал в доме*: а. Если бутылка пуста, то кто-то, кроме Джона, побывал в доме; б. Кто-то, кроме Джона, побывал в доме.
- (14) *Либо термометр сломался, либо вода перестала кипеть*⁵: а. Возможно, вода кипела; б. Вода кипела.

Альтернативы (а) и (б) ясно чувствуются, в частности, в контексте глаголов говорения или включающих компонент 'говорить'.

Ср. пример одновременного действия правил 3 и 2 (из Morgan 1969):

- (15) *Джону приснилось, что он немец и что он сожалеет о том, что он немец*.

По правилу 3, здесь возникает презумпция 'Джон немец', относящаяся к миру сна Джона; и в этом мире она насыщается, по правилу 2, ассертивным компонентом 'Джон немец'. В результате предложение в целом этой презумпции не имеет.

Предикат, который используется при модальной окраске презумпции, не обязательно совпадает с тем миропорождающим предикатом, в сфере которого находится потенциальная презумпция. Так, в (16) возникает, по правилу 3, в качестве варианта (а), компонент (16') Мери считает, что Джон бьет собаку:

- (16) *Мери хочет, чтобы Джон перестал бить собаку*.

Под влиянием частных обстоятельств компонент (а) может не возникать. Так, (17) понимается как содержащее (б), а не (а); в (18) компонент (а) вообще аномален:

- (17) *Ивану кажется, что только он работает*: а. Ивану кажется, что он работает; б. Иван работает.

- (18) *Если я его побью, он пожалеет, что надо мной издевался*: а. *Если я его побью, он надо мной издевался; б. Он надо мной издевался.

Для семантических компонентов, которые являются не презумпциями, а следствиями в нереальном мире, понимание (б) исключается. Так, в (19) существование гаража и машины не переносится в реальный мир:

- (19) *Жена Гуськова то ли построила гараж, то ли купила машину*.

Правило 4 (подавление альтернативных презумпций). Если Р — презумпция в реальном мире, которая существует в качестве альтернативы к окрашенной презумпции, порождаемой той же конструкцией, то Р подавляется, если вступает в противоречие с ассерцией, презумпцией или имплицатурой, относящейся к реальному миру.

Рассмотрим предложение

- (20) *Либо вода перестала кипеть, либо она вообще не кипела*.

⁵ О том, что дизъюнкция вида $A \vee B$ порождает имплицатуру 'Возможно $\neg A$ (а следовательно и 'Возможно A)', см. Gazdar 1979: 62.

Фазовый глагол *перестать* порождает потенциальную презумпцию 'Вода кипела', для которой в контексте дизъюнкции возникает, согласно правилу 3, альтернатива 'Возможно, вода кипела'. Однако второй дизъюнктивный член порождает компонент 'Возможно, вода не кипела', который вступает в противоречие с 'Вода кипела'; в результате, презумпция 'Вода кипела' подавляется. Аналогичный пример:

(21) Мери считает, что Джон бросил курить, но он на самом деле никогда не курил.

По правилу 3, получаем в качестве одной из альтернатив презумпций 'Джон курил', которая подавляется, вступая в противоречие с ассертивным компонентом 'Он никогда не курил'.

Аналогично механизму подавления альтернативных семантических компонентов, имеется механизм их подтверждения: презумпция-альтернатива переходит в настоящую презумпцию, если подтверждается другим семантическим компонентом; ср.:

(22) Дора совершила ошибку, но, возможно, она этого не понимает.

Здесь сначала выясняется, по правилу 3, что 'Дора совершила ошибку' — презумпция-альтернатива 2-го компонента. Далее эта презумпция подкрепляется в контексте соответствующей ассерции и вытесняет альтернативу 'Возможно, что Дора совершила ошибку'. Потом эта презумпция погашается по правилу 2.

З а м е ч а н и е. Приведенное описание механизмов наследования презумпций является обобщением нескольких различных подходов, которые, согласно обзору в Dinsmore 1981, могут быть объединены в три группы: композиционные подходы (Katz 1979b и Karttunen, Peters 1979), процедурные (Schiebe 1979; Prince 1978) и теория подавления презумпций (Soames 1979; Oh, Godden 1979 и в особенности Gazdar 1979).

Г л а в а IV

ДЕНОТАТИВНЫЙ СТАТУС ИМЕННЫХ ГРУПП и ПРОПОЗИЦИЙ

§ 1. КЛАССИЧЕСКАЯ И КАУЗАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ РЕФЕРЕНЦИИ

Референцией называется — в логике, а в последние годы и в лингвистике — соотнесение и соотнесенность языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями. Референция как действие (соотнесение) осуществляется говорящим: это отдельный компонент в составе речевого акта, см. § II.2. Референция как результат (соотнесенность) — это отношение, в которое вступают языковые выражения в контексте речевого акта (см. Стросон 1982a: 72; Searle 1969; Линский 1982).

Одна из проблем логической теории референции — что лежит в основе способности языкового выражения быть использованным для референции, в частности, какова роль смысла языкового выражения в механизмах референции. Имеется "классическая" теория референции (Фреге, Черч, Льюис, Карнап, Серл), которая исходит из того, что в основе способности к референции лежит смысл выражения: референция

предопределена смыслом. Ср., например, Черч 1960, с. 343: «...имя¹ всегда должно указывать свое точное значение *каким-то образом*, т.е. посредством своего смысла или сопутствующего значения. Это не исключает того, что в некоторых специальных случаях смысл имени может сводиться к тому, что денотат зовется так-то и так-то (например, в случае личных имен), или к тому, что денотат есть то, что находится в данном месте в данное время (как в некоторых случаях указательного "это")». Именно с этими ясно сформулированными здесь предпосылками связан тезис Г.Фреге о том, что смысл имен — это способ, которым оно указывает на свой денотат. (У. Куайн говорит в этой связи о способе представления объекта — *mode of presentation*).

Классической теории референции была противопоставлена в 60-е годы так наз. каузальная теория (Доннеллан, Крипке, Патнэм), в которой решающее значение в механизме референции придается не смыслу выражений, а разного рода прагматическим факторам. Так, для собственных имен Крипке дает следующее объяснение их связи с референтом (Kripke 1972, с. 315): вначале имеет место своего рода крещение — присвоение объекту имени; далее имя переходит от одного говорящего к другому, и каждый следующий говорящий употребляет его с той же референцией, что и тот человек, от которого он слышал это имя: возникает цепь референций, где каждая последующая референция каузируется предыдущей. Таким образом, в каузальной теории имена собственные соотносятся с объектами без посредства концептов. Они признаются "жесткими деизгнаторами". Это значит, что они имеют один и тот же референт во всех возможных мирах, т.е., в частности, и во всех контрфактических ситуациях. Так, на связь имени *Цицерон* с его денотатом не может повлиять никакое изменение наших представлений о свойствах Цицерона и о событиях, которые с ним происходили. Между тем дескрипции, т.е. наименования, включающие общие имена, не жестко соотнесены со своими референтами и могут относиться, в разных возможных мирах, к разным объектам.

К жестким деизгнаторам, т.е. словам, имеющим прямую связь с предметом, не опосредованную значением, причисляются в каузальной теории также некоторые общие имена, а именно, имена натуральных классов — типа *вода, золото, дуб, собака*: утверждается, что их употребление для референции, как и употребление собственных имен, основано не на концептах, т.е. смыслах слов, а определяется каузальной цепью референций; так, единственный смысл слова *вода* — 'такое же, как то, что было названо "вода" в другом месте' (ср. Патнэм 1982). Тем самым утверждается полная аналогия между именами натуральных классов и собственными именами. При этом подчеркивается, что в некоторых случаях референция обеспечивается только благодаря своего рода социальному разделению труда: например, человек может не располагать сам критерием для идентификации золота.

Как справедливо говорится в Katz 1979a:114, общей для классической и каузальной теории является предпосылка о том, что семантические

¹Под именем у Черча понимается именная группа, имеющая денотат.

²Т.е. денотат.

основы референции в случае референции с помощью собственных и общих имен одни и те же: "Классическая теория кладет в основу своей единой модели референции употребление общих имен и описывает референтное употребление собственных имен в соответствии с этой моделью. Каузальная теория поступает наоборот. Она принимает употребление собственных имен за модель референции вообще и описывает референтное употребление общих имен в соответствии с той же моделью. Обе теории исходят из того, что референция общих и собственных имен имеет одну и ту же природу: в случае классической теории это значение, в случае каузальной — знания и представления говорящих о мире". Между тем ясно, что предопределенность референции смыслом и роль семантических и прагматических факторов в референции неодинакова у разных типов выражений, способных к референции. Можно выделить, с этой точки зрения, четыре различных класса выражений (мы опускаем выражения с пропозициональным значением, поскольку они в логических работах не называются референтными, см. § 1.1).

1. Имена собственные не имеют значения (концепта) в языке, если не считать такого общего значения, как отнесение объекта к той или иной категории — людей (иногда с детализацией пола, предположительной национальности и пр.), городов, кошек и проч.: обычно такая категоризация так или иначе понятна даже тому, кто не знает денотата имени, ср. Арутюнова 1976а. Таким образом, референция собственных имен основана не на их смысле, а на внеязыковых знаниях говорящих. Здесь каузальная теория больше соответствует естественной интуиции, чем классическая.

Действительно, существенно для собственных имен именно то, что они служат средством упоминания объекта без приписывания ему каких-либо свойств (метаязыковое свойство 'имеет данное имя', которое А. Черч включает в смысл собственного имени, входит в концепт объекта только в нестандартной ситуации наличия у объекта нескольких имен, ср. Успенский 1970:40). В ситуации одновременного наличия нескольких объектов с тем же именем собственное имя может переходить в общее (см. Вендлер 1982). Так, в контекстах *Сто двадцать одну Маргариту обнаружили мы в Москве, С каким-то Чацким я когда-то был знаком* имя *Маргарита* употребляется как общее имя с концептом 'женщина по имени "Маргарита"', а *Чацкий* — 'человек по фамилии "Чацкий"'. В обычных контекстах употребления собственных имен значение 'имеет данное имя' не входит в концепт объекта, как в обычных контекстах употребления слова *лошадь* в концепт объекта не входит значение 'называется словом *лошадь*'.

Путем обращения к собственному имени человек может не выявлять полностью суждение, которое он — как человек, а не как говорящий — имеет в виду. Например, высказывание *Маруся вышла замуж за Жору* может иметь ситуативное содержание 'Моя дочь вышла замуж за негодяя', которое не является, конечно, смыслом данного предложения. О том, что использование собственного имени дает возможность говорящему не указывать своего способа представления объекта, см. Castañeda 1979; Wettstein 1979.

В некоторых контекстах понимание смысла предложения с обязательностью требует обращения к внеязыковым знаниям о предмете, обозначенном собственным именем; так, фраза *Париж всегда Париж* лишена смысла для человека, который ничего не знает об этом городе, понимая, только что *Париж* — имя собственное. Есть контексты, где по смыслу требуется указание концепта, который говорящий связывает с предметом (см. Арутюнова 1982). Если концепт оказывается скрыт за собственным именем, слушателю приходится восстанавливать этот концепт в меру его знания мира, а не языка, ср. *Это, несомненно, так, потому что мне сказал об этом Аверинцев*. Все примеры такого рода не свидетельствуют о наличии смысла у собственных имен, а показывают только, что в некоторых случаях понимание смысла предложения требует обращения к свойствам обозначаемых объектов, а не только к смыслу слов, см. Падучева 1983а.

2. **И н д е к с а л ь н ы е** (т.е. указательные, дейктические) слова и выражения имеют значение, единое во всех своих употреблениях, и референт в соответствующем контексте предопределен этим значением однозначно, ср. однозначность референта слов *я* и *ты* в каждом речевом акте. Однозначность указания на референт не исключает его неопределенности, ср. неопределенную протяженность пространственной и временной области, задаваемую словами *здесь* и *сейчас*.

Ясно, что референция, осуществляемая с участием указательных элементов, предопределена их значением. Дело только в том, что это значение представляет собой "прагматическую программу", реализовать которую могут только говорящие в контексте речевого акта. Соотнесенность с объектами основана здесь на обращении к таким прагматическим сущностям, как коммуникативное намерение говорящего, фонд общих знаний собеседников, коммуникативная организация высказывания, прагматические presuppositions говорящих, внеязыковой контекст речевого акта и др., ср. Kaplan 1978.

3. Референция именных групп, включающих в свой состав общие имена (так наз. **д е с к р и п ц и й**), основана и на языковом значении общих имен, и на значении индексальных элементов, со всеми его прагматическими компонентами.

4. **О б щ и е** и **м е н а** сами по себе референции не имеют — они приобретают ее только в составе дескрипций. Общие имена имеют экстенционал; экстенционал общего имени предопределен его значением (о связи значения общих имен с их экстенционалом, особенно для имен натуральных классов, см. Wierzbicka 1980; Fillmore 1982).

Таким образом, мы можем перейти к описанию собственно референциальных аспектов языка, т.е. к описанию значения языковых элементов, предназначенных для осуществления референции.

§ 2. ДЕНОТАТИВНЫЙ СТАТУС ИМЕННЫХ ГРУПП С ПРЕДМЕТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Имеется две категории языковых выражений, которые в контексте высказывания обретают референцию. Это, во-первых, именная группа (ИГ), а во-вторых, предикатная группа, в частности, предложение в целом (то, что выражает пропозицию). Обратимся вначале к референции именных групп, притом таких, которые имеют предметное значение, т.е. могут обозначать предмет. Рассмотрим следующий пример.

(1) а. *Врач* пришел только к вечеру; б. Надо найти *какого-нибудь врача*;
в. *Врач* должен внимательно выслушать больного; г. *Иван врач*;
д. Завтра я пойду к *врачу*.

В высказывании (1а) *врач* обозначает индивидуализированный внеязыковый объект: один врач выделен из множества всех врачей — если не заранее, то во всяком случае фактом своего участия в том действии, которое описывается в самом предложении (1а); иначе говоря, в (1а) слово *врач* имеет референт. Высказывание (1б) не имеет в виду никакого индивидуализированного объекта; т.е. ИГ *какого-нибудь врача* не имеет референта. В высказывании (1в) *врач* значит скорее всего 'всякий врач' и соотносится некоторым сложным образом со всем множеством врачей, которые были, есть и будут, т.е. с экстенсией слова *врач*. В (1г) слово *врач* вообще не соотносится с объектами, а указывает свойство Ивана: *врач* здесь предикат. Наконец, высказывание (1д) неоднозначно; так, в контексте последующего *Он работает в нашей больнице* слово *врач* в (1д) будет понято так же, как в (1а), как обозначающее конкретный объект; а вне такого рода контекста — так же, как в (1б).

При всем разнообразии конкретных соотношений именных групп с внеязыковыми объектами число разных типов соотносительности, по-видимому, относительно невелико. Тип соотносительности ИГ во всех употреблениях данного предложения в речевых актах один и тот же: он предопределен смыслом и структурой ИГ и ее контекстом — точнее, составляет один из аспектов смысла.

Когда говорят, что референция характеризует употребление языка говорящими и не является свойством самих выражений (Линский; 1982:161), имеется в виду соотносительность — с тем или иным индивидуальным внеязыковым объектом — выражения, предназначенного для конкретной референции. Но то, что данная ИГ (в контексте данного предложения) предназначена для конкретной референции, т.е. для соотносительности с индивидуализированным объектом, в отличие от другой, которая имеет другое предназначение, является достаточно постоянным свойством данной ИГ, с большей или меньшей однозначностью выраженных языковыми средствами. Тип референциальности предназначения ИГ мы называем ее *денотативным* (или *референциальным*) *статусом* (ср. термин *mode of reference* в Geach 1962). Реальная соотносительность ИГ с внеязыковым объектом возникает только в речевом акте, т.е. в высказывании, а денотативный статус как предназначенность к тому или иному типу референции характеризует ИГ в предложении. Понятие денотативного статуса близко к тому, что в работах Н.Д. Арутюновой (1976а:199) называется типом референции.

Денотативный статус выражен у разных по структуре именных групп с разной степенью однозначности. У дескрипций статус существенно зависит от синтаксического контекста; ср. известные примеры из Линский 1982: дескрипция *король Франции*, вообще говоря, предназначенная к употреблению для референции к конкретному лицу, имеет нереферентные употребления в предложениях *Короля Франции не существует* или *Де Голль не был королем Франции*. У собственных имен варьирование статуса, обусловленное контекстом, ограничено (ср. Василевская 1979), а для указательных слов оно почти исключено.

В первом приближении именная группа состоит из полнозначного компонента — общего имени — и актуализатора (термин из Балли 1955). Соединение общего имени с актуализатором дает актуализованную ИГ, т.е. такую, которая обладает денотативным статусом и предназначена для референции¹.

Общее имя — это то же, что предикат. Общее имя не предназначено для референции: оно имеет смысл, т.е. выражает некоторое свойство, но не имеет референтов. Общее имя — это либо словарная единица (например, *врач, человек*), либо синтаксически сложное образование (например, *молодой человек*), возможно даже содержащее внутри себя какие-то актуализованные ИГ (например, *человек, который сидел за этим столом*). У общего имени есть экстенционал — это множество всех потенциально возможных референтов, или иначе — множество всех объектов, для которых соответствующий предикат истинен. Экстенционал общего имени — это абстрактное множество, т.е. множество, существующее лишь в силу абстракции актуальной бесконечности; экстенционал — это открытое множество; например, экстенционал слова *дом* — это множество всех домов, которые были, есть и будут. Ни все множество, составляющее экстенционал, ни его элементы не являются референтами имени.

Следует иметь в виду, что экстенционал как множество объектов существует лишь у ограниченного класса языковых выражений, полностью лишенных дейктичности, — у существительных нарицательных, быть может, в сочетании с определениями, выражающими постоянные свойства. Такие сочетания, как *мужчина в черных брюках* или *мальчик, стоящий у окна*, у которых определение выражает временную характеристику объекта, уже обладают дейктичностью. Для них потенциальным референтом является не объект в его целостности, а некоторая временная фаза, или срез, объекта (см. Carlson 1979). Чтобы иметь возможность говорить об экстенционалах сочетаний такого рода, необходимо допустить, что обозначаемыми сущностями

¹Ш. Балли и его последователи рассматривают актуализатор как средство осуществления референции (так, О. Дюкро — 1982, с. 268, — говорит, что благодаря актуализаторам "слова перестают быть привязаны к чистым идеям и начинают соотноситься с миром объектов"), а актуализованную ИГ — как ИГ, реально участвующую в референции. На самом деле, референция достигается только при использовании предложения в речевом акте, так что актуализатор — это просто разновидность языковых единиц (обобщение для детерминативов, артиклей, кванторных слов и нулевых показателей), а актуализованная ИГ — определенный тип ИГ, характеризующийся своего рода референциальной оформленностью, т.е. наличием того или иного референциального предназначения.

(референтами) могут быть не только объекты, но и временные фазы объектов. Так, *мужчина в черных брюках, мальчик, стоящий у окна* — это общие имена, экстенсиналом которых является не множество объектов, а множество фаз.

Актуализаторы — это те слова и вообще компоненты предложения, которые превращают общее имя в актуализованную именную группу. Например, из общего имени *молодой человек* можно получить именные группы *этот молодой человек; все молодые люди; какой-нибудь молодой человек*, которые либо предназначены для соотнесенности с объектом, либо имеют какой-то другой денотативный статус. Смысл актуализатора — это своего рода инструкция для говорящих относительно того, как обращаться с объектами, входящими в экстенсинал общего имени, при поиске референта.

К числу актуализаторов относятся такие слова (и словосочетания), как *этот, тот, тот же самый, такой, всякий, каждый, каждый из, любой, любой из, какой бы то ни было, все, все кроме одного, никакой, ни один, некоторый (некоторые), какой-то, кое-какой, некий, какой-нибудь, какой-либо, тот или иной, иной, какой угодно, какой попало, один, по крайней мере один, хоть один, ровно один, более чем один, два, более двух, не менее двух, оба, все три, несколько, один из, много, многие, многие из, какой бы ни, то один то другой и др.*

Такова общая схема структуры ИГ. Она нуждается в ряде оговорок.

1. Актуализатор в составе ИГ может быть нулевым, т.е. актуализация может достигаться одним лишь включением слова в состав предложения. Денотативный статус ИГ определяется в этом случае семантико-синтаксическим контекстом и линейно-интонационной структурой предложения. Так, нулевой актуализатор имеет ИГ *врач* в предложениях (1а), (1в), (1д) из § 1.

2. Некоторые ИГ нельзя расчленить линейно на актуализатор и общее имя. Семантически такие ИГ представляют собой либо чистый актуализатор, либо сочетание актуализатора с какими-то смысловыми компонентами абстрактного типа. Примеры: *это* в дейктическом употреблении, *я, ты, он, она, оно, они, мы, все мы, то, каждый* (в значении 'каждый человек'), *все, никто, ничто, некоторые* (в значении 'некоторые люди'), *кто-то, кое-кто, кто-нибудь, кто-либо* и т.д.

3. ИГ может быть построена присоединением актуализатора не к общему имени, а к уже актуализованной ИГ (например, *любой из них, кто-то из этих людей*). В этом случае каждая из двух ИГ имеет свой денотативный статус. Актуализованной является и ИГ *студентов* в составе ИГ *один из студентов, некоторые из студентов* (см. гл. X): актуализатор здесь нулевой (впрочем, можно считать показателем определенности этой ИГ предлог *из*, см. Падучева 1974: 90).

Денотативный статус ИГ определяется в первую очередь смыслом ее актуализатора. Однако не всегда весь семантический вклад, который вносит в смысл предложения актуализатор, входит в денотативную характеристику ИГ. Так, предложения (1) *Можешь взять какую-нибудь книгу* и (1') *Можешь взять одну книгу* по смыслу различны: употребление местоимения *какой-нибудь* связано с идеей качественной разнородности того класса объектов, из которого происходит выбор, см.

Селиверстова 1964, а числительное *один* не несет этой идеи, ср. тот факт, что предложение *Можешь взять одно яблоко* нормально, а *Можешь взять какое-нибудь яблоко* звучит странно.

То же семантическое различие между *никакой* и *ни один* в (2) *У меня нет никаких вопросов* и (2') *У меня нет ни одного вопроса*. Однако денотативный статус у ИГ в каждой паре предложений скорее всего одинаков. Таким образом, смысл актуализатора, вообще говоря, богаче, чем та информация, которая определяет денотативный статус.

Понятие денотативного статуса служит обобщением для различных понятий, которые употреблялись в применении к отдельным членам этой понятийной категории — таких, как субстантивность/предикатность, определенность/неопределенность, конкретная/неконкретная неопределенность, универсальная/экзистенциальная квантификация и др.

Денотативные статусы — это семантические "ярлыки". Они характеризуют предложение как таковое и независимы от речевого акта; поэтому они могут фигурировать в семантическом представлении предложения. Но эксплицитное толкование статуса обязательно требует обращения к тем или иным параметрам речевого акта и возможно только в СППВ.

Ниже дается инвентарь денотативных статусов ИГ (точнее, употреблений ИГ в предложении). Хотя статус характеризует тип референции, т.е. соотносённости с действительностью, в естественных языках этот аспект значения именной группы тесно переплетен с рядом прагматических значений — прежде всего с противопоставлением 'определенность/неопределенность', т.е. 'известность/неизвестность для говорящих' (ср. в Givón 1978:293 о том, как в артиклевых языках противопоставление 'референтный/нереферентный' и 'определенный/неопределенный' регулярно выражается одними и теми же средствами). Референтность и определенность естественно поэтому рассматривать как единую характеристику.

Прежде всего выделим следующие основные классы употреблений ИГ:

I. **Субстантивные употребления** (термовые), т.е. такие, при которых ИГ так или иначе вводит в рассмотрение внеязыковые объекты, как в высказываниях (1a) — (1b); субстантивные употребления делятся на референтные (или конкретно-референтные) и нереферентные.

II. **Предикатные употребления**, т.е. употребления, при которых ИГ не соотносится ни с какими объектами, а означает свойство, как в (1г).

Имеются, кроме того, **автономные употребления**, т.е. употребления, при которых ИГ имеет вырожденный референт, обозначая саму себя, как *Наташа* во фразе *Муж просто звал ее Наташа*. Автономное употребление допускают не только ИГ, но и другие виды языковых выражений.

Рассмотрим все перечисленные классы.

§ 3. РЕФЕРЕНТНЫЕ ИМЕННЫЕ ГРУППЫ

Все референтные ИГ индивидуализируют объект — или множество объектов, рассматриваемое как единый объект; иначе говоря, они имеют референт.

Референтные ИГ различаются в русском языке по следующим двум признакам (признаки представляют собой сокращенные обозначения для сложных совокупностей семантико-прагматических свойств, которые далее подвергаются толкованию).

а) $\pm$ *определенность* — сильная, т.е. определенность объекта одновременно для говорящего и для слушающего; сокращенно $\pm$ *Onp*;

б) $\pm$ *слабая определенность* (только для ИГ с признаком — *Onp*), т.е. определенность объекта для говорящего, но не для слушающего; сокращенно $\pm$ *Сл. onp*.

В результате получается три референтных статуса — определенный, слабоопределенный и неопределенный для говорящего, которые описываются следующими наборами признаков: [$+$ *Onp*], [$-$ *Onp*, $+$ *Сл. onp*], [$-$ *Onp*, $-$ *Сл. onp*].

1. Определенные ИГ

(1) а. *Ту книгу, которую ты мне дал, я уже прочел*; б. *Я прочел эту книгу* (в дейктическом понимании местоимения *этой*); в. *Лучшая из моих картин находится в Лувре*; г. *Жена Цезаря вне подозрений* (в понимании 'Та женщина, которая является — в данный момент — женой Цезаря, вне подозрений'); д. *Собаку он взял с собой*; е. *Сократ — философ*.

Именной группе со статусом определенности соответствует презумпция существования и единственности объекта в общем поле зрения говорящего и слушающего. Имеется в виду и семантическая презумпция, т.е. суждение, истинность которого является условием осмысленности предложения и которое не подвергается действию отрицания, и прагматическая презумпция, т.е. суждение, которое говорящий предполагает известным слушателю. Правда, что касается прагматической презумпции, то ее, возможно, в некоторых контекстах нет. Так, выделенная ИГ в предложении *Книга, которую Джон написал в прошлом году, оказалась бестселлером* (пример из Hawkins 1978), явно определенная — в частности, при переводе на языки с артиклями требует определенного артикля. Однако для уместного употребления этого предложения от слушателя не требуется предварительного знания о том, что Джон в прошлом году написал книгу.

В предложениях (в), (г) единственность объекта вытекает из смысла общего имени. В (а), (б) она входит в смысл актуализатора. Например, в (б) *эту книгу* = 'книгу, на которую направлен указательный жест говорящего'; следовательно, в смысл предложения (б) входит презумпция 'Существует единственная книга, на которую указывает жестом говорящий'. Именной группе *ту книгу, которую ты мне дал* предложения (а) соответствует презумпция 'Существует единственная книга, которую ты мне дал'. С ИГ *собаку* в (д) связана презумпция

‘Существует — в общем поле зрения говорящего и слушающего — единственный объект, являющийся собакой’. Если в общем поле зрения участников данного речевого акта отсутствует индивидуализированный объект, требуемый именной группой + *Опр*, то употребление предложения в таком контексте аномально, ср. ситуацию, когда предложение (в) произносится человеком, заведомо никогда не писавшим картин.

Один и тот же признак + *Опр* могут иметь повторные и первичные упоминания объекта в тексте (текстовая и внетекстовая определенность). Текстовая определенность может выражаться иначе, чем определенность 1-го упоминания. Так, нулевые заместители возможны только при повторном упоминании; определенная референция в 1-м упоминании редко осуществляется с помощью местоимения 3-го лица, ср. стилистически окрашенное *На берегу пустынных волн Стоял он, дум великих полн* (о текстовой определенности см. Крылов 1984).

Текстовая определенность может создаваться не только контекстом предупоминания данного объекта, но и порождаемой текстом ситуацией, в которой существование данного объекта слушающему естественно допустить (это явление описано в Падучева 1965):

(2) Он обвел взглядом комнату. *Окно было маленькое и узкое; Я возвращался домой поздно. Дорога была плохо освещена; Ева познакомилась с Федором в Историческом музее. В то время она увлекалась шумерами.*

Возникает вопрос, чем достигается определенность повторных упоминаний объекта — идентифицирующими предикатами или же отношением к акту речи. Например, что является субститутом для *она* в тексте (3) *Ту книгу, которую ты мне дал, я уже прочел. Она мне не понравилась. Скорее это будет тот объект, о котором идет речь или та книга, о которой идет речь* (ср. Bogusławsky 1977: 165), а не ИГ, равная antecedенту, — *та книга, которую ты мне дал*. Ср. примеры типа *У меня есть один знаковый физиолог. Точнее, он биохимик*, где субститутом для *он* может быть только ‘тот, о ком я говорю’.

Неоднократно обсуждался вопрос, относится ли к тому же типу, т.е. к референтным определенным ИГ, анафорическое местоимение. Гич (Geach 1962) настаивает на том, что местоимения 3-го лица (кроме так наз. “ленивых”, *pronouns of laziness*, типа англ. *one*) являются переменными, т.е. не имеют денотата, так что предложение с таким местоимением не имеет само по себе истинного значения. Более убедительна, однако, точка зрения Эванса (Evans 1977), что местоимение с референтным antecedентом есть референтный терм (имеющий тот же референт, что и antecedент), естественно, определенный, поскольку обозначает объект, о котором уже шла речь.

Определенные ИГ могут быть не только единичными, но и множественными, как в (4):

(4) а. *Все сотрудники отдела выполнили свой годовой план*; б. *Я прочел эти книги*; в. *Петя и Катя* поступили в аспирантуру; г. *Оба банана* оказались гнилые; д. *Каждый из ее недостатков* можно устранить.

Всем множественным ИГ с признаком + *Опр* соответствует презумпция существования и единственности — в общем поле зрения

говорящего и слушающего — некоторого множества объектов (множество понимается как 'более чем одноэлементное множество').

Различие между единичностью и множественностью не создает отдельного денотативного статуса (отметим в этой связи неудачность термина "сингулярный терм", который используется, например, в Вендлер 1982, Quine 1953: 21 в значении "конкретно-референтный терм"): в каждом из референтных статусов могут быть как единичные, так и множественные ИГ.

Для множественных ИГ существенно противопоставление 'собираемость/дистрибутивность' (Падучева 1974:98). В отличие от ИГ в (4) с дистрибутивной множественностью, ИГ в (5) имеют собирательную множественность:

(5) а. *Бортовые системы корабля* работают согласованно; б. *Эти книги* загромождали мне комнату; в. *Петя и Катя* вышли покурить (в значении 'вместе'); г. *Московских зрителей* ожидает встреча с новым фильмом Феллини; д. Число углов *этого многоугольника* четно.

'Собираемость/дистрибутивность' — это семантическое противопоставление, которое может влиять на истинность предложения, ср. (6), но это различие не в статусе:

(6) Все они рекламируют свою систему = а. 'Каждый из них рекламирует свою систему'; б. 'Они вместе рекламируют свою общую систему'.

Важным вкладом в понимание референциальных особенностей одного класса ИГ + *Опр* — определенных дескрипций — явилась работа Доннеллан 1982, в которой вводится противопоставление атрибутивного и референтного употребления дескрипций. А т р и б у т и в н ы м употреблением дескрипции называется такое, при котором говорящий использует дескрипцию для утверждения, касающегося того лица или предмета, которое удовлетворяет данной дескрипции, — кто бы это ни был, т.е. не имея в виду никакого конкретного объекта. Например, высказывание *Убийца Смита — сумасшедший* может быть сделано в ситуации, когда убийца вообще неизвестен говорящему и он основывает свое суждение только на зверском характере убийства, и в этом случае употребление дескрипции атрибутивное. При референтном употреблении говорящий просто имеет в виду конкретное лицо⁴.

Возможность атрибутивных употреблений дескрипций вскрывает важный аспект явления конкретной референции — ее несводимость к презумпции существования и единственности в семантическом представлении предложения. При атрибутивном употреблении (которое является неферентным) дескрипция употребляется ровно по своему семантическому назначению, т.е. для выражения существования и единственности. Между тем "важным свойством референтного упо-

⁴От атрибутивного употребления, при котором говорящий не имеет в виду никакого конкретного объекта и которое поэтому является неферентным, следует отличать а т р и б у т и в н о - р е ф е р е н т н о е (см. Падучева 1983а), т.е. такое, когда говорящий имеет в виду конкретный объект, но данная его дескрипция является принципиально важной и не может быть заменена другой, как, скажем, в примере (из Арутюнова 1982) *Он наказал обидчика* = 'Он наказал человека X за то, что X нанес обиду'. Атрибутивно-референтное употребление относится к классу референтных.

требления, в противоположность атрибутивному, является то, что слушающий должен выделить тот самый объект, который имеет в виду говорящий, причем то, что это «правильный» объект, не является просто функцией от его соответствия дескрипции» (Доннеллан 1982:160). Действительно, при референтном употреблении дескрипции презумпция существования объекта, например существования убийцы Смита, скорее всего порождается более конкретной презумпцией говорящего о том, что убийцей Смита является, например, Джонс или Робинсон или кто-то еще, кого он может назвать или как-то иначе идентифицировать. Иначе говоря, при референтном употреблении дескрипции говорящий считает не только, что существует единственный объект, удовлетворяющий дескрипции, но и что этой дескрипции удовлетворяет тот объект, который он имеет в виду. Конкретно-референтная ИГ в составе высказывания обязывает говорящего не только к презумпции существования и единственности, но и к чему-то большему — к «имению в виду» конкретного объекта (возражения в Seale 1979 не представляются убедительными).

2. Слабоопределенные ИГ

- (7) а. Он хочет жениться на *одной иностранке*; б. Он хочет тебе кое-что сказать; в. У меня есть к нему *определенная претензия*; г. *Мальчик* ловил кузнечиков; д. На съезде присутствовал *некий Дюбуа* (=‘присутствовал Дюбуа, которого вы, я полагаю, не знаете’).

Примеры множественных ИГ того же типа:

- (8) а. Я поставил перед ним *определенные условия*; б. Ее волшебнотемную завязку не стану я подробно объяснять, чтоб *кой-каких вопросов* избежать.

Признак +Сл. *опр* дает семантический компонент ‘Объект известен говорящему, но предполагается неизвестным слушающему’. Смысл самого противопоставления ‘известен/неизвестен’ остается достаточно неопределенным.

В случае определенной ИГ “говорящий хочет, чтобы адресат опознал, частично с помощью его дескрипции, объект его референции”, Donnellan 1979:38. Если же употребляется слабоопределенная ИГ, говорящий не выдвигает такого требования по отношению к собеседнику, хотя сам он и имеет в виду какой-то объект. Слабоопределенные ИГ часто употребляются в составе интродуктивных предложений (см. Арутюнова 1976а:221).

Соотношение ед. и мн. числа местоимений, выражающих слабую определенность, не столь тривиально в семантическом отношении, как отношение единичности и множественности для определенных ИГ. Так, ИГ *некоторые из присутствующих* в высказывании (9) *Некоторые из присутствующих не поняли смысла его слов* употребляется референтно: говорящий должен иметь в виду каких-то людей. Но он не обязан иметь в голове точный список. Законным ответом на вопрос “Кто же?” может быть “Ну, Петя, например”.

Отрицанием высказывания с *некоторые* будет высказывание с *никто*:

(10) — Некоторые из вас уже были на выставке?

— Нет, никто не был.

ИГ с признаком +*Сл.опр* свободно входит в отношение кореферентности в качестве первого члена, т.е. antecedента местоимения. Некоторые ИГ +*Сл.опр* даже предполагают такое отношение. Так, фраза *Замышляю я нечто другое* вызывает вопрос: "А что именно?". Возможно, впрочем, отношение между ИГ *нечто другое* и изложением содержания замысла — это не кореферентность в точном смысле слова, а отношение типа конкретизации, см. Падучева 1977в. Типичный пример ИГ с признаком +*Сл.опр* — это ИГ в начале рассказа, обозначающая смысловую тему рассказа, как в (7г).

Употребление местоимений с antecedентом — слабоопределенной ИГ проливает свет на семантику слабой определенности:

(11) — И тут один человек выбежал на середину улицы.

— Он не выбежал, его выпихнули.

Диалог (11) демонстрирует провал коммуникативного акта говорящего, поскольку в смысл ИГ *один человек* входит компонент 'Г не индивидуализирует объекта для С', а тут слушатель сумел индивидуализировать объект. При реплике (12) *Его, наверное, выпихнули слово он* может иметь смысл 'Тот, о ком вы говорите', и провала не происходит.

3. ИГ, неопределенные для говорящего

(13)а. Джон хочет жениться на *какой-то иностранке*; б. Иван читает *какой-то учебник*; в. Сказали мне, что заходил за мною *кто-то*.

(14) *Какие-то люди* побывали в моей комнате.

В смысл предложения с ИГ — *Сл.опр* входит компонент 'Объект неизвестен говорящему' (см. описание семантики местоимений на *-то* и *кое-* в Ицкович 1963).

ИГ — *Сл.опр* не всегда может быть естественным antecedентом местоимения:

(15)а. К Кате завтра *кто-то* пойдет. *Я попрошу *его* передать твою записку; б. *Кто-то* сказал мне, что Ева заболела. *Он считает, что это язва; в. Учебник взяла *Маша или Даша*. *Она сейчас сдает экзамены; г. Это тоже *кто-то* сказал. А может быть не *кто-то* (ср. *не он), а я сам.

Естественно, ИГ с признаком — *Сл. Опр* не может быть 2-м членом отношения кореферентности. Так, в примере (16) *купец* и *кто-то* не кореферентны:

(16) *Купец* пошел на чердак. Вор услышал, что идет *кто-то*.

Замечание. Местоимения с *-то* иногда употребляются в ситуации, когда говорящему на самом деле известен объект, он мог бы, вообще говоря, его индивидуализировать, но оставляет неопределенным, так как считает индивидуализацию необязательной, неуместной или нежелательной. Однако описания смысла, в которых фигурирует говорящий, верны всегда «в предположении искренности» говорящего: тот факт, что говорящий иногда говорит не то, что думает, не имеет отношения к смыслу предложения, которое он говорит (ср. Grice 1975), см. § II. 2. Постулат искренности имеет широкую сферу приложения во всех семантических определениях, где фигурирует говорящий. Так, в Доннеллан 1982 при обсуждении значения определенных дескрипций (т.е. ИГ +*Опр*) говорится, что "убеждения говорящего не играют решающей роли при

установлении того, какое употребление имеет определенная дескрипция в том или ином контексте" (с. 145), и приводится такой пример: вопрос "Король сейчас у себя?" может быть задан человеком, который считает находящегося на престоле не королем, а узурпатором, и обращен к его подневольному прислужнику, который тоже не считает его власть законной, и тем не менее референция может быть успешной. Дело, однако, в том, что убеждение в незаконности власти у человека, который задает вопрос, не имеет отношения к делу. В своем качестве говорящего и слушающего эти люди ведут себя так, как если бы они считали объект референции королем, и именно это обеспечивает успех референции. Мысли и убеждения людей, не выявляющиеся в значении их высказываний, нерелевантны для семантики.

В смысл предложения с неопределенной ИГ входит информация о том, что рассматриваемый объект (или множество объектов) включен в некоторое множество — открытое, т.е. задаваемое общим именем (например, *какой-то учебник*), или определенное, т.е. находящееся в общем поле зрения говорящего и слушающего (например, *кто-то из нас*); рассматриваемый объект является элементом этого множества, если он единичный, или составляет собственную часть этого множества, если он множественный. Поэтому предложение *Один из бананов оказался гнилой*, если считать его уместным в ситуации произнесения, позволяет заключить, что в поле зрения говорящих было более одного банана; предложение *Некоторые уклонились от ответа* подразумевает, что некоторые не уклонились.

Объект, обозначаемый с помощью неопределенной ИГ, индивидуализируется именно своим участием в ситуации, которая описана в данном предложении — а не заранее, как в случае определенной ИГ, которой соответствует презумпция существования и единственности. Поэтому если построить, скажем, для предложения (136) соответствующее отрицательное, означающее, что ситуация не имела места, то в нем не будет идти речь об индивидуализированном объекте: $\neg(136) = \text{Он не читает никакого учебника}$ (или *никаких учебников*); группа *никакого учебника* нереферентна.

Противопоставление $\pm$ *Сл.опр* при отсутствии специальных местоимений и специального контекста часто остается невыраженным. Поэтому можно выделить отдельный четвертый статус — ИГ с нейтрализованным противопоставлением по признаку $\pm$ *Сл.опр*, с об с в е н н о не о п р е д е л е н н ы е ИГ (именно этот статус нормально выражается в артиклевых языках неопределенным артиклем):

(17) Иван подрался с милиционером;

(18) Два банана оказались гнилые.

Рассмотрим теперь вопрос об отражении в СППВ признака — *Опр*. В практике представления смысла предложений естественного языка на языке логики предикатов принята передача предложений с референтными неопределенными ИГ с помощью квантора существования $\exists$. Однако это представление семантически неадекватно: квантор $\exists$ 'существует по крайней мере один' позволяет говорить о свойствах объектов, не индивидуализируя объектов, как в предложении *Всякая точка принадлежит какой-то прямой*, где ИГ *какой-то прямой* не имеет референта. Между тем в предложении (136) *Иван читает какой-то учебник* ИГ *какой-то учебник* имеет референт — она обозначает индивидуализированный объект. Неадекватность представления неопределенной ИГ с помощью квантора $\exists$ особенно очевидна в предложении (19), где эта ИГ является

антецендентом местоимения, ср. семантическое отличие предложения (19) от (20), которое является "буквальным" переводом формулы с квантором $\exists$:

(19) Мери разговаривала с одним моим коллегой и произвела на него хорошее впечатление;

(20) Имеется по крайней мере один мой коллега, с которым Мери разговаривала и на которого произвела хорошее впечатление (разговаривала, быть может, и не с одним).

Референтной неопределенной ИГ должен соответствовать не квантор $\exists$, а оператор типа Ref из работы Беллерт 1978, который индивидуализирует объект. Переменная, связанная этим оператором, ведет себя далее как константа. Что касается истинностного значения высказываний с неопределенными ИГ, то оно, в соответствии с расселловской трактовкой неопределенных дескрипций, зависит от того, обладает ли объект референции теми свойствами, которые приписывает ему дескрипция. Так, высказывание *Сегодня к нам ворвался какой-то бородатый мужик* ложно, если ворвавшийся был без бороды (см. Арутюнова 1976а).

В работе Givón 1978 выделяется, кроме определенности и неопределенности, категория non-definiteness, которая иллюстрируется примерами типа:

(21) Он носит рубашки с мягким воротом; Он часто ходит в музеи.

Про такие употребления сказано, что здесь говорящий признает существование каких-то индивидов (т.е. объектов, которые в принципе можно индивидуализировать), но их отождествление и различение не играет роли в данном сообщении. Именно этот статус обычно имеют имена, инкорпорированные в значение предиката — *писатель* = 'тот, кто пишет книги', *скрипач* = 'тот, кто играет на скрипке', ср. Seuren 1975.

Особая семантика неопределенности в этих примерах обусловлена контекстом узуального значения глагола: возникает значение дистрибутивности (относительно повторяющегося действия), которое уменьшает существенность числового противопоставления и увеличивает роль таксономической принадлежности объекта. Ввиду контекстной обусловленности этих дополнительных смыслов, можно не отличать денокативный статус такой ИГ от неопределенного референтного.

Замечание. В работе Partee 1972 делается попытка распространить на неопределенные ИГ противопоставление 'референтный/атрибутивный'; а именно, предлагается отождествить противопоставление 'референтный/атрибутивный' с противопоставлением $\pm$ Конкретность по Fillmore 1967. Однако фраза *Мне сказал об этом врач, так что я не склонна шутить*, которая приводится в качестве примера неопределенной ИГ в атрибутивном употреблении, демонстрирует атрибутивно-референтное употребление (см. сноску 4), а не атрибутивное, которое является нереферентным. Феномен атрибутивного употребления, при котором презумпция существования и единственности развешена с именем в виду конкретного объекта, невозможен в случае неопределенных ИГ, где вообще нет этой презумпции, а референция возникает из других источников.

§ 4. НЕРЕФЕРЕНТНЫЕ ИМЕННЫЕ ГРУППЫ

Нереферентные ИГ — это субстантивные ИГ, которые не обозначают никаких индивидуализированных объектов. У нереферентных ИГ возможны следующие денотативные статусы: 1) экзистенциальный (в трех разновидностях); 2) универсальный; 3) атрибутивный; 4) родовой.

1. Экзистенциальные ИГ

Экзистенциальные ИГ употребляются в ситуации, когда речь идет об объекте (в частности, о множестве объектов), который относится к классу объектов того же рода и не индивидуализирован, т.е. не то что неизвестен говорящим, а в принципе не может быть предъявлен или указан, поскольку он "не выбран" (Селиверстова 1964) из этого класса. Можно различить три типа экзистенциальных ИГ.

а) *Дистрибутивные* ИГ обозначают участников, распределенных по некоторому множеству однотипных событий; в каждом событии участник, вообще говоря, свой, но может быть в каких-то событиях одним и тем же.

(1) *Иногда кто-нибудь из нас его навещает; Всякие две пересекающиеся прямые имеют общую точку; К каждому воспитаннику приехали его родственники.*

б) *Неконкретные* ИГ фигурируют в контексте снятой утвердительности (см. Вейнрейх 1970). Этот контекст создают модальные слова *может, хочет, должен, необходимо*, а также повелит. наклонение и буд. время глаголов, вопрос, отрицание (в том числе и внутрилексемное, как в глаголах *нехватает, отказывается, запрещает, отрицает*), дизъюнкция, условие, цель, неуверенность, предположительность, нереальность; многие пропозициональные установки: *хочет, стремится, считает, думает* и перформативные глаголы — *приказывает, просит*:

(2) *Джон хочет жениться на какой-нибудь иностранке; Он ищет новую секретаршу; В комнате нет ни одного человека; Заведомо кто-нибудь из вас его знает; Во избежание перегрузки лифта один из пассажиров должен выйти (в наиболее естественном значении 'один, неважно, кто'); Он хочет взять в жены Машу или Дашу.*

в) *Общезкзистенциальные* ИГ позволяют говорить об объектах с определенными свойствами, не имея в виду конкретных объектов. Так, ИГ *некоторые товары* примера (3а) отличается от референтной ИГ *некоторые из присутствующих* примера (9) из § 3. *Некоторые из присутствующих* не поняли смысла его слов тем, что в (3а) квантификация производится по абстрактному множеству, составляющему экстенционал общего имени, а в (9), где *присутствующих* — это ИГ+Опр, — по конкретному множеству, введенному в рассмотрение в предшествующем тексте:

(3) а. *Некоторые товары* портятся при перевозке; б. *Иная похвала хуже брани; Многие люди* боятся тараканов; в. В этом лесу водятся *лоси*. Общеэкзистенциальный статус — это статус подлежащего в так наз. частных суждениях традиционной логики, т.е. в суждениях о части абстрактного (универсального) множества.

Общезысценциальные ИГ, как и универсальные, возможны только в контексте предикатов, выражающих постоянные свойства, не локализованные во времени.

Замечание. Противопоставление референтных неопределенных ИГ экзистенциальным неконкретным соответствует признаку $\pm$ Конкретность ($\pm$ Specific), введенному в Fillmore 1967 для неопределенных ИГ. Трактовка экзистенциальных неконкретных ИГ как разновидности неопределенных — это дань языковой форме: в артиклевых языках и то и другое значение выражается неопределенным артиклем. Впрочем, и в русском языке есть контексты, где одна и та же ИГ может пониматься как референтная неопределенная (слабо определенная) и как экзистенциальная неконкретная. *Поищи другой пакет* = а) 'Постарайся найти другой пакет, про который я знаю, что он там есть'; б) 'Поищи, может быть там есть другой пакет'. Однако по смыслу противопоставление $\pm$ Референтность является более исходным, чем $\pm$ Определенность.

В СППВ всем экзистенциальным ИГ может быть сопоставлен квантор существования $\exists$, который дает возможность говорить об элементе множества, не индивидуализируя его. Дополнительные значения порождаются контекстом: смена участников в примере (1) (т.е. значение 'существует, вообще говоря, свой') — контекстом дистрибутивной множественности; неизвестность в большинстве фраз примера (2) — контекстом неуверенности, предположительности, нереальности в подчиняющем предикате. Фраза (3в) с собирательной множественностью, однако, непредставима посредством квантора $\exists$.

Дистрибутивная ИГ может быть антецедентом местоимения только при условии, что местоимение находится в сфере действия того самого дистрибутивного оператора, который порождает уместный контекст для этой дистрибутивной ИГ, ср. (а) и (б):

(4) а. Каждый должен получить разрешение *своего начальника* или *его заместителя*; б. У каждого поворота тропа расширялась до небольшой *площадки*. *Я остановился на *ней* ($\Rightarrow$ на одной из них).

Неконкретная ИГ может быть антецедентом местоимения тоже, вообще говоря, только при условии, что местоимение находится в сфере действия того модального оператора, который порождает контекст снятой утвердительности для этой ИГ. Ср. возможное (5а) и невозможное (5б):

(5) а. Он хочет поймать *щуку* и съесть *ее* на ужин; б. Джон хочет найти *новую секретаршу*, и я хочу *ее* найти.

2. Универсальные ИГ

Универсальной ИГ соответствует в СППВ квантор общности $\forall$ 'для всякого' по переменной, которая принимает значения из экстенционала общего имени в составе этой ИГ:

(6) а. Конец венчает *дело*; б. *Тот, кто сеет ветер*, пожнет бурю; в. Младший ребенок *в семье* пользуется самой большой любовью; г. *Все дети* любят мороженое; д. *Любой ее недостаток* можно устранить.

В практике представления предложений на логическом языке принято не усматривать различия в логической форме, скажем, между предложением (4а) из §3 *Все сотрудники отдела выполнили свой годовой план* и (6г) *Все дети любят мороженое*. Между тем референ-

циальные свойства ИГ в этих предложениях различны: в первом предложении речь идет о конкретном определенном множестве, существующем в общем поле зрения говорящих; а во втором — об абстрактном множестве, составляющем экстенционал слова *дети*. Проверка истинности утверждений о конкретных множествах происходит, вынужденным образом, иначе, чем для абстрактных множеств: конкретные множества можно перебирать по-элементно, а для абстрактных истинность утверждения не может быть установлена эмпирически, а только с помощью заключений — дедуктивных и индуктивных. Отсюда, по-видимому, значение причинности у универсальных предложений (о связи универсальности с причинностью см. Dahl 1975). В Кронгауз 1983 применительно к универсальным ИГ говорится об интенциональном типе референции — в противоположность экстенциональной референции для референтных множественных ИГ. Там же отмечено, что слово *всякий* выражает универсальный статус по преимуществу, а для *все* и *каждый* первичны референтные употребления.

ИГ может трактоваться как универсальная только при условии, что она построена на базе общего имени с открытым экстенционалом. Поэтому *всякий* просто не сочетается с актуализованными ИГ (ср. **всякий из*), а *каждый*, *все* в этом случае не являются показателями универсальности. Ср. (а) *Каждый из ее недостатков можно устранить* и (б) *Любой ее недостаток можно устранить* (пример из Падучева 1980б). В (б) ИГ является универсальной, поскольку (б) предполагает неограниченное, открытое множество недостатков; а в (а) ИГ референтная определенная: *каждый* — показатель дистрибутивной множественности, а не универсальности.

Универсальная ИГ может быть антецедентом местоимения только при условии, что местоимение входит в синтаксическую сферу действия этой ИГ, см. гл. VII. Так, в (7) местоимение употреблено неправильно: (7) а. **Похвала приятна всякому и придает ему силы*; б. **Всякий человек по-своему прекрасен, и он по-своему мудр*.

3. Атрибутивные ИГ

Атрибутивная ИГ иллюстрируется фразой (8) *Убийца Смита сумасшедший* в том ее понимании, когда говорящий имеет презумпцию существования и единственности убийцы, но не имеет в виду никакого конкретного человека.

Атрибутивное употребление дескрипции всегда требует специфического контекста. Один из примеров Доннеллана — фраза (9) *Ее муж с ней хорошо обращается* в следующем контексте: "Говорящий только что встретил даму, и, отметив ее бодрость и сияющее здоровье, делает свое замечание, исходя из соображений о том, что такие атрибуты обычно являются следствием удачного замужества" (Доннеллан 1982: 155). Из этого описания следует, что высказывание (9) по своей иллюкутивной функции не является обычным утверждением, основанным на знании какого-то факта: скорее, это правдоподобное заключение по неполной информации. То же самое относится и к при-

меру (8). Таким образом, атрибутивное понимание ИГ требует контекста неутвердительного статуса пропозиции, см. § 6 (попытку связать атрибутивное употребление ИГ с контекстом особой пропозициональной установки см. в работе Kaplan 1978).

Другой контекст, допускающий атрибутивные дескрипции, — это контекст высказывания обобщающего характера:

- (10) а. *Самый сильный человек в мире* не в состоянии поднять больше 200 кг; б. *Тот, кто победит в этой борьбе*, не избежит применения нечестных приемов; в. *Человек, который украл твоего верблюда*, был слеп на один глаз.

На вопрос "Кого вы имеете в виду?" в связи с (10а) говорящий может сказать: "Не знаю, кто сейчас чемпион мира по тяжелой атлетике".

Атрибутивная дескрипция — весьма изысканное явление и представляет интерес главным образом потому, что позволяет яснее понять сущность конкретной референции — ее несводимость к презумпции существования и единственности.

Замечание. Доннеллан полностью отождествляет семантику атрибутивного употребления с семантикой определенной дескрипции по Расселлу, т.е. не делает различия между утверждением существования и единственности, как это свойственно концепции Рассела, и презумпции, о которой он говорит сам. Между тем это различие желательно сохранить. Так, Доннеллан считает атрибутивное употребление высказывания *Ее муж хорошо с ней обращается* в ситуации, когда женщина не замужем, ложным. Хотя естественно считать, что дескрипция несет презумпцию существования, и высказывание не имеет истинностного значения.

4. Родовые ИГ

При родовом употреблении ИГ соотносится с представителем класса, притом не с любым, а как бы с эталонным, типичным:

- (11) а. Иван может убить *медведя*; б. Он поступил как *мужчина*; в. Скорпион похож на *кузнечика*; г. Он играет на *скрипке*; д. Глаз у этой рыбы имеет форму *груши*; е. Культ *матери* широко распространен в Индии.

В работе Крейдлин, Рахилина 1981 предложен тест на родовое употребление, состоящий в возможности ИГ вступать в конструкцию "X как <типичный> Y" или "X как вид (форма) Y": *Он предпочитает поезд как более дешевый вид транспорта.*

Родовое употребление является нерепрезентативным, поскольку не обязывает говорящего к признанию существования индивидуализированного объекта в универсуме речи¹: обсуждается род объектов на примере одного представителя. Во фразе (12) *Когда-нибудь человек побывает на Марсе* родовая интерпретация слова *человек* предпочтительна перед экзистенциальной, поскольку ясно, что речь идет не просто о человеке, а о человеке как представителе человеческого рода.

Разновидностью родового употребления является такое, когда имеется в виду весь род или вид целиком (особенно показателен пример

¹Как говорит Ш. Балли (1955:92), "воображение рисует нам род как олицетворенную сущность...". Однако "такие персонализации могут быть только воображаемыми, потому что в результате актуализации содержание имени становится безграничным, в то время как... родовые имена определяются ограниченным числом характерных черт".

(136) с предикатом, который требует множественного субъекта):
(13) а. *Рыбы* составляют один из классов в типе хордовых;

б. *Ягуары* в Южной Америке вымирают.

Между родовым и универсальным пониманием предложения имеются определенные различия в условиях истинности (см. Wiegzbicka 1980). Так, истинность предложения (14а) заведомо не ставится под сомнение существованием голубоглазых и пр. кошек, поскольку оно касается эталонной, парадигматической кошки; а с (14б) дело обстоит иначе:

(14) а. *У кошки* глаза зеленые;

б. *У всех кошек* глаза зеленые.

Различие между родовыми и универсальными ИГ особенно ясно обнаруживается в контексте неоднородных предикатов, как — *Собака друг человека*: значение этой фразы не может быть адекватно передано кванторными прилагательными.

Родовая ИГ, в отличие от универсальной, может быть антецедентом местоимения 3-го лица без всяких синтаксических ограничений (*Дни поздней осени браят обыкновенно, Но мне она мила*).

Родовая ИГ в безартиклевых языках не имеет актуализатора; а для артикля родовое значение, как правило, не бывает единственным (см. Givón 1978).

Среди денотативных статусов, описанных выше, нет ни одного, который можно было бы приписать местоимению, имеющему антецедентом квантифицированную ИГ, универсальную или экзистенциальную, ср.:

(15) а. *Каждый человек* хочет, чтобы его уважали; б. *Никто* не тяготится своими недостатками; в. Им нужен *какой-нибудь проводник, который* знает горные тропы.

С одной стороны, такое местоимение обладает текстовой определенностью; с другой стороны, антецедент, казалось бы, не фиксирует никакого референта. По-видимому, дело обстоит так. При квантификации из квантифицируемой области временно выделяется один произвольный объект — "для определенности", т.е. для последующего выражения тождества и различия. Поэтому здесь можно говорить об ограниченной референции местоимений — о референции в "мире" действия квантора, ср. об ограниченной референции в сфере действия миропорождающих операторов типа *если, кажется* в § 7.3. Во всяком случае, местоимения ведут себя в контексте кванторов и в контексте предикатов пропозициональной установки совершенно одинаково.

Если местоимение имеет ограниченную референцию, то пропозиция, составляющая его непосредственный контекст, лишена истинностного значения; таковы пропозиции *его уважают* в (15а) и *который знает горные тропы* в (15в). Отношение между местоимением и антецедентом в (15) является особой разновидностью кореферентности, которая в Evans 1977 называется коассигнацией. Вообще, тезис о том, что все кореферентные ИГ референтны (т.е. имеют референт в мире говорящего), должен быть отвергнут, ср. Куно 1982.

§ 5. ПРЕДИКАТНЫЕ ИМЕННЫЕ ГРУППЫ

Предикатная ИГ — это чистое общее имя: в безартиклевом языке в составе такой ИГ нет актуализатора. Предикатными являются ИГ в функции предикатива при связочном глаголе:

(1) а. Моя мать *врач*; б. Вальтер Скотт — *автор* "Веверлея"; в. Саладин превратил эту церковь в *мечеть*.

Предикатной может быть также ИГ в аппозитивной функции (*У него была дочь красавица*) и в позиции при бытийном глаголе (*Есть реки, которые зимой замерзают*).

Предикатную группу следует отличать от референтной, являющейся вторым аргументом предиката идентификации (Арутюнова 1976а). Так, собственные имена в (3) — это референтные ИГ, которые являются аргументами предиката идентификации.

(3) а. Город, над которым мы сейчас пролетаем, — *Ростов*; б. Он увидел, что незнакомец, похитивший его стул, не кто иной, как *отец Федор*.

Предикатной ИГ соответствует в семантическом представлении предложение предикат — *ЯВЛЯЕТСЯ ВРАЧОМ, ЯВЛЯЕТСЯ МЕЧЕТЬЮ* и т.д.

В принципе ИГ в предикатном употреблении не входит в отношение кореферентности (Падучева 1967а, Куно 1982) ни в качестве antecedента — пример (4), ни в качестве местоимения — пример (5):

(4) а. Моя мать *врач*. **Он* ($\Rightarrow$ она) работает в городской больнице; б. Один медведь был отец. Звали *его* (медведя, не отца!) Михаил Иванович.

(5) а. Моя мать *врач*. **Я* тоже буду *им*; б. **Моя мать врач, которым* и я хотел бы стать.

В примере (6) местоимение не выражает кореферентности; это так наз. "ленивое" местоимение (Geach 1962), или местоимение повтора:

(6) а. У тех, кто еще не стал *миллионером*, имеются все шансы *им* стать; б. Комитет искал для себя постоянного *местопребывания, которым* со временем стал Бейрут.

В предложениях таксономической предикации (см. Арутюнова 1980а), примеры (7), (8), скорее всего antecedent местоимения — подлежащее, но согласование идет не по форме, а по содержанию:

(7) Наш гид — пожилая женщина. *Она* родилась в Силезии.

(8) а. Байона — небольшой город на юге Франции. В нем 30 тыс. жителей; б. "*Синяя птица*" — самый первый на русской сцене спектакль для детей. *Он* был поставлен в "Художественном театре" в 1908 году.

В (8) допустимо и согласование по форме: *В ней 30 тыс. жителей; Она была поставлена*.

Неясна интерпретация для предложения (9), где различное согласование местоимения сопровождается различием смысла:

(9) *Истинная дружба — великое благо, но как раз за ним/за ней мы меньше всего гонимся.*

Именные группы в автонимном употреблении, естественно, не укладываются в построенную классификацию денотативных статусов. Помимо тех случаев, когда автонимное употребление отмечается кавычками, имеются синтаксические контексты, однозначно предсказывающие автонимное употребление и не требующие кавычек.

Прежде всего это контекст глаголов названия:

- (10) а. Ее сестра звалась *Татьяна*; б. Ипполита Матвеевича за большой рост и особенно за усы прозвали *Мацистом*.

Другой обычный автономный контекст — функция приложения. Так, у ИГ *Сергей* в (11а) референтное употребление, а в (11б) — автономное:

- (11) а. Пришел *Сергей*, наш слесарь; б. Пришел наш слесарь *Сергей*.

Автономная ИГ не может быть антецедентом местоимения. Так, в примере (12) в предложении (а) невозможна замена повторяющейся ИГ на местоимение, а в (б) и (в) местоимения употреблены неправильно:

- (12) а. Ипполита Матвеевича за его усы прозвали *Мацистом*, хотя у *Мациста* усов не было; б. *Городок называется *Байона*. В ней 30 тыс. жителей; в. *Они поселились в городе *Байона*, в которой 30 тыс. жителей.

Сама ИГ в автономном употреблении тоже не может заменяться местоимением 3-го лица. Единственное автономное местоимение — *так*, ср. известный пример из Куайн 1982:

- (13) а. Джорджоне назвали "Джорджоне" (*им) за его высокий рост; б. Джорджоне назвали *так* за его высокий рост.

Мы рассмотрели основной инвентарь денотативных статусов именных групп с предметным значением. Возможна ситуация, когда именной группе естественно приписать sdвоенный денотативный статус: если в семантическом представлении предложения ИГ отражается более чем один раз, то нет ничего удивительного, что в одном вхождении она будет иметь один денотативный статус, а в другом вхождении — другой. Один пример такого рода описан в работе Падучева 1979в. Ср. другие примеры:

- (14) Джону удалось-таки жениться на *француженке*; Ивану стоило большого труда поймать *эту шуку*.

Оба предложения описывают ситуацию, которая фиксирует объект, так что выделенные ИГ референтны. Но в семантическом разложении этих фраз участвует еще другая ситуация — с предикатом 'пытался', 'хотел' и т.п., при которых, по крайней мере при одном из пониманий, объект может быть не фиксирован: произвольная француженка, произвольная шука. Поэтому та же ИГ должна быть отражена в семантическом представлении еще и как экзистенциальная.

Sдвоенный ДС имеет, по-видимому, ИГ *жена Цезаря* во фразе (15) *Жена Цезаря вне подозрений* — в наиболее естественном ее понимании, когда дескрипция употреблена вместо более простого наименования для придания утверждению обобщающего значения. Смысл (15) состоит из двух частей: одна часть — общее утверждение об объектах, удовлетворяющих данной дескрипции (отсюда значение причинной связи между дескрипцией и предикатом); другая часть, являющаяся как бы следствием первой, — это утверждение, касающееся конкретного лица. Соответственно, ИГ *жена Цезаря* одновременно универсальная и референтная.

Sдвоенный ДС может возникать в позиции контрастной ремы (§V. 2), ср. (16) *Иван отрицает, что женился на француженке* = 'Иван отрицает, что женщина, на которой он женился, — француженка': ИГ *француженке* является одновременно референтной неопределенной и

предикатной (ср. выделение предикатного компонента в значении рематических неопределенных ИГ в Арутюнова 1976а: 213).

Денотативным статусом обладают не только реальные именные группы, но и всякого рода синтаксические нули. Интересный в этом плане вопрос разбирается в McCawley 1981. Для предложений с бессубъектным пассивом, типа *Был объявлен конкурс*, обычно предполагается глубинная структура, которую можно передать как *'Кто-то объявил конкурс'*, а потом при трансформации пассива неопределенный субъект опускается. В этом случае возникает, однако, проблема с представлением предложений типа (16а), которые получают аномальную структуру вида (16б):

(16) а. Российская грамматика Ломоносова была написана в 1755 году;

б. *Кто-то написал Российскую грамматику Ломоносова в 1755 году. Этот пример показывает, что субъект в глубинной структуре бессубъектного пассива вовсе не обязательно неизвестен говорящему (ср. Смирницкий, 1959, с. 270): говорящий просто не считает нужным эксплицитно его указывать, а фактически он может даже и присутствовать в поле зрения, как это и имеет место в (16).

§ 6. ДЕНОТАТИВНЫЙ СТАТУС ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ

Высказывания и те части высказываний, которые выражают пропозиции, тоже вступают, по воле говорящих, в разного типа соотношения с действительностью — с фактами, событиями, ситуациями. Те аспекты значения предложения, которые выражают предназначенность пропозиции к тому или иному типу соотношения, характеризуют денотативный статус пропозиции.

Для пропозициональных компонентов заведомо различаются: 1) утвердительный статус, причем единичные утверждения противопоставлены общим и частным (ср. *Поезд ушел* и *Норвежцы высокого роста*, *Некоторые люди боятся темноты*), 2) презумптивный статус заранее предполагаемой истины (как у компонента *он приехал* в *Я рад, что он приехал*) и 3) нейтральный (как у *отказ от игры* во фразе *Отказ от игры не уронит его в глазах шахматистов* или у компонента *он приехал* во фразе *Я сомневаюсь, что он приехал*)⁶. Для именной группы, даже если она имеет пропозициональное значение (как *отказ от игры*), возможны в принципе все те же статусы, что для предметной ИГ.

Денотативные статусы пропозиций находятся в естественном соответствии со статусами предметных именных групп. Презумптивный статус пропозиции — это аналог референтного определенного статуса имени; частноутвердительный статус пропозиции (в контексте информирующего высказывания, т.е. сообщения) — аналог слабой определенности в интродуктивной функции. Нейтральный статус пропозиции соответствует экзистенциальному неконкретному статусу имени; общеутвердительные и родовые пропозиции, естественно, соответствуют

⁶Ср. противопоставление утвердительной, презумптивной и нейтральной модальности в Падучева 1974: 197. Термин "модальность" употребляется по отношению к близким противопоставлениям в Givón 1978.

универсальным и родовым ИГ. Ограниченно референтным ИГ, которые соотносятся с объектом в мире отличным от реального, соответствует статус пропозиций, попадающих в контекст миропорождающих операторов *считает, воображает, если* и т.д.

Различение денотативных статусов пропозиций представляет интерес, в частности, потому, что имеется ряд устойчивых корреляций между статусом пропозиции и статусами входящих в ее состав предметных термов (см. об этом Guillaume 1964). Укажем некоторые из таких корреляций.

1. В контексте единичного утвердительного статуса пропозиции субстантивная ИГ без эксплицитных актуализаторов нормально интерпретируется как референтная, ср. *Мальчишки побили кошку*. В составе пропозиции общеутвердительного статуса такая же ИГ понимается как родовая или универсальная, ср. *Норвежцы высокого роста; В мае он обычно уезжает отдыхать*. Одинаковые по структуре ИГ могут быть в контексте единичной пропозиции слабоопределенными (*Некоторые не поняли смысла его слов*), а в контексте общеутвердительной пропозиции — общезкзистенциальными (*Некоторые люди боятся темноты*).

2. Неконкретные экзистенциальные ИГ допустимы только в пропозиции нейтрального статуса, ср. *Пусть он прочтет какую-нибудь лекцию* и **Он прочел какую-нибудь лекцию*. Имеется тест, позволяющий диагностировать нейтральный статус пропозиции: это единственный контекст, допускающий ИГ с придаточным в сослагательном наклонении (см. Падучева 1974: 140; Крейдлин, Рахилина 1981), ср. *Пусть он прочтет лекцию, которая бы касалась этой темы, но *Он прочел лекцию, которая бы касалась этой темы*.

Между статусом предложения и именной группы имеется такая тесная согласованность, что во многих случаях нельзя сказать, какой из них выражается тем или иным грамматическим средством. Так, в работе Lakoff 1972 говорится, что в латыни противопоставление ИГ по признаку $\pm$ Референтность выражается с помощью наклонения глагола. В Rivéro 1971 аналогичное утверждение делается относительно испанского языка. Ср. также наблюдение В.Г. Гака о возможности транспозиции показателя неопределенности из именной группы в глагольную: фр. *Un e nuit ils furent reveillés par le bruit d'un cheval* переводится *Как-то ночью их разбудил топот коня* (Гак 1983: 116).

§ 7. СВЯЗЬ ДЕНОТАТИВНОГО СТАТУСА С ЛЕКСИЧЕСКОЙ И СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРОЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Понятие денотативного статуса является предпосылкой более глубокого понимания многих явлений синтаксиса и семантики (о роли дейксиса в грамматике см. Jakobson 1972).

Естественно, что понятие денотативного статуса играет большую роль при описании закономерностей употребления местоимений. Например, денотативного согласования с антецедентом требуют местоимения 3-го лица. Рассмотрим следующий текст:

(1) Лисица никогда не видела льва. И встретясь с ним случайно, она перепугалась.

Здесь употребление местоимения 3-го лица во второй фразе аномально, поскольку заставляет принять противоестественное — для обычного, не сказочно-басенного мира — предположение, что первая фраза имеет в виду индивидуализированного льва.

Другой пример. Сложное предложение с определительным придаточным (аппозитивным) в русском языке требует денотативного согласования местоимения с антецедентом. Это требование нарушено в предложении (2) (в его наиболее естественном понимании, когда в главном предложении имеется в виду индивидуализированный фрак, а в придаточном — какой-нибудь), которое поэтому аномально:

(2) На мне был *фрак*, без которого никому не советую выезжать, даже на охоту (Тургенев).

Использование понятия денотативного статуса при описании семантики местоимений см. в гл. VII—XII.

Денотативный статус вступает в многообразные связи со всеми аспектами и уровнями структуры предложения. Ниже мы рассмотрим связи ДС с лексической семантикой и с синтаксической структурой предложения.

1. Связи денотативного статуса с семантикой лексики

1. Существительное может иметь "врожденное" ограничение на ДС. Это явление было описано, в других терминах, В.В. Виноградовым, который отметил особенность синтаксического поведения слов с оценочным значением, типа *байбак*, *молодец*, имеющих преимущественно предикатное употребление, в отличие, скажем, от слова *врач*, которое способно иметь весь набор ДС (Виноградов 1977: 184). Слова с врожденным предикатным статусом допускают референтное употребление обычно при наличии ненулевых актуализаторов: *этот балбес*, *какой-то негодяй*, *один мошенник* (см. Арутюнова 1976а: 349). Родовой и универсальный ДС не исключены; ср. родовой ДС у *болтун* во фразе *Болтун — находка для шпиона*.

2. Еще более четко очерченной является другая категория слов (выделенная впервые в Wierzbicka 1969) — слова, наоборот, неспособные, к предикатному и родовому употреблению, а только к конкретно-референтному. Это слова типа *всадник* (в противоположность *наездник*), *незнакомец*, *собеседник*; они характеризуют предмет через актуальный признак (т.е. признак, проявляющийся в данный момент), а существительные-предикативы указывают постоянный. Ср. **Он всадник*, **Он незнакомец*. Т.е. в значении лексемы *всадник* фиксирована невозможность иметь предикатный или родовой ДС, при том, что он в принципе свойствен всем существительным. Во фразе *В классификации материала автор часто опирается на опыт своих предшественников* ДС слова *автор* понимается как референтный определенный, поскольку *автор* (без объекта), если исключить специфически "издательские" контексты, имеет только актуальное значение; если заменить *автор* на *исследователь*, то родовое понимание станет возможным и даже предпочтительным.

3. Другой вид связи ДС с семантикой лексики состоит в том, что слово может предъявлять требование к своим синтаксическим актантам, формулируемое в терминах ДС.

а) Далеко не всякий глагол может иметь, без дополнительного контекста, подлежащее в универсальном статусе: можно сказать *Всякий человек знает этот дом*, но не **Всякий человек идет в этот дом*, **Всякий человек сидит*. Ограничение можно сформулировать следующим образом (ср. Падучева 1974: 92): ИГ в универсальном статусе может быть без дополнительного контекста подлежащим только при таком глаголе, который обозначает постоянное или устойчивое свойство/состояние объекта (*знает*, *может* — в противоположность *идет*, *сидит*), т.е. в контексте предиката, применимого к объекту целиком, а не к временной фазе объекта. Дополнительным контекстом, который делает возможным подлежащее в универсальном ДС при других глаголах, является контекст дистрибутивности во времени, снимающий определенность временной локализации, ср. **Всякий человек испытал сильное чувство* и *Всякий человек когда-нибудь испытал сильное чувство*.

б) Известна группа предикатов, при которых субъект может быть только в родовом статусе (см. Carlson 1979 и особенно Булыгина 1982); это, например, *редкий*, в одном из значений (*Вечером редки прохожие на тульских улицах*, *В течение двадцати лет сряду извездил я Россию по всем направлениям ... редкого зрителя не знаю я в лицо* (Пушкин); *В уезде редкий помещик не состоял ему должным* (Чехов)), *частый*, *обычный*, *широко распространенный*, *дефицитный*. Особо стоит группа бытийных глаголов с вневременным значением (*жить*, *расти*, *обитать*, *населять*, *водиться*, *вымирать*), при которых подлежащее имеет родовой или общезысущественный статус: *В этом пруду водятся утки всевозможных пород*; *В пустыне растет чертополох*; *Ягуары в Южной Америке вымирают*.

в) Есть глаголы, у которых дополнение может быть только в родовом ДС: *любить* (мороженое), *ненавидеть*, *знать* (математику), *понимать*, *разбираться* (в винах). Пример из Булыгина 1982: *Мне нравится, сегодняшний закат*, но **Я люблю сегодняшний закат*, — показывает, что глаголы *нравиться* и *любить* требуют разных статусов объекта: *нравиться* допускает объект в референтном ДС, а *любить* — только в родовом, ср. Вежицкая 1982: 254.

г) В работе Булыгина 1982:34 описывается большой класс предикатов, которые, наоборот, в нейтральном контексте исключают родовой статус субъекта; это временные состояния: *пьян*, *здоров*, *в отчаянье* и т.д. Так, фразы *Молодые люди пьяны*, *Дети голодны*, *Старики в раздражении* прочитываются однозначно как имеющие субъект в конкретно-референтном статусе, хотя во фразе *Молодые люди легкомысленны*, с предикатом, выражающим постоянное свойство, статус той же ИГ может быть и родовой. В принципе родовой статус субъекта при предикатах временного состояния не исключен, но требует специального контекста, например, контекста многократности, ср. *Настоящий сапожник с утра пьян*.

д) Существуют глаголы, требующие предикатного ДС одного из

актантов (связочные). Во фразе *Он превратил нашу церковь в мечеть* нельзя заменить *мечеть* на одну *мечеть* или *эту мечеть*, поскольку глагол *превратить* требует предикатного статуса 3-го актанта, а именная группа с актуализатором-местоимением не может иметь предикатного статуса. Глаголы этого типа весьма разнообразны и многочисленны; ср. *Каждый третий город был разжалован Павлом в селение;... За что страдальцем кончил он; Он всегда подозревал в себе недоучку*. Сюда примыкают глаголы *служить* (чем-либо), *использовать, применять в качестве, выполнять функцию* (чего-либо) и под., см. Арутюнова 1980а: 205.

е) Строгими ограничениями на ДС актанта характеризуются фазовые глаголы *продолжаться* и *прекратиться*: их подлежащее — определенная ИГ, ср. **Продолжается какая-то конференция*. Дело в том, что эти глаголы при любом положении во фразе, даже при начальном, тяготеют к реме, ср. *Продолжается посадка в самолет*, выталкивая подлежащее в тему; а неопределенное подлежащее нормально занимает рематическую позицию (*Только что закончилась какая-то конференция по фонетике*).

ж) Многочисленные ограничения накладывают на статус подчиненной пропозиции глаголы с пропозициональными актантами. Так, во фразе *Он просит, чтобы я ему помог* компонент *я ему помог* имеет нейтральный статус, что предопределено значением глагола, см. классификацию глаголов, отражающую ДС их пропозиционального актанта в Karttunen 1971a.

2. Связи денотативного статуса с синтаксисом

Взаимодействие ДС с синтаксисом может состоять либо в том, что синтаксическая позиция ИГ предъявляет определенные требования к ее статусу (примеры 1, 2), либо в том, что статус ИГ влияет на морфологическое оформление ее самой или ее окружения (примеры 3, 4).

1. В бытийных предложениях действует следующее ограничение на ДС подлежащего: подлежащее не может быть определенным. Так, можно сказать *Во дворе собаки*, *Во дворе есть собаки, имеются собаки* (*собаки* понимается в неопределенном ДС), но нельзя **Во дворе есть мой отец*, поскольку ИГ *мой отец* однозначно определенная. Если переставить слова — *Собаки во дворе*, то *собаки* приобретает статус определенности, но это будет не бытийное предложение, а предложение локализации (это важное различие, так же как и наблюдение о запрете на определенность в контексте существования, принадлежит Н.Д. Арутюновой, см. Арутюнова 1976б).

2. Есть и другие ограничения на статус, накладываемые синтаксической позицией. Например, как показано в Ермакова 1976, однозначно родовой статус имеет ИГ в родительном определении: *Я вас люблю любовью брата* — нельзя *любовью вашего брата* или *брата Маши*; в родительном характеризующем: *день радости, улыбка приветя*; в родительном сравнения: *лицо мадонны*. Это ограничение интересно не только само по себе, но и потому, что объясняет запреты на употребление местоимения 3-го лица в некоторых синтаксических позициях, отмеченные в Грамматике 1980, т. II, с. 455 (ср., например, *состояние*

невесомости, но *состояние ее): они проистекают из обязательно нереферентного статуса ИГ, занимающей эту позицию (об ограничениях на нереферентный статус местоимения 3-го лица см. гл. VII).

3. Как известно, у многих прилагательных краткая форма при конкретно-референтном подлежащем обозначает временное состояние, а полная — постоянное свойство: *Она большая — Она больна; Он неинтересный — Он мне неинтересен*. Имеется, однако, другая группа прилагательных — такие, у которых даже краткая форма не выражает временного состояния; для них противопоставление краткой/полной формы связано со статусом подлежащего: при универсальном и родовом статусе краткая форма, при референтном — полная (см. Шведова 1952, Ермакова 1974), ср. *Лаваш ароматен, Жизнь прекрасна, Красавицы капризны, Все хорошие люди несчастны, Старики ворчливы, но Комната прекрасная, Она капризная, Он несчастный, ворчливый*. Ср. *Дурные примеры заразительны и Пример заразительный*.

4. Одна из классических проблем в русистике — мена им. падежа субъекта на родительный (и безличное сказуемое) при некоторых глаголах в контексте отрицания: *Возникли осложнения — Осложнений не возникло*, см. Ицкович 1974. Контекст отрицательного предиката допускает серию референциальных противопоставлений, в ряде случаев выражаемых противопоставлением им. и род. падежа субъекта.

а) Противопоставление референтного определенного и экзистенциального ДС; ср. (а) *Документы не обнаружены* — (б) *Документов не обнаружено*. Разумеется, противопоставление им. и род. падежа невозможно для ИГ, которая не допускает отнесения к обоим ДС, ср. *Изображений не появлялось*, но * *Ивана не появлялось*. В частности, оно невозможно для ИГ со скрытой определенностью, выраженной предлогом из; ср. *Ни одного документа не обнаружено*, но ? *Ни одного из документов не обнаружено* (надо: *Ни один из документов не обнаружен*). Важную роль играет также число; ср. (а) *Новый сотрудник не принят*, но (б) * *Нового сотрудника не принято*, поскольку ИГ *новый сотрудник*, в ед. числе, не допускает экзистенциального понимания; нереферентной парой к (а) будет (б') *Новых сотрудников не принято* или (б'') *Ни одного нового сотрудника не принято*.

Род. падеж, обычно в сочетании с *никакой*, употребляется в предложениях "огольного отрицания", где он служит для выражения сомнения в существовании самой темы исходного утверждения, т.е. сомнения в презумпции существования, связанной с субъектной ИГ: *Никакого Г. Беннета в гостинице не останавливалось*. ДС субъекта здесь близок к экзистенциальному.

В контексте количественных ИГ на противопоставление референтность/экзистенциальность могут наращиваться дополнительные смысловые различия, ср. (а) *Три дня не прошли* и (б) *Трех дней не прошло*; (б) = 'Прошло не три дня, а меньше'.

б) Противопоставление экзистенциального неконкретного и родового (или общезекзистенциального) ДС; ср. различие по смыслу между фразами *В Калужской губернии не водится куропаток* и *Куропатки в Калужской губернии не водятся*. Аналогичное различие в паре *Для меня как будто не существует женщин — Женщины для меня как*

будто не существуют. Во фразе *Пшеница в этот год не уродилась*, где предикат требует общезкзистенциального субъекта, род. падеж невозможен.

в) Нереперентный субъект может оформляться им. падежом вместо ожидаемого родительного, если требуется подчеркнуть известность соответствующей идеи, т.е. запланированность, ожидаемость события или объекта. Так, в парах *Гостиницы не построено* — *Гостиница не построена*, *Вскрытия не производилось* — *Вскрытие не производилось* можно усмотреть различие по запланированности.

Разумеется, выражение данных референциальных противопоставлений в субъекте возможно не при всех глаголах и значениях. Так, предикат местопребывания отличается по допустимости род. падежа от предиката постоянного местонахождения: $\neg$ (*Отец находится на веранде*) = *Отца нет на веранде*, но $\neg$ (*Тегусигальпа находится в Никарагуа*) $\neq$ *Тегусигальпы нет в Никарагуа*.

Глава V

РЕФЕРЕНЦИЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ СТРУКТУРА ВЫСКАЗЫВАНИЯ

§ 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

То, что референция связана с коммуникативной структурой (актуальным членением) предложения, представляется априори очевидным, ср. van Dijk 1977, с. 3: "Очевидно, что описание таких явлений, как местоимения, актуализаторы и коммуникативная структура, требует<...> обращения к понятию референции". Однако суть этой связи далеко не ясна. Первая попытка установить зависимость референции от коммуникативной структуры высказывания принадлежит П. Стросону (19826). Стросон утверждает, что одна и та же ИГ может быть конкретно-референтной в позиции темы высказывания и нереперентной в позиции ремы, так что высказывание, которое из-за ложной презумпции существования и единственности погружается в функционально-истинностный провал, как (1а), может, при изменении коммуникативной структуры, стать просто ложным, см. (1б):

- (1) а. Король Франции посетил сегодня Выставку достижений народного хозяйства; б. Выставку достижений народного хозяйства посетил сегодня король Франции.

Мы считаем, что если ИГ в позиции подлежащего-темы несет презумпцию существования, то она не может утратить ее ни при каком изменении коммуникативной структуры: (1б) вызывает совершенно такое же ощущение недоумения, как и (1а), поскольку денотативный статус ИГ *король Франции* в (1б) референтный определенный. Даже если произнести ИГ *король Франции* в (1б) с контрастным ударением, высказывание получит идентифицирующее значение (ср. *Знаешь, кто тот человек, который посетил Выставку? Выставку/ посетил | король Франции* \), но ИГ останется референтной: под влиянием контрастного ударения может частично утратить референтность неопределенная ИГ, но не определенная дескрипция *король Франции*.

Другое дело, что ИГ может утратить презумпцию существования при изменении своей синтаксической позиции, — например, в предложении (2) *Миттеран — король Франции*. Действительно, (2), в отличие от (1), не аномально, а ложно, поскольку оно содержит ложное утверждение, а не ложную презумпцию. Но в (2) отсутствие презумпции обусловлено синтаксической функцией ИГ (она служит в предложении предикативом), а не ее ролью в коммуникативной структуре (К-структуре).

Тем не менее, связь коммуникативной структуры с референцией несомненна. Рассматриваются следующие ее аспекты.

1. Коммуникативная структура предложения порождает ряд ограничений на употребление местоимений и других имен объектов: местоимение (или его антецедент) иногда не может — или, наоборот, должно — быть тем или иным компонентом К-структуры.

2. В предложениях некоторых семантических или синтаксических типов имеются ограничения на денотативный статус того или иного компонента К-структуры. Иначе: у предложений определенных типов наблюдается неполнота коммуникативной парадигмы¹, обусловленная денотативным статусом компонента К-структуры.

Коммуникативная парадигма (К-парадигма) — это объединение предложений в классы, элементы которых различаются исключительно коммуникативной структурой. С формальной точки зрения члены такой парадигмы различаются своей линейно-интонационной структурой, т.е. порядком слов и интонацией, взятыми в их взаимодействии (ср. Падучева 1974: 160). Линейно-интонационная структура (ЛИ-структура) — это план выражения для коммуникативной. О смысловых соотношениях между членами К-парадигмы речь будет идти ниже. Примеры предложений, составляющих одну парадигму:

(3) а. Николай поехал в Москву; б. В Москву поехал Николай \; в. Николай в Москву поехал \; г. Николай /!поехал в Москву \; д. Николай \ поехал в Москву.

Среди коммуникативных структур, образующих парадигму, имеется нейтральная, или первичная (не обязательно единственная, см. Ковтунова 1976: 181), и вторичные. Нейтральная К-структура — это такая, которая находится в наиболее естественном соответствии с синтаксической структурой и лексическим составом предложения. Вторичные К-структуры естественно описывать с помощью линейно-акцентных преобразований нейтральной структуры. Линейно-акцентное преобразование не является трансформацией в смысле трансформационной грамматики: оно не выражает синонимического соотношения, ему не приписывается никакой психологической реальности. Это средство описания формально-смысловых отношений между членами К-парадигмы.

Члены К-парадигмы иногда считают разными высказываниями, построенными на базе одного и того же предложения, т.е. формами предложения (Ковтунова 1976: 36). Однако на самом деле членами К-парадигмы являются предложения. Действительно, предложение практически неотделимо от своего порядка слов и интонации; инвариант, который сохраняется при линейно-акцентных преобразова-

¹О коммуникативной парадигме см. Ковтунова 1976: 36.

ниях, — это не предложение, а его лексико-синтаксическая структура².

Если обратиться к предложениям, содержащим не только простейшие имена объектов, каковыми являются собственные имена *Николай, Москва* в примере (3), но и более сложные, в частности, разного рода производные имена (т.е. имена, которые используются при повторном упоминании объекта и смысл которых включает отсылку к исходному имени, см. Падучева 1973а), то оказывается, что в них возможности варьирования ЛИ-структуры ограничены: изменение ЛИ-структуры таких предложений требует перестройки имен объектов³.

Простой пример зависимости производных имен от К-структуры предложения — это замена исходных имен на местоимения и обратно при изменении порядка слов (в примерах ниже (6) — результат простой перестановки слов в (а), а (в) получается после перестройки имен объектов):

(4) а. Я не знаком ни с самим *Джонсом*, ни с *его* учениками; б. *Я не знаком ни с *его* учениками, ни с самим *Джонсом*; в. Я не знаком ни с учениками *Джонса*, ни с *ним* самим.

(5) а. *Одну прямую* пересекают *две других*; б. **Две других* пересекают *одну прямую*; в. *Две прямых* пересекают *третью*.

Для некоторых имен их связь с порядком упоминания объектов столь жесткая, что перестановка вообще невозможна. Так, в (6), (7) очевидна неполнота К-парадигмы:

(6) а. *Джона* убили бандиты в *его* собственном доме; б. *В *его* собственном доме *Джона* убили бандиты; в. *В собственном доме *Джона* *его* убили бандиты.

(7) а. *Каждый сотрудник* работает над проблемой из интересующей *его* области; б. *Над проблемой из интересующей *его* области работает *каждый сотрудник*; в. *Над проблемой из области, интересующей *каждого сотрудника*, он работает.

Для описания более сложных зависимостей необходимо уточнить основные параметры коммуникативной структуры предложения.

§ 2. КОММУНИКАТИВНАЯ СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Обычно считается, что есть некая единая коммуникативная структура предложения (или высказывания), так что разные описания — это разные подходы к одному и тому же предмету. Между тем на самом деле для решения разных задач требуются, вообще говоря, разные сведения, так что разница не в подходе, а в существе дела. Приведем примеры таких задач.

Задача 1. Расставить слова и интонировать предложение (=установить его линейно-интонационную структуру) при синтезе предложения из его синтаксического представления, т.е. на основе заданного

²Признание линейно-интонационной структуры свойством предложения не исключает того, что для истолкования этой структуры необходим выход за пределы предложения — в речевой акт (для выявления коммуникативных намерений говорящего, реализуемых с помощью данной структуры) и в текст (для выявления связи данного предложения с его языковым контекстом).

³Изменение порядка слов может влиять не только на имена объектов, т.е. на лексическую структуру предложения, но и на морфологию, ср. *Среди них было три женщины* и *Ж е н щ и н среди них было т р и*.

лексического и синтаксического состава (ср. в этом русле работу Откупщикова 1963). В рамках этой задачи от коммуникативной структуры требуется, чтобы в ней содержалась вся та дополнительная семантическая или прагматическая информация, которая должна быть добавлена к синтаксическому представлению предложения, чтобы его линейно-интонационная структура устанавливалась однозначно (например, чтобы в одном случае порождалось *Мальчика укусила собака*, а в другом — *Собака укусила мальчика*). Эта информация и будет в данном случае "планом содержания" для коммуникативной структуры предложения.

Задача 2. Интонировать предложение с уже расставленными словами (на эту задачу, скорее всего, ориентирована работа Гаичева, Сгалл 1981). В рамках задачи 1 бессмысленно было бы говорить, что "дополнительным средством выражения актуального членения служат частицы" (Ковтунова 1976: 11), поскольку при расстановке слов нельзя вставлять в предложение частицы; между тем в рамках задачи 2 можно сказать, например, что частицы *а, же, это* или *только, даже, и* являются средствами выражения актуального членения (точнее было бы, впрочем, сказать не "средствами выражения", а "показателями").

Задача 3. Выяснить, какие значения передаются в данном языке варьированием линейно-интонационной структуры предложения, т.е. порядка слов и интонации. Ясно, что эти изменения весьма разнородны. Весьма ощутимо влияние линейно-интонационной структуры на семантическую в бытийных предложениях (см. Арутюнова 1976б): (1) а. Сестра у него в деревне; б. В деревне у него сестра.

Здесь возникает семантическое противопоставление, состоящее в том, что (а) — предложение локализации (оно сообщает о местопребывании объекта), а (б) — бытийное предложение, которое сообщает о том, что в данной области бытия имеются объекты данного типа.

Известны примеры, когда изменение ЛИ-структуры предложения сопряжено с изменением значений дистрибутивности — объединенности (Падучева 1974: 81). Так, в (2а) правила, скорее всего, свои для каждого водителя, а в (3б) — одни и те же:

(2) а. Каждый водитель соблюдает некоторые правила; б. Некоторые правила соблюдает каждый водитель.

В примере (3) во фразе (а) 10 тыс. человек скорее всего составляют общую сумму посетителей всех трех матчей, т.е. ИГ *10 тыс. человек* имеет собирательную множественность, а в (б) это люди, успевшие побывать на каждом из матчей, т.е. множественность той же ИГ дистрибутивная:

(3) а. На трех матчах побывало 10 тыс. человек; б. 10 тыс. человек побывало на трех матчах.

Наконец, идя еще дальше по тому же пути, мы должны принять во внимание, что в биноминативном предложении изменение ЛИ-структуры может привести к такому изменению референциальных характеристик компонентов, при котором меняются местами подлежащее и сказуемое (см. Падучева, Успенский 1979):

(4) а. Мой брат — учитель; б. Учитель — мой брат.

Другое возможное изменение синтаксической структуры предло-

жения, порождаемое изменением линейно-интонационной, — это переход предложения из односоставного в двусоставное и обратно, ср.: (5) а. У нее хорошие жилищные условия; б. Жилищные условия у нее хорошие.

О варьировании одно- и двусоставности в количественных конструкциях (например, *Море цветов и Цветов — море*) см. Золотова 1982: 285.

Заранее оговорим, что далеко не всякое изменение линейно-интонационной структуры мы будем считать изменением коммуникативной структуры в пределах одной парадигмы. Например, если у предложения при изменении линейно-интонационной структуры меняется синтаксическая, то оно, естественно, выпадает из парадигмы. Иначе говоря, большинство рассмотренных выше предложений имеет дефектные К-парадигмы.

Задача 4. Установить место отрицания при порождении предложения из его семантического представления. Известна закономерность, состоящая в том, что в общеотрицательном предложении, т.е. в предложении вида 'Неверно, что А', отрицание синтаксически связано — в русском языке — с ремой предложения А. Однако чтобы это правило действительно соблюдалось, разбиение на тему и рему иногда должно отступать от того, которое задается линейно-интонационной структурой предложения. Так, естественное членение предложения (6) *Все равносторонние треугольники равноугольны* представлено на схеме (7); а для задачи установления места отрицания ремой должно быть слово *все*, поскольку $\neg (6) = \text{Не все равносторонние треугольники равноугольны}$: (7) [*Все равносторонние треугольники*]_{Тема} [*равноугольны*]_{Рема}.

Аналогичная проблема возникает при получении отрицательной пары *Иван никогда не ошибается* к предложению *Иван иногда ошибается* (в Падучева 1974: 153 предполагается, что установление места отрицания требует анализа, близкого к выявлению коммуникативной структуры предложения, но не совпадающего с ней).

Задача 5. Выразить оптимальным образом (например, при переходе от семантического представления предложения к синтаксическому) заданное содержание — смысл и разного рода акценты, контрасты, меняющиеся фокусировки и проч. Это сложная проблема, которой подчинены, на разных этапах синтеза предложения, выбор лексем (ср. пример из Fillmore 1970: *Джон — незаконнорожденный и Родители Джона не состояли в законном браке*), выбор варианта среди глубинно-синтаксических синонимов (*Билеты не продаются — Продажа билетов не производится; Подписку производят районные отделения связи — Подписка производится районными отделениями связи; Нагревание ускорило процесс — При нагревании процесс ускорился; Мы вечно восторгаемся произведениями Расина — Произведения Расина составляют вечный предмет наших восторгов*), а также употребление частиц (*Чашку разбил Иван — Это Иван разбил чашку*) и различного рода специальных выделительных конструкций (*Меня удивляет моя бабушка — Кто меня удивляет, это моя бабушка*). В работе Мартемьянов 1981 выявляется общий "коммуникативный" знаменатель у залоговых трансформаций и трансформаций декаузативизации в предло-

жениях с каузативами, состоящий в том, что они сообщают агенту "понижение в ранге" — из подлежащего он становится обстоятельством⁴, например:

(8) Д а в л е н и е заставляет клапан вибрировать ⇒ П о д д а в л е н и е м клапана начинает вибрировать = Под давлением в клапане возникает вибрация.

Рассмотренные факты свидетельствуют о том, что не существует единой коммуникативной структуры: имеется несколько разных структур, возникающих на разных уровнях представления предложения. Из этих различных структур мы ориентируемся далее на самую "слабую" — ту, которая ближе всего к линейно-интонационной структуре. А именно, мы считаем, что в одну коммуникативную парадигму входят предложения, не имеющие, вообще говоря, иных формальных различий, кроме различий в ЛИ-структуре (хотя и не все такие предложения).

Обратимся вначале к понятию линейно-интонационной структуры. Линейно-интонационная структура задает порядок составляющих (компонентов) предложения и их тип фразового ударения. В принципе, в предложении может быть столько компонентов, сколько имеется групп, непосредственно подчиненных сказуемому, плюс само сказуемое (их бывает меньше, когда сказуемое образует единый компонент с одной или несколькими подчиненными ему группами).

В предложении различается главное фразовое ударение (в повествовательном предложении — нисходящее) и второстепенное (обычно восходящее). Например, во фразе (9) *Спустя несколько лет Троекуров... приехал в свое поместье* главное ударение на слове *поместье* и второстепенное — на слове *лет*. Второстепенное ударение может быть более чем одно, а может и отсутствовать. Фразовое ударение, как главное, так и второстепенное, может быть о б ы ч н о е (нейтральное) и к о н т р а с т н о е, т.е. усиленное, аффектированное (его иногда называют "логическим"). Например, фраза *Они пришли* может быть произнесена либо с обычным нисходящим ударением на *пришли*, либо с контрастным на *они* (а может и с контрастным ударением на *пришли*). Нисходящее контрастное ударение отмечается знаком \, восходящее — знаком /; знак ~ показывает безударность, т.е. отсутствие фразового ударения⁵. Неконтрастное ударение предопределено контекстом и не отмечается.

В каждом предложении есть рема. Р е м о й называется компонент, включающий слово с главным фразовым ударением. При нормальном, не эмфатическом, построении предложения рема — это конечная группа. Иногда в пределах ремы можно выделить с о б с т в е н н о р е м у — группу меньшей протяженности. Так, в (9) рема — *приехал в свое поместье*, а собственно рема — *в свое поместье*. Если рема выделена контрастным ударением, она называется *контрастной*.

В предложении может быть, хотя и не обязательно есть, н а ч а л ь-

⁴Ср. различие между темой и кулисой в чешских работах по актуальному членению (Адамец 1966: 6).

⁵Фактически тоновых различий больше, см. Брызгунова 1981, но для дальнейшего это огрубление несущественно.

на а г р у п п а, или н а ч а л о, — компонент, не входящий в рему и отмеченный фразовым ударением (второстепенным). Если это ударение контрастное, компонент называется к о н т р а с т н ы м н а ч а л о м. Например, фраза (10) скорее всего должна быть произнесена с контрастным началом (| — граница между компонентами):
(10) Имя/ этой теме | — любовь \.

Предложения без начальной группы называются н е р а с ч л е н е н н ы м и.

То, что названо здесь начальной группой линейно-интонационной структуры, обычно называют темой. Термин "тема", даже когда он применяется к формальному плану высказывания, наталкивает на определенную семантическую интерпретацию. Мы предпочли отказаться от этого термина, чтобы избежать семантических коннотаций, по крайней мере частично ложных. Законная семантическая коннотация термина "начало", достаточно неопределенная, состоит в том, что это исходный пункт высказывания (ср. Ковтунова 1976: 6), начальная точка при „обходе" ситуации.

В предложении может быть несколько начал (начало, 2-е начало, 3-е начало, ср. термины первичная, вторичная тема в Адамец 1966) и несколько рем (собственно рем) — конечная, предконечная. Так, в (11) два начала, в (12) — три; в (13) две ремы:

(11) В результате землетрясения | многие дома | были полностью разрушены.

(12) На другой день, | ровно в двенадцать часов, | гробовщик и его дочери | вышли из калитки новопкупленного дома.

(13) Этой проблемой | занимался Хартман | в течение многих лет; Дело происходило | не так давно | в Московском окружном суде.

В отличие от начала, которое имеет второстепенное ударение или хотя бы допускает произнесение с ударением, 2-е и последующие начала могут быть и безударными. Двойная рема требует двойного главного фразового ударения.

Кроме начал и ремы, в предложении могут быть в н е р е м а т и ч е с к и е к о м п о н е н т ы (безударные) в позиции внутри или после ремы, например, в (14) свой стул — внерематический компонент:

(14) Ипполит Матвеевич | сразу узнал \ | свой стул \ .

Граница между началами и ремой не обязательно отмечается паузой, но должна в принципе допускать паузу. Поэтому невозможно такое членение предложения (15), как предлагается в Гаичева, Сгалл 1981:
(15) На той полянке мой брат вчера нашел | два гриба.

Перейдем теперь к содержательным противопоставлениям в ЛИ-структурах.

1. Первое содержательное противопоставление выражается выбором начала. Господствует представление (подвергшееся в последние годы нападкам, ср. Чейф 1982), что формальное членение фразы на начало и рему совпадает с содержательным членением на данное и новое. Если уточнить, что "данное" — это с в я з а н н о е к о н т е к с т о м (текстовым, понятийным или ситуативным, ср. понятие доминированного имени в Падучева 1965), т.е. активированное, а не просто "известное", то в целом тяготение данного к началу несомненно (связь

ремы с новым гораздо менее последовательная). Однако следует принять во внимание следующее:

а) Все составляющие в предложении могут быть контекстно связанными; и могут все составляющие быть новыми. Тогда при отождествлении начала с данным членение на начало и рему должно в таком предложении отсутствовать. Между тем это не так. Ср. пример (16), где обе именные составляющие контекстно связаны, и (17), где обе составляющие новые, а в ЛИ-структуре выделяются начало и рема: (16) *Передо мной | сидела эта девушка.*

(17) *Новые модели детской одежды | выпускают фабрики г. Пензы.*

Вообще может быть так, что "новое" в высказывании — только утвердительный статус пропозиции; между тем рема не может быть меньше, чем слово:

(18) *<Вы интересовались приездом Ивана?> Иван | приехал\.*

б) С другой стороны, если у предложения в данном контексте одна составляющая контекстно связана, а другая нет, то, казалось бы, начало и рема однозначно предопределены. Между тем, это тоже не так. В примерах (19) — (22) из сказок Л.Н. Толстого контекстно связана одна ИГ (она выделена курсивом), а началом служит другая: (19) *<У китайского императора ... была любимая жена. Император хотел, чтобы> весь народ / | помнил \ *его любимую царицу*.*

(20) *<На Сан-Готарде ... зимой бывают такие метели, что на пять аршин заносит снегом.> И проезжие и прохожие | замерзают \ *в эти метели*.*

(21) *<Осенью у муравьев подмокла пшеница: они ее сушили.> Голодная стрекоза / | попросила у них корму \.*

(22) *<Поводырь с медведем подошел к кабаку, привязал медведя к воротам, а сам вошел в кабак выпить.> Ямщик / на тройке | подъехал к кабаку \ ...*

Если принять, что *народ* в (19) активировано понятийным полем 'император', а проезжие — полем 'перевал', то примеры (19), (20) перейдут в тот же класс, что (16); но (21) и (22) остаются. Другой показательный пример:

(23) *Состоялся матч чехов с канадцами. Выиграли чехи.*

Идея выигрыша активирована понятийным полем матча и является законным началом. Но почему, однако, это начало предпочтительнее, чем *чехи*, которые просто упоминаются в предыдущей фразе?

Начало, не выражающее данного, можно назвать не з а в и с и м ы м началом (ср. *Фестал стимулирует пищеварение, хорошо усваивается. Д е т и тоже хорошо усваивают фестал*). Следует, однако, иметь в виду, что степень независимости (соответственно, контекстной связанности) компонента может быть различной (например, предупоминание объекта дает более сильную степень связанности, чем понятийное поле), и ощутимый эффект возникает уже тогда, когда какому-то компоненту отдается предпочтение перед более основательно вписанным в контекст компонентом той же фразы, как в (19), (20).

Противопоставление данное/новое нельзя отождествлять с противопоставлением известное/неизвестное, т.е. определенное/неопределен-

ное. Так, в (24) ИГ *твоего отца* получает законное место в реме, несмотря на свою определенность, потому что существенна не индивидуализированность объекта, а его вхождение в общее поле зрения участников речевого акта (ср. также примеры (10), (11) из §III.2):

(24) Я встретил вчера *твоего отца*.

Особенно наглядно различие данного и известного демонстрируется на предложениях идентификации. На первый взгляд кажется, что в них просто нарушается правило о том, что начало обозначает данное, а рема — новое, поскольку рема очевидным образом обозначает здесь более известное, а начало — то, что нуждается в идентификации, т.е. неизвестное. Действительно, высказывание *Утренняя звезда — это Венера* естественно адресуется к тому человеку, который знает, что такое Венера, и не знает, что она называется также "Утренняя звезда"; а высказывание *Венера — это Утренняя звезда* — прямо наоборот. Однако известное $\neq$ данное. В предложениях идентификации начало обозначает данное, т.е. то, что находится в общем поле зрения говорящих, а рема — новое, т.е. то, что только вводится в поле зрения; при этом, однако, вновь вводимое должно быть известным из прошлого опыта — иначе никакой идентификации не произойдет, а данное — неизвестным, иначе нет потребности в его идентификации, ср. Арутюнова 1976б.

Итак, данность, т.е. нахождение в общем поле зрения говорящих, играет важную роль при выборе начала, но всего лишь в качестве одного из факторов.

Другой содержательный фактор, влияющий на выбор начала, — это смысловая тема (см. Падучева 1977б). Смысловая тема — это то, о чем говорится в предложении, предмет речи. Ср. понятие *aboutness* в работе Стросон 1982б. Понятие смысловой темы с трудом поддается операционным определениям. В Reinhart 1981 подчеркивается прагматический характер этого понятия и приводится следующая аналогия: смысловая тема — это та рубрика предметного указателя, в которую человек заносит содержащуюся в предложении информацию. Смысловая тема — это то же, что фокус эмпатии говорящего, см. §IX. 8.

Смысловая тема может стать началом, не будучи контекстно связанной:

(25) — Что случилось? — Собака укусила мальчика (или: — *Мальчика укусила собака*, в зависимости от выбора смысловой темы).

В примере (23) ИГ *чехи* не вынесена в начало, поскольку она при этом стала бы смысловой темой, что, видимо, было нежелательно.

Однако смысловая тема предложения не обязательно становится его начальной группой, например:

(26) Искусствоведы и археологи обнаруживают новые факты, свидетельствующие о своеобразии \ *культурного развития Руси*.

Предметом речи в этом предложении являются не искусствоведы и археологи, а культурное развитие Руси; смысловую тему выражает внерематический компонент.

Примеры неначальных смысловых тем легко построить с помощью "метода вопросов":

(27) а. — Что известно про *Розу*? — Макс видел *Розу* сегодня утром;

б. — Что случилось с *вашей собакой*? — Иван отвез *ее* в деревню.

Неясно, в каком соотношении находится смысловая тема предложения с темой текста (о понятии темы текста см. van. Dijk 1977), или с глобальной темой (Hirst 1961)⁶. Вообще, смысловая тема предложения яснее всего обнаруживается как таковая, если она может быть прослежена за его пределами: это аналог главного героя, ср. понятие "красной нити" в Ревзин 1978, Grimes 1975. По-видимому, не обязательно считать, что смысловая тема есть в каждом предложении, даже в расчлененном на начало и рему.

Первым претендентом на роль смысловой темы всегда является подлежащее. Именно этим объясняются, видимо, независимые начала в примере (29) (при наличии во фразе контекстно связанных составляющих):

(29) Только что я вошел в опушку, *вальдшнеп* со стуком поднялся из-за куста (Тургенев); Боб ... выбежал из дома и в зубах за рубашку нес девочку. *Мать* бросилась к дочери (Толстой). В нескольких шагах от меня раздался крик: *испуганное лицо молодой девушки* выглянуло из-за деревьев (Тургенев).

Однако постановака 'ИГ в начало как способ выражения смысловой темы может вступать, в русском языке, в конфликт с необходимостью выражения противопоставления по определенности. В следующих фразах из Пушкина расстановка слов противоречит вытекающей из контекста неопределенности подлежащего: *Через несколько минут деревянный ставень поднялся, и старик вынул свою седую бороду; Слуга вошел и объявил, что лошади готовы; Всие время за яц выскочил из лесу и побежал полем.*

От смысловой темы следует отличать подчеркнутую смысловую тему (ср. Givón 1978). Имеется специальная конструкция, употребляемая в ситуации, когда говорящий хочет отметить, что в предшествующем тексте речь шла о нескольких разных объектах, а в данном предложении в центре внимания оказывается один из них; это конструкция подчеркнутой смысловой темы (о конструкции подчеркнутой смысловой темы как средстве, позволяющем изменить тему, см. Keenan-Ochs, Schieffelin 1976). В (30а) в последнем предложении *колдун* является обычной смысловой темой, а в (30б) — подчеркнутой:

(30) а. Жил-был *колдун*. Он жил тихо и скромно. (**Что касается колдуна*, то он жил тихо и скромно).

б. Жил-был *колдун*. У него была жена. Она была ведьма и по ночам ездила верхом на помеле. *Что касается колдуна*, то он жил тихо и скромно. (*Он жил тихо и скромно).

Поскольку оборот *что касается...* вводит тему, то естественно, что возникает противоречие, если тот же объект оказывается в реме того же предложения:

(31)* *Что касается Матильды*, то даже она не выносит Феликса (пример из Reinhart 1981).

⁶ Темой текста иногда называют не имя, а пропозицию (см. Keenan-Ochs, Schieffelin 1976).

Подчеркнутая смысловая тема может быть выражена только контрастным началом.

Итак, начало выражает исходный пункт сообщения, которому естественно быть данным, и смысловую тему. В то же время начало, даже не контрастное, — это позиция потенциального контраста, т.е. потенциального акцента. Поэтому для смысловой темы в равной мере естественными являются позиции 2-го и 3-го начала и даже позиция внерематического безударного компонента, как в (26). Один из вариантов выбора начала — отсутствие начала, что дает нерасчлененную структуру (как во фразе *Пришел поезд*, в отличие от *Поезд пришел*, где *поезд* — начало) без смысловой темы.

Что касается содержательных противопоставлений, выражаемых выбором ремы, то этот вопрос менее изучен. Можно указать только на связь ремы с отрицанием.

Выбором начал, ремы и внерематических компонентов полностью задаются нейтральные коммуникативные структуры. Перейдем теперь ко вторичным.

2. Важное содержательное противопоставление, выражаемое линейно-интонационной структурой предложения, — это противопоставление нормальной и сдвинутой ремы. Нормальная рема — это рема предложения с нейтральной коммуникативной структурой, т.е. рема, естественно вытекающая из синтаксической структуры и лексического состава предложения. Например, рема *ее любит* в предложении (32) *Иван ее любит* (произнесенном с нормальной интонацией) нормальная; а в предложении (32') *Любит/ ее | Иван * (с главным фразовым ударением на *Иван*) рема *Иван* сдвинутая. Рема, являющаяся группой подлежащего или дополнения, как правило, сдвинутая; рема, являющаяся группой сказуемого, как правило, нормальная. Сдвинутая рема выделяется не обычным, а контрастным нисходящим ударением (в беглой речи, впрочем, контрастное ударение может утрачиваться).

Предложения со сдвинутой ремой получают в результате линейно-акцентного преобразования сдвиг ремы. Как и всякое линейно-акцентное преобразование, оно имеет две стороны: формальную, изменение ЛИ-структуры, и содержательную. Формальная сторона этого преобразования состоит в том, что некоторое слово или группа слов получает контрастное фразовое ударение и переходит в конец предложения, становясь его сдвинутой ремой, а остаток переносится в начало, быть может, с внутренней перестановкой слов, как правило, получая второстепенное фразовое ударение (восходящее). Так, предложение (32') *Любит/ ее | Иван * получается в результате сдвига ремы со слова *любит* на слово *Иван* в предложении (32) *Иван ее любит*. Если сдвиг применяется к нормальной реме, которая и так занимает конечное положение, он только усиливает ударение до контрастного: *Иван ее любит* $\Rightarrow$ *Иван ее любит *.

Правило, позволяющее по смыслу исходного предложения построить смысл преобразованного, зависит от статуса той ИГ, к которой применяется преобразование. Если она определенная, то правило таково. Представим предложение S в виде Q (a), где a — именная группа, которую мы хотим сделать сдвинутой ремой. Тогда Q (x) есть результат

замены в S группы а на переменную. Из Q (х) строим презумпцию $\exists!x Q(x)$ и соответствующую ей дескрипцию $i x Q(x)$, а потом соединяем эту дескрипцию предикатом тождества с а. Смыслом предложения, являющегося результатом сдвига ремы в предложении S на группу а, будет ' $i x Q(x)$ есть а'. Например, применяя эту формулу к предложению (32) относительно группы *Иван*, получаем перефразировку для (32'): *Тот, кто ее любит, — это Иван*.

Если а — неопределенная ИГ, то между дескрипцией и а отношение не тождества, а предикации. Например, *Он женат на француженке* \ = '*Та, на ком он женат, является француженкой*'. Если контрастное ударение падает на предикат, то добавляется всего лишь противопоставление, ср. *Иван ее любит* \ = '*Иван ее любит, а не не любит*'.

Итак, для случая определенной ИГ семантический эффект сдвига ремы — это 1) "подавление" некоторой части высказывания, т.е. лишение ее ассертивного статуса и превращение в презумпцию: в (32') это компонент $\exists x (x \text{ ее любит})$; и 2) выделение одного объекта как единственного обладателя некоторого свойства — то, что в работе Купо 1972 названо интерпретацией "исчерпывающего перечисления": в (32') это *Иван*. Действительно, (32'), в отличие от (32), означает скорее всего, что Иван — единственный человек (среди какого-то прагматически релевантного множества людей), который ее любит.

Наличие компонента 'единственность' еще более наглядно демонстрирует следующий пример (из Sgall, Hajičová 1977). Сравним предложения (33) *В Австрии говорят на немецком языке* и (33') *На немецком языке говорят в Австрии*. Суждение (33'), скорее всего, ложно, хотя (33) истинно. Объяснение состоит в том, что (33') получается в результате сдвига ремы в (33), порождающего импликацию '*Австрия — единственная страна, где говорят по-немецки*'.

3. Другое линейно-акцентное преобразование — к о н т р а с т н о е и а ч а л о. Формальная сторона этого преобразования состоит в том, что начальная группа с обычным второстепенным ударением приобретает контрастное. Например, в (32) слово *Иван* можно сделать контрастным началом: (32'') *Иван! | ее любит*. Трансформация, естественно, неприменима к тому компоненту, который является однозначной ремой, например, к ударному компоненту предложений *Редкая пара сапог \ не проходила через его руки; Только я \ мучался*.

Опишем вклад преобразования "контрастное начало" в семантическую интерпретацию предложения. Представим предложение S в виде Q (а), где а — начало S. Тогда отличие по смыслу между исходным S и преобразованным S' состоит в следующем:

1) В S' вводится в рассмотрение множество (объектов или условий, моментов времени, точек пространства и т.д.), ассоциированное с а (в которое входит и само а).

2) Помимо утверждения о том, что для а имеет место Q, общего для S и S', в S' имеется импликация, что хотя бы для некоторых — а может быть и для всех — элементов ассоциированного множества, отличных от а, не имеет места Q.

Так, (32''), в отличие от (32), не только утверждает, что Иван ее любит, но и подразумевает, что кто-то другой ее не любит. По-

видимому, импликатура вида 'Если $\neg p$, то $\neg q$ ', возникающая в предложении вида "Если p , то q " (см. § III.3), являясь следствием того, что условие обычно составляет контрастное начало предложения.

Конкретный вид импликации 'для x , отличного от a , быть может, Q не имеет места' зависит от структуры Q — в частности, от того, что входит в Q в состав ремы, поскольку только рема подвергается отрицанию. В работе Николаева 1981 приводится следующий пример неудачного перевода из Бальзака: *В 1560 году улица Вьель-Пельтри проходила вдоль левого берега Сены*. Действительно, поскольку в этой фразе *в 1560 году* — контрастное начало, а *улица Вьель-Пельтри* не входит в Q в состав ремы, возникает импликатура 'Сейчас улица Вьель-Пельтри, быть может, проходит в другом месте', которая делает предложение аномальным. Если же изменить порядок слов — *В 1560 году вдоль левого берега Сены проходила улица Вьель-Пельтри*, — то *улица Вьель-Пельтри* попадает в Q в рему, и импликатура, порождаемая контрастным началом, становится осмысленной: 'Сейчас, быть может, вдоль левого берега Сены не проходит улица Вьель-Пельтри'.

Контрастное начало — это естественный способ выражения подчеркнутой смысловой темы; ассоциированное множество включает в этом случае все другие объекты, упоминавшиеся в тексте. Например, в (30а) *Что касается колдуна, то он ... синонимично Колдун / ..., а в ассоциированное множество входит жена колдуна*.

4. Следующее линейно-акцентное преобразование — *э м ф а т и ч е с к а я* препозиция. Оно применяется к предложениям со сдвинутой, а также и с обычной ремой. Формальная сторона преобразования состоит в том, что группа, включающая слово с главным фразовым ударением, обычным или контрастным, продвигается в начало предложения, сохраняя свое ударение или усиливая его до контрастного; остаток, оказавшись в заударной позиции, теряет ударение и, быть может, подвергается линейным перестройкам. Так, в применении к (32') *Любит / ее | Иван * препозиция дает *Иван \ ее любит*; в применении к (32) *Иван ее любит * — *Любит \ ее Иван*. Что же касается содержания, то препозиция затрагивает лишь стилистические аспекты предложения — придает ему экспрессивность, разговорную окраску и т.п. (см. Адамец 1966: 54). Никаких заметных семантических изменений эмфатическая препозиция не вносит. Согласно И.И. Ковтуновой (1976: 98), при этом преобразовании "актуальное членение не изменяется".

З а м е ч а н и е. Кроме трех преобразований, не зависящих от синтаксической структуры компонентов, имеется еще два, которые возможны только для компонентов, характеризующихся синтаксической расчлененностью. Первое преобразование — *д и с л о ж а н и я* сложной ремы (ср. Ковтунова 1976: 120). Формальная сторона его состоит в том, что та часть ремы, которая не входит в собственно рему (глагол в глагольной группе или определение в именной), перемещается в позицию перед началом (которое обязательно должно присутствовать в структуре) и получает второстепенное ударение слабое (обозначается как'), а бывшее начало становится однозначно безударным: *Мой доктор пустился в разговоры* $\Rightarrow$ *Пустился мой доктор в разговоры*; *У майора Деева был товарищ* $\Rightarrow$ *Была у майора Деева товарищ*. Общисемантический эффект такого преобразования — подавление начала и подчеркивание собственно ремы. Среди частных его эффектов следует отметить значение интродуктивности: ситуация вводится в общее поле зрения говорящих, ср. *Пришел мужик в лес, стал дрова рубить*.

Дислокацией может быть захвачено не все предложение, а часть; так, во фразе *Для через четыре | приезжает Азамат в крепость* при дислокации глагол помещается после 1-го начала.

Второе преобразование — контрастная дислокация сложной ремы: синтаксически главный компонент ремы продвигается в начало и получает контрастное восходящее ударение, а исходное начало становится безударным, ср. *Строители | живут по всей трассе канала* ⇒ *Живут / строители | по всей трассе канала*. Другие примеры предложений с контрастной дислокацией: *Выглядит / она | превосходно; Скука / меня томил | страшная* \. Результат внешне подобен структуре с контрастной темой, ср. *Иван / Петрович | ее любит* \ и *Живут / строители | по всей трассе канала* \. Но семантический эффект этих двух преобразований различен. Контраста дислокация не порождает. Ее результатом является подавление бывшего начала (роль смысловой темы остается для него единственно возможной) и более точное выделение собственно ремы.

Итак, имеются следующие содержательные параметры, по которым члены коммуникативной парадигмы могут отличаться один от другого: 1) выбор начала (а также 2-го, 3-го начала и внесематических компонентов), выражающий, хотя и не вполне однозначно, что высказывание принимает за исходный пункт и какова его смысловая тема; 2) наличие/отсутствие сдвинутой ремы, выражающее переход части утверждения в презумпцию; 3) наличие/отсутствие контрастного начала, выражающего контраст или подчеркнутую смысловую тему; 4) наличие/отсутствие эмфазы. Предложения, которые различаются по форме линейно-интонационной структурой, а по содержанию — этими параметрами, образуют коммуникативную парадигму.

В следующем параграфе рассматривается взаимодействие разных типов местоимений с коммуникативной структурой высказывания.

§ 3. КОММУНИКАТИВНАЯ СТРУКТУРА И МЕСТОИМЕНΙΑ

1. Возвратные местоимения

Обычная формулировка правила употребления возвратных местоимений (рефлексивизации) для русского языка такова: если именная группа кореферентна субъекту того предиката, которому она подчинена — непосредственно или через посредство других существительных, — то она заменяется на возвратное местоимение, причем замена обязательна везде, где возможна (более подробно см. в гл. IX), например:

- субъект
- (1) а. Иван превзошел самого себя (себя = 'Ивана').
- субъект
- б. Иван находится на своем месте (своем = 'Ивана')

Оказывается, однако, что правило рефлексивизации, чтобы оно адекватно отражало языковые факты, требует уточнения принципиального характера, а именно, учета коммуникативной структуры предложения. Рассмотрим пример:

- (2) А. Будь другой кто на моем месте ... Б. В том-то и дело, что Вы \ на Вашем (*своем) месте, а не кто другой.

Во второй фразе этого диалога по смыслу требуется местоимение 2-го лица, хотя произнесенное с обычной интонацией, предложение такой структуры требовало бы возвратного местоимения:

(3) *Вы* находитесь на *своем* (**Вашем*) месте.

Структурное различие между фразами (2) и (3) в том, что в (3) антецедент возвратного местоимения является началом, а само возвратное местоимение входит в рему. Между тем во фразе (2) антецедент местоимения является эмфатической сдвинутой ремой. Если в этом предложении снять эмфазу, то в нем восстановится контрастное начало:

(4) На *Вашем* месте | находитесь *Вы* \, а не кто-то другой.

Примеры (2), (4) показывают, что к правилу рефлексивизации надо добавить следующее условие: рефлексивизация может не происходить, если антецедент местоимения — сдвинутая рема предложения, а само местоимение — контрастное начало. Другие примеры, где действует это условие:

(5) В кабинете *отца* / | только он сам \ может курить; ср. *Отец* может курить в *своем* (*его) кабинете;

(6) Для друзей *Ивана* / | высшим авторитетом является он сам \; ср. *Иван* является высшим авторитетом для *своих* (*его) друзей;

(7) В рукописях *Ивана* / даже он сам \ не может разобраться; ср. *Иван* не может разобраться в *своих* (*его) рукописях.

Неверно было бы утверждать, что в позиции контрастного начала возвратное местоимение невозможно; так, предложение (7') грамматически правильно:

(7') В своих рукописях / | даже сам Иван \ не может разобраться.

Однако (7) и (7') имеют разный смысл: (7) имеет презумпцию (по-прежнему смыслом слова *даже*, см. Вежицка 1968) 'Трудно разобраться в рукописях Ивана'; а (7') — 'Трудно разобраться в своих рукописях'. Смысл (7) не может быть выражен с помощью возвратного местоимения. Подробнее об этом см. Падучева 1979в.

2. Относительные местоимения

У относительных местоимений — в частности, у *который* — связь с коммуникативной структурой еще более очевидна. Действительно, в придаточном предложении с местоимением *который* фиксирован порядок слов и ударение: местоимение должно идти раньше сказуемого и не может нести фразового ударения. Но это и означает, что местоимение должно быть началом или по крайней мере входить в состав начальной группы. Таким образом, в определительном придаточном коммуникативная структура не свободна: она предопределена синтаксической. На некотором этапе синтаксической деривации сложного предложения с определительным придаточным определенная коммуникативная структура придаточного фигурирует в качестве обязательного условия существования предложения. А именно, возможность построения определительного придаточного обусловлена тем, что в исходном придаточном именная группа, заменяемая на *который*, должна быть началом (или входить в состав начала). Если по тем или иным причинам

именная группа не может быть началом в своем предложении, то одно это служит препятствием для превращения данного предложения в определительное придаточное. Пример.

(1) *Стержень сделан из сплава, которого сталь гораздо прочнее.

Исходным предложением для придаточного является (1') *Сталь гораздо прочнее <этого> сплава*, в котором, как во всех предложениях с компаративами, коммуникативная структура в значительной степени фиксирована: началом принудительным образом является подлежащее. (Неполнота коммуникативной парадигмы у таких предложений компенсируется широкой продуктивностью конверсивов.) Поэтому *сплава* в (1') не может быть сделано началом, и предложение (1') не может быть превращено в определение к ИГ *из сплава* в предложении (1). Другие примеры:

(2) *Вы знаете Ивана Петровича, сын которого это.

(3) *Она встретила меня улыбкой, тоже которой я ей ответил;

(4) *В ранних произведениях Гоголя поставлены вопросы, почти только на которые он отвечает потом всю жизнь.

Исходным предложением для придаточного в (2) будет (2') *Это сын Ивана Петровича*, в котором началом может быть одно только слово *это*. Поэтому началом не может стать местоимение *который*. В (3) и (4) исходными для придаточного являются, соответственно, (3') *Я ей ответил тоже улыбкой* и (4') *Он отвечает потом всю жизнь почти только на <эти> вопросы*, где к именной группе присоединены частицы, однозначно характеризующие ее как рему, и это служит препятствием для превращения предложений (3') и (4') в придаточные определительные. Можно было бы попытаться объяснить неправильность предложений (3), (4) чисто синтаксическим запретом сочетаемости частиц с местоимениями, вообще ограниченными в своих сочетаемостных возможностях. Однако в других случаях сочетаемостные ограничения местоимений не касаются частиц, ср. *только он, он тоже; только этот, также и этот* и т.д. Поэтому предположение о том, что нарушение в (3), (4) имеет ту же природу, что в (1), (2), и связано с коммуникативной структурой, представляется более общим и более правдоподобным.

Иногда можно наблюдать своего рода конфликт между обязательным начальным положением *который* и желанием говорящего передать нужную мысль:

(5) Пушкин любил сословие, в котором почти исключительно выразился прогресс русского общества (Белинский). И с х о д н о е п р и д а т о ч н о е: *Прогресс русского общества выразился почти исключительно в этом сословии*;

(6) Это свидетельство мужества, благодаря которому она только и существовала (Платонов). И с х о д н о е п р и д а т о ч н о е: *Она существовала только благодаря <своему> мужеству*.

3. Местоимения 3-го лица

У местоимений 3-го лица (имеются в виду только анафорические употребления, когда местоимение имеет антецедент в тексте) связь с коммуникативной структурой более сложная, и пока можно наметить лишь отдельные ее аспекты.

1. Местоимение 3-го лица часто не может быть употреблено там, где оно должно попасть в позицию контрастного начала (ср. об этом Муравьева 1983):

- (1) С языком теперь имеет дело *машина* \, а *машина*¹ (**она*!) предъявляет к лингвистам совершенно новые требования.
- (2) Математика отличается от других наук *стилем своего мышления*. *Стиль*¹ *этот* (**Он*!) имеет некоторые общие для всех эпох непреходящие черты.
- (3) В настоящей статье ставится *вопрос о воспитательном значении математики*. *Этот вопрос* ¹(**Он*!) разработан еще далеко не достаточно.

В примере (4) местоимение 3-го лица недопустимо в позиции контрастного начала, в (а), и возможно в безударной позиции, в (б), когда антецедент воспринимается как смысловая тема:

- (4) <Я решил поехать в Ленинград.> а. *Ленинград* ¹(**Его*!) я люблю с детства; б. Я люблю *его* с детства.

Как отмечается в Givón 1978, во многих языках подчеркнутая смысловая тема требует особых местоименных средств — не средств 1-й степени немаркированности — нулевые заместители и местоимения 3-го лица; не 2-й степени — лексические повторы, а, например, указательной группы или возврата к собственному имени.

2. Препятствием для употребления местоимения 3-го лица является вхождение антецедента в сочинительную группу (т.е. сочинительная отделенность антецедента, см. Падучева 1974: 263). Обращение к коммуникативной структуре предложения позволяет дать этому явлению содержательное истолкование. Чтобы именная группа воспринималась как антецедент местоимения, она должна быть, хотя бы в некотором фрагменте текста, смысловой темой, т.е. единственным предметом, о котором идет речь. Между тем объект, который назван именной группой, входящей в сочинительную связь, обязательно имеет равные права с каким-то другим объектом, так что он может стать только подчеркнутой смысловой темой (см. сходные соображения в Купо 1972). Таким образом, примеры (5), (6) демонстрируют то же ограничение, что (1) — (4):

- (5) — Что ты хочешь, бублик или булку?
— *Я предпочитаю *ее* \;
- (6) *Из Джона и Мери я больше люблю *его* ¹.

3. При прочих равных условиях именная группа, лишенная фразового ударения, имеет большую вероятность быть воспринятой как антецедент местоимения 3-го лица (ср. Купо 1972):

¹ Не противоречит этому правилу возможность предложений, в которых каждому из двух сочиненных имен соответствуют местоимения в двух сочиненных же предложениях *король и королева сияют золотом их трон; она в зеленом, в красном — он*

(7) а. Когда я познакомился с отцом / Ванечки, ему было 7 лет (ему = 'Ванечке'); б. Когда я познакомился с отцом Ванечки /, ему было 7 лет (ему — это, скорее всего, 'отцу');

(8) а. С сестрой / Натальи разговаривает сейчас ее муж (ее = 'Натальи'); б. С сестрой Натальи / разговаривает сейчас ее муж (ее = 'сестры').

Известно ограничение, касающееся регрессивной прономинализации в английском языке (см. Lakoff 1968), состоящее в том, что в постпозиции антецедентом местоимения 3-го лица может быть только безударная именная группа. См. пример (индексы здесь и далее выражают кореферентность):

(9) а. If he_i comes Mary will kiss \ John_iU; б. *If he_i comes Mary will kiss John_i \.

Как было показано в Купо 1972, условием стилистической безупречности предложений с регрессивной прономинализацией является упоминание ИГ, кореферентной антецеденту местоимения, в предшествующем тексте. В частности, фраза (9а) естественна, вообще говоря, в контексте, где о Джоне уже шла речь. Иначе говоря, она естественна в тексте, для которого Джон является смысловой темой. Таким образом, предпочтительная безударность антецедента местоимения 3-го лица — при любом направлении прономинализации — это проявление того, что оно в идеале является смысловой темой.

Влияние коммуникативной структуры на соотношенность местоимения 3-го лица с антецедентом демонстрирует следующий пример: (10) Сперва Джон_i ударил Дика_j/, а потом он_i ударил Билла \.

(11) а. Сперва Джон_i/ ударил Дика_j, а потом Билл \ его_j ударил; б. Сперва Джон_i ударил Дика_j, а потом Билл / ударил его_j \.

В (10) местоимение во 2-м из сочиненных предложений однозначно соотносится со смысловой темой 1-го (с подлежащим). А в (11) возможны разные соотношения в зависимости от коммуникативной структуры 1-го сочиненного предложения. В (а) ИГ Дика, оказавшись безударной, естественно воспринимается как смысловая тема предложения и, тем самым, идеальный антецедент местоимения. А в (б) ИГ Дика, в силу своей ударности, исключается из оптимальных антецедентов. Верно и обратное — интерпретация местоимения во 2-м сочиненном предложении однозначно определяет коммуникативную структуру 1-го: при указанной расстановке индексов Джон в (11а) с необходимостью является сдвинутой ремой, а (11б) имеет нейтральную коммуникативную структуру.

Роль смысловой темы в понимании местоимения демонстрирует также предложение (12) (взятое, с небольшими изменениями, из справочника Былинский, Розенталь 1957, где оно приводится как пример неудачно употребленного местоимения):

(12) Воспитатель Гончарова Н.Н. Трегубов, бывший моряк, много рассказывал молодому Гончарову о морских путешествиях, о географии, навигации и астрономии, см. его воспоминания "На родине". Эта фраза не может быть понята, как хотел автор, так, чтобы его относилось к Гончарову (хотя это ближайшее существительное муж. рода), поскольку смысловая тема предложения — воспитатель.

В (13) местоимения употреблены неудачно несмотря на то, что

неоднозначности нет вообще — только из-за нежелательности "пересечения красных нитей":

- (13) Так же как *Лесья Украинка*, думал и чувствовал весь украинский народ, и прежде всего ее духовные братья и сподвижники, борцы за его, счастье и свободу.

Однозначность вообще не спасает, если нарушено требование о смысловой теме. Ср. фразу *Лошадь Пьера отставала от адъютанта и равномерно встряхивала его* (Толстой); хотя в ней по соображениям здравого смысла его нельзя понять иначе как 'Пьера', наиболее вероятной смысловой темой, а следовательно антецедентом, оказывается внереферентный компонент *адъютанта*, и возникает коллизия. Другие примеры связи между смысловой темой и интерпретацией анафоры см. в Купо 1972, Hirst 1981.

4. Нулевой заместитель

Для нулевого заместителя (т.е. для нулевого знака, служащего показателем анафорического эллипсиса) в симметричной конструкции связь с коммуникативной структурой проста и однозначна: антецедент нулевого заместителя должен быть лишен фразового ударения, см. Падучева 1974: 176. Таким образом, он не может быть ни контрастным началом, ни контрастной ремой. Пример ($\emptyset$ — нулевой анафорический знак):

- (1) а. Я взял зонтик / *Ильи Григорьевича*; и шляпу \ $\emptyset$;

б. Я взял зонтик *Ильи Григорьевича*/ и шляпу \.

Предложение (1а) однозначно понимается как содержащее нулевой заместитель, т.е. (1а) = 'Я взял зонтик Ильи Григорьевича и его же шляпу', а в (1б) его нет; аналогично в примере (2):

- (2) а. Стихи / *Ивана*; прекрасней чем музыка \ $\emptyset$;

б. Стихи *Ивана* / прекрасней чем музыка \.

Определенные требования к своему антецеденту (подлежащему) предъявляет подразумеваемый субъект деепричастия: в деепричастной конструкции подлежащее должно быть началом, ср. **Используя свои преимущества, победы в финальном матче добился Петров*.

5. Указательные местоимения

Два основных указательных местоимения русского языка — *этот* и *тот* — в дейктическом употреблении противопоставлены по смыслу приблизительно как 'ближний/дальний' (по отношению к говорящему). Возникает вопрос, во что переходит это смысловое противопоставление при анафорическом употреблении этих местоимений, т.е. при их употреблении для отсылок внутри текста (ср. об этом в Ревзин 1973а). Представляют интерес субстантивно употребляемые анафорические местоимения *тот*, *та*, *те*, обозначающие одушевленные существа, как правило, людей, например:

- (1) а. Лаврецкий подвез *старика* к его домику: *тот* вылез, достал свой чемодан; б. Он оглянулся на *Варвару*; *та* сидела, закрыв лицо руками; в. Но *человека* человек Послал к анчару властным взглядом. И *тот* послушно в путь потек...

Словари русского языка утверждают, что противопоставление 'ближний/дальний' переводится, в случае анафорического употребления субстантивного указательного местоимения *тот*, в противопоставление по порядку упоминаний. При этом, однако, "Словарь современного русского литературного языка" (1950) говорит, что *тот* обозначает "последнее из двух названных выше лиц", приводя в качестве примера, в частности, предложения (1а), (1б); а "Словарь языка Пушкина" (1961) говорит, что *тот* "при предшествующем упоминании несколько предметов ... употребляется в значении 'первый из упомянутых выше'", приводя в качестве примера, в частности, (1в). Из этих двух противоречащих друг другу определений ни одно не является верным, поскольку порядок упоминаний здесь вообще не играет роли: местоимение *тот* обозначает то из двух упоминаемых в тексте лиц, которое не является смысловой темой данного предложения, текста или фрагмента текста. В частности, *тот* не может иметь антецедентом подлежащее — смысловую тему предшествующего предложения. Этого правила достаточно для объяснения однозначности предложений (1а) и (1б): в обоих случаях *тот*, *та* — это лицо, названное не подлежащим, а каким-то из второстепенных членов предложения. Его достаточно и для других, более сложных примеров:

- (2) Дворянин, у которого нет ничего, [...] почетнее отца моего. Отец мой снимает перед *ним* шляпу, а *тот* и не смотрит на него;
- (3) Голдуотер, который всегда был союзником *Никсона*, заявил, что *тот* оказал бы Соединенным Штатам большую услугу, если бы навсегда остался в Китае;
- (4) Руслан подымлет смутный взор *И* видит — прямо над главою *С* подъятой страшной булавою Летает карла *Черномор*. Щитом pokrившись, он нагнулся, Мечом потряс и замахнулся; Но *тот* взвился под облака.

Особенно показателен последний пример, где *Черномор* — подлежащее предшествующего предложения, но не смысловая тема.

В примере (5) смысловая тема не успевает проявиться в предшествующем тексте с достаточной отчетливостью: *скрыпач* — подлежащее, но не начальная группа; а *кастрат* — начальная группа, но не подлежащее. И действительно, местоимения тут не вполне однозначны:

- (5) К кастрату раз пришел скрыпач,

Он был бедняк, а *тот* богач (Пушкин).

Пример (6) подтверждает, что при поиске антецедента для *тот* важна именно смысловая тема, а не подлежащее, поскольку подлежащего может не быть вообще:

- (6) Посоветуй Ивану взять *секретаря*, чтобы *тот* навел порядок в его бумагах.

Если два упоминаемых лица являются равноправными объектами внимания, например, входят в сочиненную группу, то местоимение *тот* не может служить для отсылки к какому-либо из них:

- (7) Выступали Петров и Сидоров. *Последний* (**тот*), впрочем, почти ничего не сказал.

Местоимение *тот* невозможно, если одно из двух упоминаемых лиц является участником акта речи, т.е. названо как *я* или *ты*: (8) а. Ирма заметила странного человека. *Он (тот)* ее, к счастью, не видел; б. Я заметил странного человека. *Он (*тот)* меня, к счастью, не видел.

(9) Ирма предложила Ивану помощь, но *он (тот)* отказался; Я предложил Ивану помощь, но *он (*тот)* отказался.

§ 4. КОММУНИКАТИВНАЯ ПАРАДИГМА И ДЕНОТАТИВНЫЙ СТАТУС ИМЕННОЙ ГРУППЫ

Все виды зависимостей между лексико-синтаксической и коммуникативной структурой предложения порождают неполноту коммуникативной парадигмы. Неполнота К-парадигмы возникает под влиянием различных факторов: 1) наличие в предложении некоторых видов частиц — рематизирующих, как *даже*, и тематизирующих, как *же* (см. Ковтунова 1976: 11); 2) обстоятельственных конструкций, предназначенных для понижения ранга коммуникативной значимости актанта, см. пример (8) в § 2; 3) выделительных конструкций, ср. *Кто меня удивляет, это бабушка*; 4) большую роль играет лексический состав предложения; так, при глаголах введения в рассмотрение (см. Firbas 1966, Купо 1972) подлежащее нормально является неопределенным и тяготеет к реме, а не к началу, ср. *Вошел человек*; десемантизированные глаголы, выражающие существование или возникновение предмета (Апресян 1974: 46), тяготеют к нерасчлененной К-структуре, ср. *Раздался душераздирающий крик* (другие примеры зависимости К-структуры от лексического состава предложения см.: Матвеев 1967, Шмелев 1976: 110); 5) существенна также синтаксическая "вставленность" предложения; так, контрасты в составе синтаксического дополнения невозможны, если оно выражает презумпцию факта, хотя возможны при отсутствии презумпции, ср. **Он знает\, что Уорф / был лингвистом особого \ рода* и *Он считает, что Уорф / был лингвистом особого \ рода*. Далее нас будут интересовать только те случаи неполноты К-парадигмы, которые связаны с денотативным статусом.

Ограничения на денотативный статус ИГ накладывает, в любой К-парадигме, позиция контрастного начала. Действительно, универсальные, экзистенциальные и слабоопределенные ИГ в составе контрастного начала невозможны, например (*один* в (в) понимается как числительное и не выражает слабой определенности):

(1) а. *Любая / женщина | осудила бы этот поступок. б. *Кто-нибудь / | всегда опаздывает. в. Один / мальчик | ловил кузнечиков. Похожие ограничения возникают и в контрастной реме.

Неполноту К-парадигм порождает также позиционно выраженная определенность и неопределенность. Ср. примеры (2), (3), где фраза (б) отличается от (а) только выбором начала, но не входит с ней в одну К-парадигму, поскольку изменение линейно-интонационной структуры влечет изменение определенности ИГ.

(2) а. Лодка подъехала к нам; б. К нам подъехала лодка.

(3) а. Рыдания прервали ее речь; б. Ее речь прервали рыдания.

Изменение определенности подлежащего, происходящее при том или ином изменении линейно-интонационной структуры, может приводить к изменению семантического типа предложения, см. Золотова 1982, с. 284; так, предложение (4а) обозначает действие, а (4б) относится к интродуктивному типу, так что они тоже не входят в одну К-парадигму:

(4) а. Люди прогуливались по парку; б. По парку прогуливались люди.

К-парадигму естественно строить для предложений определенного синтаксического или семантического класса. Возьмем, например, К-парадигму биноминативного предложения (БП). Фрагмент такой парадигмы представлен примером (5); (а) — нейтральная К-структура, (б) — результат сдвига ремы; (в) получается применением эмфатической препозиции к (б):

(5) а. Вальтер Скотт — автор "Веверлея"; б. Автор "Веверлея" / | — Вальтер Скотт \; в. Вальтер Скотт \ автор "Веверлея".

Однако многие разновидности БП не допускают структуры типа (б), а значит и (в). Так, предикативы, в состав которых входят оценочные эпитеты, не допускают соединения с презумпцией существования и единственности, и в таких БП невозможен сдвиг ремы:

(6) а. Шаховской был посредственный \ поэт; б. *Посредственный / поэт | был Шаховской \.

Возможен только вариант *Посредственный \ поэт был Шаховской*, получаемый эмфатической препозицией из (а).

Другой тип БП, не допускающий рематического подлежащего, — это предложения, выражающие отнесенность вида к роду, т.е. состоящие из двух родовых ИГ: *Кит — млекопитающее, Трапеция — четырехугольник*.

Естественно, неполную К-парадигму имеют предложения, у которых перестановка слов автоматически сопровождается меной подлежащего и сказуемого, см. пример (4) из § 2.

Рассмотрим более подробно ограничения на ДС в К-парадигмах двух семантических классов предложений — бытийных и локальных. Мы ограничимся предложениями с референтным подлежащим, поскольку предложения с родовым и общеэзистенциальным подлежащим осложнены сочетаемостными ограничениями глаголов локализации (ср. *Тигры водятся на Дальнем Востоке, но не *находятся на Дальнем Востоке*).

Бытийное и локальное предложение состоят из трех частей — локализатор, подлежащее и бытийный глагол. ДС локализатора будет всегда референтным определенным, так что речь идет только о статусе подлежащего.

Бытийное предложение имеет следующие коммуникативные разновидности, см. Арутюнова, Ширяев 1983, с. 53 (эмфатические структуры мы опускаем).

1. Локализатор — начало, бытийный глагол и подлежащее — рема; это нейтральная К-структура. Пример:

(7) На веранде есть кресло.

Для предложения (7) нельзя подобрать вопроса, на который оно было бы ответом. Действительно, фраза *В городе идет новый фильм*

отвечает на вопрос "Что происходит в городе?"; а для бытия нет соответствующего обобщающего глагола.

II. Локализатор — начало, бытийный глагол — контрастная рема: (8) В городе (/) столовая есть \ ; На веранде (/) кресло есть \.

Такие предложения отвечают на вопрос: "Есть Y в X?", где X — место, а Y — та или иная разновидность предметов.

III. Подлежащее — начало; бытийный глагол — контрастная рема: (9) Столовая в городе есть \; Булочная здесь есть \.

Предложения типа (9) отвечают на вопрос: "Есть в X Y?" Структура III очень близка к II. Различие между (8) и (9) только в выборе смысловой темы (которая выражается 2-м началом) и потенциально контрастного компонента (начала): в (8) смысловая тема — подлежащее, а контрастным может быть локализатор; в (9) смысловая тема — локализатор, а контрастным может быть подлежащее.

IV. Подлежащее — начало, глагол и локализатор — рема: (10) Булочная (/) есть в переулке (\).

Это предложение служит ответом на вопрос "Где есть Y?". Предпочтительное интонирование — контрастное.

V. В нейтральной К-структуре возможна дислокация ремы, в результате чего получается структура с интродуктивным значением:

(11) Был на нашем корабле один матрос.

Для локальных предложений из пяти бытийных структур возможны без ограничений только три. Структура II с контрастным локализатором исключена в наст. времени (*В саду/ | Петров находится), поскольку один объект не может находиться одновременно в нескольких местах, и предложение вступает в противоречие с имплицатурой, порождаемой контрастом. Структура V невозможна с основным глаголом локализации *находиться*: *Находится Петров в зале (хотя с десемантизированными глаголами допустима: *Сидит Петров в зале*). Нейтральными для предложений локализации являются структуры IV и I, причем IV не требует контрастного интонирования: *Петров находится в зале*.

Перейдем к статусу подлежащего в рассмотренных К-структурах.

Во всех бытийных предложениях, независимо от К-структуры, подлежащее может быть только неопределенным (Арутюнова 1976б). Что касается собственно неопределенного статуса и неопределенного для говорящего, то они возможны во всех К-структурах. Тематическая позиция подлежащего, вообще говоря, препятствует значению собственно неопределенности, так что в контексте не чисто бытийного, а десемантизированного глагола структура IV уже невозможна; ср. (а) *Кресло/ есть на веранде * и (б) *Картина/ висит в углу \; кресло — Опр, а картина, скорее всего, +Опр*, так что предложение (б) не бытийное.

Слабоопределенное подлежащее возможно только в структуре I (*В Перми есть один музей*) и V (*Есть в Перми один музей*), ср. невозможность структуры II: *В Перми/ | один музей есть \ (один понимается как числительное). В структуре V слабоопределенный статус

подлежащего предпочтителен; ИГ без актуализатора интерпретируется здесь как слабоопределенная (*Есть на Волге утес*), так что собственно неопределенный ДС невозможен. Но другие виды неопределенности не исключены; ср. *Были у меня к вам какие-то вопросы*.

Наличие у бытийного предложения К-структур II—IV на первый взгляд кажется парадоксальным: действительно, в этих структурах позицию начала или 2-го начала, предназначенную для контекстно связанного компонента, занимает неопределенная ИГ, т.е. ИГ, обозначающая впервые упоминаемый объект. Дело, однако, в том, где данная ИГ и та предшествующая ИГ (в вопросе или каком-то другом высказывании), которая ее "контекстно связывает", имеют разные статусы: подлежащее бытийного предложения референтно, а предшествующая ИГ имеет экзистенциальный статус. Реальный объект упоминается в бытийном предложении впервые. За счет этого подлежащее и оказывается одновременно неопределенным и контекстно связанным⁸.

Необходимость сочетания неопределенности с предупоминанием порождает, однако, смысловое ограничение на класс существительных, способных выступать в К-структурах с нерематическим подлежащим. Как говорится в Арутюнова, Ширияев 1983 (с. 65), эти К-структуры употребляются тогда, "когда речь идет о функциональных классах объектов и говорящему бывает безразлично, каким именно объектом он воспользуется для достижения своей цели". Действительно, слова, обозначающие предметы без фиксированного предназначения, звучат в структурах II—IV странно; так, фраза *Человек/ | есть в зале* допустима разве что в контексте "Человека ншу!". При подлежащем с максимальной общностью значения *кто-то*, *что-то* из всех К-структур возможны только те, в которых есть контрастное ударение на бытийном глаголе (*В зале кто-то есть * и *Кто-то в зале есть *), ср. **В зале есть кто-то *, **Кто-то/ есть в зале *.

Ниже приведены образцы К-парадигм бытийных предложений; 1 — парадигма с неопределенным подлежащим; 2 — то же, но с десемантизированным глаголом; в 3 подлежащее неопределенное для говорящего, в 4 — слабоопределенное. В скобки заключены структуры, сами по себе осмысленные, но не допускающие нужной интерпретации.

1

- I. На веранде | есть кресло
- II. На веранде (/) кресло есть \
- III. Кресло на веранде есть \
- IV. Кресло (/) есть на веранде (\)

2

- I. В углу | висит картина
- II. В углу (/) картина висит \
- III. Картина в углу висит \
- IV. Картина/ | висит в углу (\)

⁸ О референциальных различиях между ИГ в бытийном предложении и в соответствующем ему вопросе см. Арутюнова 1976б. Есть и другие ситуации, когда предупоминание не дает определенности, например: *В гостиной были посетители. Посетителей было трое* (ср. **этих посетителей*; ИГ *посетителей* неопределенная); *У Маши были дети, у Даши детей не было* (ИГ *детей* экзистенциальная).

- I. В чулане | есть какие-то сапоги
 II. В чулане (/) какие-то сапоги
 есть \
 III. Какие-то сапоги в чулане есть \
 IV. Какие-то сапоги (/) есть в
 чулане (\)

- I. В Перми есть один музей
 II. В Перми (/) один музей
 есть \
 III. *Один музей в Перми есть \
 IV. *Один музей (/) есть в
 Перми (\)

В локальном предложении подлежащее может быть и определенным. Больше того, определенное подлежащее здесь более естественно. Поэтому собственная неопределенность допустима только в структуре I с подлежащим-ремой (*В зале находятся экскурсанты*): в позиции начала ИГ без актуализатора однозначно понимается как определенная, ср. *Экскурсанты находятся \ в зале* (III); *Экскурсанты находятся в зале* (IV).

ИГ с неопределенными местоимениями, вообще говоря, не исключены, но только в структуре I (*В зале находится какой-то подозрительный человек*) и IV (*Один мой знакомый находится сейчас в Бразилии*): в структуре III местоимение один интерпретируется как числительное, а *какой-то* не допускает разумной интерпретации вообще (*Один / мой знакомый | находится \ в зале*; **Какой-то / человек | находится \ в зале*). Ср. образцы К-парадигм локальных предложений (2 — парадигма с определенным подлежащим).

- I. В зале находятся *экскурсанты*
 (III. *Экскурсанты находятся *
в зале)
 (IV. *Экскурсанты | находятся*
в зале)

- I. В зале | находится *Петров*
 III. *Петров* находится \ в зале
 IV. *Петров* находится в зале \

- I. В зале находится *какой-то*
человек
 III. **Какой-то человек / нахо-*
дится в зале
 IV. *Какой-то человек* находится
 в зале

- I. В Перми находится сейчас *один*
мой знакомый
 III. **Один мой знакомый /* сейчас
 находится \ в Перми
 IV. *Один мой знакомый* находится
 сейчас в Перми

Замечание. Остаются еще К-структуры с контрастной субстантивной ремой. У локальных предложений свободно формируются структуры с контрастными ремой-подлежащим (с определенным ДС, ср. *В зале / находится | Петров *) и ремой-локализатором (*Петров / находится | в зале *). Что же касается бытийного предложения, то это отдельный вопрос — входит ли в его К-парадигму структура с контрастной ремой-подлежащим (см. Арутюнова, Ширяев 1983: 62). Ср. (12а) и (12б):
 (12) а. В сумке были документы; б. В сумке / были | документы \.

Предложение (12б) отвечает на вопрос "Что было в сумке?" (в отличие от (12а), не отвечающего ни на какой вопрос) и выражает не утверждение существования объекта, как все бытийные предложения, в том числе (12а), а идентификацию объекта, который предполагается существующим. Однако это не дает оснований исключать такую

структуру из К-парадигмы бытийного предложения, поскольку презумпция порождается по общему правилу интерпретации контрастной ремы. Впрочем, эта К-структура возможна только у предложений со сказуемым в прош. времени и в отрицательной форме (см. Арутюнова, Ширяев 1983: 68).

Формирование структуры с контрастным локализатором затруднено: во фразе (13) *Булочная! есть | в переулке* \ презумпция существования и единственности булочной, сопровождающая сдвиг ремы, логически невозможна в условиях ингерентной неопределенности подлежащего и принципиальной множественности объектов в классе "булочная". Однако такие структуры все-таки возникают — за счет сужения области до прагматически релевантной; так, фраза *Кресло! есть | на веранде* может означать 'То единственное место в доме, где есть кресло, — это веранда'. Контрастные локализаторы часто возникают при отрицательном сказуемом — в контексте, когда между локализатором и подлежащим предполагаются бифункциональные отношения: *Паспорта! нет | у Нади* = 'Тот единственный человек — в составе прагматически релевантного множества, — у которого нет паспорта, — Надя'.

Итак, неполнота К-парадигмы имеет следующие источники: 1) предпочтительная определенная интерпретация ИГ без актуализаторов в начальных позициях; 2) взаимодействие значения неопределенности с контрастом; 3) особые условия, требуемые для реализации значения слабой определенности. Более отчетливо эти запреты проявляются в локальных предложениях, имеющих стандартную К-парадигму. В бытийных предложениях запрет на неопределенность в начальных позициях снимается под давлением особо сильных денотативных требований, предъявляемых бытийным глаголом к своим актантам.

СЕМАНТИКА И СИНТАКСИС МЕСТОИМЕННЫХ СЛОВ

Местоимения — это слова, в значение которых входит либо (I) отсылка к акту речи (к его участникам, к речевой ситуации или к самому высказыванию, см. Бенвенист 1974: 285), либо (II) указание на денотативный статус того или иного выражения. Общность семантики слов, которые традиционно относят к местоимениям, состоит именно в том, что все местоимения служат в языке для целей референции. Следует коротко охарактеризовать местоимения этих двух типов.

I. Местоимения, отсылающие к акту речи, делятся на два класса. Местоимение, в значение которого входит отсылка к участникам акта речи или к речевой ситуации, называется *дейктическим*. Местоимение, отсылающее к высказыванию (или тексту), в состав которого оно входит, называется *анафорическим*.

Среди дейктических местоимений различаются два референциально-семантических разряда: *личные местоимения* 1-го и 2-го лица (обозначающие соответственно говорящего и слушающего в данном речевом акте) и *указательные местоимения*, т.е. местоимения, отсылающие к объекту, на который направлен указательный жест говорящего, быть может, мысленный. Из указательных местоимений одни выражают субстанциальную идентификацию (как *тот*), другие — идентификацию качественных характеристик (как *такой*). Все дейктические местоимения обращены на экземпляр (в смысле Reichenbach 1947), т.е. каждый экземпляр (token) местоимения имеет, вообще говоря, свой референт.

Анафорические местоимения тоже делятся на несколько референциально-семантических разрядов: местоимения 3-го лица, *возвратные*, *взаимные* (*друг друга*) и *относительные*. Разряды анафорических местоимений различаются не только в референциально-семантическом аспекте, но и по своим синтаксическим характеристикам. Местоимения 3-го лица не предъявляют, как правило, никаких синтаксических требований к антецеденту. Возвратные и взаимные местоимения характеризуются наиболее жесткими ограничениями на синтаксическую связь с антецедентом: возвратные отсылают к субъекту того предиката, которому подчинено местоимение; антецедент взаимного местоимения (обозначающий множество объектов, связанных взаимными отношениями) должен входить в то же простое предложение, что и местоимение. Относительные местоимения сочетают анафорическую функцию с выражением подчинения придаточного предложения (в состав которого они входят) главному. В качестве анафорических, т.е. для вы-

полнения анафорической функции, могут употребляться и указательные местоимения.

II. Местоимения, выражающие денотативный статус (кванторные местоимения), делятся на следующие референциально-семантические разряды: 1) местоимения неизвестности (например, *какой-то*), отсылающие к объекту, который неизвестен говорящему; 2) слабоопределенные (*один, кое-какой, некоторый*), отсылающие к объекту, который известен говорящему, но неизвестен слушающему; 3) экзистенциальные, которые не индивидуализируют объектов (*какой-нибудь*); 4) универсальные, которые употребляются в утверждениях, касающихся всех объектов некоторого класса (*всякий*); 5) отрицательные, которые употребляются в предложениях, отрицающих наличие данного свойства у всех объектов какого-то класса (*никакой*); 6) вопросительные местоимения, которые помимо своей собственно местоименной функции выражают также иллюкутивную функцию вопроса, т.е. имеют особое прагматическое назначение.

Помимо деления на референциально-семантические разряды, возникающего на базе собственно местоименного значения, местоимения делятся на тематические классы — по признаку общности некоторых своих абстрактных характеристик — тематических компонентов (ср. Левин 1973). Тематический компонент в значении местоимения создается за счет таких смысловых противопоставлений, как 'одушевленность/неодушевленность' (ср. *кто* — *что*); 'адъективность/субстантивность' (ср. *какой* — *кто*); 'предмет/место/время' (ср. *что* — *где* — *когда*) и т.д. При этом втором делении возникает категория притяжательного местоимения: притяжательное местоимение — это результат соединения разных референциально-семантических разрядов с тематическим компонентом 'притяжательность', ср. *мой, твой, свой, его, чей, чей-то, чей-нибудь, ничей* и т.д. Непосредственность традиционного рассмотрения притяжательных местоимений в ряду референциально-семантических разрядов местоимений отмечает А.М. Пешковский 1938: 165 (см., кроме того, Падучева 1984).

Анафорическая связь выражается не только местоимениями; анафорическая связь — это отношение, возникающее между словами во фразе или в тексте, когда смысл одного слова или выражения содержит отсылку к другому, при отсутствии синтаксической связи между ними. Первый член анафорического отношения называется антецедентом, второй — анафóром (или анафорическим выражением).

Содержанием анафорической связи может быть (хотя это и не обязательно) кореферентность именных групп.¹ Кореферентность в простом случае — это отношение между такими именными группами, которые обозначают один и тот же объект, т.е. имеют один и тот же референт (ср. Пешковский 1938, с. 163: "... себя и свой могут обозначать тождество представляемого предмета с тем, что мыслилось ранее как я ..., как ты и как он"). Так, в предложении *Письмо Татьяны*

¹ Предшественником кореференции является понятие пересекающейся референции (cross-reference) в Quine 1953, 1960.

предо мною, его я свято берегу местоимение *его* кореферентно своему антецеденту *письмо Татьяны*. А в предложении *Ворон к ворону летит* две лексически тождественные именные группы не кореферентны.

Кореферентность возможна, однако, и между такими ИГ, из которых ни одна не обозначает конкретный объект, например: *Каждый человек хочет, чтобы его уважали; У разных лексем возможности подчинения себе других лексем различны*. Эта разновидность кореферентности называется коассигнацией (см. § IV. 4): коассигнация — это отношение между ИГ, состоящее в том, что, когда одна приобретает локальный референт (в одном из возможных миров), вторая понимается как соотнесенная с тем же референтом. Особенно широко используются для выражения коассигнации возвратные и относительные местоимения.

Несводимость кореферентности к тождеству референтов связана также с денотативной неопределенностью (см. § I. 3), свойственной референтным термам. Имя писателя может обозначать в одном случае самого писателя, в другом — его сочинения, но это денотативное различие не служит препятствием для того, чтобы заменить одно из вхождений этого имени на местоимение, отсылающее к другому, если они попадут в соответствующий контекст. Так, в (1) употребление местоимений несколько не противоречит норме — местоимение и его антецедент кореферентны, хотя они, конечно, не обозначают один и тот же объект:

(1) *Господин — бов заставил публику читать себя (Достоевский); Хэмингуэя интереснее всего читать, когда он описывает охоту.*

Антецедент может обозначать человека, а местоимение — некую сумму его представлений о себе: *Он почувствовал себя собой*. Возможны и другие денотативные различия такого рода.

Имеются следующие ограничения на кореферентность, выражаемые в терминах денотативных статусов: 1) конкретно-референтные ИГ не кореферентны, если они соотносятся с разными объектами; 2) предикатные ИГ, поскольку они стоят вне референции, не могут быть кореферентны; 3) не могут быть кореферентны две ИГ с денотативными статусами разного типа, например предикатная и термовая. Так, во фразе *Иван врач, но он не педиатр* местоимение *он* кореферентно имени *Иван*, тоже обозначающему конкретный объект, но не слову *врач*, которое выражает свойство.

Кореферентность — это всегда подразумеваемое тождество референтов, т.е. тождество, не выраженное с помощью специального предиката. Утверждаемая кореферентность — это обычное отношение тождества (идентификации).

Анафорическая связь не обязательно выражает кореферентность. Так, английское местоимение *one* (ср. *I bought a blue skirt and she bought a blue one*) указывает не на тождество объектов, а на их принадлежность к одному и тому же таксономическому классу (концептуальное тождество). Не выражают кореферентности и указательные местоимения, идентифицирующие качественные характеристики (*такой*).

В то же время кореферентность не обязательно выражается с по-

мощью анафорической связи. Так, в предложении *Иван строг к себе, но он требователен и к другим* ИГ *он* и *себе* кореферентны, но эта кореферентность не выражается с помощью анафорической связи: анафорическая связь отсылает местоимение *он* к *Иван* (см. Чехов 1979), а не к *себе*, поскольку *себя* не может быть антецедентом никакого местоимения, см. Падучева 1974: 261.

Кореферентность, т.е. отношение, в которое вступают термы, противопоставлена семантическому повтору — отношению, наиболее характерному для предикатов и предикатных употреблений ИГ.

Ниже будут описаны основные референциально-семантические ряды местоимений. Не рассматриваются взаимные местоимения (см. о них Падучева 1973в) и отрицательные (описанные в Падучева 1974: 78). Об относительных местоимениях см. Зализняк, Падучева 1979.

Глава VI

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ОТ 1-го ЛИЦА

Семантическая уникальность 1-го лица среди прочих лиц глагольной парадигмы в последние годы стала в лингвистической семантике предметом пристального внимания (см. Бенвенист 1974)¹. Семантические явления, обнаруживающие уникальность 1-го лица, многочисленны и разнообразны. Во-первых, во многих контекстах в предложении допустимо употребление только 1-го лица глагола, и замена на не 1-е лицо приводит к семантической или даже к синтаксической аномалии (если, наоборот, допустимо любое лицо, кроме 1-го, это также свидетельствует о противопоставленности 1-го лица 2-му и 3-му одновременно). Во-вторых, во многих контекстах, допускающих как 1-е, так и не 1-е лицо, употребление 1-го лица модифицирует значение каких-то других слов в предложении, т.е. 1-е лицо оказывает специфическое семантическое влияние на свой контекст.

Контексты, в которых 1-е лицо проявляет свою исключительность, можно разделить на три группы: (1) контексты перформативного употребления глагола; (2) контексты, реагирующие на нарушение условий успешности речевого акта (касающихся говорящего); (3) контексты слов со "стереоскопической" семантикой — слов, предполагающих взгляд на предмет с различных точек зрения.

§ 1. 1-е ЛИЦО В ПЕРФОРМАТИВНЫХ КОНТЕКСТАХ

1. Одним из контекстов, где 1-е лицо глагола не может быть заменено другим без полного изменения функции и назначения всего высказывания, является контекст перформативного употребления глагола

¹ Особая роль участников коммуникативного акта ("я" и "ты") среди прочих персонажей текста уже давно была осознана структурной поэтикой, см., в частности, Лотман 1972.

(см. § II.1), т.е. употребления, при котором высказывание не служит для описания действия, как обычно, а является осуществлением того самого действия, которое обозначается этим глаголом, ср.: *Я извиняюсь, Я поздравляю тебя, Уверяю тебя, Прощаю тебя, Обещаю тебе, Рекомендую вам этот фильм, Напоминаем вам, что..., Подтверждаем получение..., Добавлю, однако, что..., Признаюсь, это меня удивило, Ну и зрелище это было, я вам доложу*. В таком контексте 1-е лицо дает самоверифицирующееся высказывание, т.е. высказывание, истинное в силу факта своего произнесения, а при употреблении того же глагола не в 1-м лице возникает обыкновенное высказывание, истинное или ложное. Таким образом, в перформативном высказывании именно 1-е лицо сообщает ему его перформативную функцию.

2. Контекст 1-го лица и перформативного употребления порождает специальное значение у некоторых модальных глаголов. Так, фраза *Я хочу сделать вам комплимент* в своем главном употреблении означает 'Я делаю вам <следующий> комплимент'. Буквально говорится только о желании сделать X, а фактически говорящий уже делает X. Другие примеры: *Я хочу похвастаться, Хочу вас поблагодарить, Должен вам сказать, Я вынужден попросить вас, Осмелюсь доложить, Счастлив сообщить*, и даже в прош. времени: *Я хотел вас спросить, в котором часу завтра лекция* (о перформативных формулах такого вида см. Caton 1976). Вне контекста перформативной формулы, т.е. вне высказывания от 1-го лица, такое употребление модальных глаголов, конечно, невозможно: *он хочет (должен) сделать X* ≠ 'он делает X'.

Сочетание с глаголом *хотеть* часто может выступать как перифрастический эквивалент перформатива там, где перформативное употребление для данного глагола почему-либо невозможно: *Я хочу спросить, Хочу заметить, Хочу упомянуть, Я хочу тебя выругать*.

Об особенностях семантики модальных слов в контексте 1-го лица говорит Ю.С. Степанов (1981: 166): *Я могу приехать* означает именно возможность, т.е. значение модального глагола предстает в наиболее чистом виде; а *Он может приехать* означает либо 'Он говорит, что может приехать', либо 'Он, вероятно, придет'².

3. Близкое к этому явление — особое значение сослагательного наклонения в перформативных контекстах: 1-е лицо сослагательного наклонения в перформативном контексте употребляется фактически в значении индикатива: *Я советовал бы вам отказаться от этой работы; Я просил бы вас не передавать мои записи в чужие руки* (примеры из Кулькова 1979). В предложении *Он посоветовал бы вам отказаться от этой работы* — с 3-м лицом глагола — сослагательное наклонение имеет свое обычное значение.

4. Различное значение в контексте 1-го и не 1-го лица имеют многие глаголы эмоционального и ментального состояния. Ср.:

² Особенно сильное различие — при изменении не только лица, но и времени: *Я должен к нему поехать* — это моральное долженствование, а *Иван должен был к нему поехать* = 'вроде бы ездил' или 'была запланирована поездка'.

- (1) а. Я восхищаюсь вашим поступком; б. Он восхищается вашим поступком.

Смысл предложения (1а) — 'Я испытываю восхищение, и я выражаю свое восхищение (вам),' а в предложении (1б) компонент выражения чувства его субъектом отсутствует. Вообще говоря, локутивный компонент 'Я говорю, что...' входит в состав любого высказывания. Однако, скажем, в высказывании (2) *Я сижу на диване* состояние субъекта независимо от его высказывания об этом состоянии, и локутивный компонент существует сам по себе. Между тем в высказываниях, касающихся эмоционального и ментального состояния, этот компонент вступает в непосредственное взаимодействие с основным содержанием высказывания, порождая существенное противопоставление выраженных и невыраженных чувств и мыслей. В (1а) мы знаем о чувствах субъекта, поскольку он их выражает. В (1б) источник знания говорящего о чувствах субъекта остается неизвестным и требует домысливания. Кроме того, в (1а) восхищение строго синхронно высказыванию, а в (1б) настоящее время понимается в более широком смысле. Аналогичный семантический компонент выражения чувства его субъектом возникает в контексте 1-го лица у слов *поражаться, удивляться, надеяться, сомневаться, ожидать, подозревать, сознавать, чувствовать, сожалеть, бояться, полагать, быть потрясенным, возмущенным* и т.д.; ср. также глаголы *истолковывать, ограничивать, обобщать, систематизировать, сопоставлять, уточнить, уподоблять, иметь в виду, предпочитать, подразумевать*. При 3-м лице субъекта семантический компонент выражения субъектом своего эмоционального состояния может присутствовать только в таких контекстах, где соответствующий глагол вводит прямую речь, ср.:

- (3) — Вот это да! — удивились колхозники.

Интересно, что далеко не все глаголы такое употребление допускают, ср. странное

- (4) — Ах, — горько сожалеет он.

5. Глагол *говорить* в контексте подлежащего в 1-м лице — *Я говорю, что Р* — не имеет своего обычного значения (ср. *Он говорит, что Р*). Такое высказывание может быть сделано только в том случае, когда, например, человека не поняли, не расслышали, и он повторяет свое высказывание или выражает свою мысль другими словами. Этому явлению можно предложить следующее объяснение. Компонент 'Я говорю, что' с обычным значением глагола *говорить* возникает в контексте речевого акта в любом высказывании, и потому в произносимом предложении с обязательностью опускается. Следовательно, если компонент 'Я говорю, что' сохраняется в предложении, то это потому, что *говорить* имеет не обычное, а какое-то более богатое значение, см. § II.2.

§ 2. 1-е ЛИЦО И УСЛОВИЯ УСПЕШНОСТИ РЕЧЕВОГО АКТА

1. Среди семантических явлений, связанных с условиями успешности речевого акта, одно из наиболее характерных — аномальность высказывания вида *Я не знаю, что Р*, при абсолютной нормальности

такого же высказывания не в 1-м лице или не в настоящем времени. Эта аномальность имеет следующее объяснение (см. Падучева 1982а). Предложение вида *Я не знаю, что Р* (как и исходное неотрицательное вида *Я знаю, что Р*) имеет презумпцию *Р*. Один из главных постулатов всех информирующих речевых актов — 'Говорящий знает то, что он говорит'; следовательно, говорящий, в частности, должен знать презумпции своего высказывания. Между тем данное предложение гласит, что говорящий не знает своей презумпции. Таким образом, аномальность проистекает из того, что предложение вступает в противоречие с одним из условий успешности речевого акта.

2. Другой пример аномалии известен под названием парадокса Мура (см., например, Лусан 1970). Почему, скажем, в (1) замена 3-го лица на 1-е приводит к аномалии?

(1) а. Она умна, но Джон так не считает; б. *Она умна, но я так не считаю. Делая высказывание *Она умна*, говорящий (в своем качестве говорящего, а не просто человека, т.е. в силу смысла слов, см. § II.2) обязан считать, что она умна, поскольку 'Говорящий считает, что Р' — одно из условий успешности речевого акта утверждения, в котором участвует *Р* (по Searle 1969; ср. также Балли 1955: 49). Между тем в (1б) 2-я часть высказывания — утверждение '*Я не считаю, что она умна*'; т.е. 2-я часть высказывания вступает в противоречие с наиболее глубоко заложенными компонентами смысла первой части (условием успешности соответствующего речевого акта), что и создает аномалию. Аналогично в примере (2):

(2) а. На улице холодно, но Джон в это не верит; б. *На улице холодно, но я в это не верю.

3. С нарушением условия успешности речевого акта вопроса связана аномальность 1-го лица в следующих высказываниях: **Я надеюсь*, что меня примут? **Я устал*?, **Мне хочется есть*?, **Я люблю бананы*? (ср. нормальное *Он устал*?, *Тебе хочется есть*? и т.д.). Условие искренности вопроса — 'Говорящий не знает, верно ли *Р*, и считает, что слушающий знает, верно ли *Р*'. Но поскольку в данном случае *Р* — суждение о внутреннем состоянии говорящего, не имеющем внешних проявлений, едва ли кто-то может знать ответ лучше, чем сам говорящий, ср. Fogman 1974. Вопросы такого рода могут осмысляться разве что тем или иным косвенным способом — например, как "экзаменационные", как обращаемые говорящим к самому себе и т.д., см. Wierzbicka 1980: 298. Вопросительное предложение *Я устал*? в той же мере не может иметь нормальный иллюкутивный функции вопроса, как повествовательное предложение *Ты устал* — нормальной иллюкутивной функции сообщения, поскольку акт сообщения включает компонент '*Я хочу, чтобы ты знал*'.

§ 3. 1-е ЛИЦО В КОНТЕКСТЕ СЛОВ СО «СТЕРЕОСКОПИЧЕСКОЙ» СЕМАНТИКОЙ

Самый многочисленный класс контекстов, где проявляется противопоставленность 1-го лица остальным лицам глагольной парадигмы, порождают слова со "стереоскопической" семантикой, т.е. слова,

у которых описание смысла включает либо упоминание говорящего, либо отсылку к лицу, с необходимостью отличному от говорящего, и которые поэтому предполагают взгляд на ситуацию как бы с нескольких различных точек зрения.

1. Реагируют на противопоставление 1-го и не 1-го лица некоторые виды неопределенных местоимений. Ср.:

(1) а. *Иван* хочет спеть какую-то песню; б. **Я* хочу спеть какую-то песню. В высказывании не от 1-го лица, т.е. в (1а), песня может быть неопределенной, т.е. фиксированной, но неизвестной говорящему: она фиксируется желанием *Ивана*, который хочет ее спеть. А в высказывании, где субъект желания и говорящий — одно и то же лицо, как в (1б), неопределенное местоимение семантически аномально.

2. Как уже говорилось в § 1, многие глаголы эмоционального и ментального состояния таковы, что высказывания с их участием в не 1-м лице предполагают предшествующее собственное заявление субъекта состояния, т.е. являются как бы результатом перевода высказывания из прямой речи в косвенную. При этом оказывается, что выражение при предикатах внутреннего состояния некоторых видов модальности возможно только в том случае, если это "самовыражение", а не передача чужого состояния; ср. модальное *что-то* в (2):

(2) а. В последнее время *я* что-то замечаю, что она мрачная; б. ?В последнее время *Иван* что-то замечает, что она мрачная.

Аналогично в (3), (4), где восходящая интонация на предикате пропозициональной установки показывает, что имеется в виду понимание, не включающее ни фактивной, ни контрфактической презумпции относительно реальности ситуации:

(3) а. *Я* чувствую/, что меня обманывают; б. ?*Иван* чувствует/, что его обманывают.

(4) а. *Мне* кажется/, что меня обманывают; б. ?*Ивану* кажется/, что его обманывают.

3. Семантически аномальными оказываются в случае 1-го лица субъекта те предложения мнения, где в значение глагола входит контрфактическая презумпция — компонент, утверждающий расхождение чьего-либо мнения с истиной, точнее — с мнением говорящего. Действительно, поскольку в предложениях мнения от 1-го лица говорящий выступает одновременно и как субъект излагаемого мнения и как говорящий, при контрфактической презумпции он вынужден был бы разойтись во мнении с самим собой:

(5) а. *Иван* воображает (ошибочно считает), что он умен; б. **Я* воображаю (ошибочно считаю), что я умен.

(6) а. *Иван* заблуждается относительно ее намерений; б. **Я* заблуждаюсь относительно ее намерений.

(7) а. Это *тебе* кажется \, что тебя обманывают; б. *Это *мне* кажется \, что меня обманывают.

Взаимодействовать с 1-м лицом может не только входящий в значение глагола пропозициональной установки компонент 'а это неверно', но и компонент 'и это верно'. Так, в примере (8) значение слова *догадался* в (а) и (б) различно: в (а) — с 3-м лицом — *догадался* = 'придумал, и это верно', а в (б) — с 1-м лицом — просто 'придумал':

(8) а. *Иван догадался, кто взял шляпу*; б. *Я догадался, кто взял шляпу*. Действительно, компонент 'Это верно' в значении предиката пропозициональной установки равнозначен компоненту 'Говорящий считает, что это верно'. Поэтому в том случае, когда субъектом пропозициональной установки становится сам говорящий, этот компонент, естественно, поглощается.

4. Особый класс слов, не сочетающихся с 1-м лицом, образуют такие глаголы, в значение которых входит отрицательная оценка субъекта некоторого действия или состояния (ср. Вольф 1982): ср. *Он психует* (или *Ну что ты психуешь?*) и **Я психую*; *Он повадился* и **Я повадился*, а также **Я брешу*; **Я выпендриваюсь*, **Я много о себе воображаю*; **Я дую*, **Я ворчу*, **Я брюжжу*, **Я не почесался, чтобы ему помочь*, **Я здесь околачиваюсь*, **Я убираюсь* (*выкатываюсь*) *вон отсюда*, **Не мое собачье дело*, **Слишком жирно мне будет* и т.п. Человек может сообщать о себе нечто дурное (*Я убил человека*, *Я над тобой издеваюсь*), не порождая аномальных высказываний, т.е. не нарушая языковых норм. Аномалия возникает тогда, когда компонент с отрицательной оценкой субъекта состояния или действия входит не в основное содержание лексемы, а в ее коннотацию (о противоречии утверждения с презумпцией как источнике семантической аномалии см. Апресян 1978).

В контексте отрицания аномальность может исчезать. Так, фразы *Я не ворчу*, *Я не выпендриваюсь* нормальны как возражение на чье-то обвинение: отрицательная коннотация воспринимается в этом случае как оценка другого лица, воспроизводимая говорящим в качестве цитаты. Возможны и ситуативные контексты, в которых такие высказывания допустимы, поскольку их аномальность специально эксплуатируется говорящим.

5. Контекст, чувствительный к противопоставлению 1-го и не 1-го лица, создают предикаты, описывающие действие или состояние субъекта глазами внешнего наблюдателя, с обязательностью не совпадающего с субъектом описываемого действия или состояния. Такие предикаты не сочетаются с субъектом в 1-м лице, свободно допуская 2-е и 3-е, ср.

(9) **Я маячил в проеме дверей*, **Я торчал из окна*.

Аномалия в (9) обусловлена тем, что обычно говорящий обладает преимущественным правом на роль внешнего наблюдателя, а здесь говорящий, будучи субъектом описываемого состояния, не может выполнять эту роль.

Если предложение типа (9) попадает в контекст пропозициональной установки (притом такой, у которой субъект не равен говорящему), то это право переходит от говорящего к субъекту пропозициональной установки, и предложение в целом становится допустимым. Показательный пример из работы Апресян 1980: предложение **Я показался на дороге в тот самый момент* аномально, тогда как *Они видели (сказали), что я показался на дороге в тот самый момент* — нормально.

Большое число слов с семантикой, включающей обращение к внешнему наблюдателю, относится к области эмоциональных состоя-

ний, предрасположений человека и проч., ср. *Я норовлю, *Я задумчива, *Я оживлена, *Я потупилась, *Я затаился в значении 'замкнулся в себе', а также более пространное описание, отражающее точку зрения внешнего наблюдателя и потому неприменимые при описании говорящим своего собственного состояния: ?Я выпучил глаза от изумления; *Я сделал квадратные глаза; *Я смотрел на него с нескрываемым равнодушием. Контекст пропозициональной установки дает тот же эффект снятия аномалии: Он говорит, что я якобы норовлю сеалить на него всю работу.

Глава VII

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕСТОИМЕНИЙ 3-го ЛИЦА

Непосредственным объектом рассмотрения в данной главе являются местоимения 3-го лица — он, она, оно, они¹. Однако референциальные противопоставления, описываемые в § 3, сохраняют силу и для некоторых других видов местоимений: возвратных местоимений (себя, свой), относительных (который, кто, что и др.) и даже для нулевых заместителей с предметным antecedentом (как во фразе Иван; не пришел, потому что Ø_i был болен, где Ø_i кореферентно с Иван), поскольку есть целый ряд свойств, общих у всех местоимений, которые одновременно: 1) являются анафорическими, т.е. имеют в тексте antecedent, и этим отличаются от местоимений я, мы, ты, вы — дейктических, т.е. указывающих на объект действительности; 2) являются субстантивными, в отличие от адъективных местоимений этот, тот, которые вступают в атрибутивную связь с существительным, употребляясь в составе указательной группы; 3) имеют субстантивный antecedent, т.е. antecedent, являющийся именной группой, в отличие от местоимений это и что, у которых antecedentом может быть предложение, ср. Он хорошо знает свои права, а от этого зависит успех дела. Речь идет преимущественно о ед. числе: мн. число местоимений, как и любых ИГ, — это клубок дополнительных семантических трудностей.

¹ Местоимение 3-го лица — это давно известный камень преткновения для всех алгоритмов перевода и лингвистических процессоров. Местоимения затрудняют формальные процедуры обработки текста, делают предложение непонятным вне контекста, нарушают статистику повторов. Специалисту-информатику хочется либо "запретить" местоимения, либо по крайней мере как можно скорее изъять их из текста, с которым он имеет дело, т.е. заменить текст с местоимениями на текст, где их нет. Поэтому семантический анализ местоимений 3-го лица имеет непосредственные приложения в информатике. Показательно, что Й. Уилкс (Wilks 1977) ставит проблему анализа местоимений одной из первых в ряду нерешенных проблем искусственного интеллекта; ср. об этом также Гиндин, Леонтьева 1978.

§ 1. АНТЕЦЕДЕНТ И СУБСТИТУТ

Неискушенное представление об анафорических местоимениях состоит в том, что они являются "вместоимениями", т.е. заменяют имена (точнее, именные группы), которые служат их антецедентами. Согласно этой точке зрения местоимение — это своего рода сокращение для дубликата антецедента. Это положение опровергается несколькими группами примеров.

I. Прежде всего это примеры (они приводятся, в частности, в Quine 1961 и в Geach 1962), где обратная замена местоимения на именную группу, совпадающую с антецедентом, дает предложение не просто более громоздкое, чем исходное, как можно было бы предположить, а предложение, имеющее другой смысл (см. также Падучева, 1974: 255; Jacobson 1979):

- (1) а. Каждый хочет, чтобы все *его* уважали ($\neq$ 'чтобы все уважали каждого'); б. *Только один человек* пил это вино, и он ($\neq$ 'только один человек') заболел; в. Если у *какого-нибудь треугольника* углы равны, то у *него* ($\neq$ 'у какого-нибудь треугольника') и стороны равны; г. Иначе *человек* не будет уважать себя ($\neq$ 'человека'); д. Я знаком с *одним австралийцем*, и ты тоже знаком с *ним* ($\neq$ 'с одним австралийцем'); е. Мне показалось, что *кто-то* крадется. Я оглянулся, но *он* ($\neq$ 'кто-то') успел отскочить за дерево; ж. *Некоторые люди* похожи на песенки: *они* ($\neq$ 'некоторые люди') быстро выходят из моды.

Примеры такого рода дают У. Куайну основание утверждать, что антецедент местоимения не всегда совпадает с его субститутом — т.е. словом или сочетанием, которое позволяет элиминировать данное местоимение в данном контексте без изменения смысла целого. Так, в предложении (1д) антецедентом местоимения *с ним* будет ИГ *с одним австралийцем*, а правильный субститут для этого местоимения — *с этим австралийцем*. Как говорит Куайн, "местоимения не являются заместителями (субститутами) своих синтаксических антецедентов; местоимение может иметь антецедентом неопределенный терм, а субститутом — определенный" (Quine 1961: 4).

II. В примере (1) антецедентом местоимения была квантифицированная ИГ. Однако подстановка антецедента в позицию местоимения может быть невозможна и в такой ситуации, когда антецедентом является конкретно-референтная ИГ, например, определенная дескрипция. Как показано в Smuljan 1948, дескрипции, в отличие от собственных имен, имеют сферу действия, и различные соотношения сферы действия дескрипции и некоторых операторов в семантической структуре предложения, в частности, модальных операторов, сопровождаются различиями в смысле. Так, формула

$$\Box \Psi ((1x) \phi(x)) \quad (I)$$

($\Box$ — модальный оператор 'необходимо', 1 — оператор дескрипции, ϕ — предикат дескрипции, или дескриптивный предикат, а Ψ — главный предикат в сфере действия модального оператора), в которой дескрипция употребляется как собственное имя, так что ее сфера действия

синтаксически не выражена, может пониматься двояко — как

$$(1x) \phi(x) \square \Psi(x), \quad (II)$$

где модальный оператор входит в сферу действия дескрипции, и как

$$\square (1x) \phi(x) \Psi(x), \quad (III)$$

где дескрипция входит в сферу действия модального оператора. Различие смыслов, обусловленное изменением сферы действия дескрипции, можно проследить на примере:

- (2) а. Собака моего соседа любит рыбу, но *она* могла бы и не любить рыбы; б. Собака моего соседа любит рыбу, но могло бы быть и так, что *собака моего соседа* не любила бы рыбы.

Предложение (б), хотя оно отличается от (а) только тем, что в нем местоимение заменено на антецедент, не совпадает по смыслу с (а): в (а) утверждается, что та же самая собака могла бы иметь (в других возможных мирах) другие вкусы, а в (б) — что у моего соседа в других возможных мирах могла бы быть другая собака с другими вкусами. Предложению (а) соответствует формула

$$(1x) \phi(x) [\Psi(x) \& \diamond \neg \Psi(x)] \quad IV$$

($\diamond$ — модальный оператор 'возможно'), а предложению (б) — формула

$$(1x) \phi(x) \Psi(x) \& \diamond (1x) \phi(x) \neg \Psi(x), \quad V$$

которые не эквивалентны между собой так же, как (II) и (III) выше.

Таким образом, в предложении (2а) невозможно элиминировать местоимение заменой на антецедент — при том, что антецедент местоимения — конкретно-референтная ИГ, определенная.

III. Отдельный контекст употребления местоимений 3-го лица составляют предложения мнения:

- (3) а. Издатель журнала "Vogue" считает, что *он* миллионер; б. Издатель журнала "Vogue" считает, что *издатель журнала "Vogue"* миллионер.

Как полагает Г. Кастаньеда (Castañeda 1968), особенность предложения (3а) состоит в том, что оно приписывает 3-му лицу некоторое мнение о самом себе. В таких предложениях название субъекта мнения, будучи подлежащим главного предложения, отражает точку зрения говорящего, тогда как при изложении содержания мнения, т.е. в придаточном, это же лицо рассматривается уже с точки зрения субъекта мнения, и потому название, отражающее точку зрения говорящего, оказывается принципиально неуместным. Отсюда обязательность местоимения, а следовательно, невозможность замены местоимения на антецедент без изменения смысла, ср. (3б).

Было высказано предположение, что в семантическом представлении прообразом местоимения 3-го лица здесь должно быть что-то вроде местоимения *я*, которое переходит в местоимение 3-го лица по правилам перевода прямой речи в косвенную (см. Castañeda 1968, Anscombe 1975).

Закономерности, касающиеся имен объектов в предложениях мнения, можно изложить в следующем более общем виде (Падучева 1983а).

Правило 1. Для любого объекта, упоминаемого в предложении мнения в составе придаточного, предпочтительно название, отражающее точку зрения субъекта мнения, а не говорящего. Иными словами, для ИГ в составе придаточного предпочтительно понимание *de dicto*, т.е. с учетом смысла ИГ, а не *de re*, т.е. чисто референтно. Предложения, отклоняющиеся от этого правила, обычно не вполне удовлетворительны. Так, фраза *Мой брат считает, что женщина, которая живет в соседней квартире, живет в другом доме*, где непротиворечивое истолкование мнения требует, чтобы ИГ *женщина, которая живет в соседней квартире*, понималась чисто референтно, стилистически дефектна. Уж лучше сказать *Мой брат считает про женщину, которая живет в соседней квартире, что она живет в другом доме*, где наименование женщины, отражающее точку зрения говорящего, а не субъекта мнения, вынесено из придаточного предложения в главное². В таком случае то, что имя субъекта мнения в составе придаточного мнения должно отражать точку зрения субъекта мнения, как в (3а), — лишь следствие этого правила.

Правило 2. Местоимение 3-го лица в составе придаточного мнения означает не просто кореферентность, как обычно, а кореферентность, которая имеет место в мире представлений субъекта мнения. Наоборот, повторение исходного имени означает, что кореферентность не осознается субъектом мнения. Так, (3б) уместно только в той маловероятной ситуации, когда человек считает, что издатель журнала является владельцем миллионного состояния, не зная при этом, что он сам является этим издателем. Еще пример: (4) *Собака увидела свое отражение в воде, и подумала, что это другая собака*.

Предложение (4) не синонимично предложению (4'), которое получится, если заменить в (4) местоимение *это* на его антецедент: ... *и подумала, что ее отражение в воде — другая собака*. Дело в том, что наименование объекта отражением собаки в воде принадлежит говорящему, а не субъекту мнения. Предложение (4') приписывает собаке противоречивое мнение, что ее отражение в воде является другой собакой, т.е. более бессмысленное, чем в (4). Понимание (4') как синонимичного (4) нарушило бы Правило 1. С другой стороны, замена в контексте предложения (4) местоимения *это* на *оно*, т.е. на местоимение 3-го лица, дает предложение, в котором, в соответствии с Правилом 2, кореферентность местоимения *оно* с антецедентом *отражение собаки в воде* должна осознаваться субъектом мнения, что в (4) явно не имеет места. Поэтому местоимение *это*, означающее в (4) 'то, что собака увидела', нельзя заменить ни на какую другую ИГ.

Правило 3. В предложениях "самоомнения", типа (3а), местоимение 3-го лица и его антецедент имеют разные концепты — хотя обычно местоимение 3-го лица и его антецедент не только кореферентны, но и связывают с референтом один и тот же концепт, см. § VIII.3. Рассмотрим следующий пример:

² Только аппозитивное определение может, будучи в придаточном, отражать точку зрения говорящего, поскольку оно не входит в сферу действия предиката мнения, см. § III. 3

(5) В нашем дворе жила *медсестра*. Почему-то мы все считали тогда, что *она* доктор.

Хотя 2-е предложение текста (5) не выражает мнения с себе, в нем субститут местоимения не равен антецеденту: при замене *она* на *медсестра* субъекту будет приписываться бессмысленное мнение, состоящее в том, что медсестра — доктор. Однако текст не вполне удовлетворителен, и именно потому, что в нем местоимение и антецедент связывают с объектом разные концепты.

Особое поведение местоимений 3-го лица не ограничивается только контекстом мнения: те же закономерности действуют в контексте других предикатов пропозициональной установки (т.е. предикатов, выражающих желание, намерение, знание, удивление, страх, надежду, сомнение и под., см. Russell 1940: 210, Карнап 1959: 111), а также глаголов говорения и других глаголов, требующих пропозиционального дополнения. Например, подстановка антецедента на место местоимения невозможна в (6) — (8), поскольку здесь тоже действуют Правила 1—3:

(6) *Иван* хотел, чтобы мальчика отдали *ему*;

(7) *Иван* ждал, когда *ему* отдадут мальчика.

(8) а. Иван убеждал *дьявола* в том, что *дьявола* не существует; б. Иван убеждал *дьявола* в том, что *его* не существует (*его* в значении 'того').

В (8) (а) и (б) имеют разные условия истинности — в ситуации, описанной Булгаковым, (а) имело место, а (б) — нет: (а) означает, в соответствии с Правилем 2, что сам Иван не знал, что он говорит с дьяволом, т.е. что называет собеседника Ивана дьяволом, в соответствии с Правилем 1, не Иван, а говорящий; а (б) предполагает, в соответствии с Правилем 2, что отождествление собеседника с дьяволом имело место в мире представлений Ивана.

IV. Субститут местоимения не совпадает с антецедентом также в примере (9), где, как и в (3), антецедент — конкретно-референтная ИГ:

(9) а. Человек, который оставил вам свою рукопись, ушел, но завтра *он* придет снова; б. Человек, который оставил вам свою рукопись, ушел, но завтра *человек, который оставил вам свою рукопись*, придет снова.

Предложение (б) аномальным образом избыточно. Такую избыточность можно не считать аномалией лишь тогда, когда она является отражением специального смыслового задания, т.е. в шутках вроде "Дом, который построил Джек". Тем самым предложение (б), если не считать его аномальным, не синонимично (а). По-видимому, различие смыслов (а) и (б) объясняется тем, что *он* в (а) скорее означает не 'человек, который оставил вам свою рукопись', а 'человек, о котором идет речь', см. § IV.3.

V. Довольно редкой, но все-таки возможной является ситуация, когда антецедент местоимения — нулевой заместитель (см. Postal, Grinder 1971):

(10) То ли у *Джона* нет жены, то ли есть $\emptyset$, но он ее никому не показывает.

Если бы антецедента просто не было, местоимение *ее* было бы невозможно, ср. **Джон женат, но он ее никому не показывает*. Естественно, что в (10) субститут местоимения *ее* не совпадает с антецедентом.

Замечание. В трансформационной грамматике основным аргументом в пользу несовпадения субститута местоимения с антецедентом служат примеры типа (11), где местоимение якобы само входит в состав ИГ — антецедента, см. Bach 1970: (11) *Человек, попросивший предоставить ему слово, ушел.* Действительно, если считать антецедентом местоимения *ему* в (11) ИГ *человек, попросивший предоставить ему слово*, то подстановка антецедента на место местоимения просто не может быть осуществлена, поскольку здесь подставляемая группа содержит это самое местоимение *ему*, так что процесс подстановки теоретически должен продолжаться бесконечно. Однако вопрос о том, что является антецедентом местоимения *ему* в (11), можно решать по-разному. Более правдоподобно, что антецедент *ему* — одно только слово *человек*, и тогда никакой бесконечной подстановки не возникает. Куайн (Quine 1961) настаивает на том, что антецедентом местоимения в таких предложениях является вся именная группа — на том основании, что местоимение здесь конкретно-референтный терм, а тогда, считает Куайн, и антецедент должен быть конкретно-референтным термом; таковым является в (11) все сочетание *человек, попросивший предоставить ему слово*, но не слово *человек* само по себе. В действительности, однако, как будет ясно из дальнейшего, местоимению в (11) соответствует в логической структуре предложения не конкретно-референтный терм, а переменная. А в таком случае и антецедент местоимения может быть именной группой, не имеющей референтного употребления — таковой является слово *человек*. Тем самым пример (11) ничего не доказывает.

В Kuroda 1978 приводится в качестве примера несовпадения субститута местоимения с антецедентом предложение (12) *Джон развелся со своей женой, и через год женился на ее сестре*, в котором подстановка дает предложение (12') *Джон... женился на сестре своей жены*, описывающее ситуацию, которая противоречит правовым нормам и которой Джон, скорее всего, специально стремился избежать. Однако (12) в точности равно по смыслу предложению (12); оно неточно выражает ту мысль, которую имел в виду говорящий, но не может служить примером несовпадения субститута местоимения с антецедентом.

Итак, гипотеза о том, что местоимение замещает дубликат антецедента, должна быть отвергнута.

В Падучева 1974: 257 местоимения 3-го лица описывались как результат трансформации прономинализации (с переменной как прообразом местоимения в семантическом представлении). В данной работе местоимения рассматриваются как самостоятельные слова, (ср. Postal 1966, Bolinger 1977, Чехов 1981)³.

§ 2. МЕСТОИМЕННИЯ ПОВТОРА

Имеется класс употреблений местоимений 3-го лица, при которых роль местоимения действительно сводится к тому, что оно заменяет антецедент, т.е. всего лишь дает возможность избежать повторения слов. Это местоимения повтора (английский термин *pronouns of laziness* 'ленивые местоимения' принадлежит П. Гичу, см. Geach 1962):

- (1) У Маши *дети* взрослые, а у Даши *они* в детский сад ходят;
- (2) Человек, который иногда бьет свою жену, разумнее того, который во всем *ей* уступает (пример из Karttunen 1969); Правда, в Вентимилье пока нет велосипедной трассы, но уже собираются деньги для *ее* постройки; Есть человеческие отношения, которые вовсе не имели бы конца, не будь *он* определен всему сущему на земле; Те, у кого

³ Как сказано в Bolinger 1977: 4, "проблемы кореферентности, анафоры и т.п. вторичны по отношению к проблеме существительных и местоимений как слов с присущими им семантическими характеристиками, достаточно полными в одном случае и относительно бедными — в другом".

нет велосипеда, мечтают *его* завести; Кто избранница Жана Маре и существует ли *она* вообще — неизвестно.

Местоимение повтора характеризуется двумя свойствами: а) у местоимения имеется субститут, равный antecedенту (разумеется, с учетом различий, которые обусловлены позиционно, ср. *Джон уже выбросил свои записи, а Биллу они еще пригодятся*; здесь субститут у *они* не *свои записи*, а *его записи*); б) местоимение не кореферентно antecedенту⁴.

Перечислим основные типы местоимений повтора, различающиеся соотношением денотативных статусов местоимения и antecedента.

1. И antecedент и местоимение — референтные ИГ (не кореферентные между собой), см. пример (1). Местоименная конструкция такого рода возможна лишь при условии, что antecedент и субститут — релятивные имена, т.е. называют объект через его отношение (одно и то же) к другому объекту, название которого фигурирует в том же предложении, ср. в (1) *дети* — 'у Маши'/'у Даши'. Употребление местоимения повтора с референтным antecedентом ограничено в русском языке довольно жесткими условиями. Во всяком случае многие примеры из Hintikka, Carlson 1977 не могут быть переведены с англ. языка на русский с сохранением местоимения:

- (3) **Мой дом* раньше был в Мериленде, а теперь *он* в Лос-Анджелесе;
*Ричард Доу завещал *свой дом* жене, а Джон Доу оставил *его* в наследство дочери.

Нулевой заместитель охотнее становится повтором, чем местоимение 3-го лица; так, в (4а), с нулевым заместителем, нет кореферентности, а в (4б), с местоимением, есть:

- (4) а. Я заметил в работе много ошибок, и ты, кажется тоже Ø (Ø = 'заметил много ошибок, не обязательно тех же самых');
б. Я заметил в работе ошибку; и ты, кажется, тоже ее заметил (ее = 'эту ошибку').

2. Одна из ИГ, antecedент или местоимение, имеет предикатное употребление, а другая — родовое:

- (5) а. Иван был тракторист, каким *его* рисуют на обложках журналов (Ф. Абрамов); б. Они не смогли бы расколоть моего агента, хотя бы *им* была женщина.

Эта местоименная конструкция довольно редкая — обычно такие употребления находятся на грани допустимости или вообще невозможны:

- (6) Катя не хочет быть спортсменом, потому что *спортсмены* (*они) должны много работать; Никакой предрассудок не является просто *предрассудком* (*собой); Кто не тяготится обществом негодяя, тот сам *негодяй* (*он); Мне нужен помощник, но как помощник (*он) вы мне не подходите.

⁴ В Geach 1962 в определение местоимения повтора не включено требование отсутствия кореферентности местоимения и antecedента, так что основное деление проходит между теми местоимениями, у которых субститут равен antecedенту, и теми, у которых не равен. Такое деление, однако, неудобно, поскольку кореферентность — признак более важный, чем все остальные.

3. Обе ИГ имеют предикатное употребление. Такие местоимения повтора вполне обычны:

(7) Он хотел стать *летчиком*, и стал *им*.

4. Одна из ИГ имеет экзистенциальный статус, а другая — какой-то из неререферентных. В этом контексте местоимения повтора употребляются в русском языке довольно свободно, см. пример (2), хотя некоторые контекстные ограничения имеются, ср. — *К нам еще ни один шпион не приходил. — А зачем тебе шпион (*он)?*

Если одна из ИГ имеет экзистенциальный статус, а другая — ререферентная, то местоимение повтора невозможно:

(8) Вчера я видел в лесу оленя. Вообще я видел оленя (*его) так близко только два раза в жизни.

В отрывке ... *К прогулкам в одиночестве пристрастие, Из чашки запотевшей счастливое питье И женщины рассеянное "Здравствуй!"* (Окуджава) ИГ *женщина* поначалу понимается как экзистенциальная (дистрибутивная): 'для каждой прогулки, вообще говоря, своя женщина'. Однако следующая фраза *Не мучьтесь напрасну, она ко мне добра*, где местоимение референтно и не может иметь другого antecedenta, кроме этой ИГ, заставляет переосмыслить ее как ререферентную.

5. Если обе ИГ имеют родовой статус, то местоимение повтора, в принципе, возможно, ср. *Суровый Дант не презирал сонета, В нем жар любви Петрарка изливал*; однако есть много запретов, например:

(9) На человека следует смотреть с определенного расстояния. Человек (*он) понятен только издали; У человека младенчество длится долго, и если бы человек (*он) был вначале таким же, как теперь, он не смог бы выжить; Мало кто обладает искренностью, а то, что мы принимаем за искренность (*нее) — чаще всего притворство.

Ограничения на употребление местоимений 3-го лица без кореферентности часто нарушаются в художественной литературе для достижения определенного стилистического эффекта: *Я знаю, как попасть на улицу Карла Маркса в Ленинграде, как попасть на нее же в Москве, я бывал на ней в Ялте, но не знаю ее в Уфе; — Вчера на Патриарших прудах вы встретились с сатаной. — Не может этого быть! Еgo не существует; Он столько раз становился чемпионом СССР во всех видах спорта, что трудно было не сбиться со счета. В иные годы он становился им по три-четыре раза; Нелепо было приходить в волнение, однако я в него пришел; Как раз тогда, когда сознание покинуло Степу в Ялте, оно вернулось к Бездомному в Москве.*

Для абстрактных объектов граница между 'тот же' и 'такой же' часто является нечеткой (см. Падучева 1972); поэтому для абстрактной ИГ неясной становится граница между кореферентностью и ее отсутствием — а значит, граница между местоимением повтора и собственно местоимением. Так, пример (10) трактуется в Karttunen 1976 как содержащий местоимение повтора, хотя здесь вполне можно допустить и кореферентность местоимения с antecedentом. Действительно, являются ли политические взгляды человека в разные периоды его жизни одним и тем же объектом, который претерпевает изме-

нения, или же изменение содержания взглядов означает, что перед нами другой объект?

(10) Раньше *политические взгляды Джона* были радикальные, а теперь они весьма умеренные.

Местоимения повтора никакой семантической проблемы не составляют. Их описание состоит из правил установления antecedента (правил анализа) и б) описания условий употребления (правил синтеза), своих в каждом языке. Все это проблемы синтаксические. Между тем для местоимений, выражающих кореферентность, синтаксического анализа недостаточно: помимо нахождения antecedента, необходимо еще приписать предложению семантическую структуру, которая отражала бы тот вклад, который вносит местоимение в смысл предложения. Далее мы оставим местоимение повтора в стороне и обратимся к первичному употреблению местоимений 3-го лица, при котором они выражают кореферентность.

§ 3. РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ТИПЫ МЕСТОИМЕНИЙ 3-го ЛИЦА

Рассмотрим употребление местоимений с antecedентами разных денотативных статусов и способы отражения местоимений в логической структуре (ЛС) предложения. В предлагаемых ЛС допускаются упрощения в тех аспектах, которые не имеют отношения к рассматриваемой проблеме — например, время глагола включается в смысл предиката, дейктические местоимения приравниваются к константам, хотя они обозначают объект лишь в составе речевого акта. Переменные в ЛС будем считать имеющими определенную область, которая для упрощения записи указывается отдельно от формулы. Константы пишутся с заглавной буквы.

1. Если antecedент местоимения — собственное имя (в логическом смысле слова, т.е. имя, обозначающее — вообще, а не только в данном контексте — индивидуализированный объект), как *Наполеон*, *Декарт*, *Эверест*, в референтном употреблении, то в ЛС оно может быть отражением и самого себя, и местоимения (здесь и далее "а" — предложение, "б" — его ЛС):

(1) а. *Декарт* 20 лет жил в Нидерландах. Умер он в Швеции.
б. ЖИЛ (Декарт, Нидерланды, 20 лет) & УМЕР (Декарт, Швеция).

Замечание. Имеются, правда, контексты, где требуется "семантическое разложение" собственного имени — из имени X должен быть извлечен семантический компонент 'X называется "X"'. Так, чтобы объяснить уместность частицы *также* во фразе *Декарта называют также Картезиусом*, надо выявить имплицитно содержащийся в имени *Декарт* компонент 'Декарта называют "Декартом"'. Однако это означает, что собственное имя имеет здесь не чисто референтное, а референтно-автоимное употребление, как в известном примере из Quine 1953 *Джорджоне назвали так за его высокий рост*.

Однако собственные имена в логическом смысле слова — довольно редкое явление в языке. Что же касается личных имен — *Ваня*, *Иван Петрович*, *Иванов*, то их соотношение с объектом осуществляется только в составе речевого акта (или в совокупности речевых актов, ограниченных фиксированными коллективами); об их ЛС см. следующий раздел.

II. Если антецедент местоимения представлен в ЛС дескрипцией, то местоимению соответствует операторная переменная этой дескрипции. Пример (ИГ *рыбу, мясо* для упрощения представлены как константы):

- (2) а. *Моя собака не любит рыбу, она предпочитает мясо.* б. (1х) ПРИНАДЛЕЖИТ (х, Я) [$\neg$ ЛЮБИТ (х, Рыба) & ПРЕДПОЧИТАЕТ (х, Мясо)] <х — собаки>.

У дескрипции (1 х) ПРИНАДЛЕЖИТ (х, Я), соответствующей в ЛС группе *моя собака*, сфера действия — весь последующий текст.

Хотя местоимению соответствует в ЛС предложения (2) переменная, местоимение все же является в нем референтным термом. Денотативный статус местоимения зависит от того, каким квантором или оператором связана переменная: переменная, которая связана оператором дескрипции, ведет себя далее как константа.

Оператор дескрипции — это способ представления определенной референции.

В ЛС может быть несколько дескрипций, денотативно зависимых одна от другой (о понятии денотативной зависимости см. Падучева 1979б):

- (3) а. *Собака моего соседа любит рыбу;* б. (1х) СОСЕД (х, Я) (1у) ПРИНАДЛЕЖИТ (у, х) ЛЮБИТ (у, Рыба)
<х — люди, у — собаки>.

Здесь у дескриптивного предиката переменной у аргумент х — операторная переменная другой дескрипции, т.е. дескрипция по у зависит от дескрипции по х. Поэтому дескрипция по у с обязательностью входит в сферу действия дескрипции по х. При этом в составе дескриптивного предиката переменной у переменная х уже ведет себя как константа.

Денотативная зависимость между двумя дескрипциями может быть и двусторонней — в предложениях с перекрестной кореферентностью, иллюстрирующих так наз. парадокс Баха - Петерса, см. Bach 1970, Karttunen 1971b, Dik 1973. В этом случае одна из дескрипций не может иметь синтаксического употребления, которое адекватно выражало бы ее сферу действия, а употребляется как синтаксический аргумент дескриптивного предиката подчиняющей дескрипции:

- (4) а. Тот человек, который провалил порученное ему дело, уволен;
б. (1 х) ПРОВАЛИЛ (х, (1 у) ПОРУЧЕНО (у, х)) УВОЛЕН (х)
<х — люди, у — дела>.

Дескрипция объекта может быть построена на базе его личного имени. См. ЛС предложения (5), которая отражает тот факт, что эта фраза — первое упоминание о Ване (в рассказе Толстого "Косточка") и что Ваня вводится сразу как лицо, известное читателю:

- (5) а. Ваня никогда не ел слив;
б. (1х) ЗОВУТ (х, "Ваня") $\neg$ ЕЛ (х, сливы, t) <х — мальчики, t — моменты времени>.

Последующим упоминаниям о Ване — будь то с помощью местоимения (*Очень они ему нравились*) или с помощью собственного имени (*Ваня поблдепел*) — в ЛС соответствует операторная переменная дескрипции, введенной при 1-м упоминании объекта, так что собствен-

ное имя в 1-м и в последующих упоминаниях имеет разный смысл, см. Чехов 1978.

Дескрипция, соответствующая антецеденту местоимения, фиксирует в общем поле зрения участников речевого акта некоторый объект, а операторная переменная дескрипции функционирует далее как собственное имя этого объекта⁵. Так, в пропозиции ПРЕДПОЧИТАЕТ(x , Мясо) в (2), которая выражает значение фразы *Она предпочитает мясо*, один из аргументов — переменная; однако эта переменная на всем протяжении сферы действия дескрипции — т.е. на протяжении всего текста — принимает единственное значение. Тем самым пропозиция ПРЕДПОЧИТАЕТ (x , Мясо) в контексте речевого акта становится суждением, имеющим истинностное значение. В то же время, скажем, во фразах (6) — (9) простому предложению, содержащему местоимение (*он одержал победу*, *он решил которую <задачу>*, *он солдат*, *она вам не нравится*), соответствует в ЛС не пропозиция, а пропозициональная форма.

III. Следующий тип: антецедент местоимения — квантифицированная ИГ, и местоимение находится в сфере действия ее квантора. Здесь местоимению соответствует в ЛС операторная переменная этого квантора. Примеры:

- (6) а. *Всякий человек* доволен, если *он* одержал победу.
б. $(\forall x)$ (ПОБЕДИЛ(x) — ДОВОЛЕН(x)) $\langle x$ — люди $\rangle$.
(7) а. *Каждому* нравилась та задача, которую *он* решил.
б. $(\forall x)$ ($\exists y$) РЕШИЛ(x , y) НРАВИЛСЯ(y , x) $\langle x$ — люди, y — задачи $\rangle$.
(8) а. *Каждый* понимал, что *он* солдат.
б. $(\forall x)$ ПОНИМАЛ(x , СОЛДАТ(x)) $\langle x$ — люди $\rangle$.
(9) а. Какую бы *историю* я не рассказал, *она* вам не нравится.
б. $(\forall x)$ (РАССКАЗАЛ($Я$, x) — $\neg$ НРАВИТСЯ(x , $Вы$)) $\langle x$ — истории $\rangle$.

Чтобы местоимение воспринималось как входящее в сферу действия квантора при антецеденте, должны выполняться определенные соотношения между антецедентом и местоимением в синтаксической структуре предложения. Так, в предложениях (10), (11) эти условия не соблюдаются, и (11) аномально, а (10) допускает только такое понимание, при котором квантифицированная ИГ не является антецедентом местоимения:

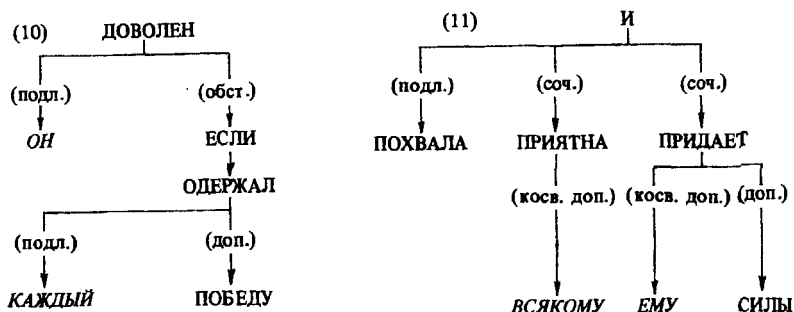
- (10) Если *каждый* одержал победу, *он* доволен.
(11) *Похвала приятна *всякому* и придает *ему* силы.

Требуемое синтаксическое соотношение между ИГ — антецедентом (ИГ_а) и ИГ — местоимением (ИГ_м) состоит в том, чтобы ИГ_а подчинялась сказуемому предложения (непосредственно), а ИГ_м подчинялась тому же сказуемому через любое число промежуточных слов, в том числе союзов и относительных слов, которые вводят новое подчиненное предложение⁶. В этом случае ИГ_а контролирует ИГ_м.

⁵ Оператор дескрипции употребляется синтаксически подобно квантору — в том смысле, что он связывает одновременно операторное вхождение переменной и все остальные ее вхождения в сфере действия дескрипции.

⁶ Близкие ограничения на синтаксическое соотношение между местоимением и квантифицированным антецедентом приводятся в Lakoff 1968 и Culicover 1976. Возможно,

В (10) ИГ_а не контролирует ИГ_м потому, что соотношение между ИГ_а и ИГ_м обратно требуемому: ИГ_м непосредственно подчинена сказуемому, а ИГ_а входит в состав придаточного при этом сказуемом; в (11) — потому, что ИГ_а подчинена одному сказуемому, а ИГ_м — другому, сочиненному с первым:

Примеры предложений, где требуемое синтаксическое соотношение между антецедентом и местоимением выполняется, и квантифицированная ИГ воспринимается как антецедент местоимения:

(12) *Каждому* вернули *его* деньги; На *каждого* из них бандиты напали в *его* доме; *Каждой* собаке прививку делает человек, который является *ее* хозяином; *Всякая* собака лает, когда *она* довольна; *Каждый* понял, что *он* ошибся; *Каждый* сотрудник сделал доклад на интересующую *его* тему; Они поставили перед *каждым* *его* любимое блюдо; *Каждого* волнуют успехи *его* учеников; *Каждый* из них несколько раз говорит об этом в *своей* статье; *Никто* не принимал *его* в *своем* доме; Ты оторвал *каждого* из них от того, что *он* делал; *Каждый* студент должен сдать зачет, иначе *его* отчислят; *Всем* казалось, что лектор смотрит именно на *него*; *Никто* не может уйти, потому что *он* подведет остальных; *Каждый* знает, на что он тратит *свои* деньги; *Никто* не сядет за руль, если *он* не умеет водить; *Никто* не может слушать двум господам, ибо *он* будет любить одного и ненавидеть другого; *Каждый* рассказал о проблеме, которой *он* занимался; Она напомнила *каждому* о том вечере, когда *он* видел *ее* в последний раз; Она останавливала *каждого*, как только *он* начинал забываться; *Каждому* приятно, если хвалят *его* или *его* друзей; *Каждый* ребенок, который хотел, чтобы *ему* подарили куклу, получил *ее*; *Никакой* треугольник не является равносторонним, если *он* не равноугольный.

Кроме требования на синтаксическое соотношение между ИГ_а и ИГ_м, определенное ограничение наложено на их расположение в предложении: ИГ_а должна предшествовать ИГ_м (в силу почти полной исключенности обратной прономинализации в русском языке). Отсюда

формулировку следует несколько ослабить: ИГ_а может быть подчинена сказуемому не непосредственно, а почти непосредственно, ср. *Задача каждого — добиться, чтобы его выслушали*.

следует, что в местоименной конструкция с квантифицированным antecedентом обычно нельзя изменить порядок слов. Действительно, если antecedент местоимение — собственное имя, то при изменении порядка слов достаточно лишь изменить лексическое наполнение узлов, т.е. antecedент заменить местоимением, а местоимение — antecedентом. Между тем, если одна из ИГ квантифицированная, то после перестановки, в частности, после перемещения кванторных слов, первая по порядку ИГ может перестать контролировать вторую, и тогда местоименная конструкция станет невозможной. Примеры: *Денги каждого_i вернули ему_i; *В доме каждого из них_i на него_i напали бандиты; *Человек, который является хозяином каждой собаки_i, делает ей_i прививки; *Когда всякая собака_i довольна, она_i лает; *Что каждый_i ошибся, он_i понял.

Роль направления синтаксического подчинения видна из сопоставления примеров (13а) и (13б) (из Падучева 1973а):

(13) а. *Если каждый решит две задачи, он получит премию;

б. Об этом думает каждый комсорг, особенно если ему 20 лет.

Союзы *хотя* и *потому что*, которые, как известно, занимают промежуточное положение между подчинительными и сочинительными, ведут себя в рассматриваемом отношении как сочинительные, т.е. не входят в сферу действия квантифицированной ИГ:

(14) *Каждому_i пришлось расписаться, хотя он_i не хотел;

*Каждый_i хотел уйти, потому что он_i устал.

IV. Antecedенту местоимения может соответствовать в ЛС не дескрипция, как в разделе II, а операторная переменная этой дескрипции: имеется в виду ситуация, когда местоимение находится в составе дескриптивной предикации. Тогда местоимению соответствует другое вхождение той же переменной:

(15) а. Тот человек, который провалил порученное ему дело, уволен.

б. (1х) ПРОВАЛИЛ (х, (1у) ПОРУЧЕНО (у, х)) УВОЛЕН (х)

<х — люди, у — дела>.

Как говорилось в § 1, в Quine 1961 проводится точка зрения, что antecedент местоимения ему в (15) — это вся группа *тот человек, который провалил порученное ему дело*, а местоимение, как и эта ИГ, является определенным референтным термом. Ясно, однако, что ему в (15) играет ту же роль, что в (16) или в (17):

(16) Всякий человек, который провалил порученное ему дело, заслуживает наказания.

(17) Иван — такой человек, который проваливает порученное ему дело.

В (16) местоимение ему отражается в ЛС, как уже было выяснено, в виде переменной в сфере действия квантора общности; в (17) местоимению можно сопоставить в ЛС переменную в сфере действия λ-оператора образования предиката (см. Карнап 1959: 31).

(17) (λ х) ПРОВАЛИВАЕТ (х, (1у) ПОРУЧЕНО (у, х)) (Иван)

<х — люди, у — дела>.

Естественно считать, что логический статус местоимения в (15) тот же, что в (16), (17): это переменная. Отличается же ЛС (15) от ЛС (16) и (17) денотативным статусом ИГ — antecedента.

Аналогичной будет ЛС предложения, где антецедент местоимения 3-го лица — вопросительное местоимение, например: *Кто смеялся, когда его ругали?*

V. Антецедентом местоимения может быть референтная ИГ — слабоопределенная или неопределенная:

(18) а. У попа была *собака*. Он *ее* любил; б. Я знал *рабочего*. Он был неграмотный; в. *Кое-кто* хотел выступить в мою защиту, но *им* не дали слова; г. *Ровно один человек* пил это вино, и *он* заболел; д. Мери разговаривала с *одним профессором* и произвела на *него* хорошее впечатление.

Для неопределенных ИГ принято представление в логической структуре с помощью квантора существования $\exists$. В действительности, однако, это должен быть другой оператор, который, в отличие от $\exists$, фиксирует (индивидуализирует) объект в денотативном пространстве текста — оператор введения объекта в рассмотрение.

Индивидуализация объекта в (18) осуществляется самим фактом участия объекта в ситуации, описываемой данным предложением. Таким образом, можно считать, что местоимению в (18) соответствует дескрипция, построенная на базе той предикации, в которую входит антецедент. Местоимения с антецедентом — дескриптивной ИГ можно назвать дескриптивными.

Различие между дескриптивным местоимением и местоимением-переменной особенно заметно при наличии числительных:

(19) а. Там было два молодых человека, которые курили сигары; б. Там было два молодых человека, и они курили сигары.

Предложение (а) (если понимать придаточное как ограничительное, т.е. в смысле 'Имеется два молодых человека, которые были там и курили сигары') не предполагает, что общее число находившихся там молодых людей — двое и что все находившиеся курили сигары, а (б), с дескриптивным местоимением, предполагает.

Правда, как справедливо замечено в Evans 1977: 499, часто референт дескриптивного местоимения "фиксируется не только тем предикативным материалом, который эксплицитно содержится в пропозиции антецедента, но и тем, который говорящий может добавить по требованию". Так, возможен следующий диалог: *А. Один человек выбежал из толпы и упал перед самой лошастью. В. Он не выбежал, его вытолкнули.* Субститутотом для *он* не может быть человек, который *выбежал из толпы*.

Таким образом, дескриптивное местоимение (в отличие от местоимения-переменной с квантифицированным антецедентом) — это референтная ИГ: предложение с таким местоимением имеет в контексте речевого акта истинностное значение.

Условия, при которых неопределенная ИГ вводит в рассмотрение объект, т.е. может стать антецедентом дескриптивного местоимения, описываются в Karttunen 1976: ИГ должна входить в пропозицию, в которой предполагается или утверждается существование объекта и которую говорящий утверждает или предполагает (в виде презумпции или имплицатуры) истинной.

Мы используем для оператора введения в рассмотрение знак R

(ср. Ref в Bellert 1971 и Un в Hlavsa 1975). Оператор R играет двоякую роль: 1) он утверждает существование объекта, обладающего некоторым свойством, и 2) индивидуализирует тот объект, который, как утверждается, существует. Оператор введения в рассмотрение (интродукции) R — это способ представления неопределенной референции. Примеры ЛС:

(20) Я знал *рабочего*. Он был неграмотный.

(R x) ЗНАЛ (Я, x) & (i y) ЗНАЛ (Я, y) БЫЛ НЕГРАМОТНЫЙ (y) < x, y — рабочие >.

(21) У попа была *собака*. Он ее любил.

(R x) ПРИНАДЛЕЖИТ (x, Поп) & (i y) ПРИНАДЛЕЖИТ (y, Поп) ЛЮБИЛ (Поп, y) < x, y — собаки >.

Как показано в Evans 1977, дескриптивные местоимения допускают такое употребление, при котором представление их antecedента с помощью квантора существования синтаксически невозможно. Так, в (22), если сопоставить слову *корова* квантор $\exists$, этот квантор должен войти в сферу действия оператора дескрипции, так что одно из вхождений подкванторной переменной — то, которое соответствует местоимению *ее*, — останется за пределами сферы действия квантора:

(22) а. Тот человек, у которого была корова, вчера ее продал.

б. (i x) ($\exists$ y) ПРИНАДЛЕЖИТ (y, x) ПРОДАЛ (x, y, Вчера) < x — люди, y — коровы >.

У оператора R иной синтаксис: сфера действия этого оператора — пропозиция, включающая antecedent. Весь остальной текст, где встречается упоминание введенного объекта, входит в сферу действия дескрипции, соответствующей местоимению.

Адекватность представления местоимения с неопределенным antecedentом с помощью дескрипции подтверждается тем, что эта дескрипция в некоторых контекстах не может быть упрощена в местоимение и остается в поверхностной структуре предложения:

(23) Собака выбежала из дома, неся *что-то* в зубах. Когда народ рассмотрел *то, что она несла* (*его), все расхохотались; *Кому-то* и Парнас тогда отмежевывали. *Хозяин* (*он) стал пасти на нем ослов; В соседней комнате *кто-то* разговаривал. Внезапно *разговаривавшие* (*они) смолкли; Старик услышал, что *кто-то* его зовет, и пошел (*к нему) навстречу; Он *кому-то* рассказывал эту историю, но не сообщал своим *слушателям* (*им) настоящих имен.

VI. Наконец, последняя из рассматриваемых референциальных разновидностей местоимений, — это местоимение, antecedentом которого служит неререферентная ИГ:

(24) а. Если *кто-нибудь* придет, мы попросим *его* починить выключатель; б. Если *кто-нибудь* ошибется, мы *его* поправим; в. Если бы у нас был сын, он бы сейчас отцу блинов отнес (Толстой); г. Если у них есть сын, он является наследником всего состояния (пример из Searle 1969); д. Найди *какого-нибудь* слесаря и приведи *его* к нам; е. Он решил дожидаться *кого-нибудь* из *старших* и с ним поговорить.

Применительно к примеру (г) Дж. Серл (Searle 1969: 73) говорит об у л о в н о й референции: и antecedent, и местоимение в (г) он называет

"условно референтными" выражениями. Однако условная референция — это лишь частный случай той более общей ситуации, когда референция имеет место в одном из возможных миров, не совпадающих с реальным, т.е. с миром говорящего. В логической структуре такого предложения оператор интродукции R находится в сфере действия того или иного оператора Z , порождающего нереальный мир; в (г) — это гипотетичность, в (д) — императивная модальность, в (а) и (е) — будущее время, и т.д. Объект фиксируется в одном из миров, порождаемых оператором Z . Поскольку местоимение находится в сфере действия оператора Z , интерпретация местоимения происходит в том самом мире, в котором фиксируется объект, и местоимение соотносится с тем самым объектом, который введен в рассмотрение антецедентом. Отношение между местоимением и антецедентом — кореферентность в этом нереальном мире.

К числу миропорождающих операторов относятся предикаты пропозициональной установки; поэтому условием употребления местоимения в контексте пропозициональной установки является кореферентность не в реальном мире (т.е. в мире говорящего), а в мире субъекта установки, ср. примеры (3), (4), (8) из § 1.

Близкая ситуация — когда экзистенциальная ИГ находится в сфере действия квантора общности $\forall$ или оператора дистрибутивности $\forall^e$ (см. Падучева 1974: 90). Квантор общности предполагает множество объектов; но его сферу действия составляет предикация, где переменная соотносится с объектом, который уже фиксирован — хотя и произвольным образом. Так, в предложении (25) *Впишем в каждую из окружностей правильный многоугольник, и будем удваивать число его сторон* речь идет о нескольких окружностях и, следовательно, о нескольких вписанных многоугольниках; ЛС для 1-й части (25) такова:

(25') $\forall^e x \exists y$ *вписан* (y, x)

$\langle x$ — окружности, y — правильные многоугольники $\rangle$.

Но внутри сферы действия оператора $\forall^e$ по окружности выбирается, произвольным образом, какая-то окружность, а это фиксирует вписанный в нее многоугольник. Отсюда возможность последующей отсылки к многоугольнику с помощью местоимения *он*.

Итак, примеры из (24) отличаются от примеров из (18) только тем, что оператор интродукции R находится в сфере действия миропорождающего оператора или оператора дистрибутивности Z , который переносит ситуацию в некоторый мир, отличный от реального. Оператор R по-прежнему вводит в рассмотрение объект, но теперь это объект в ирреальном мире. Тем самым у антецедента местоимения имеется референт, но л о к а л ь н ы й — в мире, порождаемом оператором Z . Условие допустимости местоименной конструкции состоит в том, что местоимение должно входить в сферу действия того же оператора. Примеры ЛС, где антецедентом местоимения является ИГ с локальным референтом:

(26) а. Если кто-нибудь ошибется, мы его поправим.

б. $((R\ x) \text{ ОШИБСЯ } (x) \rightarrow (1\ y) \text{ ОШИБСЯ } (y) \text{ (ПОПРАВИМ } (My, y)) \langle x, y \text{ — люди} \rangle$.

- (27) а. Многие люди, у которых есть *телевизор*, его не смотрят.
 б. $(\exists x_{\text{много}} x) < (\exists y) \text{ ПРИНАДЛЕЖИТ } (y, x) > (1 z) \text{ ПРИНАДЛЕЖИТ } (z, x)$
 $\neg \text{ СМОТРИТ } (x, z)$
 $< x \text{ — люди; } y, z \text{ — телевизоры} >.$

Итак, имеются следующие типы местоимений, выражающих кореферентность: 1) референтные местоимения с антецедентом — конкретно-референтной ИГ, определенной (собственным именем или дескрипцией); 2) связанные местоимения с антецедентом — квантифицированной ИГ; 3) дескриптивные местоимения с антецедентом — неопределенной ИГ; 4) местоимения, антецедент которых имеет локальный референт — в одном из возможных миров, не совпадающих с реальным.

Г л а в а VIII

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

§ 1. МЕСТОИМЕНИЕ ЭТОТ

В отличие от местоимений 3-го лица, которые допускают дейктическое употребление лишь в специальных контекстах (*Вот он пусть пойдет*), для указательных местоимений анафора и дейксис в равной мере обычны. Мы рассмотрим только анафорическое употребление (о дейктических истоках анафорических местоимений см. Ревзин 1973а).

Указательная группа, т.е. сочетание указательного местоимения с существительным, в своей анафорической роли противопоставлена другим ИГ, имеющим значение определенности и выражающим кореферентность — местоимению 3-го лица и с к р ы т о о п р е д е л е н н о й ИГ (т.е. ИГ без местоименных показателей, но с контекстным значением определенности; скрытая определенность в безартиклевых языках — это самый близкий аналог определенному артиклю). Так, в (1) допустимо местоимение 3-го лица и скрытоопределенная ИГ, а указательная группа невозможна; в (2), наоборот, возможна указательная, но не скрытоопределенная (примеры из Падучева 1973а); а в (3) и указательная и скрытоопределенная группа допустимы, но противопоставлены по смыслу:

- (1) *Евтушенко* вернулся из Англии. *Поэту* (* *Этому поэту*) предстоят еще поездки в другие страны Европы.
- (2) В комнату вошла *женщина*. *Эту женщину* (* *Женщину*) я видел когда-то у приятеля.
- (3) Обратите внимание на *Петю*. *Мальчик* ($\neq$ *Этот мальчик*) совсем перестал заниматься.

У указательных местоимений значение еще в меньшей мере, чем у личных, сводимо к выражению кореферентности: указательное местоимение имеет свое значение, так что указательная группа, даже лексически дублирующая антецедент, отлична по смыслу и от местоимения 3-го лица и от скрытоопределенной ИГ.

Местоименная группа с *этой*, в отличие от всех других ИГ с текстовой определенностью, естественно применяется к объекту (или ситуации), уже находящемуся в общем поле зрения говорящих, когда нужно дать категоризацию этому объекту или сменить имеющуюся у него категоризацию на другую:

(3) Батюшка у окна читал *Придворный календарь*, ежегодно им получаемый. *Эта книга* имела всегда сильное на него влияние. Местоимение 3-го лица оставляет категоризацию объекта неизменной (см. § 2); употребление скрытоопределенной ИГ означает, что категориальная принадлежность не так уж существенна; указательное местоимение придает категоризации объекта принципиальный характер.

Способностью указательного местоимения менять категоризацию объекта объясняется то, что указательная группа не знает многих ограничений, которые предъявляет к своему антецеденту местоимение 3-го лица. Так, указательная группа, в отличие от местоимения 3-го лица, может иметь предикативный антецедент:

(4) Он ловил рыбу, и *это занятие* поглощало его целиком.

Между указательной группой и ее антецедентом возможны различия в статусе, немислимые для местоимения 3-го лица:

(5) У него в саду растет кипарис. Вообще-то *это дерево* не выживает в средней полосе.

Для указательной группы не соблюдается абсолютный для местоимения 3-го лица запрет антецедента, имеющего автономное употребление (см. Падучева 1979а): *В статье, названной "Такси", анализируются некоторые недостатки этого вида транспорта*. Возможно и обратное соотношение — когда анафор извлекает из антецедента только имя объекта: (6) *В то время из гостей домой пришел Евгений молодой... Мы будем нашего героя звать этим именем*; ср., однако, недопустимое *Ссора между губернатором штата Нью-Йорк и мэром этого города была шумной* (из газет); надо: *мэром одноименного города*.

Указательная группа нарушает также запрет, который в Postal 1969 назван "анафорический остров": она может относиться к такому объекту, наличие которого в описываемой ситуации вытекает из смысла слов, хотя этот объект и не назван никакой отдельной единицей поверхностного уровня; ср. пример такой "анафоры без антецедента": (7) *Продам мешок огурцов — на эти деньги курицу куплю* (Толстой).

Вообще для указательной группы, меняющей категоризацию объекта, независимо от наличия у нее текстового антецедента, размывается различие между анафорой и дейксисом: про такую группу скорее можно сказать, что она обозначает объект, так или иначе возникший в общем поле зрения говорящих в предшествующем тексте, чем отсылает к его имени.

Однако изменение категориальной принадлежности не обязательно требует указательной группы, ср. пример, где *этот* отсутствует:

(8) ... она *вышивала* красными нитками по воротнику мужской сорочки. *Работа* была срочная (Чехов).

В то же время *этот* может быть необходимо и при сохранении

категориальной принадлежности объекта, как в (2). Таким образом, потребность в изменении категоризации — лишь один из факторов, влияющих на употребление *этот*. Укажем некоторые другие факторы.

1. Естественнее всего *этот* сочетается с существительными — названиями категорий, т.е. с именами натуральных классов, артефактов и с другими первичными именами: *этот человек, эта книга*. Если же объект назван существительным, смысл которого предполагает заполнение той или иной семантической валентности (отглагольным именем, ср. *изобретатель, преследование*, или не отглагольным, ср. *отец, длина*), то его идентификация осуществляется — предпочтительно или даже исключительно — через идентификацию его актанта: *длина этого отрезка*, а не **эта длина*. Вообще вторичные наименования, т.е. наименования с помощью имен номинальных классов, даже без актантов (например, для людей — через указание профессии, см. Головачева 1979), меньше склонны сочетаться с указательным местоимением, см. (1), чем первичные имена. Существительные типа *факт, положение, ситуация, вопрос, случай* и под. активно сочетаются с *этот*: они имеют семантический актант "содержание" (ср. неполноту фраз *Обсуждался вопрос, Интересен факт*), и *этот* — наиболее естественное средство выражения этого актанта (ср. громоздкое *тот факт, что; такое положение, когда; вопрос, состоящий в том*).

2. Группа вида *этот X* показывает, что принадлежность объекта к категории X существенна для ситуации, описываемой данным предложением: *этот X* означает, что объект рассматривается на фоне других объектов категории X; между тем скрытоопределенная ИГ употребляется в чисто референтном назначении, когда категориальная принадлежность объекта несущественна, как в (1), где слово *поэт* — классификатор (т.е. близко по употреблению к местоимениям), или как во фразе *Я поделила мир на поэта и всех, и выбрала — поэта* (Цветасва), где *поэт* — просто Пушкин. *Этот* не употребляется, если объект исключен из категории, к которой он принадлежит в силу своего названия, потому что играет особо важную роль для участников речевого акта, т.е. если он обладает повышенной степенью выделенности в общем поле зрения участников речевого акта (о выделенности, *salience*, см. Lyons 1978:247, Hajičova, Vrbova 1982); ср. пример из Головачева 1979:

- (9) а. Хочу поговорить о *Вашем* сыне. Мальчик стал плохо учиться;
б. Хочу поговорить о *Пете Петрове*. *Этот* мальчик стал плохо учиться.

Отсюда же вытекает и невозможность *этот* в составе именных групп, которые в силу своего смысла предназначены для обозначения единичных индивидуализированных объектов, — собственных имен и определенных дескрипций. Если *этот* употребляется в таком контексте, то только в несобственном значении, см. Ревзин 1973а.

Употребление *этот* может стимулироваться принадлежностью объекта не к категории, а к множеству, сложившемуся в конкретной ситуации. Ср. *Меня провели в следующую комнату. В этой комнате раньше жила прислуга; Слон посмотрел на детей, взяв хоботом*

старшего ... и посадил его к себе на шею. И слон стал слушаться *этого мальчика* (эта комната, поскольку слово *следующую* намекает на множество комнат; *этот мальчик*, поскольку в тексте фигурирует множество детей). Само употребление *этот* может порождать такое множество: в *этом* приезде означает, что были другие приезды (см. Вольф 1974: 126).

3. Из того, что *этот* требует рассмотрения данного объекта на фоне других представителей той же категории или множества, вытекает еще один запрет: *этот* невозможно, если в общем поле зрения имеется несколько объектов разных категорий, обладающих максимальной степенью выделенности (см. Падучева, 1973а), например: (10) У костра сидели мужчина и женщина. Женщина (**Эта женщина*) подобрала ноги под юбку, засунула кисти рук в рукава пальто. Здесь принадлежность объекта к соответствующей категории уже достаточна для его идентификации, так что главный акцент — на самом факте принадлежности к данной категории; между тем семантика слова *этот* требует акцента на соотношении объекта с другими объектами той же категории.

4. Самый естественный антецедент для группы *этот X* — такой, который вводит объект в общее поле зрения говорящих: антецедент должен обозначать новый объект (как правило, это неопределенная ИГ, см. Головачева 1979). Если антецедент — определенная ИГ, то анафор чаще будет скрытоопределенной группой, чем указательной.

Отсюда следует, в частности, тот факт, что указательное местоимение, в отличие от местоимения 3-го лица и от скрытоопределенной ИГ, не может использоваться для длинной серии упоминаний объекта (см. Падучева 1973а, Вольф 1974, с. 117): уже после первого употребления *этот* объект индивидуализирован, извлечен из множества себе подобных, и дальше местоимения не требуется (ср.: *Ей позвонил какой-то незнакомый человек. Она сказала, что не может с ним разговаривать. Человек спросил...*).

5. Следующее ограничение существенно для нереферентных антецедентов (родовых, универсальных, экзистенциальных): отсылка к такому антецеденту с помощью группы *этот X* возможна лишь при условии, что *этот* соответствует подразумеваемому рестриktivному определению при общем имени X. Так, в (11) *этот* просто компенсирует опущенное определение; в (12) *этот* компенсирует расширение объема понятия при переходе от вида к роду; в (13) *этот* выражает то ограничение объема понятия, которое задается самой пропозицией: *этот дым* = 'тот дым, который выдыхают заводы и шахты'. Между тем, в (14), (15) *этот* невозможно, поскольку понятия, выражаемые общим именем в анафоре и в антецеденте, равны по объему:

(11) Точность аргументации особенно важна в естественных науках.

Для этих наук недоказанные утверждения не имеют смысла.

(12) Дельфины превосходно ориентируются в воде. Удивительна ловкость этих животных.

(13) Заводы и шахты выдыхают дым. Этим дымом мы дышим.

(14) Не давайте ребенку мелочных предписаний. Ребенок (**Этот ребенок*) сам должен построить для себя картину мира.

(15) Если *слона* дразнить, *слон* (**этот слон*) может разозлиться.

Если *этот* употребляется в нерестриктивной функции, то оно имеет несобственное значение: У ней ... много любви к к о м ф о р т у, много умения доставлять себе э т о т к о м ф о р т (Тургенев).

7. Особого рассмотрения требует позиция контрастного начала. Без контраста фраза (а) *Во дворе есть собака* понимается как близкая по смыслу к фразе (б) *В этом дворе есть собака* (*во дворе* = *в этом дворе* = 'в том единственном дворе, который находится в центре внимания говорящих, т.е. з д е с ь'). Однако в позиции контраста эти фразы расходятся: фраза (а') *Во дворе! собака есть* \ получает семантический добавок 'а в других местах — здесь же — нет', а фраза (б), произнесенная с контрастным началом, не получает такого добавка: (б') *В этом дворе! собака есть* \. Таким образом возникает соотношение: вне контрастного начала возможна скрытоопределенная ИГ, которой при контрасте соответствует указательная.

То же самое при рематическом контрасте:

(16) <Под диваном был найден *молоток*.> а. Возможно, *молоток* был орудием убийства; б. Возможно, орудием убийства был *этот молоток*.

Другие примеры, когда предпочтение указательной группы объясняется позицией рематического контраста¹:

(17) Они увидели *парк* и решили погулять в *этом парке*.

(18) Маша купила *щуку*, и мы решили отнести ему *эту щуку*.

8. В числе факторов, влияющих на употребление *этот*, имеются и синтаксические.

а) Сказуемое-прилагательное способствует опущению *этот*:

(19) <Иван сбил *собаку*.> а. *Собака* была глухая; б. *Эта собака* жила в соседнем доме.

Абсолютный запрет на *этот* — в адъективных предложениях с подлежащим, имеющим предикативный антецедент:

(20) Он остался один. *Положение* было безвыходное ⇐ *Это было безвыходное положение*; В чем причина? *Вопрос* непростой ⇐ *Это непростой вопрос*.

В (8) аналогично: *Работа* была срочная ⇐ *Это была срочная работа*.

б) *Этот* в составе подлежащего больше склонно к опущению, чем в любой другой синтаксической позиции:

(21) <Они переехали в большой каменный дом на Гороховском.> а. Я хорошо знаю *этот дом*. б. Дом мне хорошо известен.

(22) <Он был в новом черном *костюме* и галстук бабочкой.> а. *Этим нарядом* он хотел нас поразить. б. *Наряд* шел к нему как нельзя больше.

(23) <Ему подарили *бульдога*.> а. Из-за *этого бульдога* он не может поехать на юг; б. *Бульдог* стал главным членом семьи.

Возможное объяснение такого распределения состоит в том, что

¹ Другое объяснение — что употребление *этот* в примерах типа (17), (18) вызвано соображениями однозначности (см. Вольф 1974, с. 145): ИГ без детерминатива, не будучи в начальной позиции, может быть понята как родовая или неопределенная.

подлежащее, в отличие от других членов предложения, особенно дополнений, в начальной позиции не требует контрастной интонации.

Фактор подлежащего действует и при отсутствии антецедента:

(24) <Он продал машину.> а. *Деньги* были ему кстати; б. На *эти деньги* он купил дачу.

(25) <Мы с приятелем ехали на дачу.> а. *Дорога* зеленела на всем протяжении; б. По *этой дороге* я еще никогда не ездил.

(26) <Больной уснул.> а. *Ночь* прошла спокойно; б. *Эту ночь* мы запомнили надолго.

Вообще *этот* в позиции подлежащего при отсутствующем антецеденте если и возможно, то только в условиях свободного стыка (см. п. 9); нормальное подлежащее — скрытоопределенная ИГ:

(27) а. Ограблен банк. *Грабители* скрылись; б. Вышел роман из жизни шахтеров. *Этот автор* уже известен нашим читателям.

9. Один из главных факторов, влияющих на выбор между указательной и скрытоопределенной группой, — характер стыка между предложениями, в состав которых входят антецедент и анафор. Стык может быть жестким (он допускает скрытоопределенную группу) и свободным (он требует указательной). Жестким является стык между предложениями, описывающими одновременные или смежные во времени действия или состояния одного и того же объекта, см. (28а). Свободный стык — это стык, сбивающий повествование переходом к прошлому, к будущему, см. (28б), или обращением к фактам, не имеющим временной локализации, см. (29) (роль фактора времени отмечена в Головачева 1979):

(28) <За рекой расстился луг.> а. На *лугу* паслись коровы; б. На *этом лугу* в прошлом году паслись коровы.

(29) За рекой расстилается луг. На *этом лугу* обычно пасутся коровы.

Скрытоопределенная группа употребляется, таким образом, в ситуации, когда два предложения относятся к одному и тому же временному срезу объекта (о срезах см. § IV.7); указательная — когда требуется вернуться от такого среза к объекту в его пространственно-временной целостности. Ср. еще примеры:

(30) <Входит женщина.> а. Я смотрю на *женщину*; б. Я знаю *эту женщину* (*женщину).

(31) <Мы подходим к небольшому дому.> а. Двери *дома* открыты; б. *Этот дом* построен в начале века.

(32) <За поворотом начинался лес.> а. В *лесу* мы увидели лося; б. В *этом лесу* водились лоси.

В следующем тексте 2-я фраза сбивает временной план повествования переходом в будущее, и употребляется указательная группа, а 3-ья синхронна 1-й, и достаточно скрытоопределенной ИГ: *Сколотил он своими руками домишко над берегом Волги, к нему пристроил келлейку... В этой келлейке и рожусь я в свое время. Келлейка, собственно говоря, предназначалась для Февронии Трофимовны* (Петров-Водкин).

То, что скрытоопределенная ИГ предпочтительна при интродуктивном типе 1-го предложения, объясняется тем, что интродуктивность фиксирует временной срез объекта, ср. *Подходит ко мне на*

улице человек в темных очках. Человек (*Этот человек) просит прикурить.

З а м е ч а н и е. Распределение функций между указательной группой и скрыто-определенной (или группой с определенным артиклем) при анафорической отсылке, хотя и имеет много общего в разных языках (см. Вольф 1974: 122), совпадает не во всем. Ср. примеры различий между русским и чешским, приводимые в Adamec 1980: *Otdaíte mne písmo* — *Dejte mi ten dopis*; *Сейчас же оставьте машину* — *Okamžitě nechte to auto*.

§ 2. МЕСТОИМЕНИЕ ЭТО

Слово *это* принадлежит к числу трудных загадок как для лексикографов (Молотков 1960), так и для синтаксистов (Булаховский 1938: 292), стилистов и специалистов по разговорной речи. Оно привлекает не только лингвистов, но и логиков (Russell 1940) и математиков (см. об этом Иванов 1979: 95).

В словарях субстантивное *это* трактуется как форма ср. рода указательного местоимения *этот*, употребляемая "в значении существительного", т.е., очевидно, в тех же синтаксических функциях, что существительное. Однако реальный набор синтаксических употреблений субстантивного *это* настолько не вытекает из этой характеристики (т.е. так мало сходен с употреблениями существительного), что представляется более естественным рассматривать субстантивное *это* отдельно от указательного местоимения *этот*.

Функционирование местоимения в предложении определяется двумя параметрами: 1) синтаксические употребления; 2) собственно местоименные функции. Синтаксические употребления *это* подробно описаны (см. Падучева 1982в). Приведем здесь только два примера.

I. Местоимение *это* может употребляться как обычное субстантивное слово ("как существительное"):

(1) Прототипы героев находились тут же рядом, и *это* не могло не сковывать исполнителей; После *этого* он уехал; *Это* было чистой случайностью; Вот на *это-то* и нужно сделать главный упор.

II. Местоимение *это* может употребляться в качестве одного из главных компонентов биноминативного предложения, и в этом своем употреблении *это* ведет себя не так, как существительное. БП с *это* характеризуются особым поведением связочного глагола: если в БП один из главных компонентов — *это*, то связочный глагол согласуется не с ним, а с другим главным компонентом, например:

(2) *Э*то б ы л дурной знак; *Э*то б ы л а ошибка; *Э*то б ы л и волки. Что касается собственно местоименных функций, то *это*, как и указательные местоимения вообще, либо указывает на предмет или ситуацию, находящуюся перед глазами говорящего (д е й к т и ч е с к о е *это*) — пример (3), либо отсылает к предмету или ситуации, упомянутой ранее (а н а ф о р и ч е с к о е *это*) — примеры (4), (5):

(3) "Откуда у тебя *это*?" спросила женщина, указывая на подарок; Иван вернулся домой к утру. "*Это* безобразие", — сказала жена.

(4) Инспектор ходил по классу, ничего не говоря, а *это* был дурной знак; Иисуса ... на самом деле никогда не было в живых. Вот на *это-то* и нужно сделать главный упор; Вдруг — *это* было на мгновенье — будто облачко скользнуло по его лицу.

- (5) Какое мне дело до твоих страстей! Плевать мне на *это*; Бабка говорила, что лучше всего съездить на святое место. *Это* где-то там, за горами.

Имеется явление, которое в Lyons 1978 называется "текстовой дейксис". Так, в известном *Человек!* *Э т о* звучит гордо местоимение *это* не отсылает к слову *человек* как к кореферентному, а обозначает само *это* только что прозвучавшее слово, т.е. употребляется дейктически.

Между чистым дейксисом и чистой анафорой имеется ряд промежуточных возможностей. Пример (6) демонстрирует то, что в § 1 было названо "анафорой без антецедента". У *это* в (6) нет антецедента. Но текст, предшествующий местоимению, вводит имплицитно, т.е. не называя, в общем поле зрения говорящих объект, который и обозначается словом *это*:

- (6) Наконец показывается первая лодка. — *Это* Юра; — Подождите! — прислушиваясь, сказала Сашенька. — *Это*, кажется, Егор.

Большую роль играют в таких случаях метонимические связи — между лодкой и сидящим в ней человеком, между человеком и звуком его шагов или другими признаками его присутствия в общем поле зрения говорящих.

О других употреблениях, промежуточных между дейксисом и анафорой, см. Bolinger 1973, Gensler 1977.

Антецедент *это* может не составлять цельной синтаксической группы и вообще быть размытым и неопределенным (Здоровов 1976). В реплике князя *Разве это возможно?* в одной из последних сцен (часть 4, гл. VIII) романа "Идиот" для восстановления содержания отсылки нужна чуть ли не целая глава.

Антецедент *это* чаще всего предикативный, т.е. как в примере (4). Есть, однако, и такие употребления, где антецедент у *это* субстантивный, т.е. именная группа, как в (5). Для отсылки к антецеденту — именной группе обычно употребляется местоимение 3-го лица, так что контексты, где предпочтительным оказывается *это*, заслуживают особого внимания. Ниже мы рассмотрим основные случаи таких употреблений.

А. Местоимение *это* является единственным способом отсылки к антецеденту — субстантивированному прилагательному, пример (7), и номинализованному предложению, пример (8) (разрядкой выделено *это* и антецедент или синтаксическая вершина антецедента):

- (7) Теперь *последнее*, что я хотел сказать. *Это* не относится к проблеме залога; — Вы требуете *невозможного!* — А вы сделайте, чтобы *это* стало возможным.
- (8) *То*, что вы рассказываете, бесспорно было в действительности. Но *это* так необыкновенно, что догматик Стравинский вам, конечно, не поверил; Я понимаю, *что* ты имеешь в виду, но не считаю, что *это* так ужасно (*это* = 'то, что, как я понимаю, ты имеешь в виду').

Ср. нарушение этого запрета, явно сознательное: *Ему, видимо, хотелось договорить т о, что он начал. О н о было ему слишком к сердцу* (Толстой. "Казаки").

В. Местоимение *это* часто вытесняет местоимение 3-го лица при отсылке к антецеденту — отпредикатному имени²:

(9) Мы стремимся к созданию искусственных мембран. *Это* позволит использовать энергию солнечного света; Многое зависит от правильного распределения памяти. Именно *это* делает программу хорошей или плохой.

Местоимение *это* употребляется для отсылки к антецеденту — отпредикатному имени прежде всего в том случае, если в контексте своего подчиняющего глагола субститут *это* должен стать обозначением факта (а не процесса, действия, состояния, события; см. об этом противопоставлении, в частности, Арутюнова 1980б). Таковы, например, контексты *это* позволяет, помогает, мешает, вызывает, делает, заставляет, способствует, обеспечивает, приводит к, объясняется, свидетельствует и т.д. То же самое в контекстах, где субститут местоимения должен обозначать несовершившийся факт, т.е. возможность, ср. *требуется этого, настаивает на этом, убежден в этом, возражает, восстает против этого* и т.д. Пример (10) показывает, что чередование *это* с местоимением 3-го лица может порождать смысловое противопоставление:

(10) В течение 200 лет шла борьба римлян с кельтами. И именно она способствовала возвышению Рима (*это* способствовало = 'тот факт, что борьба шла в течение 200 лет'); Приезд Анны взволновал хутор. Весь день только об *этом* (≠ о нем) и говорили (об *этом* = 'о том, что приехала'; о нем = 'о тех или иных обстоятельствах приезда').

Такие существительные, которые обозначают только факты, например *существование*, практически не могут быть антецедентами других анафорических местоимений, кроме *это*:

(11) Докладчик подчеркнул *существование* разногласий между странами, но признал, что *это* не может помешать выработке эффективных соглашений; В 1964 году 30% американцев были убеждены в *существовании* заговора против Кеннеди. Сегодня в *этом* убеждены уже 80%.

То же касается существительных, образованных от полуслужебных глаголов:

(12) Проведение диалога между этими странами становится неизбежным. *Этого* требует большинство членов Совета Безопасности; Они вынуждены были пойти на заключение мира: *это* давало возможность выиграть время; Грюдо выступал против предоставления самостоятельности провинциям, считая, что *это* грозит утратой целостности Канады.

Если существительное-субститут обозначает не факт, а действие, процесс или состояние, то местоимение *это* либо вообще невозможно, либо возможно наряду с местоимением 3-го лица:

²Об ограниченной возможности местоимений 3-го лица заменять отглагольные и отадаективные существительные упоминает П. Адамец (1973). Однако в приводимых им примерах (*ее оказывает <помощь>, его испытывает <уважение>*) местоимение 3-го лица не кажется запрещенным.

- (13) *Обсуждение* этой проблемы не ограничивается узким кругом специалистов. Теперь к *нему* привлечена широкая общественность; Именно *борьба* с кельтами способствовала возвышению Рима, в конце концов выигравшего *ее*; Резолюция не ставилась на *голо-сование*: оно было отложено.

В частности, только местоимение 3-го лица (а не *это*) употребляется в контексте полуслужебных глаголов, диагностирующих процессные существительные (*оказывает, испытывает, ведет <борьбу>, применяет, проводит, прекратил, начал, продолжает* и т.д.):

- (14) Мы неоднократно обращались к нему за *помощью*, и он нам *ее* оказывал; Одному сыну свойственно необычайное *уважение* к старшим, а другой не испытывает *его* вовсе; Требовали *расследования*, но он не стал *его* проводить; Что касается *борьбы* с эпидемическими заболеваниями, то они ведут *ее* уже много лет.

Отступают от этого семантического правила распределения некоторые предлоги, в частности *до, после, вместо, против*: в контексте этих предлогов для отсылки к антецеденту — отпредикатному имени употребляется местоимение *это*, хотя предложная группа соотносится с событием, а не с фактом:

- (15) Никакого *лечения* не проводилось. Вместо *этого* больных обрекали на медленную смерть; *Исправление* ошибки занимает полминуты, и после *этого* программа включается в очередной пакет; Выходом было бы *строительство* дамб. Против *этого*, однако, решительно возражают крестьяне, опасаясь за безопасность своих жилищ.

Местоимение 3-го лица может вытесняться местоимением *это* по сочетаемостным соображениям: если невозможно сочетание глагола с существительным-субститутом (**сделал поступление, *занимался содействием, *заклучение мира произошло*), то невозможно и сочетание с местоимением 3-го лица; а на *это* запрет не распространяется:

- (16) Он приехал в Москву для *поступления* на работу, но сделать *этого* не смог; Его задачей было *содействие* беженцам. *Этим* он занимался два года; Они требовали *заклучения* мира, но *этого* не произошло.

Сочетаемостные ограничения действуют и в примере (17) — субстантивированное прилагательное не может образовывать БП с местоимением 3-го лица (**он самое трудное*):

- (17) Что касается *выбора* названия, то *это* самое трудное (ср. допустимое ... *то о н труднее всего*).

Перейдем теперь к таким контекстам, где антецедент *это* не только синтаксически субстантивный, как в случаях А и В, но и семантически предметный.

§ 3. МЕСТОИМЕНИЕ ЭТО С ПРЕДМЕТНЫМ АНТЕЦЕДЕНТОМ

Среди многих других употреблений, слово *это* употребляется как местоимение в анафорической функции для отсылки к антецеденту, обозначающему предмет или лицо³. Например, во фразе *Мать посмотр-*

³Большой материал, относящийся к этому явлению, приводится в Бабайцева 1971.

рела на женщину — это была Самойлова антецедент это — слово женщине. Местоимение это с предметным антецедентом представляет особый интерес, поскольку в контексте предметного антецедента местоимение это вторгается в компетенцию местоимений 3-го лица. Действительно, казалось бы, для отсылок к предметному антецеденту служит в русском языке местоимение 3-го лица. Между тем есть контексты, в которых употребление местоимения 3-го лица для отсылки к предметному антецеденту недопустимо, а единственным способом отсылки является местоимение это. А в других контекстах возможны оба местоимения, но с разницей в значении. Таким образом, распределение ролей между это и местоимениями 3-го лица должно способствовать более ясному пониманию функций не только первого, но и последних.

Мы начнем с описания условий употребления местоимения это, что поможет потом выявить его значение.

1. Условия употребления

Основной контекст, в котором это широко употребляется для отсылки к предметному антецеденту, — это контекст биноминативно-го предложения, т.е. предложения, образованного двумя именными группами в им. падеже, со связкой или без связки⁴.

Подчеркнем, что речь идет не вообще о предложении с именным (или именным составным) сказуемым, а именно о предложении, где оба компонента — существительные в им. падеже: при предикативе в тв. падеже местоимение это в сочетании со словами предметного значения не употребляются (*Это был большой дом, но *Это было большим домом*), а во всех употреблениях с тв. предикативным (например: *Это было неожиданностью, открытием, катастрофой, мукой, радостью, радостным событием, загадкой, причиной*) это имеет не предметный антецедент, а событийный или фактивный.

Обнаруживается несколько синтаксически или семантически формулируемых условий, при которых отсылка к предметному антецеденту требует в составе БП местоимения это, а не он, она, оно, они. Условия, фигурирующие в нижеследующем перечислении, не обязательно взаимоисключают одно другое, поскольку перечень имеет целью не просто указать имеющиеся возможности, а оттенить разные аспекты значения местоимения.

1. Это является единственным возможным местоимением в роли I компонента (начального) в БП, выражающем субстанциальную идентификацию (о субстанциальной идентификации, в противоположность таксономической, см. Арутюнова 1976а: 307). В таком предложении II компонент (рема) — это всегда референтная ИГ, как правило, определенная. Примеры:

(1) Человек подошел поближе, и я увидел, что это Егор Яковлевич;

⁴Все БП это может иметь предметный антецедент, только если отсылка не просто выражает кореферентность, а имеет значение обобщения, т.е. это — 'все это' или 'это и подобное'; например, *Керамика — это модно*; ср. также пример (5) из § 2.

Лицо его похудело, и только ... по знакомой улыбке можно было узнать, что *это* Дымов.

- (2) Тут *одно слово* заставило его вздрогнуть, и *это* было слово шизофрении; За песчаной прибрежной полосой синела выпуклая кривизна озера. *Это* был Исык-Куль.

То, что для местоимения *это* существен именно контекст предложения идентификации, показывает следующий пример:

- (3) И под решетку Патриаршей аллеи выбросило на булыжный откос *круглый темный предмет*... *Это* была отрезанная голова Берлиоза. У Булгакова на месте многоточия фраза: *Скотившись с этого откоса, он запрыгал по булыжникам Бронной*, где местоимение *он* имеет тот же антецедент *круглый темный предмет*. Предложение *Это была отрезанная голова Берлиоза* осуществляет идентификацию круглого темного предмета, и здесь употребляется *это*; между тем в предложении *он запрыгал по булыжникам Бронной* говорится о событии с круглым темным предметом как таковым, и здесь используется местоимение 3-го лица.

Если БП не выражает идентификацию, а содержит предикатив, указывающий качество, дополнительный признак предмета, обозначенного подлежащим, то употребляется не *это*, а местоимение 3-го лица:

- (4) Ты подыграйся к тетушке, *она* женщина богатая (Островский).

Более того, БП с подлежащим *он*, даже тогда, когда его II компонент — имя собственное, т.е. ИГ, изначально предназначенная для референтного употребления, не выражает идентификации; так, в (5) речь идет о бытии Пугачевым как об обладании определенным набором свойств:

- (5) Мы уже зачарованы *Пугачевым* из-за того, что *он* — Пугачев (Цветаева).

В примерах типа (1) — (3) замена *это* на местоимение 3-го лица невозможна — ни с сохранением биноминативной конструкции, ни с переводом II компонента в тв. падеж⁵. В частности, в примере (6) замена *это* на местоимение 3-го лица невозможна потому, что здесь *это* по смыслу скорее предикатив (о том, что *это* иногда "скрывает за собой сказуемое", см. Арутюнова 1976а: 320), а *он, она* понимается как подлежащее:

- (6) У Афродиты есть *посланник*, через которого она выполняет свою волю. *Это* ее сын (не 'посланник является ее сыном', а 'посланником является ее сын'); *Исключение* одно. *Это* тетка Соллогуба — Васильчикова (не 'исключение является теткой', а 'исключением является тетка').

Существенно, чтобы БП выражало идентификацию доселе не идентифицированного лица или объекта, т.е. такого, которое индивидуализируется для говорящих в первую очередь своей ролью в разворачивающейся ситуации, а не само по себе. Если речь идет о выявлении

⁵Такой перевод может сопровождаться семантическим сдвигом (подробную сводку материалов по вопросу о семантических различиях между *им.* и *тв.* предикативным см. в работе Рословец 1970), который, однако, в данной связи, как правило, несуществен.

какой-то новой ипостаси уже известного лица, то будет употреблено личное местоимение:

(7) Дядя сидел на кухне. Я вошел и сел против *него*... — Ваша карьера окончена, подполковник Штауберг, — сказал я отчетливо... Не знаю, откуда я взял, что *он* (**это*) подполковник Штауберг (Искандер).

Местоимение в БП идентификации может быть 3-го лица, если местоимение входит в состав контрастной ремы предложения (см. Paducheva 1979):

(8) В послевоенное время я познакомился с молодой женщиной — *Ольгой И.* Она и есть \ Лара (= 'Лара — это она'; ср. **Она Лара*); За спиной *фашизма* стоят *монополии*. Они и есть главный союзник империализма.

В правильной местоименной конструкции в *это* ИГ-антецедент удовлетворяет определенным требованиям. В самом простом и частом случае антецедент местоимения *это* — неопределенная ИГ и рема своего предложения:

(9) У нейтронной бомбы появился еще один *адвокат*. *Это* Мортон Каплан из Чикаго; Как вдруг впереди нас мелькнула *женская фигура*... — А ведь *это* Ася!; — Я пришел через две недели и был принят *какой-то девицей* со скошенными к носу от постоянного вранья глазами. — *Это* Лапшенникова, секретарь редакции.

Однако в целом существенно не рематичность и не неопределенность антецедента, а особая характеристика, не сводимая к уже известным противопоставлениям: ИГ-антецедент должна соотноситься с объектом, который "только что" введен в общее поле зрения говорящих и известен только по одному—двум внешним признакам. Местоимение *он* вместо ожидаемого *это* в примере (7) обусловлено тем, что объект (дядя) "давно" находится в поле зрения говорящих. А в (10) антецедент *это* — определенная ИГ и тема, но местоимение употреблено правильно:

(10) У окна сидел *человек* ... *Человек* спокойно нарезал яблоко кружочками в стакан. *Это* был Егор Яковлевич.

С другой стороны, существенно, чтобы объект, обозначаемый антецедентом, занимал центральную позицию в общем поле зрения говорящих; это условие нарушено в (11), где 1-я фраза не имеет интродуктивного характера:

(11) а. Во время разговора с *приезжим* он не переставал думать о ней. **Это* был дюжий мужик; б. С работами моего ученика вы, вероятно, незнакомы. **Это* Коля Сидоров.

Введение в рассмотрение часто осуществляется с помощью слов типа *появился, увидел, виднеется, вошел, стоит* и под. Однако в целом формальные показатели здесь разнородны и отрывочны. Предложение с отрицанием обычно не вводит объекта в рассмотрение; так, в (12а) *это* употреблено правильно, а в (12б) — нет.

(12) а. Я поговорил с *одним вашим сотрудником*. *Это* Коля Сидоров; б. Я не успел поговорить с *одним вашим сотрудником*. **Это* Коля Сидоров.

Не вводят объекта именные группы в нереферентных употреблениях:

(13) а. Нам нужны *какие-нибудь проводники*. **Это* жители соседних

селений; б. Говорят о *золотых жилах Южной Африки*. *Но *это* не алмазные копи, не залежи урана.

Интересно, что идентифицирующее предложение с *это* не может быть прямым ответом на вопрос *Кто?*, поскольку *кто* не вводит в рассмотрение объекта:

(14) — Кто твой учитель музыки? — *Это Джоунз;

— Кто убил Мартина Лютера Кинга? — *Это Джеймс Рей.

Иначе говоря, *это* не может иметь "антецедентом" вопросительное местоимение. В примере (15), который на первый взгляд кажется исключением из этого правила, в (б) *это* не анафорическое, а дейктическое: в значение *это* входит здесь весь широкий контекст, находящийся перед глазами говорящих, а в (а) *это* — частица.

(15) а. — Кто разбил стекло? — Это Коля; б. — Кто там стоит у палатки? — Это Боб.

Референтность ИГ и ее соотнесенность с индивидуализированным лицом может быть и сугубо контекстной. Так, в (16) вопрос имеет целью идентифицировать, а не квалифицировать объект, хотя ИГ *композитор* не имеет внешних признаков референтности и определенности:

(16) — Вы Берлиоза знаете? — *Это ... композитор?* (= 'Это композитор Берлиоз?').

Идентификацию может, впрочем, осуществлять и неопределенная ИГ:

(17) Энрике узнал *нового узника*: *это* был один товарищ по партии.

2. В биноминативном предложении, выражающем таксономическую идентификацию, или категоризацию объекта⁶, т.е. отнесение его к натуральному классу (о понятии натурального класса см. Quine 1969; Schwartz 1979; о категоризации — Чейф 1982, Brown 1958), тоже, как правило, I компонент не местоимение 3-го лица, а *это*.

Категориальные имена (типа *женщина*, *мужчина*, *человек*, *дерево*, *книга*, *город*) выражают сущностные свойства объекта, которые не могут измениться без того, чтобы объект перестал быть самим собой. В состав предикатива могут при этом входить, помимо категориального, другие слова, в том числе оценочные, субъективные, ср. предикатив *не самый приятный город* в (3), *демоническая женщина* в (4). В примере (1) ниже *женщина* — категориальное имя, и потому единственное возможное местоимение — *это*; а *коммунист* — нет, и потому здесь допустимо местоимение 3-го лица (о возможности *это* в таком контексте см. раздел 3):

(1) а. Об *авторе* этой песни известно, что *это* (*он, *она) женщина;

б. Об *авторе* этой песни известно, что он (*это*) коммунист.

Можно различить следующие разновидности антецедентов, вызывающих коммуникативную потребность в последующей категоризации: а) антецедент называет объект с помощью собственного имени, в смысл которого не входит отнесение к натуральному классу (примеры (2), (3)); б) антецедент называет объект через его функцию, времен-

⁶Об этом типе предложений — предложениях таксономической предикации — см. Арутюнова 1980а.

ную манифестацию, случайную характеристику и т.д. (примеры (4), (5)); в) антецедент называет объект, причисляя его к весьма общей категории (предмет, животное), которая нуждается в конкретизации (примеры (6), (7)):

- (2) Промысловой стороной управляет *Ингрид*. *Это* женщина лет пятидесяти.
- (3) А в "*Метрополе*" чудесные номера, *это* первоклассная гостиница; Они живут в *Ванкувере*. *Это* не самый приятный город; Хочу, что бы вы приняли командование *Тауэром-3*. *Это* буксирное судно.
- (4) На самом деле он больше всего боялся нашего *завуча*. *Это* была демоническая женщина; Шарфшлер попытался расколоть моего *агента* в концерне Герлинга. Хотя *это* была женщина, она отказалась что-либо ему рассказывать.
- (5) Еще более экзотическое *приспособление* есть у некоторых видов ныряющих уток. *Это* третье веко; Я принес тебе *подарок*. *Это* шагающий утенок.
- (6) Анна посмотрела на *ребенка*. *Это* был мальчик.
- (7) Дженсен вычислил габариты *животного* и установил, что *это* был брахиозавр; Недавно рабочие в парке рубили *дерево*. *Это* был колоссальный каштан.

Впрочем, категоризация возможна и в случае "полноценного" антецедента, если местоимение входит в состав предложения с нереальной модальностью:

- (8) Над *каналами*, как будто *это* улицы, висят лампочки для освещения "*проезжей части*"; Мы очутились перед естественной каменной *стеной* необыкновенной высоты. Можно было подумать, что *это* навсегда окаменевший водопад.

Предикатив, включающий слова типа *человек, мужчина, женщина* и т.д. (но не сводящийся к этим словам), является таксономическим, только если отнесение объекта к натуральному классу не вытекает из его предшествующих номинаций, как это и имеет место в (4). Так, в (9) БП не таксономические, и допустимость *это* здесь объясняется иначе, см. раздел 3.

- (9) На следующий день *приезжий* снова появился в конторе. *Э о (он)* был высокий мужчина лет тридцати; Я посмотрел на его *спутницу*. *Это* была невысокая женщина; Он разглядывал *солдат*. *Это (они)* были воронешские ребята; *Приказчик* явился: *это (он)* был человек лет под сорок.

3. Местоимение *это* — единственный способ отсылки к антецеденту, который является неопределенным местоимением (или вопросительным местоимением в изъяснительном придаточном). Такое предложение всегда выражает идентификацию — субстанциальную, как в (1), или таксономическую, как в (2):

- (1) *Кое-кто* из нас здесь лишний в этой квартире. И мне кажется, что *это* именно вы; ... *один из нас* непременно будет убит. Я желаю, чтобы *это* были вы.
- (2) Собака *что-то* несла в зубах. Вскоре мы увидели, что *это* кукла; Утверждая, что *нечто* является зеленым, мы подразумеваем, что *это* физический объект; У Чика в глазах *что-то* по-

плыло. Он не уверен, что *это* были именно круги. Одно лишь в доме было сделано крепко: *это* были дверные пружины.

Когда антецедентом местоимения служит неопределенная именная группа, субститут местоимения всегда не равен антецеденту, а пополняется за счет предложения-контекста, фиксирующего референт, см. § VII.1. Так, в примере *Я нашел в чулане ружье. Оно было заряжено* субститут для *оно* не 'ружье', а 'ружье, которое я нашел в чулане'. Особенность местоимения *это* состоит, однако, в том, что здесь антецедент в формировании субститута может не участвовать вовсе, заменяясь относительным местоимением. Так, во фразе *Я желаю, чтобы это были вы* из (1) субститут для *это* не 'один из нас', а 'тот, кто будет убит'. Другие примеры:

(3) Одна женщина купила на базаре *мех* драгоценного животного, а через некоторое время, когда краска облезла, оказалось, что *это* шкура ее собственной собаки (*это* = 'то, что одна женщина купила на базаре'); Говорят, что на печати министерства финансов Таиланда изображен *сокол*. Возможно, что *это* какая-то другая птица (*это* = 'то, что изображено'); Я как бы слагал *речь*, которую готовился сказать с трибуны. А может быть *это* были строки и абзацы статьи (*это* = 'то, что я слагал').

Разумеется, если антецедент — определенная ИГ, то такие перефразировки невозможны:

(4) Ипполит Матвеевич сразу узнал *свой стул*. Да! *Это* был гамбровский стул, обитый ... английским ситцем в цветочках (*это* ≠ 'то, что Ипполит Матвеевич сразу узнал').

В отличие от местоимений 3-го лица, *это* допустимо в ситуации, когда антецедент в поверхностной структуре отсутствует. Так, в (5а) *это* отсылает к подразумеваемому субъекту неопределенно-личного сказуемого. Скорее всего, неопределенный антецедент подразумевается и в (5б), где *шаги* = 'чьи-то шаги':

(5) а. Стучали негромко, но требовательно. *Это* был Егор Яковлевич;
б. С трапа слышались шаги. *Это* был один из членов команды.

Вне биноминативного предложения любая местоименная отсылка к неопределенному местоимению возможна лишь ценой отхода от стандартного словоупотребления. Так, в (6б) отсылка представляет своего рода цитату (см. Вежбицкая 1982), а предложение (6а) отступает от литературной нормы (местоимение 3-го лица в таком контексте заведомо недопустимо):

(6) а. У Чика в глазах *что-то* поплыло. Почему-то *это* всегда называют кругами (Искандер); б. В квартире уже был *кто-то*, и *этот кто-то* явно его раздражал.

Местоимение *это* может быть единственным средством отсылки, если антецедент — универсальная или родовая ИГ:

(7) Праздник может выпасть на *любой день недели*. Если *это* (*он) понедельник, то девушку нарекают Корага (*это* = 'тот день недели, на который в рассматриваемый момент выпал праздник'); Смех возле *умирающего*, даже если *это* (*он) Колчерикий, не слишком уместен.

4. Для выяснения соотношения между *это* и местоимением 3-го

лица в других, не идентифицирующих контекстах существенно провести границу между именами лиц и именными группами, которые соотносятся с неодушевленными объектами (точнее, с не-лицами). Статистический факт состоит в том, что если антецедент не является именем лица, то личное местоимение в составе БП употребляется довольно редко. Так, в (1), (2) в сходных условиях с личным антецедентом местоимение 3-го лица допустимо, пример (а), а с неличным, пример (б), возможно только *это*:

(1) а. Вспомните *Теркина*. *Это* был отличный парень (*Он* был отличный парень; *Он* был отличным парнем); б. Вспомните *Фру-Фру*. *Это* была отличная лошадь (**Она* была отличная лошадь; **Она* была отличной лошадью).

(2) а. Женись на *Гражине*. *Это* (она) хорошая девушка; б. Поезжай в *Воронеж*. *Это* (*он) хороший город.

Однако БП с местоимением 3-го лица при неодушевленном антецеденте все-таки допустимы:

(3) *Буддизм* в Таиланде представляет значительную политическую силу: он государственная религия; Потом мы приехали в *Иран* — он был тогда совсем другое государство; Будьте осторожны с водородом: он самый опасный газ.

(4) Я ценю *храбрость*. Она необходимое следствие ума; *Печь* занимала важное место в крестьянском быту. Она была не только источник тепла; Я не против *самолюбия*, оно источник всего великого; Мы из селения *Саенчай*. Оно как бы столица племени.

(5) Ваша *тоска* означает желание избавиться от своей личности. Она — тюрьма, в которой вы сидите; Для нас, полинезийцев, *каноз* не просто средство передвижения. Оно сердце нашей культуры.

В (3) предикатив — *государство, религия, газ* — классификатор для антецедента, быть может, с тем или иным эпитетом (термин "классификатор" употребляется в соответствии с работой Падучева 1967а); в (4) предикатив указывает функцию объекта, обозначенного антецедентом, — *следствие, источник*; широко распространены слова в переносном употреблении, см. (5). Везде, однако, наряду с местоимением 3-го лица возможно и *это*. Между тем обратная замена *это* на местоимение 3-го лица в контексте неодушевленного антецедента часто невозможна, см. (16), (26).

В случае антецедентов — имен лица возникает (в контекстах, где допустимы оба местоимения) ощутимое различие по степени знакомства с упоминаемым лицом, по продолжительности его существования в общем поле зрения говорящих или по степени индивидуализации:

(6) а. Для полной последовательности я и с *сестрой* перестал здороваться. Вообще она была какая-то сонная \ девушка;

б. Я познакомился с ее *сестрой*. *Это* была какая-то сонная девушка.

(7) а. Я *деда* твоего знаю. Он хороший \ человек; б. Тут еще *безбородый один*, заметил ты? *Это* — злой человек.

(8) Мысленно он звал на помощь *Кулубека*. *Это* (он) был единствен-

ный человек из всех, кого знал мальчик, кто мог бы одолеть Орозкула.

(9) В кузове грузовика на деревянном тигре восседала *девушка*. Она была (*это* было) главное действующее лицо шествия.

(10) Николай приехал к своему *соседу* помещику. *Это* (он) был старый кавалерист-холостяк, лошадиный знаток, охотник.

В случае неодушевленных имен смысловые различия слабее, хотя иногда их можно ощутить и здесь:

(11) Вспомните "*Вальс свечей*". В мое время *это* был гимн окончания школы (ср. *В мое время он был гимном окончания школы*).

Существование противопоставления по личности/неличности подтверждается различным поведением местоимения в контексте вопросов с *кто* и *что*. При *что* возможно только местоимение *это*, ср. *Что это?* и **Что он (она, оно)?*, пример: — *Его уход не демонстрация. — Так что же это (*он)?* Между тем, при *кто* возможны два вида местоимений, причем оба могут употребляться в предложении со значением идентификации:

(12) — Я сын *Фаины*. — А *кто она* такая? (или: *А кто это* такая?).

5. Местоимение *это* полностью вытесняет местоимение 3-го лица в контексте, где предикатив включает в себя антецедент в качестве своей части:

(1) Кити таила от *матери* свои новые взгляды и чувства. Она таила их не потому, что она не уважала, не любила *свою мать*, но только потому, что *это* была ее мать.

(2) Лежа на животе, мальчик примерял *бинокль* к глазам. *Это* был сильный полевой бинокль; Можно позавидовать *славе* этих людей. *Это* подлинная слава; *Деньги* эти были выручены за его вещи. *Это* были его деньги.

В тексте *Покажи мне камень, который строители отбросили! Он — краугольный камень* местоимение *он* вместо *это* — явная стилизация.

6. Семантическую потребность в местоимении *это* порождает контекст предиката пропозициональной установки (в примерах ниже этот предикат выделен разрядкой):

(1) *Привидение*, пройдя в отверстие в трельяже, беспрепятственно вступило на веранду. Тут все увидели, что *это* — никакое не привидение, а Иван Иванович Бездомный, известнейший поэт.

(2) Собака шла через реку и, увидев свое *отражение* в воде, подумала, что *это* какая-то другая собака; Перед поединком Пушкин написал известное *письмо* на имя гр. Бенкендорфа (Щеголев предполагал, что *это* письмо к Нессельроде).

Особый контекст составляют, однако, предложения "самоомнения", где субъект высказывает мнение о себе самом. В этом контексте, даже для выражения идентификации, употребляется только местоимение 3-го лица, см. § VII. 1:

(3) а. И в подтверждение того, что *она* — Красавка, *лошадь* медленно повернулась в нашу сторону; б. *Лошадь* повернулась, и мы увидели, что *это* Красавка.

- (4) — Что это за *птица*? — Я-то наверняка знаю, что *это* галка, а вот ей самой *кажется*, что *она* орел.
- (5) а. *Авдеенко* думает, что *он* лебедь; б. Смотри, как *Авдеенко* выгнул шею. Можно подумать, что *это* лебедь.

В контексте предикатов, выражающих ложное мнение, допустимо смысловое противопоставление местоимения *это* и 3-го лица, которое состоит в следующем: местоимение 3-го лица означает, что одному и тому же объекту приписываются, в составе мнения и в действительности, разные свойства; а *это* — что в мнении и в действительности фигурируют разные объекты. Пример:

- (6) а. В нашем дворе жила *медсестра*. Звали ее тетя Соня. Почему-то все мы тогда считали, что *она* доктор; б. Вошла *медсестра*. А мы подумали, что *это* доктор (= '... что тот, кто вошел, — доктор').

В (а) расхождение мнения с действительностью касается не существенных признаков объекта, а только вторичных его свойств: давшая женщина *медсестра* или врач; а в (б) ошибка в том, что одно лицо принято за другое. Это противопоставление невозможно, однако, в качестве минимального: различные местоимения возможны лишь при различных референциальных свойствах антецедентов. Действительно, в (а) ИГ *медсестра* обозначает объект, который занимает устойчивое положение в общем поле зрения участников акта речи; а в (б) — объект, "только что" в него введенный, т.е. новое лицо.

7. Местоимение *это*, вместо ожидаемого местоимения 3-го лица, в сочетании с предикатными словами оценочного или квалифицирующего значения может означать, что объект (обычно лицо) не просто обладает теми или иными качествами или функциями, а становится персонификацией указанных своих качеств или функций. В этом случае местоимение 3-го лица тоже возможно, но с иным значением:

- (1) *Геккери* на все способен: *это* ($\neq$ он) человек без чести и совести; *Антипа* вырезал интересные вещи. *Это* ($\neq$ он) был настоящий мастер.

К тому же классу можно отнести примеры типа (2). Значение персонификации усиливается здесь первой частью конструкции *не... а* (*не кот, не ребенок*), которая, формально, выражает исключение объекта из свойственной ему категории, но употребляется, конечно, в переносном смысле:

- (2) *Кота* надо высесть. *Это* не кот, а бандит; Посмотри на моего ребенка. *Это* не ребенок, а ангел

Не все оценочные предикаты допускают, однако, такое употребление:

- (3) *Чукчи* не любят путешествовать. *Они* (**это*) домоседы; или: *Они* (**это*) чудаки.

8. Местоимение *это* употребляется в контексте категориальной несовместимости антецедента с предикативом, т.е. когда антецедент и предикатив различаются, например, по одушевленности, по числу, по абстрактности/конкретности и т.д. (о понятии категориальной несовместимости см. Martin 1970):

- (1) Что отварные порционные *судачки*! Дешево *это* (*они), милый Амвросий; Когда про *две функции* можно сказать, что *это* (*они)

одна и та же функция? Лет 50 назад в Ниле еще были крокодилы до 8 м длиной. Сейчас это редкость; Что же касается ассоциативного метода построения моих сочинений, то это лично мое.

В примерах (2), (3) в предложении (а) нет категориальной несовместимости, и местоимение 3-го лица допустимо; в (б) есть, и употребляется только это.

(2) а. Что щука! Она (это) же хищник; б. Что щука! Это (*она) же грубая еда.

(3) а. Мне дорого это кольцо. Оно (это) подарок матери; б. В седьмой палате лежит женщина. Это (*она) тяжелый случай.

Помимо содержательных, представляют интерес чисто сочетаемостные аспекты употребления местоимения *это* с предметным antecedентом в БП. В обычном БП различаются два компонента, из которых вторым, рематическим, как правило, является именная группа в предикатном употреблении (см. Падучева, Успенский 1979), т.е. предикатив. Между тем местоимение *это* может употребляться в качестве I компонента в таких БП, где II компонентом является ИГ, не допускающая предикатного употребления, т.е. неспособная быть предикативом (причем само *это* предикативом тоже не является). Отсюда невозможность взаимозамены *это* с местоимением 3-го лица, которое, как всякая обычная ИГ, требует в БП II компонента в предикатном употреблении.

Не допускает предикатного употребления ИГ, которая а) содержит неопределенное местоимение (пример (4)); б) содержит указательное местоимение (пример (5)); в) является дейктическим или анафорическим местоимением (пример (6)); г) содержит приименные частицы (пример (7)):

(4) Это (*он) один молодой прозаик; Это (*она) была какая-то девушка; Возможно, это (*она) какая-то другая продавщица.

(5) Отпустите ее. Это (*она) не та женщина; Ты, папа, наверно, не знаешь бабу, про которую я говорю. Это (*она) не та, которая была, это (*она) другая бабка; Держите его! Это (*он) тот, который украл у доброго человека кобылу.

(6) Здравствуй, белый пароход, это я; — Там была рогатая мать-олениха? — Может быть, это и она.

(7) Это (*он) сам генерал.

Более того, ИГ, однозначным образом предикатная, как правило, не может быть II компонентом в БП с *это*. В примерах ниже в предложении (а) II компонент — денотативно неоднозначная ИГ, и она допускает оба местоимения; а в (б) — однозначно предикатная, и она, при том же antecedенте, исключает употребление *это*:

(8) а. Это (он) повар; б. *Это (он) по профессии повар.

(9) а. Это (он) мой враг; б. *Это (он) для меня враг; *Это (он) мне враг.

(10) а. На Ивана не рассчитывай. Это (он) бездельник; б. *Это (он) не настолько бездельник.

(11) а. Вы про Ивана? Это (он) артист; б. *Это (он) немного артист.

(12) а. Видишь того мальчика? Это (он) студент III курса; б. *Это (он) уже студент III курса.

(13) а. А — с этим <она пошла гулять>! Ведь это (он), кажется, *шут*.
б. Ведь *это (он), кажется, *нечто вроде шута* (пример А.А. Шахматова, см. Шахматов 1941: 154).

Инвертированный порядок слов, характерный для некоторых видов ИГ в предикатном употреблении — *женщина добрая, человек умный*, воспринимается в сочетании с *это* как неестественный, ср. *Она женщина богатая* (пример (4) из раздела 1) и **Это женщина богатая*⁷.

Итак, среди предложений с *это* большой класс составляют такие, в которых II компонент — конкретно-референтная ИГ, а не предикатив; в таких предложениях и I компонент не может считаться подлежащим. Следовательно, они не поддаются синтаксическому членению, свойственному обычным двусоставным предложениям. Что касается предложений с *это*, где денотативный статус II компонента неоднозначен, типа *Это был большой дом*, то невозможность замены им. падежа ИГ *большой дом* на творительный (**Это было большим домом*) показывает, что и здесь II компонент скорее референтная ИГ, чем предикатив. О том же говорит и то, что II компонент определяет согласование связки.

2. Значение местоимения *это*

В основе всех употреблений местоимения *это* лежит следующая ситуация. Антецедент вводит в рассмотрение какой-то объект, сопоставляя ему определенный концепт (в смысле Г. Фреге, см. Фреге 1977). Назначение БП с *это* — в том, чтобы приписать этому объекту, взамен прежнего, другой концепт, носителем которого является II компонент БП (действительно, именно в этом состоит суть идентификации). Но эта смена концептов возможна благодаря тому, что *это* допускает референцию к объекту в отрыве от концепта, связанного с его прошлым наименованием. Отсюда ясно, в чем различие по смыслу между *это* и местоимениями 3-го лица. Местоимения 3-го лица употребляются в ситуации, когда объект не просто упоминается повторно (как это принято считать), а упоминается в презумпции неизменности связанного с ним концепта. Если же говорящий хочет освободить объект от его прежнего концепта, он может назвать объект, не сопоставляя ему никакого концепта вообще — с помощью анафорического *это*. Приведем еще один характерный пример: — *Да что ж сюда не ведут к уму шку-то Пугачева? Или она упрямится? — Что ты это? — сказал я Зурину. Какая кумушка Пугачева? Это дочь покойного капитана Миронова.* В речи Зурина повторное упоминание о капитанской дочке с помощью местоимения *она* естественно, а в речи Гриневой, который не присоединяется к версии о том, что Маша — кумушка Пугачева, возможно только местоимение *это*.

Легко видеть, что значение *это* в анафорическом употреблении в БП в точности совпадает с его значением в дейктическом употреб-

⁷Правда, с некоторыми ИГ оценочного значения, по структуре однозначно предикатными, *это* все-таки употребляется: *Это чистый дьявол; Это формалист до мозга костей; Это совсем еще дитя; Велосипедист свернул на боковую улочку. Это был совсем еще мальчишка.*

лении, когда оно служит для того, чтобы указать объект, не приписывая ему никакого концепта. Как справедливо замечает А. Черч (Черч 1960: 343), указательное (т.е. дейктическое) *это* не приписывает денотату никакого концепта, кроме того, что объект "находится в данное время в данном месте". Очевидно, то же значение (или то же отсутствие значения) сохраняется у *это* и в его анафорическом употреблении с предметным антецедентом в контексте БП.

Что именно из свойств объекта, указанных в предшествующем тексте, входит в его подразумеваемый концепт при упоминании о нем с помощью местоимения 3-го лица, не вполне ясно. Скорее всего это не весь смысл именной группы, которой он назван, а лишь некоторое его ядро, задаваемое вершинным существительным (например, в ИГ *женщина, стоящая у окна*, ядро — *женщина*), Заведомо в это ядро входит таксономическая принадлежность объекта — его натуральный класс, категория.

Нетривиальный аспект семантики местоимений 3-го лица, выявляемый при их сравнении с местоимением *это*, — одно из проявлений более общей особенности наименований объектов в естественных языках. Эта особенность проявляется при сопоставлении естественного языка с логическими и неоднократно привлекала к себе внимание логиков, см., в частности, Freudenthal 1960. Она состоит в том, что в естественном языке наименование объекта обязательно связано с причислением его к какому-то натуральному классу, ср. Brown 1958, Чейф 1982, Арутюнова 1979. Говоря в логических терминах, естественные языки различают множество сортов переменных, со своей областью значений для каждого сорта — что с логической точки зрения совершенно не обязательно: в логических исчислениях используются переменные с универсальной областью значений. Оказывается, что это свойство исходных наименований объекта поддерживается и основным видом анафорических средств — местоимениями 3-го лица: только после того, как объект причислен к тому или иному натуральному классу, становится возможной отсылка к этому объекту с помощью такого регулярного анафорического средства, как местоимение 3-го лица. До этого анафора осуществляется с помощью местоимения *это*, которое отсылает, однако, только к объектам, недавно введенным в поле зрения говорящих.

Предложенное описание значения — и назначения — анафорического *это* позволяет объяснить большинство особенностей его употребления, выявленных в § 3.1. Так, запрет на местоимения 3-го лица в контексте идентификации объясняется тем, что в ситуации, где речь идет о смене концепта, связанного с данным объектом, естественно употребление местоимения, несущего презумпцию неизменности концепта. Показательно, что позиция, запрещенная для местоимения 3-го лица, оказывается отнюдь не запрещенной для указательной группы: *Мать посмотрела на женщину. Эта женщина была Самойлова* (ср. **Она была Самойлова*); *Одно в Царе лишь было худо: Царь этот был осиновый чурбан* (ср. **Он был осиновый чурбан*); *Один из нас здесь лишний, и мне кажется, что этот лишний — Вы* (ср. ... **и мне кажется, что он — Вы*).

Аналогичным образом объясняется роль *это* при таксономической идентификации; особое распространение *это* в контексте предикатов пропозициональной установки; возможность употребления *это* с antecedентами — неопределенными местоимениями; употребление *это* в контексте, где предикатив дублирует antecedент, и в контексте категориальной несовместимости. Особенности структуры II компонента в биноминативном предложении с *это* (который является, скорее всего, не предикатной, а референтной группой) тоже находят естественное объяснение: то содержание, которое входит в концепт объекта, должно быть выражено референтной ИГ, а не в предикатной форме.

Подводя итог, можно сказать, что анафорические возможности местоимения *это* характеризуются размытостью. Разрушается граница между субстантивным и предикативным antecedентом, вполне отчетливая для местоимений 3-го лица. Разрушается также граница между анафорой и дейксисом: оказывается возможной отсылка к объекту, неявно введенному в рассмотрение в предшествующем тексте, но не упомянутому в нем эксплицитно. Если же *это* используется для отсылки к индивидуализированному объекту, этот объект теряет свой концепт.

Глава IX

ВОЗВРАТНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Возвратное местоимение — одно из интересных поприщ для применения идей теории референции. По крайней мере в историческом плане возвратные местоимения сыграли принципиальную роль в обращении лингвистов к теории референции, поскольку именно они способствовали осознанию лингвистической ценности понятия кореферентности — первого из понятий теории референции, внедрившихся в лингвистику.

Об отношении кореферентности упоминается в Chomsky 1965, где говорится, что в предложениях типа *Ворон к ворону летит* две лексически тождественных составляющих — *ворон* и *ворону* — с обязательностью должны интерпретироваться как имеющие различные референты, поскольку в случае тождества референтов необходимо заменить вторую из составляющих на возвратное местоимение. Иначе говоря, здесь в явном виде был сформулирован тезис о том, что возвратные местоимения выражают кореферентность двух именных составляющих (в терминах Хомского — "тождество референтов"); ср. понятие тождества упоминаемых объектов в Падучева 1965 и денотативного тождества в Падучева 1966.

В работах трансформационного направления обычно предполагается, что значение и употребление возвратных местоимений (ВМ)

полностью и адекватно описывается трансформацией рефлексивизации. Однако это может быть лишь в предположении, что рефлексивизация — это обязательная трансформация. Между тем есть многочисленные контексты, где рефлексивизация не обязательна, причем между возвратным и личным местоимением можно обнаружить, хотя бы и трудноуловимые, различия — смысловые или какие-то еще; ср.:

(1) Я не хотел становиться обузой для моих ($\neq$ своих) родителей, Опять этот Фернандо с его ($\neq$ своими) вечными капризами.

В таком случае либо рефлексивизация не может работать как чисто синтаксическое правило (а должна принимать во внимание эти почти неуловимые семантические обстоятельства), либо она не служит исчерпывающим с исанием той роли, для которой предназначил русский язык свои возвратные местоимения. С другой стороны, имеются употребления ВМ, которые если и могут быть представлены как результат трансформации какой-то более исходной структуры, то во всяком случае не трансформации рефлексивизации:

1) Возвратное местоимение может возникать как "побочный продукт" трансформации расщепления предиката на полуслужебный глагол и отпредикатное имя (см. Апресян 1974, с. 45):

(2) а. Его вмешательство подействовало $\Rightarrow$ б. Его вмешательство оказало *свое* действие;

(3) а. Царь обратил внимание на Гончарову $\Rightarrow$ б. Гончарова обратила *на себя* внимание царя.

2) Местоимение *свой* может возникать при специальной трансформации, заменяющей связку *быть, являться* на одно из служебных употреблений слова *иметь*:

(4) а. Основанием ощущения является впечатление $\Rightarrow$ б. Ощущение имеет *своим* основанием впечатление; а. Биссектрисой угла является луч $\Rightarrow$ б. Угол имеет *своей* биссектрисой луч (см. Падучева 1974: 241).

К последнему соотношению близки примеры типа:

(5) б. Одна такая волна вынесла на *своем* гребне идею создания туристического заповедника $\Leftarrow$ а. Гребень одной такой волны вынес идею создания туристического заповедника.

Есть, кроме того, ВМ, которые вообще не имеют отношения к трансформациям. Прежде всего это большой класс фразеологических связанных употреблений, входящих в устойчивые сочетания. Здесь ВМ не может быть заменено без кардинального изменения смысла сопутствующих лексем ни на какое другое слово; ср. *представлять себе, строить из себя, взять на себя, выйти из себя, вывести из себя, уйти в себя, чувствовать себя, вести себя, сам по себе, ему не по себе, сам не свой*. (Огромное количество фразеологизмов с ВМ на фоне практически отсутствующих устойчивых сочетаний с местоимениями 3-го лица — это само по себе интересный семантический факт.)

Еще более убедительным аргументом в пользу того, что возвратные местоимения могут быть не связаны с трансформациями, служат противопоставления типа

(6) а. У меня есть работа; б. У меня есть *своя* работа.

Тезис А.М. Пешковского — "возвратное местоимение ... опирается в своем значении на личные местоимения" (Пешковский 1938: 168) — относится только к основному употреблению ВМ, в котором оно, действительно, противопоставлено личному местоимению. Однако в таких употреблениях, как (66), где ВМ противопоставлено значимому отсутствию местоимения, оно не является результатом ни рефлексивизации, ни какой-либо другой трансформации. Здесь *свой* — просто лексема, имеющая свою семантику.

В то же время все возвратные местоимения имеют много общего в синтаксических условиях употребления (как известно, весьма жестких). Учитывая эти обстоятельства, мы принимаем дескриптивный, а не трансформационный подход к описанию употребления и семантики ВМ: ставится задача выявления смысла и законов употребления уже употребленных ВМ. Слово "рефлексивизация" мы применяем нетерминологически, в значении "употребление — в данной позиции — возвратного, а не личного местоимения".

Дескриптивное описание возвратных местоимений должно дать ответ на следующие вопросы: 1) В каких синтаксических позициях допустимо употребление ВМ? 2) Чему кореферентно данное ВМ в данном своем употреблении, т.е. каков его антецедент? 3) Какие дополнительные значения выражает ВМ (помимо указания на объект через отсылку к другому его упоминанию, занимающему определенную синтаксическую позицию в предложении, т.е. помимо указания на объект как на тождественный тому, который находится в определенной синтаксической позиции)?¹

С самого начала следовало решить, на какой уровень представления предложения должно быть ориентировано описание. Наиболее наглядным оказалось описание, применяемое к поверхностной синтаксической структуре, пополненной некоторыми "глубинными" сведениями. А именно, необходимы сведения о тех семантических актантах слова, которые в некотором исходном его употреблении выражаются с помощью подлежащего, а в прочих выражены иначе или вообще не выражены. Для этого вводятся понятия субъектного и подлежащего семантического актанта.

Понятие субъектного семантического актанта основано на предпосылке о том, что в наборе семантических актантов лексемы, как правило, имеется один, который еще на досинтаксическом и докоммуникативном уровне, т.е. только в силу лексической структуры предназначен быть центром внимания². Субъектным семантическим актантом, или семантическим субъектом лексемы (словоформы), является тот из семантических актантов, который в исходном, т.е. для глагольной

¹ По отношению к возвратным местоимениям особенно уместно замечание Г.Фреге о том, что значение имени — это способ его отсылки к предмету (см. об этом А. Черч 1960).

² Предполагается, что семантика "центра внимания" выражается — по-разному — на трех уровнях: в лексическом значении слова, в залоге и в коммуникативной структуре предложения. Понятие субъектного актанта отражает только 1-й уровень.

лексемы — в предикативном, не пассивном, употреблении данной лексемы выражается подлежащим (Падучева 1974: 223). Семантический субъект лексемы, в нашем понимании, не зависит от ее грамматической формы и синтаксического употребления: семантическим субъектом лексемы во всех ее употреблениях является один и тот же семантический актанта. Так, у слова *осуществлять* семантический субъект — тот, кто осуществляет; он выражен во фразе (1) *Машина осуществляет все расчеты словом машина*, во фразе (2) *Все расчеты осуществляются машиной* — словом *машиной*. Семантический субъект не зависит от коммуникативной организации предложения; во фразе (3) *Все расчеты осуществляет машина* он будет тот же, что в (1).

Для лексем, имеющих не предикатное употребление, но производных от глагола, иерархия семантических актантов задается производящей глагольной лексемой. Так, у слова *уважение* субъектом является тот же семантический актанта, что и у слова *уважать*, — это уважающее лицо: в сочетании *мое уважение* семантический субъект слова *уважение* выражен словом *мое*.

Мы говорим, что данное слово (или группа) в предложении выражает семантический актанта другого слова только если оно является синтаксическим актанта этого слова, т.е. если оно ему синтаксически подчинено. Так, в сочетании *ребенок, уважающий родителей* слово *ребенок* не выражает семантического субъекта причастия, хотя про слово *ребенок* можно сказать, что оно проясняет семантический субъект подчиненного причастия.

Подлежащим семантическим актанта словоформы, или семантическим подлежащим, называется тот семантический актанта, который выражается подлежащим при переводе словоформы в предикативное употребление без изменения залога. Семантическое подлежащее — это характеристика, важная прежде всего для неличных форм глагола, т.е. для причастий, деепричастий и инфинитивов, поскольку у них семантическое подлежащее не выражается с помощью подлежащего и, в случае пассивной формы, не совпадает с семантическим субъектом. Так, у слова *осуществленные* в сочетании *расчеты, осуществленные машиной* семантический субъект проясняется словом *машиной*, а семантическое подлежащее — словом *расчеты* (у слов *осуществляет, осуществлены* семантическое подлежащее совпадает с обычным).

От семантического субъекта и семантического подлежащего как разновидностей семантических актантов лексемы или словоформы следует отличать различные виды подразумеваемых подлежащих — подразумеваемое 'ты', 'вы' сказуемого в императиве, подразумеваемое 'я', 'мы' сказуемого в 1-м лице (*Уйду не дрогнув*), подразумеваемое 'люди' + 'неопределенность' или 'люди' + 'универсальность' при неопределенно-личном сказуемом (*Его уважали, Цыплят по осени считают*), а также подразумеваемые подлежащие в эллиптических конструкциях (*Он_i не пришел, потому что Он_i занят*). Содержание семантического субъекта лексемы *уходить* — 'тот, кто уходит', а не 'я'.

Синтаксическая структура предложения мыслится как представленная в виде обычного дерева подчинения, размещенного (см. Падучева 1964; Гладкий 1973). Соглашения относительно представления структуры предложений с однородными членами — в соответствии с Падучева 1974: 170. Используется также обобщенное подчинение (там же, с. 256): при обобщенном подчинении в предложении *Книга и журнал лежат на столе* два подлежащих.

Помимо понятия подчинения, т.е. непосредственного подчинения, используется понятие почти непосредственного подчинения (Падучева 1974: 257). — это такое не непосредственное подчинение, при котором посредниками служат, из неслужебных лексем, только существительные. Например, во фразе *Множество натуральных чисел содержит все делители всех своих элементов* слово *содержит* почти непосредственно подчиняет себе слово *элементов* и слово *своих*:

Еще одно синтаксическое понятие, которое активно используется в дальнейшем, — это понятие редуцированной диатезы (Падучева 1977а): слово в данном своем употреблении имеет редуцированную диатезу, если для одного из его семантических актантов соответствующая синтаксическая валентность запрещена, т.е. если соответствующий синтаксический актант не только отсутствует, но и не может быть добавлен без утраты правильности предложения.

Редуцированная диатеза возникает у лексемы в таком контексте, где один ее актант с обязательностью совпадает с некоторым другим термом той же конструкции. Например, во фразе *Иван оказал поддержку товарищу* слово *поддержку* имеет редуцированную диатезу — бессубъектную (ср. **Иван оказал поддержку Петра товарищу*); субъект запрещен, поскольку он фиксирован подлежащим *Иван*. Редуцированную диатезу имеют слова *внимание*, *основание*, *биссектриса*, *гребень* в примерах (26) — (56). Источником редуцированной диатезы является также посессивная группа (Падучева 1974: 235); так, слово *план*, имеющее, вообще говоря, субъектную валентность ("Кто планирует?"), ср. *план Маршала*, теряет ее в контексте посессивной группы, ср. *План Ивана прост* и **План Ивана у Петра прост*.

Редуцированная диатеза отличается от эллипсиса тем, что актант, опущенный при эллипсисе, может быть восстановлен без нарушения правильности предложения (ср. *уважение к родителям* и *уважение ребенка к родителям*). Актанту, опущенному при эллипсисе, соответствует — на каком-то уровне представления предложения — нулевой анафорический знак, а запрещенному актанту слова в редуцированной диатезе — нет.

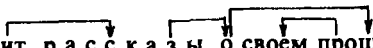
Мы используем принятый в трансформационной грамматике термин "контроллер" для обобщенного обозначения: 1) антецедента местоимения или нулевого анафорического знака; 2) семантического актанта, который служит для местоимения аналогом антецедента;

3) именной группы, или термина³, который проясняет тот или иной семантический акт у неличной глагольной формы или слова в редуцированной диатезе.

Ниже в § 1 — 7 описываются семь основных контекстов, в которых допустимо употребление ВМ. О возвратных местоимениях с косвенным антецедентом см. Падучева 1983б. Основной принцип употребления ВМ в русском языке состоит в том, что они обязательны везде, где возможны (Падучева 1974: 261). Однако из этого общего правила имеются показательные исключения, которые рассматриваются в § 8, специально посвященном семантике ВМ. О роли одушевленности см. Падучева 1983б.

По возможности оставляется в стороне проблема выбора между субстантивным и притяжательным ВМ, т.е. между *себя* и *свой*: условия употребления обоих ВМ можно формулировать одинаково, только в случае *себя* некоторое условие должно соблюдаться для самого слова *себя*, а в случае *свой* оно должно соблюдаться для существительного, которое его почти непосредственно подчиняет, ср.:

(9) а. Он любит себя;

б. Он любит расказы о своем прошлом.

Далее, естественно, что если подчиняющее слово не существительное, то ВМ может быть только субстантивное: *Он возненавидел себя*; *У себя в комнате*; а при подчиняющем существительном выбор определяется правилами употребления притяжательных местоимений и составляет особую проблему (ср. *Англичане — большие почитатели себя, своих привычек, но Онуважает своих почитателей, Он сам свой боцман*).

Разумеется, в некоторых случаях по логике вещей *себя* и *свой* должны рассматриваться по отдельности; например, рефлексивность в субстантивно-адъективной цепочке (§ 4) определена только для *себя*; рефлексивность в именной цепочке (§ 6) — только для *свой*.

Ситуации, когда бы выбор "возвратность—невозвратность" зависел от выбора "субстантивность—притяжательность", маловероятны. Ср., впрочем, пример (10), где субстантивное местоимение предпочтительно личное, а притяжательное — возвратное:

(10) а. Я не поблагодарил Вас за избрание *меня* в попечители библиотеки (Чехов. Письма); б. Я не поблагодарил Вас за *свое* избрание (ср. *Я не поблагодарил Вас за избрание *себя*).

При *себя* и *свой* могут быть связанные с ними слова: местоимения *сам*, *самый* — *самого себя*, *сам себя* — и прилагательное *собственный* — *свой собственный*. Слово *сам* вносит эмфазу, маркируя один из компонентов предложения как центр эмпатии говорящего, см. § 8; *собственный* подчеркивает один из аспектов значения

³ Терм — то же, что именная группа (именная составляющая) в субстантивном употреблении, т.е. не в составе именного сказуемого.

свой. Иногда допустимость ВМ ощутимо зависит от наличия в предложении этих слов. Однако эта проблема здесь оставлена в стороне: употребление ВМ считается допустимым, если оно возможно хотя бы в таком сочетании. В частности, не рассматриваются смысловые противопоставления, связанные с различной позицией эмпатического *сам*, ср. *Ей надо самой позаботиться о себе* $\neq$ *позаботиться о себе самой*; *Он губит самого себя* $\neq$ *Он сам себя губит*. Не рассматривается и влияние *сам* на однозначность соотнесения возвратного местоимения с антецедентом (о соответствующей роли английского *self* см. Чехов 1979).

§ 1. СОПРЕДИКАТНОСТЬ С ПОДЛЕЖАЩИМ

В русском языке имеется несколько разновидностей синтаксических соотношений между двумя ИГ в предложении (или между ИГ и ее идеальным аналогом — семантическим актантом), которые в случае кореферентности ИГ характеризуются как рефлексивность одной ИГ (*y*) относительно другой (*x*), т.е. как возможность, а иногда и обязательность, "замены" группы *y* на возвратное местоимение с антецедентом или контроллером *x*. В грамматиках принято сводить эти различные рефлексивные конструкции к одной, что дает по существу бессодержательную формулировку, которая заведомо не может рассматриваться как правило употребления ВМ.

А.В. Исаченко (1966) приводит "известное правило", регулирующее употребление местоимений *себя*, *себе*, *собой* в русском языке, "согласно которому всякое дополнение обязательно заменяется возвратным местоимением, если референт дополнения и подлежащее того же предложения идентичны". Ясно, что это правило слишком грубое, чтобы стоило удивляться, что оно иногда не работает: во фразах *Мне необходимо достать себе билет*, *Я посоветовал сыну купить себе велосипед* ВМ есть, хотя условие не выполняется, а во фразах **Я вернул взятую собою из библиотеки книгу*, *Я велел секретарю принести мне подписанное мною письмо* условие выполняется, а ВМ употреблять нельзя или не обязательно (примеры из Исаченко 1966).

Главный путь уточнения правила употребления возвратных местоимений в русском языке состоит в том, чтобы признать существование нескольких рефлексивных конструкций, в чем-то похожих одна на другую, но не сводимых воедино без утраты содержательности описания. Первая рефлексивная конструкция — сопредикатность с подлежащим.

Определение 1. Терм *y* сопредикатен терму *x*, если *x* — подлежащее при сказуемом *P*, а *y* подчинен тому же *P* (а именно, является при нем дополнением или обстоятельством) или почти непосредственно подчинен этому *P*⁴.

Если *y* сопредикатно *x*, то *y* может быть возвратным местои-

⁴ Отношение сопредикатности асимметрично: если *y* сопредикатно *x*, то неверно, что *x* сопредикатно *y*.

нением с антецедентом *x* (что будет означать, что *x* и *y* кореферентны). В примерах ниже сказуемое *P* выделено разрядкой; местоимение и его антецедент — курсивом; кореферентные связи местоимения иногда показаны индексами:

- (1) Ты, Моцарт, недостоеин сам себя; Он уронил себя в наших глазах, обокрал себя, презирает себя, облил себя грязью, облил себя водой, вспрыснул себя одеколоном, окружил себя сомнительными лицами, любит себя собой, запас себе продовольствия; Он ошибся и скомпрометировал себя; Пессимист ругает всех, кроме самого себя; Левин ... никогда не сближал этих научных выводов о происхождении человека как животного ... с вопросами о значении жизни и смерти для себя самого; Я нашел некоторые его письма к себе.
- (2) Это известная венгерская фирма, которая, знакома советским любителям спорта по своим электротабло; Облака каждое мгновение меняли форму своих изорчатых краев; Матвей засунул руки в карманы своей жакетки.

Сказуемое *P* может иметь произвольный вид, допустимый для сказуемого в русском языке, т.е. быть глагольным, составным именным и составным глагольным (отметим, что в грамматиках обычно сочетания с субъектным инфинитивом считаются глагольным сказуемым, а сочетания с объектным инфинитивом трактуются иначе, что поведением ВМ вполне оправдывается). Пример ВМ при составном глагольном сказуемом:

- (3) Левин хотел сказать брату о своем намерении жениться.

Имеется ряд обстоятельств, препятствующих употреблению ВМ в позиции предикатности с подлежащим.

1. Союзы *чем* и *как*. Общее ограничение на рефлексивизацию в русском языке состоит в том, что она действует только в пределах одного и того же простого предложения; т.е. не может быть, скажем, так, что антецедент находится в главном предложении, а ВМ в придаточном. Казалось бы, именные составляющие, вводимые подчинительными союзами *чем* и *как*, могут трактоваться как компоненты простого предложения. Однако употребление ВМ показывает, что это не так: предложения с *чем* и *как* расчленяются подчинительным союзом на две части, главную и подчиненную, и употребление ВМ в подчиненной части определяется синтаксической позицией термина в структуре этой подчиненной части, дополненной главной частью как анафорической поддержкой⁵. Так, в (4), (5) ВМ недопустимо, поскольку в структуре подчиненной части этот терм — подлежащее:

- (4) *Он умнее, чем свой отец ("исходная" структура подчиненной части — 'его отец <умнее>'), пример из Chvany 1974: 117;
- (5) *Я думаю как своя мать (ср. 'моя мать <думает>').

В то же время в (6) ВМ допустимо:

- (6) Я люблю его как своего сына (ср. '<я люблю> своего сына');

⁵ Ср. в этой связи трактовку союзов *как*, *чем* как сочинительных в Tesnière 1959: 351.

Значение объекта всегда предстает как замкнутое в себе (ср. '<значение> замкнуто в себе')⁶.

2. *Предложения идентификации.* Имеется большая литература, посвященная предложениям идентификации и их отличиям от предложений субъектно-предикатной структуры (см. Арутюнова 1976а). Оказывается, что предложения идентификации отличаются еще и тем, что не допускают употребления ВМ во 2-й части с антецедентом в 1-й; в субъектно-предикатных биноминативных предложениях рефлексивизация производится по общему правилу, ср. предложения идентификации в (7) и субъектно-предикатные в (8):

(7) Петя — вылитый его (*свой) отец; Для нас Пушкин — это не только его (*свои) стихи;

(8) Петя сам себе начальник; Он сам был своим иллюстратором.

3. *Обстоятельства мнения.* В принципе обстоятельства, даже и обособленные, могут содержать ВМ так же, как и дополнения:

(9) Он, из-за *своей* бедности, гостей принять не может; Несмотря на всю *свою* ловкость, он находился почти постоянно на самом рубеже нищеты (Тургенев).

В примере (10) в обособленном обороте употреблено личное местоимение, но возвратное тоже возможно:

(10) И уж, конечно, они нам завидовали про себя, несмотря на все их презрение к нам (Достоевский).

Есть, однако, один тип обстоятельств, которые накладывают абсолютный запрет на ВМ — это обстоятельства мнения:

(11) По воспоминаниям *его*, учителей, Гагарин, был способным учеником (пример из Болла, Палл, Папп 1968); Новиков, по *его* собственному выражению, вел себя там скандально; По *моему* глубокому убеждению, я бы и одна справилась с этой задачей; Согласно *его* завещанию, он был похоронен на деревенском кладбище; По *ее* собственному убеждению, она была неотразима.

Во многих работах (например, Veugens 1978) случаи отклонения от правила рефлексивизации, подобные приведенному, объясняются ссылкой на глубинную структуру, в которой два упоминания объекта не сопредикатны. Однако отсутствие глубинной сопредикатности кореферентных термов еще не служит препятствием к рефлексивизации. В данном случае дело, видимо, в том, что обозначение субъекта мнения не может быть зависимым от имени того лица, о котором высказывается мнение (о ВМ как зависимом имени см. в работе Падучева 1983б).

4. *Приложения.* Возвратные местоимения не употребляются в составе аппозитивного оборота (т.е. в составе приложения) — особенно если он служит для уточнения референта предшествующей ИГ — так сказать, для идентификации личности:

(13) С детства слышала я рассказ про цыганку, *мою* (*свою) кормилицу; Я увидел там пожилого человека, *моего* дальнего родственника; Обедал <я> у Суденки, ... товарища колостой

⁶ Подобную интерпретацию эллиптических сравнительных конструкций см. в Савина 1980.

жизни *моей* (Пушкин); Взгляните на все оком *доброго человека*, т.е. *Вашим собственным оком*.

5. *Глагол в страдательном залоге*. Если глагол-сказуемое имеет форму страдательного залога, так что его подлежащее не выражает субъекта, то употребление ВМ требует соблюдения дополнительного ограничения. А именно, ВМ не может быть при таком сказуемом агентивным дополнением:

(14) * Лучший брадобрей был выбрит *самим собой*; *Он был побежден *самим собой*, обманут *самим собой*.

Возможный источник запрета — конфликт между структурой кореферентных связей и семантикой "центра внимания", выражаемой залогом: в данном случае при мене залогом центром внимания остается то же самое лицо, поэтому страдательная конструкция работает здесь вхолостую и лишается смысла.

Что касается притяжательных ВМ, то их употребление в составе агентивного дополнения при пассивном сказуемом допустимо, только рефлексивизация перестает быть обязательной:

(15) Я был разбужен *своим* соседом, *своим* собственным храпом; Он был убит *своим* собственным сыном; Рембо не был оценен *своими* (*его*) современниками; Преступник не был изолирован от *своих* (*его*) сообщников.

В составе других членов предложения *свой* тем более допустимо:

(16) Робот может подвергаться наказанию за *свои* (*его*) действия; Пушкин был сослан *в свое* (*его*) имение (пример из Болла, Палл, Папп 1968); Человек тотчас же как бы ставится этой фразой на пьедестал в *своих* собственных глазах (Достоевский); Момент этот был отыскан и нам указан поэтому во всей *своей* страшной правде (Достоевский): Я был поднят со скамьи и возвращен в *свой* номер.

Во всяком случае, пассивное подлежащее — несравненно более удовлетворительный антецедент для *свой*, чем глубинно эквивалентное ему прямое дополнение:

(17) а. Иван был введен в заблуждение *своей* собственной терминологией;

б. Ивана ввела в заблуждение *его* собственная (**своя*) терминология.

(18) а. Иван был уволен, несмотря на *свою* добросовестность;

б. Ивана уволили, несмотря на *его* (**свою*) добросовестность.

Употребление *свой* при пассивном сказуемом ограничено в основном рамками одушевленного подлежащего — при неодушевленном предпочтительно местоимение 3-го лица; но это влияние неодушевленности подлежащего, а не страдательного залога сказуемого (см. о влиянии неодушевленности в Падучева 1983б).

(19) Каждый элемент разбиения заменяется на *его* (?*свой*) образ; Физиологические и физические процессы сопоставляются друг с другом по *их* эффективности; Местоимение заменено на *его* субститут; Переменная заменяется на *ее* значение; Предложение рассматривается вместе с *его* синтаксической структурой; Поэма

названа именем *ее* главного героя; Работа оценивается по *ее* результатам.

Подчеркнем, что во всех приведенных примерах антецедентом ВМ является именно подлежащее, а не группа, выражающая семантический субъект. Антецедент-субъект, не являющийся подлежащим, описывается в § 4.

6. *Промежуточное отпредикатное имя*. Наличие на пути между сказуемым и ВМ отпредикатных имен ситуации с незаполненной субъектной валентностью, как в (20), может препятствовать употреблению ВМ в условиях кореферентности с подлежащим:

(20) Он намекал на возможность использования *его* (*'себя'*) в качестве посредника; Он ссылается на применение *его* (*'своей'*) методики в производстве; Он пострадал за недоступность *его* (*'своего'*) учения толпе.

Отпредикатное имя порождает неоднозначность — ВМ может входить одновременно в рефлексивную конструкцию с сопредикатным подлежащим, по определению 1, и с семантическим субъектом отпредикатного имени (см. § 2):

(21) Она, видела в нем, сожаленье к *себе*_ц, но не любовь.

§ 2. СОПРЕДИКАТНОСТЬ С СЕМАНТИЧЕСКИМ ПОДЛЕЖАЩИМ И С СЕМАНТИЧЕСКИМ СУБЪЕКТОМ

Рефлексивная конструкция — на уровне структуры с выявленными семантическим субъектом или семантическим подлежащим — здесь та же, что в § 1. Разница в том, что для невыраженного семантического актанта надо найти контроллер или же как-то иначе прояснить его содержание (что, строго говоря, к проблеме возвратных местоимений отношения не имеет).

Определение 2. Пусть *P* — словоформа предикатной лексемы, не имеющая подлежащего (инфинитив, причастие, деепричастие, императив, главный член определенно-личного предложения, отпредикатное имя), и *x* — семантический субъект или семантическое подлежащее *P*. Тогда *y* сопредикатен с *x*, если он подчинен или почти непосредственно подчинен этому *P*.

При этих условиях *y* может быть возвратным местоимением с контроллером *x*, что будет означать, что *x* и *y* кореферентны.

Для восстановления реального значения ВМ нужно найти ненулевой контроллер *x*.

А. Контроллеры семантического подлежащего

1) *Причастие и управляющее прилагательное*. Для семантического подлежащего причастия контроллером чаще всего будет определяемое слово, см. (1), а если причастие не присубстантивное, а присвязочное, то подлежащее присвязочного глагола, см. (2). В примерах ниже курсивом выделено ВМ и контроллер семантического подлежащего рефлексивной конструкции.

(1) В журнале помещены фотографии *женщин*, бросивших *своих* детей; Там стояли унылые *дома*, брошенные *своими* вла-

дельцами; значение для нас этого образа, отысканного Пушкиным... и поставленного перед нами ... в бесспорной и величавой духовной красоте *своей* (Достоевский).

- (2) Это *замечание* показалось Алисе не имеющим в себе никакого смысла.

Прилагательное ведет себя так же, как причастие:

- (3) *Верный себе, Зоценко* и в истории подбирает яркие, колоритные случаи.

В ограниченных пределах страдательные причастия допускают рефлексивную конструкцию, в которой ВМ сопредикатно не семантическому подлежащему причастия, а его семантическому субъекту:

- (4) *Он не сдержал* данного себе слова (= 'данного им себе'); *Она снова надела* только что сброшенную с себя шубу; *Он недооценивает* трудность в з т о й на себя задачи.

Ограничения касаются позиции контроллера: это должно быть подлежащее. Ср. недопустимые употребления:

- (5) **Взятая на себя*_i задача оказалась *ему*_j; не по силам; **Меня* вынул *взятый с собой* плащ; **Ее*_i отягощали надетые на *себя*_i украшения; **На фотографии Иван*_i; и построенный для *себя*_i дом.

Исключения типа

- (6) *Его* тяготят взятые на себя обязательства

могут объясняться фразеологичностью сочетания *взять на себя*.

Замечание. Если интерпретировать ВМ в (4) как порождаемое конструкцией сопредикатности с подлежащим — с нарушенным ограничением на вхождение ВМ в причастный оборот, описанным § 4, то нельзя объяснить, почему ВМ при страдательном причастии невозможно, если семантический субъект причастия вообще не упоминается в предложении, как в (7):

- (7) *Он не принял посланных к себе людей.

2) *Деепричастие*. Контроллером для семантического подлежащего деепричастия обычно служит подлежащее, см. (8); более точно — семантическое подлежащее подчиняющего слова: если семантическое подлежащее подчиняющего слова не выражено подлежащим (как в (9), где деепричастие подчинено не личной форме, а инфинитиву), возникает новая задача поиска контроллера семантического подлежащего:

- (8) *Сознавая* полную меру ответственности за свои поступки, я хочу сказать следующее; Не надеясь получить в своем хозяйстве квартиру, *коренные жители* ищут работу на стороне.

- (9) *Ивану*, велели явиться в управление, имея при себе паспорт.

В (9) *Ивану* — контроллер семантического подлежащего инфинитива *являться*; следовательно, это контроллер для семантического подлежащего деепричастия *имея*, а значит и для ВМ.

3) *Инфинитив*. Инфинитив входит в большое число разнообразных конструкций, и для каждой из них правила нахождения контроллера его семантического подлежащего свои. У так наз. субъектного инфинитива контроллер семантического подлежащего — подлежащее:

- (10) *Она* склонна была ценить аристократизм *своего* происхождения; Печалиться свой сборник я в то время и не думал.

Никакие другие термины, подчиненные сказуемому, в интерпретации ВМ в этом случае участия не принимают:

(11) Я_i обещал ему закончить свои_i дела к четвергу.

И наоборот, кореферентность термина, подчиненного субъектному инфинитиву, с терминами, подчиненными сказуемому, не служит основанием для употребления ВМ.

У объектного инфинитива контроллер семантического подлежащего — дополнение (прямое или косвенное) подчиняющего глагола.

Объектный инфинитив может быть подчинен безличному глаголу:

(12) Ему пришлось расплачиваться за свое легкомыслие; От нее требуется найти в своей базе данных подходящий ответ; Вольно тебе на свой хвост брехать; Хватит тебе про себя рассказывать.

У инфинитива со значением цели контроллер семантического подлежащего обычно подлежащее:

(13) Он предпочел прогулку в линейке, с тем чтоб не разлучаться с милой своей соседкой.

У приименного инфинитива контроллером семантического подлежащего служит один из актантов подчиняющего имени; но контроллеры этого актанта могут занимать самые разнообразные синтаксические позиции (разрядкой выделен инфинитив и подчиняющее его имя):

(14) Ее злила необходимость говорить о своем унижении с его сестрой; У него с детства привычка считать себя центром внимания; Романтическая мысль жениться на крестьянке и жить своими трудами пришла ему в голову; Орденские знаки обычно заказывались самим лицом, получившим высочайшее повеление возложить их на себя; Лицо его <Левина> вдруг приняло злое выражение, происходившее от усилия преодолеть свою застенчивость; Может быть, это и хорошая наша черта — видеть свои недостатки; Выбрать себе мужа — это ее дело.

Число инстанций, через которые проходит поиск выраженного контроллера ВМ, может быть сколь угодно большим; однако это сложность нахождения контроллера семантического подлежащего инфинитива: рефлексивная конструкция везде одинакова и элементарно проста.

Фразы из (15) не являются примерами возвратных местоимений с косвенным антецедентом (вопреки Veugens 1978); здесь, как и в (10) — (14), ВМ входит в рефлексивную конструкцию с семантическим подлежащим инфинитива:

(15) Мне хочется посмотреть на себя со стороны; Мне хочется поставить тебя на свое место.

В работе Болла, Палл, Папп 1968 употребление ВМ в предложениях *Появление этой статьи помогло писателям; лучше понять свои задачи и Я попросил Ивана; высказать свое мнение*, где ВМ относится не к подлежащему, объясняется со ссылкой на понятие "ближайшего смыслового субъекта". В действительности оба предложения получают полное объяснение на основе сопредикатности ВМ с семантическим подлежащим инфинитива, а линейная близость контроллера к ВМ не играет никакой роли.

Б. Контроллеры семантического субъекта

У причастия, деепричастия и инфинитива синтаксическая валентность субъекта отсутствует по самому определению этих глагольных форм. У отпредикатного имени такая валентность в принципе есть: она может быть заполнена агентивным или генитивным дополнением. Когда субъектная валентность заполнена, возникает особая рефлексивная конструкция, см. § 3. Остается случай, когда она не заполнена: либо синтаксический актанта, выражающий субъект, опущен, либо отпредикатное имя имеет редуцированную диатезу. Примеры ВМ, контролируемых семантическим субъектом отпредикатного имени:

(16) У него по-прежнему оставалось ощущение *своей* силы; Все это время в нем шла напряженная борьба с самим собой, со *своими* собственными чувствами; *Начинающим* свойственна переоценка *своих* сил; Главные качества *Степана Аркадьевича* ... состояли ... в чрезвычайной снисходительности к людям, основанной в нем на сознании *своих* недостатков; *Ей* так хотелось успокоения от *своих* тревог; *Его* одолевало недовольство *собой*; Никакими самыми хорошими больницами не заменишь старому человеку жизни дома среди *своих* детей.

ВМ может заполнять только несубъектную валентность отпредикатного имени — субъектная валентность забронирована для 1-го члена рефлексивной конструкции.

Рефлексивную конструкцию образуют не только отпредикатные имена ситуации, но и другие отпредикатные имена с незапрещенной субъектной валентностью. Так, в примере (17) ВМ контролируется семантическим субъектом слова *мнение* (автором мнения):

(17) Это предложение приписывает 3-му лицу, некоторое мнение о самом себе.

Если слово имеет бессубъектную диатезу, как *жизни* в (18), то оно не может образовывать рефлексивную конструкцию:

(18) *План *своей* дальнейшей жизни был у Мани готов (пример приводится, с другим анализом, в Timberlake 1979);

Существенно, далее, чтобы ВМ было подчинено (быть может, почти непосредственно) самому отпредикатному имени. Так, в (19) употребление ВМ не соответствует никакой рефлексивной конструкции:

(19) *Незаметно для самого себя_i у него_j возникла неприязнь к этому человеку; *Невольно для себя_i в нем_j все время шла борьба.

Контроллер семантического субъекта отпредикатного имени может занимать самые различные позиции в предложении (см. Падучева 1977а); но рефлексивная конструкция везде одна и та же.

Хотя синтаксическая позиция терма, контролирующего семантический субъект имени, достаточно свободна, определенные ограничения имеются. Так, фраза (20) неправильна:

(20) *В мире представлений *Ивана*_i не имело место отождествление *своего*_j собеседника с дьяволом.

Если контроллер семантического субъекта имени — подлежащее, то употребление ВМ может быть объяснено одновременно сопредикатностью с подлежащим и с семантическим субъектом имени:

(21) Вошел *секретарь* ... со скромным сознанием *своего* превосходства перед начальником; Все эти подвиги *герой мой* совершил с величайшим усилием над самим *собой*; В служении народу своим талантом *он* находил очищение; *Она* проводит время в *неустанных заботах о себе*; Иван не испытывал сочувствия к своим коллегам.

Если же подлежащее и семантический субъект отпредикатного имени не кореферентны, то наложение двух рефлексивных конструкций имеет следствием неоднозначное понимание ВМ:

(22) Человек_i освободил домашних животных_i от забот о себе_i.
Однозначность понимания ВМ в (23) достигается не на семантическом, а на прагматическом уровне:

(23) а. Я поблагодарил *ее*, за присылку *своей* книги;
б. Я поблагодарил *ее*, за отправку *своей* книги.

При конкуренции на роль контроллера квантифицированный подразумеваемый субъект отпредикатного имени (см. ниже) обычно проигрывает подлежащему; так, в (24) *заботу о себе* = 'заботу о нем', а не 'заботу каждого о себе'.

(24) Он_i поощряет заботу о себе_i.

Если ВМ (или включающая его ИГ) замещает при отпредикатном имени его субъектную валентность, это означает, что ВМ входит не в конструкцию с семантическим субъектом этого имени, а в какую-то другую — например, сопредикатно подлежащему:

(25) Декарт предложил простое доказательство *своего собственного существования*; Он продемонстрировал прибор *своего* изобретения; Он ушел сразу после *своего* выступления; Он создал ансамбль под *своим* руководством.

В работе Timberlake 1979 фразы типа (26) рассматриваются как примеры рефлексивизации с косвенным antecedентом:

(26) У него с давних пор шел большой спор с самим *собой*; У него по-прежнему оставалось чувство *своей* силы.

Между тем это просто рефлексивная конструкция с семантическим субъектом имени: У слова *спор* семантический субъект — он_i; и не удивительно, что в условиях кореферентности субъекта и объекта употребляется возвратное местоимение.

Особенно показателен пример (27), где на первый взгляд ВМ имеет antecedентом дополнение (!), а на самом деле входит в рефлексивную конструкцию с семантическим субъектом отпредикатного имени:

(27) Ивана охватила жалость к себе; Ивана обуревали сомнения в *своих* силах; На Ивана нахлынуло жгучее раскаяние за *свой* поступок.

Подчеркнем, что синтаксически не выраженный семантический субъект может служить контроллером ВМ только при слове, у которого нет подлежащего. Так, не может, конечно, контролировать ВМ

невыраженный семантический субъект пассивного глагола, ср. **Были опровергнуты свои доводы*; **Было забито пять своих баранов*.

Если такой субъект контролирует семантическое подлежащее инфинитива, то и оно лишается возможности контролировать ВМ: **Было решено навестить свою учительницу*.

В. Подразумеваемые контроллеры ВМ

Реальное значение ВМ в рефлексивной конструкции с семантическим актантом может проясняться не контроллером этого актанта, а соответствующим ему подразумеваемым подлежащим, ср. подразумеваемое подлежащее 'ты' в примере (28) со сказуемым в императиве; 'я', 'мы' в примере (29) со сказуемым в 1-м лице; 'все люди', 'некоторые люди' в примере (30) с неопределенно-личным сказуемым.

(28) Не суй нос не в *свое* дело; Познай самого *себя*.

(29) Не будем *себя* обманывать; Пойду к *своему* брату.

(30) В чужой монастырь со *своим* уставом не ходят.

В неопределенно-личных предложениях может быть обстоятельство, уточняющее референцию подразумеваемого подлежащего:

(31) В *иных журналах* вменяют даже *себе* в особую честь неясность и тяжелизну слога (Достоевский).

Невыраженные семантические подлежащие могут выстраиваться в длинную кореферентную цепь, в конечном счете позволяющую дойти до ненулевого контроллера:

(32) В *Вашингтоне*, похоже, осознали, что перехитрили только *себя*.

При синтаксических преобразованиях типа анафорических опущений (33), сокращений (34), расщеплений (35) тоже возникают подразумеваемые подлежащие, способные прояснять содержание семантического актанта — контроллера ВМ:

(33) Задумывается ли *он*, над тем, что $\emptyset_1$ позорит не только *себя*?

(34) *Человечество*, знает гораздо более, чем $\emptyset_1$ успело высказать в *своей* науке.

(35) Кого *он*₁ боится, это <*он*₁ боится> *своей*₁ тещи.

Употребления, при которых семантический актант — участник рефлексивной конструкции не имеет ненулевого контроллера в пределах предложения, нередки у инфинитивов и отпредикатных имен. Таксономическое значение, восстанавливаемое для такого актанта, всегда 'человек'; а референциальные аспекты значения довольно разнообразны.

1) В (36) семантический актант — контроллер ВМ конкретно-референтный, но его референт фиксируется за пределами данного предложения. О том, что он конкретно-референтный, свидетельствует аспектуально-временное значение глагола, те или иные указательные элементы предложения и даже форма слова *сам* (разрядкой выделено слово, семантический актант которого служит контроллером ВМ):

(36) Быть уверенной вполне в *своем* счастье, и вдруг — получить письмо (из контекста ясно, что речь идет о Долли); Очень легко и просто казалось исправить самого *себя*; Поэма написана. Остается лишь написать на титульном листе *свою*

фамилию; Теперь уместно было вознаградить *своего* обожателя взглядом или улыбкой; И не в одной только отзывчивости <Пушкина> тут дело, а в перевоплощении *своего* духа в дух чужих народов (Достоевский).

2) В (37) семантический актант — контроллер ВМ квантифицированный — 'для всякого человека', пример (37), и 'для какого-либо человека', пример (38) (см. о нулевых знаках со значениями V и Э Падучева 1977а):

(37) Осознание самого *себя* связано с возможностью изменить самого *себя*; Кверху плевать — *свою* бороду заплевать; Есть что-то пошлое в ухаживании за *своею* гувернанткой; Очень трудно сохранить *себя* честным человеком, когда так заботишься приберечь самое меткое словцо к концу.

(38) Понятие рефлексии понимается у Белинского как однократное осознание самого *себя*; *Осознание себя* может быть тяжким бременем; Эгоизм проявляется в самовыделении и до в о л ь с т в е *собою*.

3) В (39) контроллер ВМ — нечто вроде 'мы в широком смысле слова', т.е. неопределенно широкое множество людей (множественность иногда выражается в слове *сам*), обязательно включающее говорящего на правах своего рода эталона. Такой субъект возникает в контексте модальных и оценочных слов:

(39) Желательно не быть введенным в заблуждение *своей* собственной терминологией; Эту идею нельзя реализовать без вреда для самих *себя*; Надо оказать самим *себе* добрую услугу; Рассуждения о вреде усвоения чужого языка, вместо *своего* родного, — бесспорно старомодная тема.

Для прояснения контроллера ВМ требуется иногда широкий контекст. Так, в (40) *свой* в контексте только своего предложения понимается как имеющее квантифицированный контроллер, а в действительности он конкретно-референтный, поскольку входит в отношение кореферентности, с *они, их* из предшествующего предложения:

(40) *Их* постигло несчастье, но *они* не отвержены. И надо жить и быть достойным *своих* отцов и матерей.

Предложения в (41) могут пониматься по-разному в зависимости от того, мыслится ли контроллер ВМ как кореферентный некоторой ИГ в составе предложения или нет:

(41) Хотя *нормальный человек* не может привыкнуть к мысли о смерти, война заставляет постоянно учитывать для *себя* такую возможность; Говорят, что действительность скучна; чтобы развлечь *себя*, прибегают к искусству; Но, странное дело, чуть заходит речь об ответственности за *свое* поведение — он превращается в ребенка.

В последней фразе, например, неясно, идет ли речь о его ответственности за свое поведение или об ответственности человека вообще.

Степень обязательности рефлексивизации, по-видимому, не зависит от того, является ли контроллер ВМ реальным подлежащим или

семантическим актантом: употребление ВМ здесь так же обязательно, как в конструкциях из § 1. Фраза (42), которая в Timberlake 1979 приводится в доказательство того, что при отсутствии поверхностного подлежащего обязательность рефлексивизации уменьшается, не вполне удовлетворительна:

(42) Он помогал *Андре Мальро* создавать *его* интернациональную эскадрилью (пример из Timberlake 1979).

§ 3. СОПРЕДИКАТНОСТЬ С СЕМАНТИЧЕСКИМ СУБЪЕКТОМ, ВЫРАЖЕННЫМ АГЕНТИВНЫМ ИЛИ ГЕНИТИВНЫМ ДОПОЛНЕНИЕМ

Семантический субъект может быть выражен не подлежащим, а агентивным или генитивным дополнением при отпредикатном имени и агентивным дополнением при глаголе (в пассиве). При отпредикатных именах употребление ВМ с антецедентом — агентивным или генитивным дополнением весьма продуктивно, ср. в (1) примеры с агентивным субъектом, в (2) — с генитивным:

- (1) Но это как раз то, чего ... власть не может, потому что это являлось бы отрицанием *ею* самой *себя* (пример приводится, в другой связи, в работе Veugens 1978); опровержение *Гегелем* самого *себя*.
- (2) Эту подборку мы решили посвятить раздумьям *людей* о времени и о *себе*; Это был *его* подарок самому *себе*; Самое важное — уважение *человека* к самому *себе*; Местоимение ... указывает отношение всех трех лиц к самим *себе*; Представление *человека* о *себе* формируется на основе того, как его воспринимают другие; Это тоска британского гения, *его* страдальческое предчувствие *своего* грядущего.

Во фразе (3) имеется одновременно две рефлексивные конструкции — со словом *права* и его генитивным субъектом и со сказуемым *должен признать* и его подлежащим. Поэтому ВМ здесь допускает два понимания:

- (3) *Мурак*, должен признать *права данирейцев*, на *свое* государство.

Употребление ВМ в рефлексивной конструкции с генитивным и агентивным субъектом отпредикатного имени не является обязательным:

- (4) В основе трагической катастрофы у Достоевского всегда лежит замкнутость *героя* в *своем* (*его*) собственном мире; Он злоупотребляет естественным доверием *сотрудников* к *своему* (*их*) руководителю.

Однако если ВМ в такой позиции запрещено или сомнительно, это требует специального объяснения. Например, сомнительность ВМ в (5) объясняется, видимо, тем, что для слова *разговор* предпочтительно понимание со взаимной диатезой (т.е. *разговор X с Y* = 'разговор X и Y'):

- (5) Разговор *Алисы* с Шалтай-Болтаем о *ее* (?своем) возрасте (при том, что глагол требует ВМ: *Алиса разговаривает с Шалтай-Болтаем о своем* (**ее*) возрасте).

Что касается агентивного дополнения при глаголе в пассиве, то его возможности выступать в роли antecedента ВМ ограничены, см. (6); а притяжательное *свой* с таким antecedентом просто невозможно, см. (7):

(6) Все прежнее было отторгнуто *им* от *себя* начисто; Этот дом был построен *им* для *себя*; Этот рубеж был оставлен смелыми *первопроходцами* далеко позади *себя*; Последний каплей было это письмо, якобы полученное *им* от самого *себя*; *Ею* было оставлено за *собой* право вернуться.

(7) Книга была заперта отцом в *его* (**свой*) стол; Это письмо было получено *нами* от *нашего* (**своего*) друга; Это была та самая Фрося, выдававшаяся *им* за *его* (**свою*) жену.

Источник запрета ВМ в (7) скорее всего семантический: превращение подлежащего в агентивное дополнение — специальный способ “затушевать” субъект, а употребление ВМ (если считать его способом выражения точки зрения субъекта, см. § 8) — это один из приемов, служащих для его возвеличивания. Агентивное и генитивное дополнение отпредикатного имени не несут никаких коннотаций такого рода, и потому употребление ВМ здесь не затруднено.

§ 4. СУБСТАНТИВНО—АДЪЕКТИВНАЯ ЦЕПОЧКА

В соответствии с определениями основных рефлексивных конструкций — сопредикатность с подлежащим и с семантическим субъектом — употребление ВМ невозможно, если ИГ, кореферентная подлежащему (или субъекту), не подчинена сказуемому (непосредственно или почти непосредственно), а входит в состав определительного оборота к другому слову, хотя бы и подчиненному сказуемому. Например:

(1) Он даже не взглянул на *пришедших к нему* (**себе*) людей.

На более ранних этапах истории русского языка рефлексивизация в таких условиях была возможна; ср. примеры из словаря Срезневский 1903:

(2) Връже Всеславъ жребіи о девицу себѣ любу (Сл. о плк. Игор.);

(3) Виде князь Михаило грядущу силу Новгородскую на ся (Новг. I л. 6883 г.).

В современном языке имеется, однако, класс прилагательных, допускающих употребление ВМ в составе определительного оборота (на рефлексивные конструкции такого рода обращено внимание в работе Timberlake 1979). Эти прилагательные способны иметь косвенное дополнение с предлогом *для*, которое может выражаться с помощью ВМ. Примеры (разрядкой выделено прилагательное):

(4) С болью и злобой произнесла *она* это ужасное *для себя* слово “чужой”; *Он* уже не рассчитывает на положительный *для себя* исход; *Она* не могла осилить этих трудных *для себя* слов; *Он* не мог давать оценку новым *для себя* явлениям; *Подписчики* могут купить эту монографию по выгодным *для себя* ценам; *Он* столкнулся с непонятным *для себя* явлением; *Я* приехала к нему на

дачу в нелегкую для себя пору; Они достигли неплохих для себя результатов.

При другом оформлении дополнения рефлексивизация менее естественна:

- (5) Он занял недостойную *его* (²*себя*) позицию; Он не любит недоступных *ему* (²*себе*) вещей; Он обычно злится на несогласных с *ним* (²*собой*) людей.

Ср. пример, когда с предлогом *для* ВМ допустимо, а при синонимичном дативе — сомнительно:

- (6) а. Она устала от большого количества *неприятных для нее* (*для себя*) людей; б. ... *неприятных ей* (^{*}*себе*) людей. Другие примеры, где ВМ невозможно в дативе:

- (7) Он вздрагивает при каждом неприятном *ему* (^{*}*себе*) звуке; Он реагирует на созвучные *ему* (^{*}*себе*) факты; Он отобрал нужные *ему* (^{*}*себе*) материалы.

Предпочтительная препозиция определительного оборота в (4) объясняется скорее тем, что он содержит местоимение, чем тем, что это местоимение — возвратное.

Если определяемое — не существительное, а местоимение (*всё, ничего*), то ограничения относительно типа прилагательного и формы дополнения менее жесткие:

- (8) <Людмила> ничего перед собой *себя* прекрасней не находит; Он подавляет *всё себе* подвластное; Он не ждет от этой встречи ничего хорошего для *себя*; Он не знает ничего серьезнее *своей* работы.

То же самое, если прилагательное не присубстантивное:

- (9) Они не глядят на *себе* подобных; В искусстве подражания *она* не знает *себе* равных.

Причастия, однако, в современном языке не "пропускают" ВМ ни при каких условиях, см. (10). Предложение (11) не соответствует современной норме:

- (10) Он опоздал по независящим от него (^{*}*себя*) обстоятельствам; Он не получил причитающихся *ему* денег; Определение имеет относящиеся к нему слова.

- (11) На дух к *себе* приходящим да не будет священник тяжестен (Духовные регламентации Петра I).

Замечание. Пример (12) приводится в Исаченко 1966 для иллюстрации правильности трансформационного подхода, расчленяющего предложения на "ядерные" компоненты: ВМ невозможно в (12), поскольку его нет в простых компонентах, из которых состоит (12) — *Я вернул книгу* и *Книга взята мною из библиотеки*:

- (12) **Я вернул взятую собой из библиотеки книгу.*

Однако запрет, нарушенный в (12), столь легко описывается и на поверхностном уровне (ср. примеры (1) и (2)), что сам по себе служить аргументом в пользу глубинных структур не может.

§ 5. ДАЛЬНЯЯ СОПРЕДИКАТНОСТЬ

Следующая рефлексивная конструкция может быть названа дальней сопредикатностью.

Определение 3. Терм y находится в отношении дальней сопредикатности с термом x , если x — подлежащее или семантическое подлежащее предиката P_1 , а y подчинен или почти непосредственно подчинен предикату P_2 (инфинитиву), подчиненному P_1 .

При условии дальней сопредикатности y может быть местоимением с контроллером x .

Примеры ВМ в конструкции дальней сопредикатности:

(1) *Она (х) позволяла (P₁) ему себя (у) обманывать (P₂); Он никому не разрешает трогать свои вещи.*

Естественно ограничиться в определении 3 объектными инфинитивами: при субъектном инфинитиве ВМ может быть истолковано как имеющее контроллером семантическое подлежащее инфинитива или же антецедентом подлежащее составного глагольного сказуемого.

В (1) контроллер ВМ — подлежащее; в (2) *Я уговорила Мери позволить Джону себя проводить* контроллер ВМ — семантическое подлежащее при *позволить*, которое контролируется термом *Мери*. Контроллером ВМ едва ли, однако, может быть подразумеваемое подлежащее P_1 ; так, во фразе (3) *Позвольте мне взять свою книгу* ВМ *свою* может означать только 'мою', не 'Вашу', т.е. подразумеваемое подлежащее 'Вы' императива *позвольте* не входит в конструкцию дальней сопредикатности (хотя во фразе *Вы позвольте мне взять свою книгу* ВМ *свою* может быть понято в значении 'Вашу'); ср. также (4) ⁷*Прощу дать себе слово.*

При дальней сопредикатности рефлексивизация обычно не обязательна — наряду с ВМ можно употребить и местоимение 3-го лица:

(5) *Она не заставляла его себе служить (или ей служить).*

ВМ в конструкции с дальней сопредикатностью, как правило, бывает неоднозначно, поскольку оно одновременно входит в обычную рефлексивную конструкцию с семантическим подлежащим своего инфинитива. Перечислим некоторые факторы, способствующие однозначному пониманию ВМ, подчиненного инфинитиву.

1. Если семантическое подлежащее подчиненного инфинитива P_2 не проясняется контроллером в поверхностной структуре предложения, а лишь подразумевается, то ВМ понимается скорее всего как входящее в конструкцию с дальней сопредикатностью:

(6) *Он не заставил себя упрасивать; Он позволил называть себя по имени; ... приказал себе подать котлетку с каперсами; Он уважать себя заставил; Они с откровенным цинизмом позволяют думать о себе как угодно дурно; Я два раза летать к себе не заставляю.*

Если же семантическое подлежащее подчиняющего предиката P_1 не выражено реальным подлежащим и не проясняется контроллером, то единственное возможное понимание ВМ — как кореферентного семантическому подлежащему подчиненного инфинитива:

⁷ О градуированной сопредикатности. см. Ross 1975.

(7) Перед чтением стихов *меня* попросили рассказать о *себе*; *Его* нельзя заставить выстирать *себе* рубашку.

2. Если инфинитив обозначает иррефлексивное действие, т.е. такое, которое по смыслу не может быть направлено деятелем на себя (см. Růžička 1973a), то ВМ понимается как входящее в конструкцию с дальней сопредикатностью:

(8) *Командир* приказал адъютанту разбудить *себя* в семь.

Иррефлексивность инфинитива может быть обусловлена неактивностью его семантического подлежащего:

(9) *Человек*₁ заставил *огонь*₂ служить *себе*₁.

3. Если смысл сочетания "инфинитив+ВМ" более естественно передается возвратным глаголом, то предпочтительно понимание ВМ как входящего в конструкцию с дальней сопредикатностью; так, если *себя* = 'ес', то надо сказать "умыться":

(10) *Он* позволил ей умыться *себя*.

Другие примеры:

(11) *Командир* приказал ему соединить *себя* с медсанбатом; *Он* велел сыну запереть *себя* в столовой.

4. Слабым, но все же ощутимым средством достижения однозначности служит расположение ВМ: при дальней сопредикатности предпочтительна позиция *себя* перед инфинитивом; для ближней — после; ср.:

(12) а. *Они*₁ разрешили *нам*₂ у *себя*₁ переночевать; б. *Они*₁ разрешили *нам*₂ переночевать у *себя*₁.

(13) а. *Я*₁ *тебе*₂ в *своем*₁₍₁₎ доме раздувать эти настроения не позволю; б. *Я*₁ не позволю *тебе*₂ раздувать эти настроения в *своем*₂₍₁₎ доме.

5. Если при *себя* есть *сам*, то однозначность может достигаться согласованием: *Он приучил жену, саму себя, развлекать*. Вообще обычно *сам* свидетельствует о ближней сопредикатности.

Кроме перечисленных характеристик контекста, различение дальней и ближней сопредикатности может достигаться за счет "врожденных" свойств подчиняющих предикатов. То, что имеются определенные запреты на рефлексивизацию в контексте дальней сопредикатности, показывает, например, фраза (14), где ВМ по смыслу кореферентно подлежащему Р₁, но рефлексивная конструкция построена неправильно:

(14) **Княжна Марья*₁ предложила графине отпустить с *собой*₁ *Наташу* в Москву (Толстой).

§ 6. ИМЕННАЯ ЦЕПОЧКА

До сих пор все рефлексивные конструкции имели в своем составе предикат. Однако имеется и беспредикатная рефлексивная конструкция — именная цепочка: терм *у* входит в именную цепочку с вершиной *х*, если *у* почти непосредственно подчинен *х*. В этом случае *у* может быть возвратным местоимением с антецедентом *х*:

(1) Потеряна *собака* с инициалами *своего* хозяина на ошейнике; Где тот пожилой *человек* со стихами *своего* современника? Меня ждал *человек* с запиской от *своего* хозяина.

Рефлексивизация в именной цепочке возможна только при опре-

деленной синтаксической функции цепочки — если она является подлежащим. Фраза (2), где *свой* употреблено не в составе группы подлежащего, аномальна:

- (2) ?Улица была полна народом: и русскими, и инородцами в *своих* странных шапках и халатах (Толстой, "Воскресение"); ср. *Инородцы в своих странных шапках заполняли улицу.*

В предложении *Богатый сосед воспитал его со своими детьми дома* невозможно понимание группы *со своими детьми* как подчиненной *его*, хотя если заменить *своими* на *его*, то такое понимание станет возможным. Другой пример:

- (3) а. Иван в *своей* длинной шубе похож на Деда Мороза; б. Ивану в *его* длинной шубе, конечно, не холодно.

Может показаться, что условие о том, что именная цепочка должна быть подлежащим, вызвано лишь соображениями однозначности. Действительно, в любой позиции, кроме подлежащего, есть более сильный претендент на роль антецедента ВМ — само подлежащее:

- (4) а. Профессор Аахен со *своими* учениками отправился в Баден; б. Я встретил профессора Аахена со *своими* учениками.

Однако на самом деле это ограничение носит принципиальный характер: любое отклонение от позиции подлежащего приводит к запрету ВМ — даже там, где реальной омонимии не возникает:

- (5) Авто, поглотившее профессора Аахена с *его* (*со *своими*) учениками, умчалось в Баден.

Из-за внутренней кореферентности рефлексивные именные цепочки обладают денотативным дефектом (см. об этом подробнее в связи с именем деятеля § 7). Так, в (6) невозможно никакое местоимение — ни возвратное, ни личное: (6) *рассказ из жизни *своего (*его) автора; брильянт для будущей короны *своего (*его) владельца.*

§ 7. ОТПРЕДИКАТНОЕ ИМЯ ДЕЯТЕЛЯ

Особый контекст употребления ВМ создает отпредикатное имя деятеля. Пример такого употребления приводит А.М. Пешковский (1938: 171):

- (1) Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, *певца своей* печали?

Другие примеры:

- (2) Самый строгий *критик своих* сочинений — сам Бертран Рассел;
Лучший *исполнитель своих* стихов — Маяковский.
(3) В стихах воспевается *виновник гибели своей* возлюбленной — любимый герой поэта; На *хозяина своего* слова он не похож.

В (2) интерпретация ВМ существенно зависит от порядка слов: при нормальном порядке слов (*Рассел — самый строгий критик своих сочинений*) антецедентом ВМ будет просто подлежащее.

Еще в работе Ревзин 1973б было предложено соотносить ВМ в примерах типа (1) — (3) с субъектом отпредикатного имени деятеля. Однако имя деятеля не имеет семантического актанта — субъекта в том смысле, в каком он есть у отглагольного имени ситуации:

субъект имени деятеля поглощается в ходе словообразовательной операции. Действительно, *критик <сочинений>* = 'тот х., который критикует <сочинения>'. Т.е. степень "глубинности" субъекта при отпредикатном имени деятеля на порядок больше той, что в других рефлексивных конструкциях с семантическим субъектом. Остается признать имя деятеля особой рефлексивной конструкцией.

В синтаксическом отношении рефлексивная конструкция с именем деятеля подобна именной цепочке. Однако имеется два различия, которые делают объединение этих конструкций неестественным: 1) здесь употребление ВМ при кореферентности обязательно, а там факультативно; 2) там рефлексивизация требует, чтобы ИГ, включающая ВМ, была подлежащим, а здесь это не обязательно, см. (1), (3).

Группа отпредикатного имени деятеля, содержащая рефлексивную конструкцию, жестко ограничена в своем денотативном статусе: сама по себе она допускает только нереферентное употребление, как в (1) или (4); референтное возможно лишь при наличии демонстратива, см. пример (5):

- (4) Для этого необходимо надо замучить честного старика, *мужа своей* молодой жены, в любовь которой он верит слепо (Достоевский).
(5) Чего мне ждать? — восклицает это *дитя своей* эпохи; Не знаю другого такого *мастера своего* дела.

Референтный статус имени деятеля служит достаточным основанием для того, чтобы отвергнуть интерпретацию ВМ как ему кореферентного: *Она слышит за стеной голос учителя своего сына*.

Соответствует указанному ограничению на денотативный статус употребление рефлексивной конструкции с именем деятеля в контексте связочных глаголов, см. (6), и глаголов мнения, см. (7):

- (6) Это делает Джона большим *знатоком* самого себя; *своего* дела.
(7) Я считаю (представляю себе, нахожу, называю, ошибочно воображал) Джона большим *знатоком* самого себя, *своего* дела; Он аттестовал Джона как большого *знатока* самого себя; *защитника* своих подчиненных.

Многие рефлексивные сочетания с именем деятеля построены по тавтологическому образцу: *раб своего слова, слуга своего господина, мастер своего дела, сын своего отца, муж своей жены, кузнец своего счастья*.

В целом рефлексивные конструкции этого типа малоупотребительны. Ограничения накладываются структурой кореферентных отношений. Дело в том, что кореферентность внутри дескрипции сообщает ей врожденный дефект денотативной бесплодности. Действительно, в дескрипции обычно одно имя принимается как точка отсчета: на базе референта данного имени возникает новый объект, денотативно зависимый от данного (о денотативной зависимости см. Падучева 1979б). Между тем сочетания типа *слуга своего господина* дают порочный круг денотативных зависимостей: слуга зависит от господина, а господин — снова от слуги. Ср. *Вы наставник вверенного вам воспитанника*.

§ 8. СЕМАНТИКА РЕФЛЕКСИВНОСТИ

Вернемся теперь к вопросу о том, имеют ли возвратные местоимения свою семантику, отличающую их от невозвратных и несводимую к правилам их синтаксического употребления. Для этого обратимся к контекстам, в которых употребление возвратного местоимения возможно, но не обязательно — т.е. к контекстам, допускающим противопоставление возвратных местоимений невозвратным.

Больше всего исключений из правила об обязательности употребления ВМ в контексте рефлексивности отмечается для предложений с субъектом в 1-м и 2-м лице. Как пишет А.В. Исаченко (Issatschenko 1962:436), "в русском языке, как и в некоторых других, сфера употребления возвратных местоимений имеет тенденцию ограничиваться 3-м лицом". В действительности это верно не для всех ВМ, а только для притяжательного *свой* (см. Veurens 1978): субстантивные ВМ употребляются с antecedентами 1-го и 2-го лица так же, как и с прочими.

Ограничение на употребление ВМ с antecedентами 1-го и 2-го лица, весьма сильное в литературе первой половины XIX в., в современном языке изживает себя (хотя, возможно, сохраняется в стихотворной традиции). ср. *И я, как вѣснѹ человечества, ... Пою мое отечество, республику мою*). Все употребления в (1) не соответствуют современной норме:

- (1) Довольно!... с вами я горжусь *моим* разрывом; Я сватаньем *моим* не угрожаю вам (Грибоедов); Расстались мы; но твой портрет Я на груди *моей* храню (Лермонтов).

Тем не менее то, что рефлексивизация может не происходить в 1-м и 2-м лице в тех контекстах, где в 3-м лице она обязательна, — бесспорный факт и для современного языка:

- (2) а. Я не поэтизирую *моей* (своей) жизни; б. Он не поэтизирует *своей* (*его) жизни.
(3) а. Я сделал все, чтобы избавить тебя от *моего* (своего) общества; б. Они сделали все, чтобы избавить тебя от *своего* (*их) общества.
(4) а. Я был тогда вдали от *моих* (своих) друзей; б. Он был тогда вдали от *своих* (?его) друзей.
(5) а. Я расскажу вам о *моих* (своих) трудностях; б. Он расскажет вам о *своих* (?его) трудностях.

Местоимению 1-го лица может быть отдано предпочтение перед ВМ для достижения однозначности, см. (6), хотя в 3-м лице рефлексивизация обязательна, несмотря на неоднозначность, см. (7):

- (6) Она попросила *меня*; прочесть *мои*_i (?свои_i) стихи; Она заставила *меня*_i отредактировать *мою*_i (?свою_i) статью.
(7) Она попросила *его*_i прочесть *свои*_i (*его_i) стихи; Она заставила *его*_i отредактировать *свою*_i (*его_i) статью.

Если считать, что различия в употреблении ВМ с antecedентами 3-го и не 3-го лица имеют семантическую природу, то следует искать семантических закономерностей, которые бы действовали для всех трех лиц.

Высказывалось предположение, что употребление ВМ есть проявление приоритета субъекта на название некоторых других упоминаемых объектов со своей точки зрения (Падучева 1973б). В работе Купо

1976 для описания семантических противопоставлений, связанных с учетом точки зрения, был введен термин *эмпатия*: носитель точки зрения — этот фокус эмпатии. говорящего, тот исходный пункт, в который помещает себя говорящий, строя имена для других объектов.

В работе Yokoуama, Klenin 1976 была сделана попытка применить понятие эмпатии для описания семантики ВМ в русском языке — в частности, для объяснения отсутствия ВМ, ожидаемых в контексте рефлексивной конструкции. Авторы утверждают, что отсутствие ожидаемого ВМ в случае 3-го и не 3-го лица имеет разные источники: при антецеденте в 1-м лице "рефлексивизация не имеет места, если говорящий полностью идентифицирует себя с антецедентом. Если же говорящий в том или ином смысле психологически отделен от того своего аспекта, который проявляется в высказывании, тогда употребляется ВМ". Т.е. рефлексивизация в 1-м лице мотивируется "психологической расщепленностью" говорящего, его отделенностью от субъекта во времени и пр.: то его Я, которое фигурирует в предложении, не идентично ему самому. А в 3-м лице, наоборот, отсутствие рефлексивизации объясняется неполной эмпатией говорящего с субъектом, т.е. социальной, психологической, оценочной или еще какой-то отчужденностью от субъекта.

Однако примеры, демонстрирующие действие этих правил, часто не соответствуют нормам русского языка; ср.

- (8) *Ну и что, что он заметил, как какая-то баба уронила *ее* ($\Rightarrow$ свой) кошелек; *Она сознавала прочное *ее* ($\Rightarrow$ свое) положение в колхозе; *Я дала вам *мою* ($\Rightarrow$ свою) кофточку.

Отрицательное отношение говорящего к субъекту заведомо не влияет на употребление ВМ — а значит и на возможность эмпатии говорящего с субъектом. Так, **Этот растяпа потерял его кошелек* (пример из Yokoуama, Klenin 1976) абсолютно недопустимо.

Кроме того, неясно, почему отстраненность говорящего от субъекта проявляет себя прямо противоположным образом при субъекте в 3-м и не в 3-м лице, т.е. почему в 3-м лице отстраненность препятствует рефлексивизации, а в 1-м и 2-м — способствует ей. Если это и верно, то требует объяснения.

Не претендуя на полное описание семантики рефлексивности, укажем некоторые факты.

1) Семантическое содержание противопоставления личного местоимения и ВМ в разных контекстах (допускающих оба местоимения) разное. Например, есть контексты, где главное смысловое противопоставление, выражаемое заменой ВМ на личное местоимение, — это противопоставление 'дистрибутивность'/'объединенность'. Ср. примеры из Yokoуama, Klenin 1976: личное местоимение имеет значение объединенности, а ВМ — значение дистрибутивности:

- (9) А мы сильно зябли в *нашем* общежитии; Мы вернемся с тобой в *наш* город.

(10) Однако к утру мы зябли под *своими* одеялами; Но при всех случаях мы занимали *свои* дежурные места: она на койке ..., я на стуле.

2) Наименования объектов различаются по степени их денотативной зависимости (см. Падучева 1979б) от контекста: имя собственное — наименование, обладающее меньшей степенью денотативной зависи-

мости, чем наименование с участием релятивного имени. Однако наименование, где релятивное имя имеет аргументом имя или личное местоимение, — это, так сказать, 1-я степень денотативной зависимости — зависимость от денотата этого имени или личного местоимения; а наименование, где релятивное имя имеет аргументом возвратное местоимение, — это 2-я степень, поскольку здесь кроме зависимости от денотата местоимения возникает еще зависимость от субъекта предложения.

3) Различие стимулов к употреблению ВМ при антецедентах 3-го и не 3-го лица, действительно, имеется, и его можно вывести из естественного постулата референции, состоящего в том, что говорящий (когда речь идет о чисто референциальной его потребности) выбирает "кратчайший семантический путь" для номинации объекта. В самом деле, обозначение объекта через его отношение к самому говорящему — это уже максимально короткий семантический путь к объекту; поэтому когда субъект предложения — говорящий, то эмпатия к субъекту, т.е. употребление ВМ, не вызывается референциальной необходимостью. Между тем, когда речь идет об объектах, денотативно зависимых от 3-го лица, то эмпатия к этому лицу существенно сокращает говорящему "семантическое расстояние" до нужного объекта.

4) Денотативная зависимость ВМ от субъекта объясняет связь употребления ВМ с коммуникативной структурой предложения. А именно, если антецедент не является в высказывании темой (данным), то обязательность ВМ очень часто снимается. Действительно, если сам субъект, от которого денотативно зависит ВМ, еще не актуализован в общем поле зрения говорящих, то эмпатия к этому лицу не может способствовать сокращению семантического расстояния от говорящего до объекта:

(11) а. Он хозяин в *своем* доме; б. В *его* доме он \ хозяин.

(12) а. Ему нужно теперь экспериментально обосновать *свою* идею;
б. *Его* идею ему нужно теперь экспериментально обосновать.
Особенно ясное различие в биноминативном предложении:

(13) а. *Он* сам причина крушения *своих* планов; б. Причина крушения *его* планов — *он* сам.

(14) а. *Дефо* сам был издателем *своих* романов; б. Издателем романов *Дефо* был *он* сам.

5). Некоторые частицы, присоединяемые к антецеденту, сообщают противопоставлению возвратных и личных местоимений совершенно особый смысл (см. Падучева 1979а). Так, предложение (15) имеет два смысла, и в зависимости от того, какой из них имеется в виду, изменение коммуникативной структуры даст из (15) либо (16а), либо (16б). Аналогично для (17):

(15) Только Джон может перехитрить *свою* жену.

(16) а. *Свою* жену может перехитрить только Джон; б. Жену Джона может перехитрить только *он* сам.

(17) Гегель — самый строгий критик *своих* сочинений.

(18) а. Самый строгий критик *своих* сочинений — Гегель; б. Самый строгий критик сочинений *Гегеля* — сам Гегель.

Еще пример:

(19) И, что всего тошней, лишь я был мой читатель = 'лишь я был читателем Пушкина' ($\neq$ 'лишь я был читателем самого себя'). Невтривиальное влияние на ВМ оказывает частица *не*:

(20) $\neg$ (он \ теперь хозяин в своем доме) = 'В его доме не он теперь хозяин' ($\neq$ *В своем доме не он теперь хозяин).

б) В некоторых рефлексивных конструкциях, в частности, в именной цепочке, противопоставление ВМ личному местоимению выражает, по видимому, различие по определенности: ВМ предполагает известность свойства слушающему, а личное — нет, ср. *Фернандо с его* ($\neq$ *со своими*) *капризами*.

В работе Bély 1978 утверждается, что в шведском языке противопоставление «ВМ — личное местоимение» способно передавать следующее различие: личное местоимение означает, что дескрипция принадлежит говорящему, а возвратное — что это общее мнение, передаваемое говорящим в "пересказывательном наклонении":

(21) *Jag mötte idag fröknarna Hansson med deras ($\neq$ sina) odrägliga koketta mamma* 'Я сегодня встретил девиц Ханссон с их невыносимо кокетливой мамашей'.

В русском языке ВМ в именной цепочке неспособны передавать такие смысловые различия.

7) Семантические противопоставления, порождаемые различной эмпатией говорящего, ясно обнаруживаются в контексте субстантивно-адъективной цепочки; ср.:

(22) а. Она обнаружила важное для *себя* обстоятельство; б. Она не заметила важного для *нее* обстоятельства.

Между (а) и (б) следующее различие: в (а) оценка обстоятельства как важного принадлежит денотату подлежащего (*она*), а в (б) — говорящему. Аналогично, в предложении (23) выбор *для себя* или *для него* зависит от того, кому принадлежит оценка задачи как трудной — денотату подлежащего или говорящему:

(23) Он всегда берется за трудные *для себя* ($\neq$ *для него*) задачи; однако *за слишком трудные для него*.

Не случайно, что большинство прилагательных, допускающих вхождение в рефлексивную конструкцию этого типа, принадлежит к числу "субъективных", т.е. предполагающих субъект оценки в качестве важного компонента смысла. Так, ВМ неуместно в (24), где прилагательное объективно или не предполагает оценку внешнего наблюдателя, а также в (25), где этот внешний наблюдатель или носитель оценки — говорящий;

(24) Он третирует подчиненных *ему* людей; Он хорошо вписывается в быт современной *ему* эпохи; Искусство всех веков любило современный *ему* быт и костюм; Он выиграл партию нетипичным для него способом (ср. *Он выиграл партию случайным для себя образом*).

(25) Я видел, как она пыталась поддержать этот важный для *нее* разговор; Ей нужно было бы поддержать этот важный для *нее* разговор.

Показательно, что в субстантивно-адъективной цепочке широко употребляется *себя* и довольно редко *свой*. Причем дело не в том, что

свой создает синтаксически громоздкую конструкцию, поскольку в принципе *свой* допустимо:

- (26) а. Он решил трудную для *себя* задачу; б. *Он решил трудную для *своих* коллег задачу; в. Он решил трудную для *своего* возраста задачу.

Видимо, (26б) невозможно потому, что естественный фокус эмпатии — *он*, а естественный носитель точки зрения по поводу трудности задачи — коллеги, и это приводит к противоречию; ср. еще (27) (по Timberlake 1980):

- (27) Журнал поместил интересную для *своих* читателей статью; Конторы могут оформить заказ на выгодных для *своих* клиентов условиях.

Как показывают примеры (28), (29), при употреблении ВМ в субстантивно-адъективной цепочке, в отличие от всех других рефлексивных конструкций, семантическое подлежащее подчиняющего предиката не равноценно подлежащему; действительно, фокусом эмпатии и субъектом оценки естественно быть выраженному подлежащему:

- (28) а. Ребенок достиг неплохих для *себя* результатов; б. Они помогли ребенку достичь неплохих для *него* результатов.

- (29) а. Она не высказала этих трудных для *себя* слов; б. Он не дал ей высказать этих трудных для *нее* слов.

8) Личное местоимение и ВМ могут находиться в отношении свободного варьирования, не связанного со сколько-нибудь ощутимыми смысловыми различиями (т.е. могут быть контекстно синонимичными). В частности, так, видимо, обстоит дело в конструкции дальней сопредикатности:

- (30) Она_i попросила его_j прочесть свои_i (=ее) стихи; Она_i заставила их_j отредактировать свою_i (=ее) статью.

Если здесь есть различие между ВМ и личным местоимением, то лишь стилистическое: ВМ звучит слегка архаично.

Рефлексивизация вообще становится менее обязательной по мере усложнения рефлексивной конструкции и увеличения сложности вычисления antecedenta:

- (31) а. Я уважаю *свое* (**мое*) дворянство; б. Я не могу не уважать *своего* (*моего*) дворянства.

- (32) Он был удивлен столь вялой реакцией на *свое* (*его*) сообщение; Великой максимой моей юности было: ... не дать никого унизить в *своем* (*моем*) присутствии.

9) В некоторых контекстах *свой* ощущается как менее вежливое, чем личное местоимение:

- (33) Мы обращаемся к *нашим* (≠*своим*) читателям; Я хочу представить Вас *моей* (≠*своей*) жене.

Особенно очевидно различие по вежливости между ВМ и личным местоимением в контексте 2-го лица antecedenta. Отсюда следует, что *Ваш* иногда возможно там, где *твой* сомнительно:

- (34) а. Прошу Вас взвесить *Ваши* слова; б. Ты отвечаешь за *свои* (**твои*) слова.

- (35) а. Вы доработали *Вашу* статью? б. Ты исправил ошибки в *своей* (**твоей*) статье?

(36) Доскажите нам *Вашу* историю; Вы можете сказать это *Вашему* слуге, а не мне (Гоголь).

Ср. примеры из писем А.П. Чехова:

(37) Ты обещал прислать *свою* фотографию, я жду, жду... (Немировичу-Данченко); А когда пришлете *Вашу* фотографию? (Книппер); Поклонитесь Николаю Николаевичу, о котором Вы говорите в *своем* письме (Книппер); Вы ничего не пишете о *Вашем* здоровье (Мизиновой).

Возможно, коннотация меньшей вежливости развивается из потенциально присутствующего в значении слова *свой* оттенка постоянной принадлежности, т.е. собственности (см. Падучева 1983б).

10) В каузативных контекстах возникает смысловое противопоставление, состоящее в том, является или не является принадлежность субъекту каузирующим фактором:

(38) Он абсолютно убежден в гениальности *своих* ($\neq$ *его*) детей.

Если сказать *своих*, то в смысл предложения скорее всего входит компонент 'убежден в гениальности таких-то существ по причине того, что они его дети', а в случае местоимения *его* такой компонент отсутствует. Т.е. это различие близко к различию атрибутивно-референтных и чисто референтных употреблений (см. § IV.4). Во фразе *Ему нужно обосновать свою* ($\neq$ *его*) *идею* у слова *свою* возникают смысловые связи со словом *нужно*: 'своя, поэтому нужно'; а в сочетании *его идея* нет этого причинного компонента.

Глава X

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНΙΑ И НАРЕЧИЯ

К неопределенным местоимениям в русском языке относятся: местоимения на *-то, кое-, -нибудь, -либо* (*какой-то, кто-то, что-то, кое-какой, кто-нибудь, что-нибудь* и т.д.), местоимения на *не-: некий, некто, нечто, некоторый*. В близком значении могут употребляться слова *один* ("Слово *один* может употребляться в значении неопределенного местоимения *некий*: *Какое произвело следствие это прибытие, читатель может узнать из одного разговора, который произошел между одной и двумя дамами*", Грамматика 1980, т. I, с. 542.), *иной* ("*Безвредная бесполезность*", которую дети впитывают на *ином* уроке литературы, не для всех бесполезна, там же, с. 544), *любой* (Падучева 1974:83). Имеется, кроме того, большое число словосочетаний, имеющих значение неопределенного местоимения: *тот или иной, какой бы то ни было, какой угодно, какой хочешь, не один, так другой* и т.д.

В обширной литературе, посвященной неопределенным местоимениям в русском языке (см. литературные обзоры, в частности, в Маловицкий 1971, Шелякин 1978), утвердилось мнение, что местоимения на *кое-, не-* выражают неопределенность для слушателя (при известности объекта говорящему), местоимения на *-то* — неопределенность для говорящего, а местоимения на *-нибудь, -либо* "употребляются тогда,

когда речь идет о совершенно неопределенном лице, т.е. о лице или предмете, который является неопределенным как для говорящего, так и для других" (Пулькина и др. 1968: 170); то же самое в Маловицкий 1974. В статье И. Пете (1957) про местоимения на *-нибудь*, *-либо* говорится, что они "выражают третью степень неопределенности". Как было выяснено в гл. IV, имеется два различных противопоставления — известность/неизвестность для говорящего и слушающего (определенность) и референтность/нереферентность. Местоимения на *-нибудь* и *-либо*, строго говоря, вообще не неопределенные: противопоставление по определенности — это противопоставление референтных употреблений ИГ, а местоимения на *-нибудь* и *-либо* имеют нереферентный статус.

То, что в грамматиках называют неопределенными местоимениями, разделяется, таким образом, на три класса: местоимения неизвестности, т.е. неопределенные для говорящего (на *-то*), слабоопределенные (на *кое-*, *не-*, а также *один*) и нереферентные экзистенциальные (на *-нибудь*, *-либо*), в том числе общеэкзистенциальные (*иной*)¹.

Семантика неопределенных местоимений (как и указательных, см. гл. VIII) существенно связана с представлением о том, что имеется множество объектов, конкретное или универсальное, к которому принадлежит и данный (*кто-то из вас*, *какую-нибудь книгу*), и многие аспекты смысла местоимений естественнее всего описываются через свойства, которые местоимение сообщает этому множеству. Так, для семантики всех неопределенных местоимений существенно, что это множество мыслится как состоящее из качественно разнородных, т.е. индивидуализированных, объектов — хотя и относящихся к одному таксономическому классу (Селиверстова 1964). Отсюда несочетаемость местоимений с именами классов, не предполагающих индивидуализации своих элементов, ср. *Возьми с собой какую-нибудь книгу*, но **Возьми с собой какое-нибудь яблоко*; *Я узнал одну новость*, но **Меня укусила одна собака*, см. § IV. 2.

В сочетании с неисчисляемыми именами (т.е. когда множества нет) неопределенные местоимения утрачивают свое обычное значение и порождают шкалу оценки. При этом разные местоимения соотносятся с разными точками этой шкалы: *какой-нибудь* — с низшей, ср. *Сомневаюсь, чтобы моя беседа могла доставить вам какое-нибудь удовольствие* ("Рудин"), а *кое-какой* и *некоторый* — с более высокой: *Это придавало делу некоторый интерес*.

§ 1. МЕСТОИМЕНΙΑ НЕИЗВЕСТНОСТИ

Местоимения на *-то* имеют конкретно-референтный статус (а местоимение *какой-то* предопределяет конкретно-референтный статус своей ИГ), т.е. соотносятся с фиксированным объектом, неизвестным

¹ В дальнейшем анализе мы не принимаем во внимание употреблений, в той или иной мере идиоматичных, типа *Что-то мне пить хочется* (см. § II. 3), *Он какой-то запущенный*, *Учится она кое-как* (≈ 'плохо'), *Когда-то он жил в Москве* (≈ 'давно').

говорящему, — с объектом, который говорящий не в состоянии идентифицировать: *Кто-то его обидел*².

То, что отсылка к говорящему существенным образом входит в семантику местоимений на *-то*, подтверждается следующим фактом. Противопоставление *-то/-нибудь* может быть семантически ясным в контексте глагола пропозициональной установки с субъектом установки в 3-м лице и невозможным, если субъектом установки оказывается говорящий (это семантическое явление обсуждается в работе Peterson 1979, но не в связи с русскими неопределенными местоимениями):

(1) а. Иван хочет спеть $\left\{ \begin{array}{l} \text{какой-то} \\ \text{какой-нибудь} \end{array} \right\}$ романс.

б. Я хочу спеть $\left\{ \begin{array}{l} * \text{какой-то} \\ \text{какой-нибудь} \end{array} \right\}$ романс.

Местоимение *какой-то* допустимо в контексте (1а), поскольку здесь объект фиксирован (желанием Ивана) и всего лишь неизвестен говорящему, и невозможно в контексте (1б), где субъект желания и говорящий — одно и то же лицо, ср. § VI.3.

Употребление местоимений на *-то* в значении *кое-*, ср. (2) *Я хочу вам что-то сказать*, свойственно некоторым идиолектам, но не признается нормативным, см. Ицкович 1963.

О различии между неизвестностью для говорящего, выражаемой местоимениями на *-то*, и собственно неопределенностью, выражаемой в артиклевых языках неопределенным артиклем (а в безартиклевых — группой без детерминативов, с определенными ограничениями на расположение в предложении), см. § IV. 3.

Разновидности неизвестности достаточно полно отражены в словарях — это может быть недостаточность внешних признаков (*Всадник ... держит что-то белое на седле*), невозможность вспомнить (*Что-то я тебе хотела сказать*), отсутствие знакомства (*Разбудил меня какой-то старик*), неидентифицированность (*Какие-то злодеи украли у меня в поезде чемодан с бельем; Эти события имеют какую-то связь*), неточность номинации, в которой говорящий отдает себе отчет (*оборотень какой-то*), и т.д.

Сложная природа семантического компонента 'неизвестность' в составе значения *какой-то* видна на примере (3), где он совмещается со смыслом лексемы *известный*, не порождая аномалии:

(3) Я узнал ее издали по *каким-то* одному мне *известным* приметам.

Однако фраза (4), где *какое-то* при слове *предание* фигурирует одновременно с изложением предания, аномальна: (4) *Заметим еще какое-то предание народов славянских, что праотцы их имели дело с Александром Великим, победителем готов* (Карамзин).

Нормальным для *какой-то*, как и для других адъективных местоимений, является сочетание с общим именем. В сочетании с собственным именем или с определенной дескрипцией значение

²В контексте подчиняющих глаголов говорения субъектом незнания может быть также и сообщающее лицо (*Сказали мне, что заходил за мною кто-то*), а в контексте глаголов мнения — субъект мнения. *Иван считает, что там живет какая-то женщина.*

неизвестности может переходить в пренебрежительную коннотацию:

(5) Это имя ... было куплено у *какого-то Спицына* (Пушкин);

А в это время ему доложили, что пришел *какой-то Башмачкин*.

Как показано в Николаева 1983, это же значение возникает у местоимения *какой-то* и при других нарушениях сочетаемостных ограничений внутри ИГ — в частности, в контексте ИГ предикатного и родового статуса (*Ее муж — какой-то инженер, Подумать, какая-то мышь — млекопитающее*) и вообще в ситуации, где неизвестность исключается контекстом (— *В чем ты пойдешь на банкет? — Есть у меня какое-то платье*).

Укажем некоторые сочетаемостные ограничения, свойственные именным группам с местоимением на *-то*.

1. Местоимения на *-то* не употребляются в повелительных предложениях: **Возьми какую-то книгу*. Действительно, если предмет неизвестен говорящему, он не может идентифицировать его для слушателя, а это делает невозможным выполнение просьбы.

2. Местоимения на *-то* недопустимы в общем вопросе: **Увидели ли вы кого-то?* Если *-то* употребляется в составе общевопросительного по структуре предложения, это значит, что иллюкативная функция высказывания — не вопрос, а вопросительное предположение (или неуверенное утверждение, см. § II. 2): *Вы кого-то увидели?*, ср. об этом Růžicka 1973b, Кобозева 1981. В частновопросительном предложении *-то* вообще невозможно: **Куда ты положил какую-то книгу?*

3. Местоимения на *-то* избегают контекста подчиняющего отрицания, в том числе имплицитного: **Сомневаюсь, что он с кем-то посоветовался*.

4. Местоимения *кто-то*, *что-то* характеризуются ограниченными возможностями выступать в роли антецедента местоимения 3-го лица: **Здесь кто-то был. Кто его видел?* Более естественно в таком контексте употребить не местоимение, а дескрипцию (ср. *Если человек любит кого-то ..., он не может не разделять интересов любимого человека*), — так же как если бы объект вообще не был упомянут, ср. *Спрашивают о лице или предмете потому, что они неизвестны спрашивающему*. Запрет становится менее четким в интродуктивном контексте:

(6) В углу *кто-то* поднялся и... начал обходить кровати. Он останавливался изредка там и сям и потом продолжал путь далее (Помяловский).

В целом, однако, в интродуктивной функции предпочтительны слабоопределенные местоимения; фраза *Какой-то повар-грамотей с поварни убежал своей в кабак*, где в интродуктивной функции выступает *какой-то*, не вполне нормативна.

§ 2. СЛАБООПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Местоимения на *кое-* имеют (или выражают) референтный денотативный статус слабой определенности, т.е. соотносятся с индивидуализованным объектом, который известен говорящему, но предполагается неизвестным слушающему. Местоимения на *кое-*, как и все слабоопределенные местоимения, могут выполнять интродуктивную

функцию, т.е. служить для последующей конкретизации объекта, например:

(1) Я тебе *кое-что* принес. Смотри, какая дыня.

Возможно и не интродуктивное употребление. Однако такое употребление возможно только во мн. числе: *Мне надо сдать кой-какие казенные вещи* (Лермонтов). Бесчисловые формы приобретают при неинтродуктивном употреблении значение множественности:

(2) У Ростовых, как и всегда по воскресеньям, обедал *кое-кто* из близких знакомых; *Кое-кто* ушел из деревни на заработки; В последние пять лет он много прочел и *кое-что* увидел; Дед был вынужден *кое в чем* уступить; Нет, уж вам поневоле придется смотреть *кой на что* сквозь пальцы (Островский); Из философии и риторики *кое-что* еще помню (Чехов).

Местоимение с *кое-* может иметь "заговорщическое" употребление — когда говорящий, не называя объекта, на самом деле рассчитывает на то, что слушатель понимает, о ком (чем) идет речь (такие модификации отнóсятся, пожалуй, к компетенции прагматики). Ср. пример (3), где *кой с кем* допускает и "заговорщическое" понимание, и нейтральное (в последнем случае обязательно имеется в виду множественный объект):

(3) Еду *кой с кем* повидаться

Чрез Николаевский мост (Некрасов).

К слабоопределенным местоимениям относится (в одном из своих употреблений) слово *один*: *Был у меня один приятель*. Первичная функция местоимения *один* — интродуктивная. Выступая вне отношения конкретизации, *один* в тематической позиции частично утрачивает семантику слабой определенности, превращаясь в неопределенный артикль: *Один человек съел на спор лягушку*. Фраза *Меня укусила одна собака* неудачна скорее всего потому, что не годится в качестве интродукции собаки.

Приблизительное мн. число для слабоопределенного *один* — *некоторые* (тоже в одном из значений, об общеэкзистенциальном *некоторые* см. ниже). Однако между этими словами имеется следующее различие. У *один* есть два употребления — *один мальчик* и *один из мальчиков*; в 1-м у слова *мальчик* нет отдельной референции, это общее имя, имеющее только экстенционал; а 2-е сочетание имеет двойную референцию: *мальчиков* соотносится с определенным множеством мальчиков (введенным в рассмотрение в предшествующем контексте)³, а ИГ в целом — с неопределенным элементом этого множества. *Некоторые* (независимо от наличия предлога *из*) — множественный аналог только ко 2-му из этих употреблений: фраза (4) *Некоторые мальчики были в джинсах* понимается как 'некоторые из определенного, заранее известного множества мальчиков', а не из универсального класса, составляющего экстенционал слова *мальчики*. Это различие видно в контексте бытийных предложений. Такой контекст исключает всякую определенность в группе подлежащего. Поэтому *Жил у нас один мальчик*, где определенности нет, возможно, а **Жили у нас некоторые мальчики* — невозможно, так же как **Жил у нас один из мальчиков*.

Таким образом, *один* дает слабоопределенную ИГ, а *некоторые*, как

³О предлоге *из* как показателе определенности см. Падучева 1974: 90.

и один из, — ИГ с двойной референцией. Употребление *некоторый* в ед. числе в значении слабоопределенного *один* архаично (*Из Москвы бежал некоторый злой еретик, Гришка Отрепьев*). В современном языке *некоторый* употребляется только с неисчисляемыми именами: на некотором расстоянии, с некоторой гордостью.

Значение слабой определенности в слове *некоторые* противопоставлено собственно неопределенности в слове *несколько*, ср. показательные различия в сочетаемости:

(5) а. В саду росло *несколько* яблонь; б. *В саду росли *некоторые* яблони.

Аналогичные различия между словами *многие* и *много*:

(6) а. В комнате было *много* людей; б. *В комнате были *многие* люди.

Остальные местоимения на *не-* (*некто* и *нечто*) могут иметь, помимо значения слабой определенности, как в (7), значение неизвестности, как в (8):

(7) Замышляю я *нечто* другое — Я загадку хочу предложить.

(8) Город сквернейший, — сказал *некто*, похожий на Джона Фальстафа.

Некий может быть слабоопределенным (*Некая муха хвасталась, что сотрудничает в газетах*), но чаще равно по значению *какой-то*; употребляется преимущественно с неисчисляемыми именами: *Некое беспокойство сквозило в ее глазах*.

Некоторые ограничения сочетаемости слабоопределенных местоимений.

1. Слабоопределенные местоимения, как и неопределенные, недопустимы в побудительных предложениях (**Возьми одну книгу*) и в вопросах:

(9) а. *Прочли ли вы *некоторые* книги этой серии? б. *Вы знаете *одного* эмигранта? в. *Вы принесли мне *кое-какие* материалы?

2. Слабоопределенные местоимения не могут находиться в сфере действия отрицания. Если они употребляются в отрицательном предложении, то вне сферы действия отрицания: *Он не упомянул одной детали* ≈ 'Имеется одна деталь, которой он не упомянул'. Интродуктивное предложение со слабоопределенными местоимением вообще не имеет отрицания, см. Арутюнова 1976а: 222 (ср. **Не жила в деревне одна женщина*). Действительно, назначение такого предложения — ввести в рассмотрение объект через ситуацию, в которой он принимает участие. Если про ситуацию говорится только, что она не имеет места, то не возникает и объекта в общем поле зрения говорящих.

Запрет на употребление слабоопределенного местоимения в сфере действия отрицания может служить источником однозначности, см. пример (10). Сочетание *it is arguable* имеет само по себе два антонимичных значения — 'сомнительно чтобы' и 'можно думать, что'; но местоимение *certain*, со значением слабой определенности, недопустимое в сфере действия отрицания, оставляет в качестве возможного только 2-е из этих пониманий:

(10) *It is arguable that there are certain non-linguistic communicative acts that would satisfy Austin's definition of speech acts.*

3. У слов, сочетающих слабую определенность со значением множественности, отсутствует значение разделительной множественности, ср.

(11) Он объездил много стран (*многие страны); Он объездил несколько стран (*некоторые страны).

(12) Для этого достаточно нескольких студентов (*некоторых студентов).

§ 3. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ

В словарях *какой-, кто-, что-нибудь*, толкуются обычно как 'безразлично какой, кто, что'. Однако такое толкование не проходит, скажем, для примера (1) (из Шелякин 1978): (1) Или я заблудился в тумане? Или *кто-нибудь* шутит со мной?

В толковании местоимений на *-нибудь* имеется компонент 'участвующий в событии элемент еще не выбран', см. Селиверстова 1964. Этот компонент возникает тогда, когда описываемые события относятся к плану будущего (*Я поговорю с кем-нибудь из них, Поговори с кем-нибудь из них*), и не возникает а) в контекстах, где *-нибудь* употребляется при описании события с выбранным участником, который, однако, неизвестен говорящему (*Вероятно, ее принес кто-нибудь из родственников*); б) при описании события, которое неизвестно, имело ли место, хотя если имело, то участник определен однозначно (*Возможно, его кто-нибудь напугал*); в) в контексте дистрибутивности, если событие отнесено к прошлому и все участники выбраны, например: (2) *Каждый день кто-нибудь из нас ходил к нему в больницу*.

Для описания значения местоимений на *-нибудь* полезно различить следующие типы ситуаций их употреблений (ср. Шелякин 1978): 1) Ситуация-альтернатива, т.е. одна из возможностей, рассматриваемая на фоне других. 2) Ситуация, относящаяся к плану будущего. 3) Ситуация, с неизвестным участником. 4) Ситуация дистрибутивности.

1. Ситуация-альтернатива

а) Такая ситуация возникает в том случае, если пропозиция находится в сфере действия оператора 'возможно': *Может быть, он куда-нибудь уехал; Наверно, он чем-нибудь болен; Ему в первый раз пришли вопросы о возможности для его жены любить кого-нибудь* (Толстой); *Он может что-нибудь забыть*. То же самое в контексте пропозициональных установок, порождающих предположение: *Он был такой старый, слабый; вот я и думал, что кто-нибудь ходил к нему* (Достоевский).

б) В контексте дизъюнкции: *Или он спит, или куда-нибудь ушел*.

в) Условное предложение тоже создает ситуацию-альтернативу: *Если кто-нибудь тебя обидел, прости ему*.

г) В вопросе (общем и альтернативном): *Меня спрашивал кто-нибудь? Он в Москве или уехал куда-нибудь? Знает ли вас кто-нибудь в доме Троякурова?*

Во всех этих примерах имеется то общее, что само существование объекта, соотнесенного с местоимением, находится под сомнением ('неопределенность существования' по Пете 1957). Компоненты 'безразличия к выбору объекта', а тем более 'неизвестности', отсутствуют.

2. Ситуация, относящаяся к плану будущего

а) Такая ситуация возникает во всех видах побудительных контекстов, например: *Спойте нам какой-нибудь романс или песенку* (Островский); *Назовите какое-нибудь число*; *Не дашь ли ты мне какую-нибудь книжку?*

б) В контексте модальных слов — *можно* (в деонтическом значении), *нужно, необходимо, желательно, хочет* и пр.: *Нужно что-нибудь придумать.*

в) В контексте цели: *Она пошла купить чего-нибудь поесть*; *Чисто с целью показаться в каком-нибудь обществе Калинович переоделся.*

г) В контексте глаголов пропозициональной установки и перформативов, при которых пропозиция по смыслу соотносится с еще не наступившим событием:

(3) Он просит вас спеть *что-нибудь*; И я боялся только одного, чтобы *кто-нибудь* чужой не проник во двор; ... все замолчали, ожидая от него *какой-нибудь* оригинальной выходки; Вся квартира жаждала *какой-нибудь* перемены.

В этом контексте объект тоже не существует, но предполагается его существование в будущем; поэтому возникают дополнительные компоненты — 'невыбранность объекта' и 'безразличие к выбору'. Этот компонент может усиливаться переносом ударения на местоимение, частицами *хоть* и *не*:

(4) Ну *хоть* наугад, *кого-нибудь* назовите (Куприн); Ах, боже мой, *хоть* бы *какие-нибудь* щи.

3. Ситуация с неизвестным участником

(5) Видимо, ее встречал *кто-нибудь* из родственников; Должно быть, ее предупредил *кто-нибудь* другой.

Местоимение на *-нибудь* может относиться к неизвестному участнику ситуации только в одном ограниченном контексте — когда в сферу действия предположения попадает не вся предикация, а лишь один из актантов: *-нибудь* должно входить в ремю. Поскольку в этом контексте существование объекта предполагается, возникает компонент 'неизвестность', который в других контекстах невозможен (см. Шелякин 1978).

4. Ситуация дистрибутивности

Такая ситуация возникает в случае многократного события с одним переменным участником:

(6) Каждый день со мной случается *какое-нибудь* несчастье; Не проходило ... дня, чтобы Тит Никонич не принес *какого-нибудь* подарка бабушке или внукам (Гончаров); Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории. *Какая-нибудь* история непременно происходила; Беспрерывно оказывался у него *какой-нибудь* новый талант.

Общее свойство всех контекстов, допускающих частицу *-нибудь*, состоит в том, что ситуация представляется говорящим как одна из

возможных или одна из многих; *-нибудь* относится к общему участнику этих ситуаций.

Замечание. Имеется еще редкое (не отмеченное в имеющихся описаниях) употребление местоимения *какой-нибудь* в составе ИГ родового статуса: *Лично мне Мизгирь напоминала трудолюбивого муравья из какой-нибудь басни* (Мамин-Сибиряк); *Первая комната имеет вид столовой какого-нибудь частного дома* (Гончаров); *Кавалеров, как и везде, где не квартирует какой-нибудь уланской бригады, было менее, нежели дам* (Пушкин).

Итак, ограничение на контекст употребления местоимений типа *-нибудь* состоит в том, что эти местоимения возможны в пропозициях с нейтральным денотативным статусом и невозможны ни при утвердительно-м, ни при презумптивном, см. § IV.6. **Я поговорил с кем-нибудь из них*). Только в пропозиции со значением дистрибутивности *-нибудь* возможно и при утвердительном статусе.

Запрет на употребление *-нибудь* в контексте утвердительного статуса пропозиции приводит к тому, что одно только наличие *-нибудь* может быть признаком того, что иллокутивная функция высказывания — не утверждение, а то, что было названо в § II. 2 правдоподобным заключением (см. в Селиверстова 1964, Кобозева 1981 о *-нибудь* как показателе особой модальности):

(7) На двор въехал экипаж и кто-то спрашивал Обломова. — *Кто-нибудь* из прошлогодних знакомых вспомнил мои именины (пример из Шелякин 1978); Тихо и темно. В одном только месте что-то вроде огонька. Неосторожный наблюдатель *какой-нибудь* (Некрасов); — Что это за человек? — *Какой-нибудь* родственник хозяйки.

Поскольку для независимого предложения модальный контекст всегда может быть домыслен, абсолютный запрет на *-нибудь* возникает только в контексте эксплицитной модальной рамки исключающей такую модальность: **Я вижу, что кто-нибудь пришел*.

Однако сама по себе нереальность ситуации еще не создает допустимого контекста для *-нибудь*. Так, в ситуациях, которые служат объектом чувственного восприятия, даже если их реальность ставится под сомнение, употребляются местоимения на *-то*, а не на *-нибудь*; **Раньше она чувствовала себя нужной кому-нибудь*; **Мне кажется, что кто-нибудь ходит по чердаку*.

Другой вид нереальной ситуации, где предпочтительно для обозначения неидентифицированного объекта местоимение на *-то*, возникает в контексте сравнения: *Гаврила ... греб неровно, точно пугаясь чего-то*; *улыбаясь, точно ребенок, которому только что простили какую-то шалость* (Горький). По-видимому, идея сравнения включает семантический компонент чувственного восприятия ситуации-компаранта. Однако местоимения на *-нибудь* здесь не исключены: *Так и валится, как будто сорок пуд сбрасывает кто-нибудь с телеги* (Гоголь).

Не являются допустимым контекстом для местоимений на *-нибудь*, подчиненные пропозиции глаголов говорения — *сказать, говорить, рассказывать, утверждать, сообщать, давать слово, упрекать* (хотя этот контекст не порождает презумпции факта в подчиненной пропозиции ср.: **Он сказал, что кто-нибудь взял его шапку*; **В телеграмме было сказано, что кто-нибудь приехал*; **Я настаиваю, что ее кто-нибудь обидел*; **Говорили, что он кого-нибудь отравил*.

В контексте глаголов с контрфактической презумпцией, касающейся подчиненной пропозиции, *-нибудь* тоже недопустимо, ср. **Ему почудилось, что кто-нибудь ходит по чердаку*; **Мне приснилось, что кто-нибудь чужой поселился в доме*; **Он воображает, что его кто-нибудь понял*; **Иван делает вид, что кто-нибудь его обидел*; **Она притворяется, будто ее что-нибудь беспокоит*.

Не служит допустимым контекстом для *-нибудь* ситуация, которая утверждается как не имеющая места. Действительно, если не и *-нибудь* должны встретиться в одном предложении, то обычно возникает отрицательное местоимение (**Он не трогал кого-нибудь* ⇒ *Он никого не трогал*). Избегается и такая структура, где местоимение на *-нибудь* подчинено отрицанию в главном предложении: ?*Неправда, что он кого-нибудь удивил* ⇒ *Неправда, что он удивил кого бы то ни было*.

Перейдем теперь к местоимениям на *-либо*. О местоимениях на *-либо* говорится обычно, что они синонимичны местоимениям на *-нибудь* (Шелякин 1978, Кобозева 1981; ср., однако, Veugens 1964, Саламин 1975). Между тем для местоимений на *-либо* имеется контекст употребления, где они отчетливым образом не взаимозаменяемы с местоимениями на *-нибудь*. Это контекст внутрилексемного отрицания, т.е. контекст лексем, у которой отрицание входит в состав толкования (Падучева 1974: 109):

- (8) Яков оказался лишенным *каких-либо* острых примет (Горький); ... хотела позабавить себя и мужа комизмом несовместимости этой обстановки с *каким-либо* изяществом (Федин); Отсутствуют *какие-либо* указания о способе их применения; Бессмысленно искать *каких-либо* оправданий; Это препятствует созданию *какой-либо* прочной базы; Я сомневаюсь в возможности *каких-либо* улучшений; Их трудно в *чем-либо* убедить; Он отказывается *что-либо* объяснять; ср., однако: **Он прервал с мамой какое-либо знакомство*.

Если заменить внутрилексемное отрицание на грамматическое, то *-либо* становится менее естественным:

- (9) Он отказался от *какой-либо* помощи — *не принял *какой-либо* помощи; Он решил задачи без *какой-либо* помощи — *не пользовался *какой-либо* помощью; Он был вдали от *какого-либо* жилья — *Поблизости не было *какого-либо* жилья; Ему чужды *какие-либо* колебания — *не свойственны *какие-либо* колебания; Ему за прещены *какие-либо* отступления от стандарта — *не разрешены *какие-либо* отступления.

Другой контекст для местоимения на *-либо* — отрицание в предикации, семантически подчиняющей данную:

- (10) Не видно было, чтобы эти бабы собирались *что-либо* купить; Он не видел ни пыли на дороге; ни другой *какой-либо* приметы их приближения; Он врет, что читал *что-либо* из этого списка; Он не в состоянии *что-либо* сделать; Не всякое слово обозначает *какой-либо* объект; ... и не нашла нужным *что-либо* сказать (Толстой). Иногда местоимение на *-либо* возможно и при поверхностном отрицании в той же предикации:

- (11) Его слова не заронили во мне *какой-либо* надежды; Он не проявил *какого-либо* интереса; Там не было ни трудностей, ни *каких-либо*

интересных задач; Эти факты не поддаются какому-либо (никакому, какому бы то ни было) анализу.

Невзаимозаменяемость -либо с -нибудь здесь особенно очевидна: местоимение на -нибудь в таком контексте имеет тенденцию заменяться на отрицательное (Падучева 1974: 149).

Показательны многочисленные встречающиеся в литературе неправильные употребления местоимений на -либо в контексте внутрилексемного или поверхностного отрицания: *‘Степи, пустыни, горы, поля, холмы отделяли нас от какого-либо моря (Соболев. “Моря и океаны”); ‘Волченорский волостной исполком предписывает вам немедленно прекратить в Юксинской тайге какие-либо приискальные работы (Марков. “Строговы”).*

Контекстом, допускающим -либо, но не -нибудь, является также сравнительная конструкция: *Они <хищные ящеры> стали бегать быстрее, чем какое-либо другое животное; Период не очень большой, но он более, чем какой-либо другой, насыщен содержанием; Он был первым, кто когда-либо пытался решить эту проблему; Ему казалось, он уже понял сущность искусства лучше, чем кто-либо другой.*

По значению -либо отличается от -нибудь тем, что не наращивает дополнительного компонента ‘безразлично какой’. Поэтому -либо не употребляется в ситуациях, отнесенных к плану будущего (**Завтра я куда-либо пойду*). Отсюда же тот факт, что -нибудь нельзя заменить на -либо в контексте *хоть*:

(12) Авилов постоянно и усиленно искал *хоть* какого-нибудь (**хоть* какого-либо) развлечения.

Кроме неконкретного и дистрибутивного употребления, экзистенциальные местоимения могут иметь общеэкзистенциальное, т.е. употребляться в составе высказываний общего характера. Слово *иной* (в ед. числе) допускает только общеэкзистенциальное употребление, см.

(13); слово *некоторые* неоднозначно, и понимание зависит от денотативных требований глагола, ср. (4) из § 2 и (14):

(13) И с гуся-то не вся ведь вода стекает, *иная* капелька и пристаёт.

(14) *Некоторые* растения на ночь закрываются серыми щитками.

§ 4. КОНКУРЕНЦИЯ -НИБУДЬ И -ТО

Местоимения на -то могут употребляться в контекстах, характерных для местоимений на -нибудь, см. примеры из Rybák 1965:

(1) *Кто-то* должен быть на этом участке строительства коммунизма; Если человек любит *кого-то* ... он не может не разделять интересов любимого человека; Ах, если б догадался *кто-то*, кому случилось рядом быть, всю жизнь мою заснять на фото и мне однажды подарить ... (Алигер); Стонет душа, нестерпимо хочется говорить *кому-то* речь, полную обиды за всех, жгучей любви ко всему на земле ... (Горький).

М.А. Шелякин (1978) для этих контекстов постулирует особое значение -то, при котором -то синонимично -нибудь. Однако несмотря на возможность взаимозамены без изменения правильности, -то и -нибудь в этих контекстах не вполне синонимичны: частица -то “замещает” -нибудь (так же как она замещает кое- в примере (2) из § 1), привнося свойственное именно местоимениям на -то представление о

единственном, хотя и неизвестном участнике ситуации, и вытесняя идею безразличия к выбору участника, свойственную *-нибудь*.

Контексты, фигурирующие в (1), можно разделить на три группы: 1) желание; 2) условие; 3) долженствование. Рассмотрим каждый из этих контекстов с точки зрения допустимости семантического противопоставления *-то/-нибудь*. Что касается контекста желания, то здесь очевидное противопоставление: предметом желания человека заведомо может быть неизвестный ему объект, который однако, мыслится как существующий и единственный, а не произвольный; так, *Мне хочется чего-то кисленького ≠ чего-нибудь кисленького* (ср. Шелякин 1978). Таким образом, здесь *-то ≠ -нибудь*.

В контексте условия также возможно противопоставление:

(2) а. Если бы ему *кто-нибудь* помогал ... б. Если бы ему *кто-то* помогал ...

(3) а. Если он *кого-нибудь* ждет ... б. Если он *кого-то* ждет ...

(4) а. Если он *что-нибудь* принесет ... б. Если он *что-то* принесет ...

Предложения вида (26), (36) уместны, например, в контексте, где уже было высказано соответствующее предположение (а предложение (46) вообще правильно только при условии, если говорящий принимает это предположение за факт).

Остается контекст необходимости. В Dahl 1970 высказывается предположение, что предпочтительность местоимений на *-то* в этом контексте ((5а) естественнее, чем (5б)) — это нечто вроде формального согласования; однако возможна более содержательная интерпретация. (5) а. *Кто-то* должен к нему пойти; б. *Кто-нибудь* должен к нему пойти.

Местоимение на *-то* естественно возникает в описаниях виртуальных ситуаций, если имеется отличный от говорящего субъект, который держит такую ситуацию под своим контролем, выбирая участников по своей воле, неизвестной говорящему:

(6) а. Он велел им написать *какое-то* (*≠ какое-нибудь*) письмо; б. Нас должны *куда-то* (*≠ куда-нибудь*) повести.

В (6) имеется субъект, контролирующий ситуацию, и эта ситуация, хотя и неопределенная для говорящего, фиксирована в мире намерений этого субъекта. А в (5а) (если понимать *должен* как моральное долженствование, а не предварительную договоренность) значение неизвестности просто невозможно, поскольку оно требует выбранного участника. Таким образом, *-то* в контексте долженствования отклоняется от своего обычного значения. В то же время оно не вполне равно значению *-нибудь*, поскольку *-нибудь* в данном контексте — ситуация, относящаяся к плану будущего — подчеркивает безразличие к выбору.

Если в одном предложении совмещаются несколько факторов, влияющих на выбор неопределенного местоимения, то между ними может возникнуть конфликт (В.А. Матвеев, устное сообщение). Так, в (7) сочетаются дистрибутивность и долженствование; фраза (а), где побеждает долженствование, видимо, удачнее, чем (б), где побеждает дистрибутивность:

(7) а. К *какой-то* классификации нужно прибегать при описании любого языка; б. Все требует *какого-нибудь* приложения (Горький).

Глава XI

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ. ЗНАЧЕНИЕ ВСЕГДА

Из местоименных слов с универсальным значением мы рассмотрим только наречие *всегда* (об универсальных местоимениях см. Падучева 1974: 77).

§ 1. КВАНТИФИКАЦИЯ СИТУАЦИЙ

Семантическая проблематика, связанная со словом *всегда*, как и с другими кванторными временными наречиями (*никогда*, *иногда*, *часто*, *когда-нибудь*, *вечно*, *все время*, *все еще* и др.), может быть продемонстрирована на примере (1), который показывает, что это слово в разных контекстах по-разному участвует в формировании смысла предложения:

- (1) а. Он *всегда* сидит в библиотеке; б. Он *всегда* читает в автобусе; в. Он *всегда* обедает в ресторане.

Предложения (а) — (в) синтаксически однотипны — состоят из подлежащего, сказуемого, *всегда* и обстоятельства места; однако связь между обстоятельством места и остальной частью предложения осознается в них по-разному: (в) = 'Всегда, когда он обедает, он делает это в ресторане'; (б) = 'Всегда, когда он находится в автобусе, он читает' ($\neq$ 'Всегда, когда он читает, он делает это в автобусе'); (а) $\approx$ 'Когда ни посмотришь, он всегда сидит в библиотеке'; $\neq$ 'Всегда, когда он сидит, он делает это в библиотеке'; $\neq$ 'Всегда, когда он в библиотеке, он сидит'.

Не объяснив источников различий между перефразировками предложений (а) — (в), нельзя эксплицитно описать смысл предложения со словом *всегда* — например, нельзя сформулировать для такого предложения его условия истинности (о связи смысла и условий истинности см. Lewis 1972). Ниже будет показано, что в примерах (а) — (в) *всегда* имеет разные значения.

Особенность неоднозначности слова *всегда* состоит в том, что 1) различие значений не прямо связано с денотативным планом (в этом отношении более простыми будут случаи типа *изобретение* — 'действие/объект' или *соболь* — 'животное/мех', где неоднозначность прямо связана с экстенционалом); 2) не существует аналогичных пар слов, где бы это же различие выражалось не омонимично (ср. пары *наследование* — *наследство* для соотношения 'действие/объект'; *ягненок* — *каракуль* для соотношения 'животное/мех'); 3) различие значений не связано с синтаксическим контекстом слова (как, скажем, в случае *принять что от кого* и *принять что за что*, где различие значений глагола отражается в различном управлении), а только с семантическим¹; 4) поскольку различие значений все же связано с контекстом, невозможно противопоставление значений в одном и том же контексте — иначе как в случае омонимичного контекста.

Имеется известная логическая проблема, касающаяся слов типа *всегда*, *иногда*, *часто* (см. Lewis 1975): эти наречия очевидным образом

¹ Все примеры неоднозначности — из Апресян 1974.

выражают квантификацию; но каких сортов переменные могут быть у соответствующего квантора? Иногда это моменты или отрезки времени, иногда события. Но *всегда* может употребляться и в таких предложениях, которые не описывают никаких событий, — например, в предложениях со стативными предикатами, ср. (2) *Мне кажется, я всегда ее знал*, а также в предложениях, где вообще отсутствует локализация во времени, ср. (3) *Квадратное уравнение всегда имеет два корня*, хотя в близких контекстах (2') **Я всегда ее знаю* и (3') **Кит всегда млекопитающее*, употребление *всегда* невозможно. Таким образом, возникает задача построения такой типологии ситуаций (ситуация — то же, что state of affairs, положение вещей), которая бы позволила выявить различные возможности их квантификации.

Ситуация понимается в самом широком смысле — как референт языкового выражения с пропозициональным значением. Впрочем, иногда удобнее говорить не о ситуациях, а об их концептах, т.е. о пропозициях: ситуации и концептуализующие их пропозиции находятся в естественном взаимнооднозначном соответствии друг с другом. Основы классификации ситуаций были заложены работами З. Вендлера и А. Кенни, посвященными семантическим классам глаголов (см. Vendler 1957, Kenney 1963), а также многочисленными исследованиями по семантике славянского глагольного вида, см. в первую очередь Маслов 1948. Существенное продвижение, достигнутое в более поздних работах, состояло в осознании того, что естественным объектом семантического анализа являются не глаголы и даже не предикаты, а именно пропозиции, поскольку имеется по крайней мере четыре фактора, которые находятся в тесном взаимодействии друг с другом: 1) лексическое значение предиката, 2) денотативный статус актантов предиката; 3) наличие некоторых обстоятельств в составе глагольной группы; 4) видо-временное значение глагольной формы (причем из видовых категорий существенны и противопоставления типа совершенный/несовершенный вид, как в славянских языках, и типа перфект/имперфект/аорист, и типа продолженный/непродолженный вид, как в английском (см. Mourelatos 1981: 199).

Мы будем исходить из классификации ситуаций, которая является результатом следующих иерархических разделений.

Разделение 1. Ситуации делятся на статические и динамические. **Статическая ситуация** — это такая, которая не ведет к изменению состояния или свойств участвующих в ней объектов на всем протяжении того временного интервала (быть может, бесконечного), на котором она имеет место. Например, в ситуации 'Лисица видит сыр', на всем протяжении, когда она имеет место, свойства объектов остаются неизменными (точнее, не подвергаются изменению в силу одного только факта наличия данной ситуации); то же для ситуаций 'Иван любит Марью', 'Иван болен', 'Иван фотограф', 'Окна гостиницы выходят на море'. Динамические ситуации характеризуются наличием качественно различных временных фаз.

Разделение 2. Статические ситуации делятся на постоянные (не локализованные во времени²), т.е. свойства и соотношения, и не

²О признаке 'локализованность действия во времени' см. Бондарко, Буланин 1967:86.

постоянные, т.е. состояния. Постоянными являются все свойства и соотношения, вытекающие из принадлежности объектов к той или иной таксономической категории (*Дж. Уилсон — это женщина, Кит — млекопитающее*), свойства типов объектов (*Рыбы дышат жабрами*), а также отношения кровного родства, неотъемлемой принадлежности, относительные расположения неподвижных предметов (*Справа к реке примыкают заволжские степи*), свойства и соотношения абстрактных объектов, не локализованных в пространстве.

Состояния могут быть двух видов — временные и устойчивые. Временные состояния выражаются всеми теми категориями предикатных слов, которые относятся в русской грамматике к категории состояния — *Он рад, Он пьян, Он сегодня был мрачен, Я в панике*, Устойчивые состояния — это тот самый класс, который был отнесен к состояниям 3. Вендлером: устойчивыми являются в большинстве случаев ментальные и эмоциональные состояния (*Иван знает латынь, Иван любит — уважает, ненавидит* и т.д. — *Марию*), предрасположения, привычки, обыкновения, профессии, роды занятий, местожительства. Кроме того, к устойчивым состояниям относятся пропозиции с глаголами в узуальном значении (*Он курит*), а также с глаголами "абстрактного отношения" (по 3. Вендлеру) — *воспитывать, господствовать, править, подчиняться, помыкать, царствовать, руководить*, т.е. отношения, представляющие собой результат абстракции от множества конкретных действий аналогично тому, как узуальное *Он курит* — это абстракция от отдельных актов курения.

Устойчивость состояния не означает, что оно не может прекратиться; устойчивые состояния могут возникать и кончаться (обычно, впрочем, начало и конец у устойчивого состояния плавные, нерезкие). Так, ситуация 'Замок окружают леса' — это устойчивое состояние, хотя, с одной стороны, леса могли вырасти, а, с другой стороны, их можно вырубить. Устойчивое состояние — это такое, которому не свойственно меняться в силу его внутренней природы, в частности, не свойственно многократно прерываться и возобновляться (о признаке 'прерывность состояния' см. Селиверстова 1982: 145; ср. также Булыгина 1982: 38).

Диагностическим контекстом, отличающим состояния, в том числе устойчивые, от свойств и соотношений, служит наречие *сейчас* — состояния возможны в этом контексте, а свойства и соотношения — нет: *Он сейчас курит; Сейчас люблю тебя*, и даже *Он сейчас муж Марии* допустимо, а **Он сейчас высокого роста*, **Он сейчас хищник*, **Он сейчас немец* в нематифорическом употреблении — нет. Дело в том, что, в отличие от постоянных свойств и соотношений, вообще не локализованных во времени, устойчивые состояния, как и временные, локализованы, но не допускают слишком точной локализации. *Сейчас*, в силу своего значения, обеспечивает переменную точность локализации (ср. Есперсен 1958, с. 302: "на практике *сейчас* означает промежуток времени некоторой продолжительности, которая сильно меняется в зависимости от обстоятельств"): *верно сейчас* — значит верно в неопределенном интервале, охватывающем настоящий момент. Поэтому *сейчас* безразлично к противопоставлению временных и устойчивых состояний.

Следует подчеркнуть, что в данной классификации не возникает понятия временного свойства: все временные свойства — это то же, что временные состояния. Ср. пример из Селиверстова 1982, с. 127: *В течение*

многих лет лес был густой, а сейчас совсем редкий. Одновременно отсутствуют и постоянные состояния: постоянное состояние — это свойство.

Разделение 3. Динамические явления делятся на длительные (т.е. занимающие временной интервал), процессы, и не обладающие протяженностью во времени, события, ср. *Он пишет письмо* (процесс) и *Он написал письмо* (событие).

Разделение 4. Процессы делятся на гомогенные и негомогенные по признаку 'отсутствие/наличие внутреннего предела развития' (по Ю.С. Маслову), т.е. предполагаемого результата или конечной точки, ср. *Иван купается* и *Иван пишет письмо*.

Поскольку негомогенный процесс может выражаться только одной из форм или употреблений глагола (например, несом. видом при наличии совершенного), этот класс, при всей его естественности, не рассматривался как отдельный З. Вендлером и всеми теми, кто классифицировал не ситуации, а глаголы (так, Вендлер рассматривает только гомогенные процессы, поскольку он говорит, что "любая часть процесса имеет ту же природу, что и процесс в целом"³). Негомогенные процессы выделены в Булыгина 1982.

Иногда не очень ясна граница между гомогенными процессами и временными состояниями. Так, признак "подразделимость" не отличает *Он плавает* (процесс) от *Он лежит* (состояние). Однако различие есть, и оно проявляется в языковом поведении. Например, как отмечается в Булыгина 1982, узуальное значение способны приобретать глаголы, выражающие гомогенные процессы, но не состояния.

Что касается событий, то они, согласно З. Вендлеру, делятся на результаты и достижения (эти удачные переводы англ. терминов accomplishment и achievement принадлежит Т.В. Булыгиной) по признаку подготовленности события предшествующим процессом, но это различие для нашей задачи несущественно.

В результате возникает следующее классификационное дерево:

§ 2. ЗНАЧЕНИЕ ВСЕГДА

Нормальное употребление для *всегда* — в контексте глагола несом. вида, всех трех времен. Особые значения, возникающие в контексте сов. вида буд. времени (*С ней я всегда договорюсь, Отказаться ты всегда успеешь*) не рассматриваются. *Всегда* может еще примыкать в

³Этот признак получил позднее название 'подразделимость': ситуация подразделяема, если любой ее временной отрезок (разумеется, соразмерной длины) рассматривается как та же ситуация.

предложении к формам без времени — к инфинитиву, а также к глаголу или прилагательному в непредикативной форме (*Он заставлял ее всегда быть возле себя; всегда довольный сам собой* и т.д.). В таких контекстах для семантического анализа может быть существенна временная отнесенность данной формы, восстанавливаемая по смыслу.

Выделяются следующие три основных значения слова *всегда*: *всегда₁* = 'во все моменты времени', 'на всей временной оси', как в примере (1а) из § 1; *всегда₁* обозначает непрерывно длящееся состояние и может быть представлено как квантор общности по моментам времени; это не п е р ы в н о - в р е м е н н о е значение;

всегда₂ = 'каждый раз, когда', как в примере (16); *всегда₂* означает наличие постоянного отношения одновременности между повторяющимися событиями и может быть представлено как ограниченный квантор общности по моментам времени (или как квантор по событиям); это д и с к р е т н о - в р е м е н н о е значение;

всегда₃, в отличие от *всегда₁* и *всегда₂*, не связано со временем; *всегда₃* обозначает наличие общего свойства у класса однородных объектов — в частности, у повторяющихся событий или состояний (см. пример (1 в)), но, вообще говоря, у объектов любой природы; *всегда₃* отражается в семантическом представлении как квантор общности по переменной произвольной области (исключая, конечно, моменты времени); это не в р е м е н н о е значение.

В словарях русского языка разные значения *всегда* четко не разграничиваются. Однако словарь Литре (Petit Littré. Dictionnaire de la langue Française: Gallimard, Hachette, 1959) различает для франц. *toujours* значения 'без перерыва' и 'без исключения во всех случаях', т.е. *всегда₁* и *всегда₂*; Оксфордский словарь (Oxford English dictionary: Oxford university press, 1933) различает для англ. *always* значение 'без перерыва, постоянно' (в противоположность 'временно') и 'по любому случаю' (в противоположность 'иногда'). Различение фреквентативного *всегда* (*всегда₂*) и нефреквентативного (*всегда₁*) см. в Булыгина 1982. О *всегда* в значении *всегда₃* см. Падучева 1974: 96).

1. Непрерывно-временное значение

Всегда₁ означает, что ситуация, составляющая сферу действия *всегда*, занимает непрерывным образом всю временную ось. Таким образом, предложение вида

всегда₁ (Φ)

(где Φ — ситуация, неограниченно воспроизводимая во времени, т.е. длящееся состояние или же гомогенный процесс) истинно, если для всех моментов времени⁴ имеет место Φ. Примеры:

(1) Он *всегда* сидит в библиотеке; Он *всегда* в плохом настроении и мрачен; Это кафе *всегда* переполнено; Революция *всегда* молода (Маяковский); У тебя есть место, где тебя *всегда* ждут; Эти книги *всегда* здесь лежат; Об этом *всегда* надо помнить.

Временная ось (отрезками которой являются моменты времени)

⁴Моментом времени мы называем произвольный временной интервал без ограничений на протяженность, ср. в § 1 об интервале, соответствующем понятию 'сейчас'.

может подвергаться редукции. Редукция определяется следующими факторами.

1) Временным планом, к которому относится событие: если событие относится к прошлому или будущему, то переменная по моментам времени принимает свои значения на отрезке временной оси, соответственно, до или после настоящего момента.

2) Временем существования участников ситуации (см. об этом Lewis 1975): *Иван всегда здесь* = 'Иван на протяжении своей жизни здесь'.

3) Обстоятельством времени, которое может срезать один из концов временной оси или оба (*Он давно уже всегда мрачен, Отныне он всегда будет с нами*).

4) Удаляться могут, кроме того, те отрезки временной оси, на протяжении которых предикат бессмыслен в применении к данным участникам ситуации (см. Lewis 1975). Так, большинство предикатов, характеризующих состояние человека, осмысленно только для тех участков временной оси, когда человек, скажем, бодрствует, а не спит (*Иван всегда мрачен*). В более общем виде квантификация по моментам времени происходит только на отрезках временной оси, соответствующих "нормальному функционированию участников ситуации". Так, *всегда* в применении к кафе (*Кафе всегда переполнено*) будет означать 'для всех моментов на том участке временной оси, когда кафе работает'.

5) Участки временной оси, в пределах которых переменная по моментам времени принимает свои значения, иногда выделяются с помощью распределяющего обстоятельства:

(2) Мы не *всегда* охватываем в своей будничной работе весь смысл происходящего; Обломов *всегда* ходил дома без галстука.

Здесь всегда ... в своей будничной работе = 'в каждый момент во время будничной работы'; *всегда... дома* = 'в каждый момент во время нахождения дома'.

С о ч е т а е м о с т н ы е о г р а н и ч е н и я

Из сочетаемостных ограничений рассматриваются в основном семантические. Не рассматриваются поверхностные ограничения — такие, как несочетаемость с сов. видом, и запреты, имеющие общий характер, — такие, как запрет на употребление в контексте отрицания, свойственный всем универсальным местоимениям, см. Падучева 1974: 96.

1. *Всегда₁* не употребляется в контексте ситуаций, не обладающих длительностью (**Он всегда сегодня пришел поздно*). Это ограничение непосредственно вытекает из толкования значения.

2. *Всегда₁* не употребляется в контексте постоянных свойств и соотношений, т.е. ситуаций, не имеющих временной локализации (ср. Grzegorzczukowa 1975):

(3) *Иван *всегда* глухой; *Человек *всегда* смертен; *Решение проблемы снижения газов *всегда* имеет техническое и научное значение; *Кит *всегда* млекопитающее.

Любое соотношение, которое по нашим представлениям о мире является неизменным, исключает *всегда₁*:

(4) *Земля *всегда* вращается вокруг солнца; *Окна гостиницы "Ялта" *всегда* выходят на море; *Этот дом *всегда* стоит на горе.

Разумеется, запрет действует в условиях прямых, нейтральных пониманий. Так, фраза *Справа всегда возвышается здание гостиницы*, вообще говоря, аномальна, но может получить осмысленную интерпретацию в каком-то усложненном контексте, например: *Когда я прохожу мимо, ...* Однако при этом *всегда* $\neq$ *всегда₁*.

3. *Всегда₁* не употребляется в контексте устойчивых состояний — predispositions, потенциальных и узуальных действий (узуальное, т.е. регулярно повторяющееся действие естественно интерпретируется как устойчивое состояние объекта, см. § 1). В частности, *всегда₁* не употребляется в контексте так наз. стативных глаголов — *любить, знать, хотеть, существовать*:

(5) *Иван *всегда* муж Марии (пример из Grzegorzczukowa 1975); *Иван *всегда* умеет играть на флейте; *Иван *всегда* прекрасный фотограф; *Иван *всегда* служит сторожем на железной дороге; *Иван *всегда* знает английский язык; *Он *всегда* искренне предан вам; *Эти насаждения *всегда* очень украшают нашу улицу; *Я его *всегда* не люблю; *Я *всегда* считаю, что он талантлив; *Мы с ним *всегда* дружим; *Анна *всегда* любит говорить по телефону.

Если ограничение 1 естественно объясняется как противоречие, а 2 — как категориальная несовместимость, то ограничение 3 на первый взгляд непонятно. Можно было бы предположить, что несочетаемость *всегда* с устойчивыми состояниями объясняется тем, что исходное выражение уже включает смысл 'всегда', так что результат будет тавтологичен. Однако, во-первых, эти состояния всего лишь устойчивы, а не постоянны: они могут возникать и кончаться. Так, Иван, быть может, не всегда знал английский язык; Анна может перестать любить телефонные разговоры и т.д. Во-вторых, смысл 'всегда' может быть добавлен к тому же самому предикату, но только это требует иных средств выражения; так, идея 'Иван всегда муж Марии' может быть адекватно выражена предложением *Иван был, есть и будет мужем Марии*.

Источник несовместимости устойчивых состояний с *всегда₁* состоит в том, что *всегда₁* подчеркивает идею непрерывности состояния и потому не сочетается с состояниями, которые не мыслятся как прерываемые и возобновляющиеся, см. признак 'прерывность состояния' в § 1.

Запрет на употребление *всегда₁* в контексте устойчивых состояний действует только в наст. времени — в прош. и буд. времени сочетание возможно:

(6) Иван *всегда* был мужем Марии; Она *всегда* жила только ради него; Он *всегда* работал в школе; Наша литература *всегда* оказывала большое влияние на нравы; Он *всегда* принадлежал к числу ее поклонников; Я *всегда* знал, что он негодяй; Ты *всегда* был немножко актер; Он *всегда* был ревнив; Этот мыс с маяком существовал *всегда*, он вечный; Я был *всегда* немного прост; Иван *всегда* бил свою жену, Я *всегда* мечтал поехать в Индию.

(7) Пусть *всегда* будет солнце; Я дал слово, что буду *всегда* ее хранить; Кто раз украл, того *всегда* будут вором считать; Пьесы Мольера будут играть *всегда*.

Ср. допустимое *Мне кажется, я всегда вас любил и аномальное Не ходи ты за Олешенку Поповичу, потому, я Поповича не люблю всегда* (Онежская былина).

В примерах (6), (7) обращает на себя внимание сдвиг логического

акцента по сравнению с (1): в (1) *всегда*₁ подчеркивает непрерывность состояния ('не существует момента, когда оно не имело бы места'); а в (6), (7) акцентируется то, что состояние давно наступило (буквально, 'не существовало момента, когда его не было') или не скоро кончится (буквально, 'не наступит момента, когда его не будет'). При этом значение *всегда* в наст., прош. и буд. времени остается одно и то же.

Заметим, что возможность употребления *всегда*₁ в контекстах типа (6), (7) достигается за счет следующего ограничения, накладываемого на семантику времени в этих предложениях. Прош. и буд. время допускают в принципе два различных понимания в зависимости от положения точки отсчета по Г. Рейхенбаху (см. Reichenbach 1947). Точка отсчета либо синхронна описываемой ситуации, т.е. совпадает с временем ситуации, либо ретроспективна (соответственно, для буд. времени, проспективна), т.е. совпадает с моментом речи. Ясно, что в примерах типа (6), (7) синхронное положение точки отсчета невозможно: в этом случае ситуация в прош. и буд. времени была бы та же, что в настоящем, в котором *всегда*₁ в контексте устойчивых состояний аномально.

Некоторые прилагательные, по своему значению призванные выражать постоянные свойства (о противопоставлении постоянного свойства актуальному, т.е. состоянию, см. Апресян 1979), допускают употребление в контексте *всегда*₁, но при этом меняют значение — вместо 'обладает свойством X' они начинают означать 'проявляет, обнаруживает свойство X'. Так, *сердит*, *мрачен*, *нахмурен* обозначают временные состояния и употребляются в контексте *всегда*₁ в полном соответствии со своим словарным значением; а форма *скромна* обозначает постоянное свойство, так что ее употребление в контексте *всегда*₁ требует сдвига значения:

(8) *Она всегда скромна* = 'Она всегда ведет себя скромно'.

Если же прилагательному недоступен этот сдвиг значения, его употребление в контексте *всегда*₁ недопустимо:

(9) **Он всегда ревнив* (но *Он всегда ревнует*); **Он всегда самодоволен* (но *Он всегда доволен собой*); **Она всегда застенчива* (но *Она всегда стесняется*).

Существительные-предикативы обычно обозначают либо постоянные свойства/соотношения (тогда они не допускают сочетания с *всегда*₁; ср., впрочем, *Поэт всегда должник вселенной*, *Париж — всегда Париж*), либо устойчивые (тогда они не сочетаются с *всегда*₁ в наст. времени, ср. *Он всегда был вашим союзником*).

Постоянное свойство может переводиться во временное состояние с помощью специальных усилий говорящего:

(10) Репин был великий художник *всегда*: каждую минуту бытия — что бы он ни делал, о чем бы и с кем бы ни говорил.

Показательно нарушение запрета в перечислениях, где постоянные свойства упоминаются вперемежку с временными состояниями: ... *скудный муж, ей цену зная, ... Всегда нахмурен, молчалив, Сердит и холодно ревнив* (ср. **всегда ревнив*); *Это мудрый друг, всегда ригоричный и несгибаемый* (ср. **всегда несгибаемый*).

4. Отрезок временной оси, к которому приурочивается ситуация, не может быть слишком коротким. При коротком промежутке для выражения той же идеи используется не *всегда*, а *все время*: **Вчера он*

*всегда молчал; *Со вчерашнего дня он всегда рассеян; *Пока он не сел в автобус, собака всегда бежала за ним; *Последние два года он всегда болел.* Это ограничение распространяется и на другие значения *всегда*, в частности, на *всегда₂*: **В прошлом году он всегда опаздывал на занятия.*

Заведомо исключено для *всегда* сужение интервала изменения временной переменной до актуального отрезка "сейчас", как это возможно для *иногда*, *часто*:

(11) а. В конце деревни *часто* вспыхивал огонек, и тут же гас; С Севера *иногда* приходили подкрепления; б. **Вода всегда прибывала.*

Вообще *всегда* и *все время*, почти синонимичные в наст. времени, расходятся в прош. и будущем; так, *Он не всегда будет занят* = 'Он освободится', а *Он не все время будет занят* может означать 'Он будет временами свободен'. То же различие для прош. времени.

5. Процессы, имеющие внутренний предел, даже если они имеют достаточно большую длительность, составляют сомнительный контекст для *всегда₁*, ср. **Он всегда пишет роман.*

Глаголы монотонного изменения, хотя они и не имеют внутреннего предела, тоже не составляют допустимого контекста для *всегда₁*: **Московский климат всегда (⇒ все время) ухудшается; *Погода в горах всегда (⇒ все время) меняется.*

2. Дискретно-временное значение

Всегда₂ — это ограниченный квантор общности по моментам времени, т.е. квантор общности по переменной, пробегающей множество периодически повторяющихся моментов времени, охарактеризованных либо через ситуацию (имеющую место в этот момент), либо непосредственно — обстоятельством времени. Таким образом,

всегда₂ (Φ)

(где Φ — импликация $\Phi'(t) \rightarrow \Phi''(t)$, а $\Phi'(t)$ и $\Phi''(t)$ — ситуации, которые имеют место в один и тот же момент t), истинно, если для любого t , для которого верно $\Phi'(t)$, верно и $\Phi''(t)$. При этом ситуация Φ' должна воспроизводиться регулярно и с достаточной частотой.

В отличие от *всегда₁*, относящегося к непрерывному, неквантованному времени, *всегда₂* — это квантор по дискретным моментам времени. Это различие определяется структурой того смысла, который составляет сферу действия *всегда*: сфера действия *всегда₁* — это ситуация, непрерывно переходящая в следующий временной момент, а сфера действия *всегда₂* должна содержать смысловой компонент Φ' , квантуемый временную ось.

Способы задания распределяющего множества моментов времени (или ситуаций) $\Phi'(t)$, могут быть различны.

1. Множество может быть задано обстоятельством времени: (1) У него *всегда в пятницу в шесть* семинар; В *ноябре* погода *всегда* скверная; После его ухода *всегда* пусто в доме.

2. Множество может быть задано через другое событие: (2) Когда бы я ни пришел, она *всегда* спит; Я *всегда* радуюсь, узнавая о ее успехах.

3. Множество может быть задано обстоятельством места (о том, что обстоятельство места может выражать время, см. Апресян 1980):

(3) Он *всегда* читает в автобусе; Я *всегда* встречаю в консерватории Яна;

Иван Кузьмич всегда чувствовал себя в кабинете *Корблева* неловко. Другие обстоятельства тоже могут выражать, в качестве сопутствующей, идею времени:

- (4) Я всегда вспоминаю тебя в своих молитвах (= 'когда молюсь'); В ответ на такие возражения он всегда говорит что-нибудь незначительное; От света ламп мне всегда становилось не по себе (= 'всегда, когда светили лампы').

Распределяющее множество может задаваться и актантом:

- (5) У *равного* противника он всегда выигрывает (= 'когда играет с равным противником'); В карты я всегда у него выигрываю (= 'когда я играю с ним в карты').

4. Распределяющее множество может порождаться семантической структурой главного предиката в выражении, составляющем семантическую сферу действия *всегда*₂. А именно, если предикат различает в своем значении ассертивную часть и презумпцию, то презумпция становится ограничительным условием на множество моментов времени. Так, *Х опаздывает* = 'Х приходит позже того срока, к которому он должен прийти', причем компонент 'Х должен прийти к некоторому сроку' — презумпция; поэтому предикат *опаздывает* создает естественный контекст для употребления *всегда*₂: *Он всегда опаздывает* = 'всегда, когда надо прийти к некоторому сроку, он приходит позже'. Другие примеры: *Он всегда врет* <когда говорит>; *Ей всегда что-нибудь снится* <когда она спит>; *Я всегда их провожаю* <когда они уходят>; *Он всегда был со мной не согласен* <когда я что-то говорил>; *Я всегда не знаю, что ему ответить* <когда он спрашивает>.

Множество повторяющихся событий может быть уточнено в тексте за пределами фразы, содержащей *всегда*₂: *Бывало генеральша вдруг, ни с того ни с сего, покатится на диване в обморок... Но как-то так случилось, что генеральша всегда оживала* ("Село Степанчиково"); *Свои пьесы она читала студийцам. И всегда ее встречала одобрение; Приходили они ... в разное время. И всегда Сонечка хотела еще остаться.*

Однако в некоторых контекстах нет смысла искать распределяющего обстоятельства: *всегда*₂ может иметь ослабленное значение 'Х имеет обыкновение делать Y', ср.: *В эту церковь ездила всегда одна графиня; Все всегда говорили, что в больнице людей морят.*

С о ч е т а е м о с т н ы е о г р а н и ч е н и я

1. *Всегда*₂ естественно употребляется в контексте всех процессов, событий (несов. вид имеет при этом значение многократности), а также временных состояний, но не в контексте устойчивых состояний или постоянных свойств.

2. Чтобы *всегда* понималось в значении *всегда*₂, предложение должно содержать каким-то образом выраженное указание на повторяющийся временной момент или событие, с которым связано повторение данного события. Например, во фразе *Когда он ездил в Ереван, он всегда привозил шпинат* глагол в придаточном может быть понят в значении многократности, и потому здесь *всегда* = *всегда*₂. А во фразе *Когда он работал в Университете, он всегда носил галстук* — нет, и здесь *всегда* может быть только *всегда*₁. Разумеется, само по себе обстоятельство с

распределительным значением еще не гарантирует понимания *всегда* в значении *всегда*₂. Так, в (6) *всегда* = *всегда*₁:

(6) Когда он ездил летом в Ереван, он *всегда* был здоровым.

3. Отметим одно поверхностное ограничение: распределяющее обстоятельство не должно содержать слова *каждый* — *каждый* исключает *всегда*; ср. *В пятницу у него всегда семинар* и **Каждую пятницу у него всегда семинар*; *По вечерам он всегда звонит матери*, но **Каждый вечер он всегда звонит матери*.

3. Не временное значение

*Всегда*₃ — это не временное значение *всегда*. В это значение *всегда* выступает как квантор не по моментам времени, а по объектам произвольной природы (исключая только моменты времени). Условие истинности для *всегда*₃ таково:

*всегда*₃ (Φ),

где Φ имеет вид *P* (х), истинно, если для всякого х имеет место *P* (х). При этом х должно иметь область изменения потенциально бесконечную или по крайней мере очень большую.

В частности, х может быть переменной по ситуациям:

(1) Он *всегда* обедает в ресторане (х = 'его обед'; *P* (х) = 'его обед происходит в ресторане'; *всегда*₃ (*P*(х)) = 'Для всякого его обеда верно, что он происходит в ресторане'; Я *всегда* вспоминаю о ней с сожалением; Он ведет деловые разговоры *всегда* после сигары; Он *всегда* ездит в школу на велосипеде; Божественное *всегда* являлось мне в сопровождении печали.

Квантифицируемый класс ситуаций может быть задан не предикативной формой глагола, как в (1), а отглагольным именем:

(2) Матвей *всегда* радуется предстоящему бою; Витя *всегда* заранее знает о приезде Саши в Москву; Цветущая рожь (= 'цветение ржи') *всегда* напоминает мне начало войны.

Отличие *всегда*₃ от *всегда*₂ состоит в том, что при *всегда*₂ связь между двумя пропозициями, выделяемыми в предложении, осуществляется через временной параметр; а при *всегда*₃ связь состоит в том, что одна пропозиция (квантифицируемая) является аргументом другой.

Важный контекст употребления *всегда*₃ составляют пропозиции, выражающие постоянные свойства и соотношения, лишенные локализации во времени. Сюда относятся предложения, описывающие абстрактные ситуации, т.е. ситуации, не локализованные в пространстве, а также предложения о свойствах типов объектов, где *всегда* квантифицирует предметную переменную:

(3) Сумма двух нечетных чисел *всегда* четна; У растений рода камышовых соцветие *всегда* головчатое; В комедиях Островского *всегда* есть черты глубоко верные и яркие; Чужие дети *всегда* растут быстро; Тайна, какого роду ни была бы, *всегда* тягостна женскому сердцу; Продолжительность ремонта не *всегда* свидетельствует о его высоком качестве; Почти *всегда* талант порабощает своего обладателя.

Сочетаемостьные ограничения

1. Область действия переменной x могут составлять только объекты, поддающиеся счету; т.е. если это ситуации, то динамические процессы и события.

2. Если в сфере действия *всегда*, предикат выражает постоянное или устойчивое состояние, то тематическая ИГ должна допускать родовую или универсальную интерпретацию; замена такой ИГ на конкретно-референтную приводит к неправильности:

(4) Большому преступлению *всегда* предшествуют малые (но **Этому преступлению всегда предшествуют малые*); Кружева *всегда* уродуют платье (но **Кружева всегда уродуют это платье*).

В неоднозначном контексте возможно противопоставление *всегда₃* — *всегда₁* и *всегда₃* — *всегда₂*:

(5) *Бедному всегда ветер в лицо дует* =

а. 'Бедному, когда дует ветер, то *всегда* в лицо' (*всегда₃*).

б. 'Бедному непрерывно дует ветер в лицо' (*всегда₁*).

(6) *У меня мотор всегда глохнет на перекрестке* =

а. 'Всякое заглохание мотора происходит у меня на перекрестке' (*всегда₃*).

б. 'На каждом перекрестке у меня глохнет мотор' (*всегда₂*).

Пример (6) показывает, что противопоставление *всегда₂* — *всегда₃* существенным образом связано с коммуникативной структурой предложения. Действительно, чтобы *всегда* понималось как *всегда₂*, необходимо следующее дополнительное условие: обстоятельство с нереперентной ИГ должно быть кулисой предложения (см. о кулисе § V.2). Так, в (7) предложения (а) и (б) близки по смыслу; однако в (а) *всегда₂*, а в (б) *всегда₃*, поскольку в (б) *обращение паров в жидкость* — подлежащее, т.е. подлинная смысловая тема предложения, а в (а) то же событие выражено обстоятельством и служит лишь кулисой для главной ситуации — 'выделение тепла':

(7) а. При обращении паров в жидкость *всегда* выделяется тепло (*всегда₂*);

б. Обращение паров в жидкость *всегда* сопровождается выделением тепла (*всегда₃*).

Глава XII

ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ И СЕМАНТИКА ВОПРОСА

Значение вопросительного местоимения — трудная проблема, даже на том уровне трудности, который составляют местоимения вообще. Про местоимения обычно говорится, что они "обозначают, не называя" (Грамматика 1952); но вопросительные местоимения даже и не обозначают, т.е. не указывают на объект. Так, К.Е. Майтинская (1969) отмечает у вопросительных местоимений "негативный характер указания" (с. 215), и далее говорит, что вопросительные местоимения "указывают на лица и предметы... в виде вопроса". В Грамматике 1980 говорится, что "вопросительные местоименные слова обозначают то,

о чем спрашивается" (с. 389). Такие формулировки расшатывают смысл слов "указывать" и "обозначать", не внося ясности в значение вопросительных местоимений.

При той сложности и контекстной обусловленности значения, которая свойственна вопросительному местоимению, ясно, что значение вопросительного местоимения должно описываться в составе значения вопросительного предложения в целом. Ср. определение из Грамматики 1952, где вместо значения вопросительного местоимения фактически определяется значение вопросительного предложения: "Вопросительные местоимения требуют от собеседника ближайшего определения лиц или предметов, на которые указывают (*кто? что?*), либо определения свойства или порядка соответствующих предметов (*какой? который?*)" (с. 28). Перейдем в таком случае к вопросительному предложению.

§ 1. ВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ И ВОПРОС

Семантическое описание требует четкого отграничения вопросительного предложения как синтаксического понятия от семантической категории вопроса как высказывания, которое является требованием информации. Есперсен (1958) различает вопросы, т.е. предложения, по своему коммуникативному назначению выражающие собственно вопрос, и интеррогативы, т.е. предложения, имеющие вопросительные элементы в своей структуре, но не обязательно выражающие просьбу об информации (ср. *И какой же русский не любит быстрой езды?*). Мы будем, вслед за Я. Хинтиккой (Hintikka 1978: 281), называть вопросительные предложения, выражающие собственно вопрос, предложениями со стандартной семантикой (в противоположность разного рода идиоматическим вопросительным предложениям).

К вопросительным предложениям с нестандартной семантикой относятся: риторические вопросы (*Подите прочь — Какое дело поэту мирному до вас?*), вопросы-просьбы (*Вы не могли бы открыть форточку?*), вопросы-предложения (*Ты не хочешь пойти прогуляться?*), вопросы-осуждения (*Зачем красить крышу в зеленый цвет?*), переспросы (*Знаю ли я Петю? Да я с ним с 1-го класса за одной партией сидел*), рефлексивные вопросы, т.е. вопросы говорящего к самому себе, либо такие, на которые он сам собирается тут же ответить (*Недостаток молодости в чем состоит? В том, что она с годами проходит*), либо такие, на которые он не знает ответа (*Куда же я дел очки?*), и мн. др. П. Рестан (1969) различает, кроме того дубитативные, неуверенные, презумптивные, контактные и эмоциональные вопросы — сюда, видимо, относятся и вопросы-удивления: *Неужели это ты придумал?* Ср. анализ вопросительных предложений с повествовательным значением в Бердник 1974. Нестандартностью семантики вопросительного предложения объясняются такие ответные реплики, как: (1) А. Почему ты до сих пор не спишь? В. Сейчас;

А. Зачем ты свистишь? В. Прости (примеры из Searle 1975).

Нестандартность семантики вопросительного предложения может состоять также в том, что вопрос, по форме общий, фактически нацелен на ответ, требующий частного вопроса (ср. Kieffer 1980): (2) Ты далеко собрался? (≈ 'куда'); И много тебе там платят? (≈ 'сколько

ко?); Ты долго еще здесь пробудешь? (≈ 'сколько'); [Городничий.] А давно он здесь? [Добчинский.] А недели две уж.

Нестандартную семантику может иметь вопросительное предложение с глаголом *знать* и под.:

(3) Знаешь, кто к нам приходил?

Эти вопросы допускают два осмысления: стандартное — и в этом понимании допустимы ответы *Да* и *Нет* — и идиоматическое (предпочтительное) ≈ 'Хочешь, я скажу, кто к нам приходил'; при этом понимании допустимы ответные реплики: *Н.Н.* (≈ 'Я сам знаю: Н.Н.') и *Нет, а кто?* Это обычная ситуация косвенного речевого акта.

Отдельный класс составляют предложения, которые хотя и содержат вопросительное слово, но уже по синтаксичной структуре не являются вопросами, т.е. не имеют вопросительного смысла не только в предпочтительной, но и ни в какой интерпретации (см. об этом Шмелев 1959):

(4) К кому он только не обращался! Какой прекрасный у нее голос! Почему бы тебе не прогуляться?

Сюда же относится пример (5), где вводное слово несовместимо с вопросительным пониманием предложения:

(5) Would you have a drink, please.

Ниже рассматриваются вопросительные предложения со стандартной семантикой. Однако полученное описание должно пролить свет на основные источники нестандартных интерпретаций.

§ 2. ВОПРОСО-ОТВЕТНОЕ СООТВЕТСТВИЕ

Один из естественных подходов к формализации семантики вопроса — через формальное описание вопросо-ответного соответствия (ВО-соответствия), см. Белнап, Стил 1981. Действительно, можно считать, что слушающий понял вопрос, если он понял, какого рода информацию он должен выдать в ответ (хотя, быть может, он этой информацией и не располагает), т.е. если он может правильно охарактеризовать общую структуру предложения, которое должно быть ответом. Отсюда следует, что в любом случае формальное описание смысла вопроса должно быть таково, чтобы из этого описания, в частности, вытекала семантическая характеристика множества допустимых ответов, или множества альтернатив (например, схема ответа с каким-то свободным параметром).

Не для всякого вопроса множество его допустимых ответов можно разумно охарактеризовать, поэтому дальнейшая формализация касается не всех типов вопросов (в частности, одно из самых трудных — ВО-соответствие для вопросов с вопросительным местоимением *как*; так, для вопроса *Как ребенок овладевает языком?* нельзя задать содержательным образом множество допустимых ответов в виде схемы со свободными параметрами; некоторые соображения относительно вопросов с *как* см. в Ильин, Новицкая, Смирнова 1976).

Ниже приводится серия разграничений, которые в своей совокупности позволяют сказать про ответную реплику, является ли она допустимым ответом на данный вопрос, т.е. входит ли она в его множество допустимых ответов. Приводимые разграничения делятся на два класса. Одни представляют собой просто соглашения — формальные

или содержательные — относительно допустимых соответствий между вопросом и ответной репликой (таковы разграничения I и II). Другие выявляют какие-то аспекты синтаксической или семантической структуры вопроса и указывают свойство, которым должен обладать ответ на вопрос с такой структурой (таково, например, III).

I. Прямой и косвенный ответ

В ответ на вопрос *Она придет?* ответные реплики *Да* и *Нет* считаются прямым ответом, а реплики *Позже, Конечно, Вероятно, Только если ей позволит отец* — нет. Еще пример косвенного ответа: *А. Сколько времени он уже здесь пробыл? В. Он под Новый год приехал.* Давая косвенный ответ, отвечающий иногда может заключить свое высказывание словами: "Я ответил на Ваш вопрос?". Косвенные ответы не входят в число допустимых, т.е. в данной формализации не принимаются во внимание.

На интуитивном уровне различие между прямым и косвенным ответом обычно очевидно. (Есть, впрочем, и пограничные случаи. Так, на вопрос *Где Ваня?* ответная реплика *Он ушел* в определенной ситуации может быть принята как прямой ответ. Возможно, дело в том, что этот вопрос может приобретать нестандартную семантику и означать нечто вроде "Почему я не вижу Вани?"). Между тем точное определение дать непросто. В Belnap 1969 говорится: "Прямой ответ на вопрос — это предложение, которое, будь оно истинным, говорит спрашивающему в точности то, что он хотел узнать, ни больше, ни меньше". Эта формулировка, конечно, не может быть удовлетворительным определением. Начать хотя бы с того, что, например, человек может задать вопрос *Кто у Феди жена?*, имея в виду на самом деле узнать, есть ли у Феди жена вообще (см. § III.2). Строгое определение прямого ответа может быть дано только в синтаксических терминах, т.е. может быть лишь концом анализа ВО-соответствия, а не его началом. Говоря содержательно, прямой ответ — это такой, который сам является ответом; а косвенный содержит следствие, которое служит ответом (ср. Hintikka 1978): — *Ты ей знаком?* — *Я им сосед.*

II. Полный и неполный ответ

Следующее противопоставление, возникающее при формализации ВО-соответствия, — это противопоставление полного и неполного ответа. На вопрос *Кого Маша позвала на вечер?* ответ *Маша позвала на вечер Джона* в ситуации, когда она позвала Джона и Билла, будет прямым, но неполным.

Один и тот же вопрос может пониматься в зависимости от ситуации либо как естественно требующий полного ответа, так что неполный ответ предстает как сокрытие истины, либо как предполагающий неполный ответ в качестве допустимого (например: *А. Кто хочет выступить? В. Я хочу.*)

Вопрос, нацеленный на полный ответ, можно представить как содержащий подразумеваемый квантор общности. Что же касается вопросов, допускающих, по намерению говорящего, неполный ответ, то они включают подразумеваемое *например*: Хинтика (1974) называет их

"например-вопросами". Вне специального контекста предпочтительным будет понимание вопроса как нацеленного на полный ответ. По-видимому, это вытекает из постулата Г. Грайса (Grice 1975), предписывающего по возможности выбирать из двух пониманий "более сильное". Понимание вопроса как допускающего неполный ответ требует специального прагматического контекста. Ср. пример, где скорее всего полученный неполный ответ не предполагается вопросом: [Старик.]... У нас был пир, тебя мы долго ждали. [Князь.] Кто ждал меня? [Старик.] Кто ждал? Вестимо, дочь ("Русалка").

Хинтиikka (1980: 342) утверждает, что двоякое логическое представление вопросов типа "*Кто хочет срубить дерево?*" — либо с помощью квантора $\forall$, либо $\exists$ — не свидетельствует о неоднозначности таких вопросов и что интуитивно такие вопросы не ощущаются говорящими как неоднозначные. Это явно противоречит, однако, следующему его же утверждению: "Конечно, может оказаться, что одно из пониманий будет исключено благодаря контекстуальным (прагматическим) факторам". Мы будем считать, что противопоставление, состоящее в том, предполагает ли вопрос полный ответ или же допускает неполный, входит в смысл вопроса (точнее — в смысловое намерение говорящего в данном речевом акте). В дальнейшем ситуации, порождающие вопросы с предсумотренным неполным ответом, как более сложные для формализации, не принимаются во внимание, так что допустимыми считаются только полные ответы.

Следует подчеркнуть, что прагматическое различие между вопросами нацеленными и не нацеленными на полный ответ касается только вопросов, не содержащих презумпции единственности объекта, который обладает требуемым свойством. Например-вопросы — это вопросы без презумпции единственности. Если в вопросе такая презумпция есть, то ответ, указывающий один объект, уже будет полным. На вопрос *Кто живет на соседней даче?* ответ, скажем, *Альберт Шестернев* будет полным или неполным в зависимости от того, живут ли на даче другие (интересные) люди. Однако тот же вопрос может быть задан как вопрос с презумпцией единственности, и тогда тот же ответ будет для него полным.

Разграничения III—V имеют целью выразить в синтаксических терминах интуитивное понятие прямого ответа.

III. Общие, альтернативные и специальные вопросы

По своей синтаксической структуре вопросы делятся на три класса: общие (*Ты решил задачу?*), альтернативные (*Ты решил задачу или списал?*) и специальные, или частные (*Кто решил задачу?*), т.е. вопросы с вопросительным местоимением (такое деление вопросов см., например, в работе Haggis 1978; в Hausser, Zaefferer 1979 и Bäuerle 1979 фигурирует то же деление вопросов, но основанное не на собственной структуре вопроса, а на его соотношении с ответом). Ответом на общий вопрос является утвердительное предложение, которое совпадает либо с вопросительным (с точностью до вопросительных элементов — частиц, интонации), либо с его отрицанием. Ответом на альтернативный вопрос — одна из альтернатив (ср., однако, разграничение V ниже). Ответом на специальный вопрос является предложение, которое совпадает по структуре с вопросом, с тем отличием, что на месте вопроси-

тельной компоненты (термин из Ильин, Новицкая, Смирнова 1976), т.е. вопросительного местоимения или именной группы, включающей вопросительное местоимение (например, *кто, где, в каком городе, кто из вас*), стоит невопросительная ИГ.

Есть вопросы, структура которых не дает возможности однозначно отнести их к одному из трех классов (на этот факт обращено внимание в работе Bäuerle 1979):

- (1) А. Ты когда едешь, сегодня или завтра? В. Нет, послезавтра.
- (2) А. Ты где его видел, в Лондоне? В. Да.
- (3) А. Он что, спятил? В. Нет, он был пьян.
- (4) Какие чувства наполнили душу Ибрагима — ревность, бешенство, отчаяние?

Эти вопросы, с точки зрения их собственной структуры, допускают две синтаксических трактовки: 1) перед нами общий или альтернативный вопрос, к которому добавлено предваряющее местоимение; тогда (1), например, приравнивается к предложению *Ты едешь сегодня или завтра?*; 2) это специальный вопрос, к которому добавлен предположительный краткий ответ, один или несколько. Вторая трактовка особенно уместна для примера (4).

С точки зрения соотносительности с ответом вопросы (1)–(4) ближе к специальным, поскольку предполагаемый ответ — как на специальный вопрос: наличие в ответе *да, нет* не диагностирует однозначно общего вопроса, см. V.

Замечание. В Грамматике 1980 термины "общевопросительное" и "частновопросительное предложение" употребляются в ином значении. Так, к общевопросительным, наряду с естественным *Так ехать за детьми?*, относятся типичные частновопросительные предложения *Что ему нужно?* или *Что в газетах пишут?* (~ полные диктальные вопросы по Ш. Балли), а к частновопросительным — наряду с естественным *Кто это плачет?* типичные общевопросительные предложения вроде *Вы его хорошо знаете?* или *Это вы сделали?* (частичные модальные вопросы по Ш. Балли, см. Балли 1955: 48).

IV. Ответы, соблюдающие и не соблюдающие предметную область вопроса

Это разграничение касается только специальных вопросов. Примем следующее определение. Матрицей специального вопроса назовем сентенциональную форму, которая получается в результате замены в предложении вопросительной компоненты (ВК) на переменную. Предметная область вопроса (ПОВ) — это набор допустимых (по смыслу) значений этой переменной. Допустимым является только такой ответ, в котором соблюдается ПОВ. Действительно, из правильности ВО-пары А. *Кто из Петиних друзей тебе нравится больше всего?* В. *Мне больше всего нравится Коля* мы вправе сделать заключение, что Коля — друг Пети, см. Keenan, Hull 1973.

На нарушении ПОВ в ответе построено много каламбуров: А. *Какую рыбу вы больше всего любите?* В. *Я больше всего люблю мясо;* А. *Какой день был самым памятным в вашей жизни?* В. *Это была ночь.*

Предметная область вопроса задается вопросительной компонентной, причем степень эксплицитности этого задания различна. Например, в предложениях из (1) ПОВ однозначно определяется смыслом ВК "минус местоимение" (ВК выделена скобками, ПОВ — курсивом):

- (1) [Кто из сотрудников вашего отдела] говорит по-немецки?; [Какие города Средней Азии] вы хотите посетить?

Если ВК состоит из одного местоимения, то ПОВ определяется тематическим компонентом местоимения: для *где* ПОВ — это множество мест, для *когда* — множество моментов или отрезков времени, для *почему* — множество причин и т.д.

Неоднозначность выражения ПОВ имеет различные источники. Она может проистекать прежде всего из неоднозначности синтаксического уровня. Так, вопрос *Какие чувства наполнили душу Ибрагима?* может пониматься двояко — а) с ВК *какие чувства* и б) с ВК *какие*. При понимании (а) предметная область этого вопроса — множество мыслимых чувств (ревность, бешенство, отчаяние и т.д.); при понимании (б) — множество мыслимых свойств чувств (благородные, низменные, бурные и т.д.).

Неоднозначность ВК может быть источником коммуникативной неудачи. Ср. следующую ВО-пару: *А. Какой анекдот он тебе рассказывал? В. Глупый.* Здесь вопрос А скорее всего имеет ВК *какой анекдот*, т.е. А хочет получить в ответ сам анекдот; а В, выделяя в вопросе ВК *какой*, сообщает только свойство анекдота.

Свойства объекта обычно не составляют никакого естественного множества (хотя бы и охарактеризованного лишь словесно, как множество всех людей, городов, чувств и проч.). Под влиянием прагматического контекста, как правило, происходит естественная операция сужения множества всех мыслимых свойств до небольшого числа релевантных — операция, с трудом поддающаяся формализации.

Другой источник неопределенности ПОВ — неопределенность значения тематического компонента вопросительного местоимения (см. о тематическом компоненте местоимения *кто* в Барулин 1980). Обыгрывание этой неоднозначности весьма распространено. Ср.:

(2) — Кто такой этот Плюшкин? — спросил Чичиков.

— Мошенник, — отвечал Собакевич.

(3) — Как ты думаешь, кто у нас родится?

— Я думаю, ребенок (Аверченко).

В качестве примера неоднозначности предметной области в вопросах с местоимением *кто* в Hintikka 1978 приводится вопрос *Кто приводит к присяге нового президента?*; ответ скорее всего будет здесь выбираться не из имен конкретных лиц, как при вопросе *Кто там?*, а из названий должностей — Верховный судья, Государственный секретарь и т.д. (в силу согласования денотативного статуса вопросительного местоимения со статусом пропозиции).

V. Ответы, соблюдающие и не соблюдающие исходное предположение вопроса

Представляется несомненным, что на вопрос *Кто решил задачу?* прямым ответом, наряду с репликами *Петя*, *Петя и Катя*, *Все кто сидят в 1-м ряду*, будет также *Никто*. Ответ *Никто* при всей его естественности во многих исследованиях по семантике вопроса, например в Белнап, Стил 1981, Hintikka 1978, Keenan Hull 1973, не признается допустимым. Как мы увидим, это обстоятельство определяет далеко идущие различия в подходах к описанию семантики вопроса.

Введем понятие исходного предположения вопроса: для специального вопроса исходное предположение (ИП) — это дизъюнкция всех возможных альтернатив, т.е. $P(x_1) \vee \dots \vee P(x_n)$, где x , пробе-

гает по всей ПОВ, а $P(x)$ — результат подстановки x в матрицу вопроса. Иначе говоря, ИП специального вопроса — это существование по крайней мере одного объекта, обладающего нужным свойством: 'Эх $P(x)$ '. Признание ответов типа *Никто* допустимыми равносильно признанию того, что в множество допустимых ответов входят и такие, которые не соблюдают исходного предположения вопроса.

Во многих работах, например в Keenan, Hull 1973, ИП вопроса приравнивается в его презумпции (различение этих понятий см., в частности, в Kiefer 1977a). Однако трудно согласиться с тем, что при несоблюдении ИП происходит провал коммуникативного акта, как это должно быть при нарушении презумпций. Исходное предположение вопроса — это всего лишь вероятное предположение.

Сложнее обстоит дело с альтернативными вопросами: является ли дизъюнкция альтернатив всего лишь исходным предположением альтернативного вопроса или же его презумпцией? Мы склонны трактовать альтернативные и специальные вопросы по-разному и считать для альтернативного вопроса дизъюнкцию альтернатив не только его исходным предположением, но и презумпцией. Ответ *Никто* на вопрос *Кто решил задачу?* гораздо более естествен, чем ответ *Послезавтра* на вопрос *Сегодня или завтра?*; ср.; впрочем, точку зрения Х. Хижа (Hiz 1962), который считает, что дизъюнкция тоже всего лишь задает область, а не порождает презумпцию, нарушение которой воспринималось бы как аномалия.

По-видимому, у специального и альтернативного вопроса имеется еще и другое исходное предположение — что ответное множество не включает конъюнкции альтернатив и, соответственно, не включает ответа, который является конъюнкцией всех $P(x)$. Так, для вопроса *Кто решил задачу?* большой мерой неожиданности обладает не только ответ *Никто*, но и ответ *Все* (иначе вопрос был бы *Все решили задачу?*).

Для общего вопроса можно определить исходное предположение, по аналогии со специальным вопросом, как дизъюнкцию предложения и его отрицания. Например, для вопроса *Существуют ли единороги?* ИП будет 'Единороги либо существуют, либо нет', см. Hintikka 1978. Это ИП будет тривиальным образом выполняться в любом допустимом ответе. Однако можно определить исходное предположение общего вопроса иначе: ИП общего вопроса — это тот из дизъюнктивных членов, который говорящий считает более вероятным¹. В этом случае понятие исходного предположения может быть использовано для выражения следующих смысловых противопоставлений, свойственных общему вопросу. Чем отличается по смыслу вопрос (1) *Вы хотите чаю?* от (2) *Вы не хотите чаю?* и от (3) *Вы хотите чаю или нет?* Очевидно, тем, что в смысл вопроса (1) входит ИП 'Вы хотите чаю', в смысл (2) — ИП 'Вы не хотите чаю', а вопрос (3) не содержит никакого ИП. В примере (4) у предложения (а) ИП имеет утвердительный характер: 'Ты хочешь посмотреть мои картины', а у предложения (б) — отрицательный: 'Ты не хочешь смотреть мои картины':

(4) а. Ты хочешь посмотреть мои картины? б. Ты не хочешь смотреть мои картины?

¹ Ср. в Bolinger 1978: 104 о том, что общий вопрос — это не альтернатива $p \vee \neg p$, а гипотеза, требующая подтверждения.

Впрочем, поверхностное отрицание прямым образом влияет на ИП вопроса только в вопросах со стандартной семантикой. В (5), где вопросительные предложения предназначены, по крайней мере в своей предпочтительной интерпретации, для выражения просьбы, ИП утвердительные:

- (5) Ты не хочешь посмотреть мои картины? Ты не хочешь прогуляться?
Вы не согласитесь выпить чаю?

VI. Ответ информативный и не информативный для спрашивающего

Ответ может не удовлетворить спрашивающего, если объекты, которых касается вопрос, названы в ответе дескрипциями, денотат которых ему неизвестен. Пример из Hintikka 1978: *А. Кому принадлежит этот дом? В. Самому богатому человеку в городе.* Ответ удовлетворителен при условии, что В знает, кто самый богатый человек. В анекдоте, который рассказывает Пушкин, о том, что мадам де Сталь спросила Наполеона, кого почитает он первой женой в свете, а он ответил *"Ту, которая народила более детей"*, ответ Наполеона неудовлетворителен, в частности, потому, что он неинформативен, поскольку денотат дескрипции никому не известен.

Неинформативны — и по этой причине неудовлетворительны, в частности, все тавтологические ответы: *А. Какие реки впадают в Черное море? В. Реки черноморского бассейна; А. Что ты сказал? В. Я сказал то, что я сказал.* Как правило, неудовлетворительным ответом на специальный вопрос оказывается слабоопределенная ИГ, которая по самой своей семантике должна оставлять у слушающего ощущение недоговоренности: *А. Кто тебе это сказал? В. Один человек; А. Кого ты там видел? В. Кого-то.* Таким образом, ВО-соответствие накладывает определенные ограничения на денотативный статус именной группы, подставляемой в матрицу вопроса ².

§ 3. ПЕРФОРМАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ВОПРОСА. СЕМАНТИКА ГЛАГОЛА ЗНАТЬ

Формальное определение ВО-соответствия не может раскрыть семантику вопроса до конца: в стороне остается иллокутивный компонент вопроса как вида высказывания.

Если подойти к анализу вопроса без предвзятых ограничений, то очевидно, что, задавая вопрос, говорящий совершает два действия: 1) Он намечает множество альтернатив, которое, по его мнению, исчерпывает ситуацию. (При этом общий вопрос — это такой частный случай альтернативного, когда множество альтернатив состоит из двух элементов — p и $\neg p$, а специальный — такой, когда множество альтернатив задается "в два хода": выделяется свойство объекта и указывается область, которой должен принадлежать объект. Например, в вопросе *"Кого из однокурсников Мери пригласила на вечер?"* свойство объекта x — 'Мери пригласила x на вечер', а область — однокурсники

² См. о согласовании денотативного статуса ИГ и пропозиции в § IV.7.

Мери.) 2) Он просит слушающего указать, какая (или какие) из альтернатив имеет место. В частности, в случае специального вопроса — идентифицировать интересующий его объект или множество объектов, т.е. указать те элементы из указанной области, которые обладают указанным свойством.

Фактически эти два компонента вопроса выделяются даже в том случае, если речь идет о формализации вопроса, предназначенной для нужд информационного поиска. Пусть машине задан вопрос *Где родился Гоголь?*. Машина "поняла" этот вопрос, если она построила для себя команду 'Найди в базе данных (или выведи) истинное предложение вида *Гоголь родился в х*, где *х* — имя населенного пункта'³, т.е. 'Найди истинное предложение, входящее в ВО-соответствие для данного вопроса'. Так что даже в формальной модели, предназначенной для прикладных целей, должны быть отражены, кроме пропозиционального содержания, идеи, соответствующие таким важным словам, как *найди* и *истинное*.

Денотативные подходы ограничиваются первым аспектом семантики вопроса, т.е. его пропозициональным содержанием, и оставляют в стороне второй — иллокутивную функцию. Важным "прорывом" в тайны семантики вопроса является поэтому перформативный анализ вопроса, специально обращенный на его иллокутивный компонент.

Теория речевых актов позволяет снять те возражения, которые до последнего времени были решающим препятствием на пути естественного для лингвистики перифрастического подхода к повествовательным (вопросительным и повелительным) предложениям. Так, Р.О. Якобсон в своем докладе на Конференции по семиотике в 1966 г. (см. Падучева 1967б) высказал следующий аргумент против предложенного Дж. Катцом и П. Посталом перифрастического анализа повелительных и вопросительных предложений: содержание вопроса и побуждения не может быть передано повествовательным предложением, поскольку побуждение и вопрос не имеют истинностного значения, а при любой развертке повеления или вопроса — в том числе при развертке вопроса в просьбу об информации — получается обычное повествовательное предложение, лишенное той нысканной безотносительности к истине, с которой мы начинали.

Изучение свойств перформативных глаголов позволяет, однако, снять это возражение. В действительности вопросительное предложение, скажем, *Который час?* не так уж далеко от предложения *Прошу тебя сказать, который час*, поскольку это последнее содержит перформативный глагол (в перформативном употреблении), и потому является прагматически самоверифицирующимся, т.е. истинным в силу факта своего произнесения, а фактически не имеющим истинностного значения, см. Karttunen 1978: 166 и Lewis 1972.

Анализ вопроса, который адекватно отражает иллокутивный аспект его значения, был предложен Л. Оквистом (Åqvist 1971) и развит Я. Хинтиккой (Хинтика 1974, Hintikka 1978, Хинтика 1980). Этот

³Точность указания места тонким образом согласуется с семантикой глагола и с общей ситуацией, ср. коммуникативные неудачи типа: — *Где мы находимся* (спрашивают люди, летящие на воздушном шаре, человека на земле)? — *Вы находитесь на воздушном шаре*.

анализ даст именно семантическое разложение вопроса, т.е. сведение вопроса к более элементарным семантическим составляющим. Семантическое разложение происходит в два этапа. На первом этапе вопрос сводится к просьбе (или побуждению) сообщить информацию; на втором этапе то эпистемическое (= информационное) состояние, которого желает достичь говорящий, анализируется с помощью понятий эпистемической логики.

Прежде всего, в логической структуре вопроса различаются следующие две составляющих: оператор побуждения $\text{Imp} = \text{'сделай так, чтобы...'} и деиздерат побуждения — характеристика того эпистемического положения вещей, к достижению которого говорящий побуждает слушающего. Главный оператор в деиздере побуждения — предикат К 'знать' (эпистемический оператор). Поскольку в вопросе речь идет об эпистемическом статусе говорящего, 1-м аргументом этого предиката в структуре вопроса будет "я", т.е. прагматическая переменная (см. гл. II), значение которой фиксируется в акте речи, задаваемом перформативном оператором Imp . Таким образом, смысл деиздериата — 'Я знаю, что...'$

Итак, на 1-м этапе семантического разложения мы получаем для вопроса (4) *Кто решил задачу?* следующее представление:

- (4) $\text{Imp } K_x$ (кто решил задачу),
или, в переводе на естественный язык,
(5) Сделай так, чтобы я знал, кто решил задачу.

Независимый вопрос превращается в косвенный вопрос, подчиненный эпистемическому оператору.

Для общего вопроса, например, (6) *Ян решил задачу?* представление будет таково:

- (6) $\text{Imp } K_y$ (решил ли Ян задачу).

Для альтернативного вопроса *Ян решил задачу или списал?* —

- (7) $\text{Imp } K_y$ (Ян решил задачу или списал).

Дальнейшее семантическое разложение связано с анализом семантики глагола *знать* в контексте косвенного вопроса. Глагол *знать* имеет, в контексте синтаксического дополнения, два значения (третье значение *знать* реализуется в контексте дополнения с предметным значением, ср. *Я знаю этого человека*). Одно возникает в контексте подчиненного придаточного дополнительного: *Я знаю, что задачу решил Петя*; это оператор K^1 , *знать*₁. Другое — в контексте косвенного вопроса — общего, специального или альтернативного: *Я не знаю, кто решил задачу*; *Я не знаю, решил ли он задачу*; *Я не знаю, решил он задачу или списал*, это оператор K^2 , *знать*₂.

Ясно, что глагол *знать*₁ более элементарный, чем *знать*₂. И действительно, предложения с глаголом *знать*₂ поддаются перефразировке с заменой *знать*₂ на *знать*₁, т.е. с заменой косвенного вопроса на придаточное дополнительное. Применяя эти перефразировки к деиздериату оператора Imp в формулах (6), (4), (7), где $K = K^2$, получаем:

- (6') K_y^2 (решил ли Ян задачу) $\Leftrightarrow$
[[$(\text{Ян решил задачу}) \rightarrow K_y^1$ (Ян решил задачу)] &
[[$(\text{Ян решил задачу}) \rightarrow K_y^1$ (Ян решил задачу)]]].
(4') а. K_x^2 (кто решил задачу) $\Leftrightarrow$
 $\exists ! x [(x \text{ решил задачу}) \& K_x^1 (x \text{ решил задачу})]$.

6. $K\frac{1}{2}$ (кто решил задачу) $\Leftrightarrow$

$\forall x \{[(x \text{ решил задачу}) \rightarrow K\frac{1}{2}(x \text{ решил задачу})] \& \\ \neg[(x \text{ решил задачу}) \rightarrow K\frac{1}{2}\neg(x \text{ решил задачу})]\}$.

(7') $K\frac{1}{2}$ (Ян решил задачу или списал) $\Leftrightarrow$

$[(\text{Ян решил задачу}) \rightarrow K\frac{1}{2}(\text{Ян решил задачу})] \& \\ [(\text{Ян списал задачу}) \rightarrow K\frac{1}{2}(\text{Ян списал задачу})]$.

В примере (4') наличие двух различных истолкований соответствует двум возможностям понимания вопроса, о которых шла речь в § 2, — с презумпцией существования и единственности и без нее. Истолкование (4'а) не совсем точное: существование и единственность такого x , который решил задачу, на самом деле не утверждается, а составляет презумпцию (4).

Все перифразировки вопросов (6), (4) и (7) осуществляются по одному и тому же определению (K^2 через K^1):

Определение. $K^2(\phi) \Leftrightarrow K^2(\phi) \vee \neg \phi \Leftrightarrow$

$(\phi \rightarrow K^1(\phi)) \& (\neg \phi \rightarrow K^1(\neg \phi))$.

А именно, в (6) определение применяется в чистом виде. В (4б) принимаем во внимание, что $K\frac{1}{2}$ (кто решил задачу) $\Leftrightarrow \forall x K\frac{1}{2}(x \text{ решил задачу})$, и далее — по тому же определению. Хотя (7) формально имеет вид $K_2(\phi \vee \psi)$, но в силу дополнительных условий (а)—(в), где (а), (б) вытекают из значения *или*, а (в) — презумпция альтернативного вопроса, (7) сводится к $K^2(\phi \vee \neg \phi)$ (или $K^2(\psi \vee \neg \psi)$):

(а) (Ян решил задачу) $\rightarrow \neg$ (Ян списал задачу),

(б) (Ян списал задачу) $\rightarrow \neg$ (Ян решил задачу),

(в) (Ян решил задачу) $\vee$ (Ян списал задачу).

Действительно,

Ян решил задачу $\equiv \neg$ (Ян списал задачу);

и наоборот,

Ян списал задачу $\equiv \neg$ (Ян решил задачу),

что и позволяет применить в (7') то же определение.

Что касается (4а), то здесь при применении определения K^2 один из конъюнктивных членов пропадает в силу презумпции существования и единственности x , т.е. в силу истинности одной из посылок импликации.

Формулы (6') и (4'б) объясняют следующие синонимические соотношения:

(8) Я знаю, решил ли он задачу $\Leftrightarrow$ Я знаю, решил он задачу или нет;

(9) Я знаю, кто решил задачу $\Leftrightarrow$ Я знаю, кто решил задачу, а кто нет $\Leftrightarrow$ Я знаю про каждого, решил он задачу или нет⁴.

Если вопрос не допускает понимания с квантором $\forall$, а содержит однозначную презумпцию существования и единственности, то перефразировка специального вопроса по образцу (4'б), естественно, невозможна:

(10) Я знаю, почему он пришел $\neq$ *Я знаю, почему он пришел и почему он не пришел.

Теперь остается выяснить, как эпистемический фрагмент соединяется с оператором Impr . В примерах (6), (7) и (4б) весь эпистемический фрагмент составляет сферу действия оператора Impr ; в (4а) тот компо-

⁴ В (9), впрочем, синонимия имеет место только при одном из возможных пониманий исходного предложения: противопоставление обычных и *например*-вопросов переносится и на косвенный вопрос.

нент, который составляет презумпцию, естественно не входит в сферу действия оператора, так что для (4а) получаем: $\exists! x$ (x решил задачу) & $\text{Imp } K_1$ (x решил задачу).

Получаемые формулы поддаются переводу на естественный язык. Так, для вопроса с однозначной презумпцией существования, скажем, *Кто срубил это дерево?* перефразировка такова: *Про того, кто срубил это дерево, сделай так, чтобы я знал, что он срубил это дерево* или *Сделай так, чтобы я знал про того, кто срубил это дерево, что он срубил это дерево.*

§ 4. ПРОПОЗИЦИОННЫЕ И ИЛЛОКУТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ ВОПРОСА В ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Теперь остается объединить анализ иллокутивных аспектов вопроса из § 3 с формализацией ВО-соответствия, проведенной в § 2. Условие I в определении ВО-соответствия, исключающее из рассмотрения не прямые ответы, фактически не связано с семантикой вопроса и может быть оставлено в стороне. Условие II, касающееся полноты ответа, непосредственно отражается в интерпретации вопроса *Кто решил задачу?* как содержащего квантор общности. Разграничение III, которое выделяет три синтаксических типа вопросов, отражается в § 3 в наличии трех вариантов "эпистемической" перефразировки. Требование IV о соблюдении предметной области вопроса (специального) задает естественное ограничение на набор значений переменной в сфере действия эпистемического оператора и должно быть присоединено к формулам (6), (4), (7) как дополнительное условие.

Условие VI, касающееся информативности ответа для спрашивающего, тоже служит естественным добавлением к "эпистемическим" перефразировкам (Hintikka 1978): ответ, имеющий вид $F(b)$, удовлетворяет спрашивающего, который хотел, чтобы было достигнуто положение вещей $\exists x K_1 F(x)$, если он может на основе $F(b)$ сделать заключение $\exists x F(x)$, т.е. если он может сказать "Я знаю, кто такое b ".

Условие V об исходном предположении вопроса согласовано с перефразировками из § 3 следующим образом: смысл специального вопроса, не содержащего презумпции существования, например *Кто решил задачу?*, представляется формулой (4'б), которая содержит квантор общности и никак не связана с предположением существования (т.е. формула (4'б) признает ответ *Никто* в качестве допустимого); в то же время перефразировка (7) для альтернативного вопроса существенным образом основана на том, что здесь исходное предположение с обязательностью соблюдается: сокращение при применении определения K^2 к альтернативному вопросу возможно благодаря тому, что исходное предположение принимается в качестве презумпции (т.е. формула (7) признает ответ *Сегодня* на вопрос *Завтра или послезавтра?* нарушающим презумпцию вопроса, а не просто его исходное предположение).

Отметим следующие достоинства изложенной семантической трактовки вопросов.

1. Эта трактовка выявляет общий компонент в значении вопроса и побуждения: вопрос оказывается разновидностью побуждения (факт,

который был известен еще О. Есперсену, писавшему: "Вопрос является своего рода просьбой, а именно — просьбой сообщить что-то, дать необходимые сведения", см. Есперсен 1958: 351).

2. Объединяется описание семантики прямого вопроса и косвенного: прямой вопрос оказывается косвенным, подчиненным предикату *знать*.

3. Сохраняется в силе тезис (из Searle 1969) о том, что пропозициональным содержанием речевого акта вопроса является пропозициональная форма: в логической структуре вопроса в сфере действия оператора K^2 имеется переменная, квантор по которой находится вне сферы действия этого оператора. У предложений (1) *Я знаю, кто пришел* и (2) *Я знаю, что кто-то пришел* главное различие по смыслу состоит в разном соотношении сфер действия квантора $\exists$ и предиката *знать*:

(1) = $\exists! x [(x \text{ пришел}) \ \& \ K_1(x \text{ пришел})]$.

(2) = $K_1((\exists x) (x \text{ пришел}))$.

4. Особый интерес представляет выявление в значении вопроса предиката *знать* и установление формальных соответствий между *знать*₁ и *знать*₂. В частности, это позволяет поставить в более ясной форме проблему контекстов, допускающих подчиненный косвенный вопрос, и выдвинуть гипотезу о том, что основной набор таких контекстов — это предикаты, включающие в свое значение компонент 'знать'.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сформулируем в общем виде основные положения предлагаемого подхода к описанию референциальных аспектов семантики предложения. Исходным является понятие речевого акта. В контексте речевого акта конкретизируется иллокутивная функция высказывания и фиксируется значение прагматических переменных ("я", "ты", "здесь", "сейчас", "в данном мире" и т.д.), в результате чего пропозициональная форма, каковой обычно является смысл предложения (точнее, та часть смысла, которая является результатом абстрагирования от иллокутивной компоненты), обращается в замкнутую пропозицию — в суждение, которое при утверждении или высказывании в качестве гипотезы оказывается истинным или ложным, а при других иллокутивных функциях не имеет истинностного значения в реальном мире. Адекватным понятием при описании семантики языка во всей полноте его функционирования является, таким образом, не семантическое представление предложения, а семантико-прагматическое представление предложения в контексте речевого акта.

Одно из принципиальных достижений современной лексической семантики состояло в осознании того, что для адекватного описания смысла слова необходим переход от толкования слова самого по себе к толкованию соответствующей синтаксической формы и эксплицитное обращение к переменным по семантическим актантам слова, фиксируемым в составе предложения (Апресян 1974). Основной тезис данной работы состоит в том, что для описания семантики предложения необходим переход от предложения, построенного по правилам языка, и предложению в контексте речевого акта: только в таком контексте возможно эксплицитное обращение к прагматическим переменным предложению при толковании смысла.

Центральным в предлагаемой концепции является понятие денотативного статуса именной группы и пропозиции. Денотативный статус определяется как предназначенность языкового выражения в данном языковом контексте к тому или иному типу соотносительности с внеязыковой действительностью. В работе дается классификация денотативных статусов выражений с пропозициональной семантикой. Получен ряд сведений о денотативных статусах и их роли в кореферентности: о взаимосвязи между статусом именных групп и статусом содержащей их пропозиции; о связях референциальных характеристик именной группы с морфологической и синтаксической структурой предложения и с его лексическим составом; о референциальной специфике неэкстенциональных контекстов; о связи денотативного

статуса именной группы с возможностью ее употребления в составе тех или иных компонентов коммуникативной структуры предложения.

Проведен анализ основного типа единиц, служащих в естественном языке для осуществления референции — местоимений и местоименных слов. Рассмотрены все основные референциально-семантические разряды местоименных слов. Местоимения рассматриваются как универсальное средство выражения референции в именной группе.

Местоимения, в силу их большей референциальной специфичности по сравнению с именами, постоянно служат стимулом для обращения ученых к общим проблемам референции. Так, А.М. Пешковский, рассматривая местоимение 2-го лица в обобщенном употреблении (на примере из "Ревизора"... *а не хочешь заплатить ему <извозчику> — извозь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет*), говорит: "Дело в том, что каждое слово вообще может употребляться в общем и в частном значении. Говоря *Дайте мне хлеба!*, я могу иметь в виду какой угодно хлеб, и тогда это слово будет мной употреблено в общем значении, я могу иметь в виду тот хлеб, на который сейчас смотрю или о котором собеседник уже знает, и тогда это слово будет иметь частный смысл. Человек, входящий впервые в ворота какого-нибудь дома и желающий "видеть дворника", употребляет слово это совсем не в том смысле, в каком употребляет управдом, когда велит позвать к себе дворника... Или сравним еще слово *завтра* в обычном употреблении и в стихе *Завтра, завтра, не сегодня, так ленивцы говорят*, где оно обозначает всякое *завтра*. Хотя каждое слово вообще может употребляться в обоих смыслах, однако есть слова, которые употребляются преимущественно в общем смысле... и есть слова употребляющиеся преимущественно в частном смысле... Личные слова по понятным причинам принадлежат как раз ко второму разряду. Ведь *я* всегда обозначает того, кто говорит, а говорить может только данный, индивидуальный человек, а не человек вообще; *ты* всегда обозначает того, кому говорят... Крайне редко мы говорим о нашем *я* вообще, о временах, когда не будет ни *моего*, ни *твоего* и т.д. Вот этот-то крайне редкий общий смысл и придан слову *ты* в предложениях рассматриваемого типа. Как в предложении *Человек смертен под человеком* разумеется не какой-нибудь определенный человек, а всякий человек, человек вообще, так и в словах Осипа *ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет* под словом *ты* разумеется не тот *ты*, который слушает Осипа (да его, кстати, никто и не слушает), а всякий *ты*, *ты* вообще. Разница только в том, что к слову *человек* такое обобщение вполне подходит, а к слову *ты* оно мало подходит". Далее Пешковский рассматривает обобщенное употребление 1-го лица (в примерах типа *Я мыслю, следовательно я существую*) и 3-го в обобщенно-личных предложениях, Пешковский 1938: 340.

Проведенная работа позволяет наметить некоторые перспективы в изучении проблем референции. Естественное направление дальнейших исследований связано с переносом центра внимания от именной группы к пропозициональным компонентам предложения — речь идет об изучении тех референциальных значений, которые выражаются в группе глагола

Один круг проблем, касающихся пропозициональных компонентов предложения, связан с квантификацией событий, состояний и вообще

ситуаций (положений вещей). Это проблемы противопоставления единичных и повторяющихся ситуаций; определенных и неопределенных; ситуаций индивидуализированных и родовых; ситуаций, имеющих место в определенный момент времени и не локализованных во времени; ситуаций с четкой и с нечеткой временной локализацией.

Квантификация объектов любой природы требует выделения общих классов. В связи с этим возникает необходимость в разработке семантической классификации пропозициональных компонентов, в которой различались бы, в частности, события и процессы, протекающие в конкретный момент времени (*Катерина вышивала шелковый платок*); временные состояния (*Все утро он был мрачен*); устойчивые состояния с нечеткими границами (*Я преподаю в техникуме*); постоянные свойства и соотношения, характеризующие объект на всем протяжении его существования (*Справа к реке примыкают заволжские степи*), в частности, свойства и соотношения абстрактных объектов, не локализованные ни во времени, ни в пространстве (*Сумма углов треугольника равняется двум прямым*) и др.

Параллельно с классификацией, ориентированной на внутреннюю структуру пропозиции, возникает другая, ориентированная на роль пропозиции в объемлющей ее структуре, при которой различаются суждения (служащие актантами, например, глаголов говорения), факты (служащие актантами, например, глаголов мотивации, типа *свидетельствует, объясняется*) и просто ситуации. Первая классификация требует, в частности, анализа видо-временных значений глаголов (в том направлении, которое было намечено в свое время работами Ю.С. Маслова (1948), а вторая связана прежде всего с исследованием семантики предикатов с пропозициональными актантами.

Другое естественное расширение исследований в области референции связано с выходом за пределы предложения в текст. Помимо более традиционных проблем связного текста — таких, как структура имен объектов, кореферентные соотношения между ИГ и структура анафорических отсылок (см. Севбо 1969, Падучева 1965, 1973а, Гак 1972б), — здесь имеются значительно менее изученные проблемы — временная анафора и временная кореферентность. Важную роль при анализе этих явлений должно сыграть понятие точки отсчета по Рейхенбаху (Reichenbach 1947).

Противопоставление единичного и родового статуса, плохо выраженное в именной группе, часто проясняется не в предложении, а в тексте. Так, в концовке "Братьев Разбойников" Пушкина — *Мне страшно резать старика; На беззащитные седины Не подымается рука* — ИГ старика неоднозначна по статусу. Неоднозначность разрешается в контексте всеобщности, который создается в предшествующем тексте: *Окаменел мой дух жестокий, И в сердце жалость умерла. Но иногда щажу морщины: Мне страшно резать старика.*

С новой стороны раскрывается в тексте структура интродуктивного предложения, в частности, одной его разновидности — номинативной (о номинативных предложениях см. Пешковский 1938:343, Иванов 1979). Поскольку интродуктивное предложение фиксирует время и место действия, возможность номинативного предложения выступать в интродуктивной функции зависит от его семантики: существительные, которые непосредственно связаны с понятием времени, естественно

образуют интродуктивные номинативные предложения (*Ночь, Вечерние сумерки*), а предметные существительные, вообще говоря, не выступают в этой функции (ср. *Фонарь*), см. Золотова 1971, Арутюнова 1976 а :75. Однако пространственные имена не имеют никаких ограничений на интродуктивную функцию (*Земская больница; Бедная, но чистенькая комната*) — при том, что они принципиально отличаются от событийных имен по своей способности входить в состав сложного предложения (ср. *Я рад, что дождь*, но **Я рад, что фонарь*) и употребляться в не настоящем времени, ср. *Был дождь* и **Была земская больница*. По-видимому, пространственное имя, фиксируя место, одновременно фиксирует и момент нахождения в нем наблюдателя.

Отдельную проблему составляет денотативный статус существительного в номинативном предложении. Абсолютный запрет на указательное местоимение в такой ИГ (так, в стихотворении Фета следующие друг за другом указательные группы *Это утро, радость эта...* с самого начала не воспринимаются как номинативные предложения; и действительно, они оказываются подлежащими при заключительном *Это все — весна*) свидетельствует, казалось бы, о ее предикатном статусе; однако неопределенные местоимения в номинативном предложении не исключены.

Третье направление связано с изучением того плана, который обычно называется модальным и требует анализа иллокутивных функций речевых актов и разработки более детальной их типологии. Здесь требуется, в частности, семантический анализ перформативных глаголов и предикатов пропозициональной установки; семантики модальных слов и грамматических категорий — косвенных наклонений и буд. времени; семантики вводных слов и частиц. Этот анализ должен отличить те пропозиции в семантической структуре высказывания, которые соотносятся с миром действительности, от тех, которые соотносятся с миром знаний, предположений, чувств и т.п. говорящего.

ЛИТЕРАТУРА*

Адамец П Порядок слов в современном русском языке — In: Rozprawy Českosl. Akad. věd, vol 15, Прага, 1966 96 с

Адамец П О семантико-синтаксических функциях деевербативных и деедъективных существительных — ФН, 1973, N 4, с 40—46

Апресян Ю Д Лексическая семантика М Наука, 1974 366 с

Апресян Ю Д Языковая аномалия и логическое противоречие — In, Text Język Poetyka Wrocław'etc Ossolineum, 1978, с 129—151

Апресян Ю Д Английские синонимы и синонимический словарь — В кн Англо-русский синонимический словарь М Рус яз 1979, с 500—543

Апресян Ю Д Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели смысл — текст — In Wiener slawistischer Almanach Wien, 1980, Bd 1

Арутюнова Н Д Некоторые типы диалогических реакций и почему-реплики в русском языке ФН, 1970, N 3, с 44—58

Арутюнова Н Д Предложение и его смысл М Наука, 1976а, 383 с 6-е изд М Книжный дом «Либроком»/URSS, 2009

Арутюнова Н Д Референция имени и структура предложения — ВЯ, 1976б, N 2, с 24—35

Арутюнова Н Д Семантическая структура и функции субъекта — Изв АН СССР Сер лит и яз, 1979, т 38, N 4, с 323—334

*В библиографии используются следующие сокращения ВЯ — Вопросы языкознания, МП и ПЛ — Машинный перевод и прикладная лингвистика, НЗЛ — Новое в зарубежной лингвистике, НТИ — Научно-техническая информация, РЯШ — Русский язык в школе, РЯНШ — Русский язык в национальной школе, ФН — Научные доклады высшей школы, Филологические науки, CLS — Papers from the Chicago Linguistic Society, IULC — Indiana University Linguistic Club, SaS — Syntax and semantics, FL — Foundations of language, LI — Linguistic inquiry

Арутюнова Н Д К проблеме функциональных типов лексического значения — В кн Аспекты семантических исследований М Наука, 1980а, с 156—249

Арутюнова Н Д Сокровенная связка — Изв АН СССР Сер лит и яз, 1980б, т 39, N 4, с 347—359

Арутюнова Н Д Лингвистические проблемы референции — В кн НЗЛ М Прогресс, 1982, вып 13, с 5—40

Арутюнова Н Д Тожество или подобие? — В кн Проблемы структурной лингвистики 1981 М Наука, 1983, с 3—22

Арутюнова Н Д, Ширяев Е Н Русское предложение Бытийный тип М Рус яз, 1983

Бабайцева В В Семантико-структурные типы предложений с подлежащим это — В кн Вопросы синтаксиса русского языка Калуга, 1971, с 58—65

Балли Ш Общая лингвистика и вопросы французского языка М Изд-во иностр лит, 1955 416 с 3-е изд М URSS, 2009

Барулин А Н Некоторые проблемы семантического анализа вопросительных местоимений — В кн Теория и типология местоимений М Наука, 1980, с 27—62

Бахтин М М Эстетика словесного творчества М Искусство, 1979 360 с

Беллерт И Об одном условии связности текста. — В кн НЗЛ М Прогресс, 1978, вып 8, с 172—207

Белнап Н Стилл Т Логика вопросов и ответов М Прогресс, 1981 288 с

Бенвенист Э Общая лингвистика М Прогресс, 1974 447 с 4-е изд М URSS, 2010

Бердник Л Ф Вопросительные предложения с повествовательным значением в современном русском языке Автореф канд дис Ростов на/Д, 1974 21 с

Богуславский И М О соотношении семантических и синтаксических свойств некоторых ограничительных частиц в русском языке Автореф канд дис М 1979 19 с

Богуславский И М Отрицание и противопоставление — В кн Проб-

лемы структурной лингвистики 1980 М Наука 1982 с 63—75

Болли К Папп Ф Палл Э Курс современного русского языка Будапешт, 1968 669 с

Бондарко А В Буланин Л П Русский глагол Л, 1967 191 с

Брызгунова Е А Звуки и интонация русской речи 4-е изд М Просвещение, 1981

Булаховский Л А Курс русского литературного языка 3-е изд Киев, Харьков Радянська школа, 1938 388 с

Булыгина Т В К построению типологии предикатов в русском языке — В кн Семантические типы предикатов М Наука, 1982, с 7—85

Буслаев Ф Ф Историческая грамматика русского языка Синтаксис 3-е изд М, 1969 297 с Изд 8 М «Либроком»/URSS, 2009

Былинский К И Розенталь Д Э Литературное редактирование М Искусство, 1957 339 с

Василевская Л И Синтаксические возможности имени собственного — В кн Лингвистика и поэтика М Наука, 1979, с 136—146

Вежбицкая А Наброски к русско-семантическому словарю — НТИ 1968, Сер 2, 1968, N 12, с 11—17

*Вежбицкая А*Descriptions или цитация? — НЗЛ М Прогресс, 1982, вып 13, с 237—262

Вейнрейх У О Семантической структуре языка — В кн Новое в лингвистике М, 1970, вып 5, с 163—249

Вендлер З Сингулярные термины — В кн НЗЛ М Прогресс, 1982, вып 13, с 203—236

Виноград Т Машина, понимающая естественный язык М Мир, 1976 294 с

Виноградов В В Русский язык М —Л Учпедгиз, 1947 784 с

Виноградов В В Основные вопросы синтаксиса предложения — В кн Виноградов В В Исследования по русской грамматике М Наука, 1975а, с 254—294

Виноградов В В Вопросы изучения словосочетаний — В кн Виноградов В В Исследования по русской грамматике М Наука, 1975б, с 231—253

Виноградов В В Основные типы тексических значений слова — В кн Виноградов В В Лексикология и лексикография — М Наука, 1977 с 162—189

Витгенштейн Л Логико-философский трактат М Изд-во иностр. лит., 1958

Вольф Е М Грамматика и семантика местоимений М Наука, 1974 224 с

Вольф Е М Состояния и признаки

Оценки состояний — В кн Семантические типы предикатов М Наука, 1982 с 320—339

Гашкова Э Сгалл П Анализ актуального членения предложения — НТИ Сер 2, 1981, N 10, с 24—32

Гак В Г К проблеме соотношения языка и действительности — ВЯ, 1972а, N 5 с 12—22

Гак В Г Повторная номинация и ее стилистическое использование — В кн Вопросы французской филологии М 1972б, с 123—136

Гак В Г Сравнительная типология французского и русского языков 2-е изд М Просвещение, 1983 Изд 4 URSS 2010

Гвоздев А Н Очерки по стилистике русского языка М 1955 Изд 5 URSS, 2009

Гиндин С И, Леонтьева Н Н Проблемы анализа и синтеза целого текста в системах машинного перевода, диалоговых и информационных системах — В кн Машинный перевод и автоматизация информационных процессов Обзорная информация М, 1978 Вып 2 с 1—84

Гладкий А В Формальные грамматики и языки М Наука, 1973 368 с

Гладкий А В Идеи М М Бахтина о высказывании и диалоге и их значение для формальной семантики естественного языка. — В кн Интерактивные системы Докл 3-й школы-семинара Тбилиси Мецниереба, 1981, с 33—43

Головачева А В Идентификация и индивидуализация в анафорических структурах — В кн Категория определенности—неопределенности в славянских и балканских языках М Наука, 1979, с 175—203

Грамматика современного русского литературного языка В 2-х т М Наука 1952—1954

Грамматика современного русского литературного языка М, Наука, 1970 767 с

Грамматика 1980 — Русская грамматика В 2-х т М Наука, 1980

Дорофеев Г В Мартемьянов Ю С Логический вывод и выявление связей между предложениями — МП и ПЛ, 1969, вып 12, с 36—59

Доннеллан К С Референция и определенные описания — В кн НЗЛ М Прогресс, 1982, вып 13, с 134—16С

Дюкро О Неопределенные выражения и высказывание — В кн НЗЛ М Прогресс, 1982, вып 13 с 261—291

Ермаков О П О взаимобусловленности форм подлежащего и сказуемого в современном русском языке В кн Синтаксис и норма М Наука 1974, с 220—234

Ермакова О.П. Некоторые замечания о синтаксически обусловленных и других несвободных значениях слов. — В кн.: Синтаксис и стилистика. М.: Наука, 1976, с. 103—111.

Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 404 с. 3-е изд. М.: КомКнига/URSS, 2006.

Зализняк А.А., Падучева Е.В. Синтаксические свойства местоимения *который*. — В кн.: Категория определенности — неопределенности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1979, с. 289—329.

Здоровов Ю.А. К вопросу о синтаксико-семантической структуре связного текста. — В кн.: Вычислительная лингвистика. М.: Наука, 1976, с. 125—133.

Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Рус. яз. 1979. 239 с.

Золотова Г.А. О взаимодействии лексики и грамматики в подклассах имен существительных. — В кн.: Памяти академика В.В. Виноградова. М.: Наука, 1971.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с. Изд. 6. М.: КомКнига/URSS, 2010.

Иванов В.В. Категория определенности — неопределенности и шифтеры. — В кн.: Категория определенности — неопределенности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1979, с. 90—118.

Иванов В.В. Семантика возможных миров и филология. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1980. М.: Наука, 1982, с. 5—19.

Ильин Г.М. О понятии "семантическая правильность". — НТИ. Сер. 2, 1973, N 9, с. 10—14.

Ильин Г.М., Новицкая И.М., Смирнова Л.Н. О вопросительных элементах в системе "запрос — ответ". — В кн.: Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности. Л., 1976, вып. 3, с. 65—74.

Исаченко А.В. О грамматическом порядке слов. — ВЯ, 1966, N 5, с. 27—34.

Ицкович В.А. Какая разница между местоимениями *что-то* и *что-нибудь*? — РЯНШ, 1963, N 5, с. 92—94.

Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы, 1—3. — В кн.: Синтаксис и норма. М.: Наука, 1974, с. 43—106.

Карнап Р. Значение и необходимость. М.: Изд-во иностр. лит. 1959. 382 с.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с. Изд. 4. М.: «Либроком»/URSS, 2009.

Кобозева И.М. Опыт прагматического анализа *то* и *нибудь* местоимений. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1981, т. 40, N 2, с. 165—173.

Ковтунова И.И. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976. 195 с. 2-е изд. М.: URSS, 2002.

Крейдлин Г.Е., Падучева Е.В. Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом *а*. — НТИ. Сер. 2, 1974, N 10, с. 32—37.

Крейдлин Г.Е., Рахилина Е.В. Денотативный статус отглагольных имен. — НТИ. Сер. 2, 1981, N 12, с. 17—22.

Кронгауз М.А. Тип референции именных групп с кванторными местоимениями *все*, *всякий* и *каждый*. — В кн.: Семiotические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Тезисы докладов. М.: ВИНТИ, 1983, с. 208—210.

Крылов С.А. Категория детерминации в русском языке: теоретические проблемы. — В кн.: Семiotика и информатика. М.: ВИНТИ, 1984, вып. 23.

Крылов С.А., Падучева Е.В. Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты. — В кн.: Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. М.: ИНИОН, 1983, с. 25—96.

Куайн У.О. Референция и модальность. — В кн.: НЗЛ. М.: Прогресс, 1982, вып. 13, с. 87—108.

Кулькова Р.А. Об употреблении согласительного наклонения в значении индикатива. — В кн.: Вопросы теории и практики преподавания русского языка как иностранного. М.: Изд-во МГУ, 1979, с. 94—99.

Куно С. Некоторые свойства нереперентных именных групп. — В кн.: НЗЛ. М.: Прогресс, 1982, вып. 13, с. 292—339.

Курилович Е. Положение имени собственного в языке. — В кн.: Курилович Е. Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1962, с. 251—266.

Левин Ю.И. О семантике местоимений. — В кн.: Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973, с. 108—121.

Линский Л. Референция и референты. — В кн.: НЗЛ. М.: Прогресс, 1982, вып. 13, с. 161—178.

Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Л.: Просвещение, 1972. 270 с.

Майтинская К.Е. Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969. 308 с. Изд. 2. М.: «Либроком»/URSS, 2009.

Маловицкий Л.Я. Вопросы истории предметно-личных местоимений. — Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1971, т. 517, с. 97—126.

Маловицкий Л.Я. Синтаксические условия функционирования неопределенных

местоимений в современном русском языке. — ФН, 1974, N 4, с. 110—117.

Манин Ю.И. О функционировании естественного языка в научных текстах. — В кн.: Структура текста—81: Тезисы симпозиума. М.: Ин-т славяновед. и балканистики АН СССР, 1981, с. 25—27.

Мартымянов Ю.С. Проблемы актуального членения в исследованиях по автоматическому переводу и реферированию. — В кн.: Машинный перевод и автоматизация информационных процессов. М.: ВЦП, 1981, вып. 4.

Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в русском языке. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1948, т. 7, N 4, с. 303—316.

Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высшая школа, 1975. 328 с.

Матвеев В.А. Рема предложения — производное от его семантики. — В кн.: Проблемы синтаксической семантики: Материалы научной конференции. М., 1967, с. 152—154.

Молотков А.И. Трудные случаи лексико-грамматической характеристики слов *это* и *то* в русском языке. — В кн.: Вопросы грамматики: Сб. статей к 75-летию акад. И.И. Мещанинова. М.; Л., 1960, с. 345—361.

Муравьева И.А. К проблеме деривации анафорических выражений, обозначающих тождественные объекты. — Доклад на школе-семинаре "Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности". Телави, 1983.

Николаева Т.М. Категориально-грамматическая цельность высказывания и его прагматический аспект. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1981, т. 40, N 1, с. 27—36.

Николаева Т.М. Функциональная нагрузка неопределенных местоимений в русском языке. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1983, т. 4, N 4, с. 342—353.

Откупщикова М.И. Позиционный этап синтеза русского предложения при машинном переводе. — НТИ. Сер. 2, 1963, N 11, с. 31—33.

Павленко Р.Е. Проблема смысла. М.: Мысль, 1983.

Падучева Е.В. О способах представления синтаксической структуры предложения. — ВЯ, 1964, N 2, с. 99—113.

Падучева Е.В. О структуре абзаца. — В кн.: Труды по знаковым системам, 2. Тарту, 1965, с. 284—292. (Учен. зап. Тарт. ун-та; Вып. 181).

Падучева Е.В. Отождествление и различие упоминаемых объектов как одна

из проблем анализа связного текста. — В кн.: Тезисы III Всесоюзной конференции по ИПС и автоматизированной обработке НТИ. М.: ВИНТИ, 1966, с. 44—45.

Падучева Е.В. Выражение тождества упоминаемых объектов как одна из проблем синтеза языкового текста. — В кн.: III Всесоюзная конференция по информационно-поисковым системам и автоматизированной обработке научно-технической информации. М.: ВИНТИ, 1967а, т. 2, с. 101—132.

Падучева Е.В. Международная конференция по семиотике в Польше. — НТИ. Сер. 2, 1967б, N 2, с. 35—44.

Падучева Е.В. Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке. — В кн.: МП и ПЛ. М., 1969, вып. 12, с. 5—35.

Падучева Е.В. О порождении сложного предложения из простых. — В кн.: Исследования по математической лингвистике, математической логике и информационным языкам. М., 1972, с. 59—78.

Падучева Е.В. Анафорические связи и глубинная структура текста. — В кн.: Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973а, с. 96—107.

Падучева Е.В. Наименование объектов — проблема семантики и стилистики. — В кн.: Сб. статей по вторичным моделирующим системам. Тарту: Тартуский ун-т, 1973б, с. 148—152.

Падучева Е.В. О трансформациях прономинализации: глубинные структуры предложений со словами *один*, *другой*. — В кн.: Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973в, с. 138—154.

Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974. 292 с. (URSS, 2009.)

Падучева Е.В. О производных дна-тезах отпредикатных имен в русском языке. — В кн.: Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. М.: Наука, 1977а, с. 84—107.

Падучева Е.В. Актуальное членение и способы названия объектов в тексте. — В кн.: Синтаксическая семантика: Сб. научных трудов МГПИИЯ. М., 1977б, с. 162—177.

Падучева Е.В. О семантических связях между басней и ее моралью. — В кн.: Труды по знаковым системам, IX. Тарту, 1977в, с. 27—54. (Учен. зап. Тарт. ун-та; Вып. 422).

Падучева Е.В. Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложе-

жения. — НТИ. Сер. 2, 1979а, N 9, с. 25—31.

Падучева Е.В. Обнаружение сферы действия кванторов в предложениях математического текста. — В кн.: Синтаксический и семантический компонент лингвистического обеспечения. Новосибирск: ВЦ СОАН, 1979б, с. 47—76.

Падучева Е.В. Об именных группах со сдвоенной денотативной характеристикой. — В кн.: Семантика и информатика. М.: ВИНТИ, 1979в, вып. 11, с. 134—141.

Падучева Е.В. Об атрибутивном стяжении подчиненной предикации в русском языке. — В кн.: МП и ПЛ, 1980а, вып. 20, с. 3—44.

Падучева Е.В. О денотативном статусе именных групп в предложении. — Учен. зап. Тарт. ун-та, 1980б, вып. 519, с. 48—81.

Падучева Е.В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла. — В кн.: Семантика и информатика. М.: ВИНТИ, 1982а, вып. 18, с. 76—119.

Падучева Е.В. Прагматические аспекты связности диалога. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1982б, N 4, с. 305—311.

Падучева Е.В. Значение и синтаксические функции слова *это*. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1980. М.: Наука, 1982в, с. 76—90.

Падучева Е.В. К теории референции: имена и дескрипции в неэкстенциональных контекстах. — НТИ. Сер. 2, 1983а, N 1, с. 24—29.

Падучева Е.В. Возвратное местоимение с косвенным антецедентом и семантика рефлексивности. — В кн.: Семантика и информатика, вып. 21, М.: ВИНТИ, 1983б, с. 3—33.

Падучева Е.В. Притяжательное местоимение и проблема залога отпредикатного имени. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики 1982. М.: Наука, 1984.

Падучева Е.В., Успенский В.А. Подлежащее или сказуемое? — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1979, N 4, с. 349—360.

Пете И. Употребление неопределенных местоимений в современном русском языке. — РЯШ, 1957, N 2, с. 18—21.

Патнэм Х. Значение и референция. — В кн.: НЗЛ. М.: Прогресс, 1982, вып. 13, с. 377—391.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М.: Учпедгиз, 1938. 451 с. 9-е изд. М.: URSS, 2009.

Пулькина И.М., Захава Нехрасо-

ва Н.Б. Учебник русского языка для студентов-иностранцев. 4-е изд. М., 1968.

Рассел Б. Человеческое познание. М.: Изд-во иностр. лит., 1957.

Рассел Б. Дескрипции. — В кн.: НЗЛ. М.: Прогресс, 1982, вып. 13, с. 41—54.

Резвин И.И. Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке. — В кн.: Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973а, с. 121—137.

Резвин И.И. О месте правил прономинализации в модели порождения для русского языка. — НТИ. Сер. 2, 1973б, N 11, с. 30—36.

Резвин И.И. Структура языка как моделирующей системы. М.: Наука, 1978. 287 с.

Рестан П. Синтаксис вопросительного предложения. Осло, 1969.

Рословец Я.И. О соотношении именительного и творительного предикатного существительного при связке *быть* в современном русском языке. — Учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина, 1970, N 332, с. 279—329.

Саввина Е.Н. О неадекватности описания одного типа сравнительных конструкций с использованием понятия поверхностно-синтаксического эллипсиса. — *Wiener slawistischer Almanach*, 1980, Bd. 6, S. 211—230.

Саламин Э. О неопределенных местоимениях и наречиях в современном русском языке. — *Studia slavica Hung.*, 1975, XXI, p. 351—357.

Севбо И.П. Структура связного текста и автоматизация реферирования. М.: Наука, 1969. 135 с.

Селиверстова О.Н. Опыт семантического анализа слов типа *все* и типа *кто-нибудь*. — ВЯ, 1964, N 4, с. 80—90.

Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка. — В кн.: Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982, с. 86—157.

Серл Дж. Р. Референция как речевой акт. — В кн.: НЗЛ. М.: Прогресс, 1982, вып. 13, с. 179—202.

Скотт Д. Советы по модальной логике. — В кн.: Семантика модальных и интенциональных логик. М.: Прогресс, 1981, с. 280—317.

Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти т. М.: Наука, 1950—1965.

Словарь языка Пушкина: В 4-х т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961.

Смирницкий А.И. Морфология английского языка. — М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1959.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 5-ти т. Пб.: Академия, 1903. Т. 3.

Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. М.: Наука, 1981. 360 с. 4-е изд. М.: Изд-во ЛКИ/URSS, 2007.

Стросон П.Ф. О референции. — В кн.: НЗЛ. М.: Прогресс, 1982а, вып. 13, с. 55—86.

Стросон П.Ф. Идентифицирующая референция и истинностное значение. — В кн.: НЗЛ. М.: Прогресс, 1982б, вып. 13, с. 109—133.

Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М.: Изд-во иностр. лит., 1948. 261 с.

Торопова Н.А. К исследованию логических частиц. — ВЯ, 1978, N 5, с. 82—92.

Успенский Б.А. Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970. 225 с.

Успенский В.А. Предисловие "От редактора перевода". — В кн.: Черч А. Введение в математическую логику. М.: Изд-во иностр. лит., 1960, т. 1, с. 5—11.

Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. — М.: Наука, 1974. 205 с.

Фреге Г. Смысл и денотат. — В кн.: Семантика и информатика. М.: ВИНТИ, 1977, вып. 8, с. 181—210.

Хинтиikka Я. Вопрос о вопросах. — В кн.: Философия в современном мире. М.: Наука, 1974, с. 303—362.

Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. — М.: Прогресс, 1980. 447 с.

Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топика и точка зрения. — В кн.: НЗЛ. М.: Процесс, 1982, вып. 11; с. 277—316.

Черч А. Введение в математическую логику. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. Т. 1. 484 с. Изд. 2. М.: «Либроком»/URSS, 2009.

Чехов А.С. О прообразах местоимений, выражающих тождество упоминаемых объектов: Предвар. публ. Ин-та рус. яз. АН СССР. М., 1978, вып. 107, с. 39—46.

Чехов А.С. Проблемы описания кореферентных и анафорических отношений в языке: Автореф. канд. дис. М.: 1979. 19 с.

Чехов А.С. Отождествляющее анафорическое отношение как фактор внутренней организации высказывания. — В кн.: МП и ПЛ. М., 1981, вып. 19, с. 39—61.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М.; Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с. 4-е изд. М.: URSS, 2007.

Шведова Н.Ю. Полные и краткие формы прилагательных в современном русском литературном языке. — Учен. зап. МГУ, 1952, вып. 150.

Шелякин А.М. О семантике и употреблении неопределенных местоимений в русском языке. — Учен. зап. Тартуского ун-та, 1978, вып. 442, с. 3—22.

Широкова Е.Г. Частица *-таки*: семантика и условия употребления. — В кн.: Семантика и информатика. М.: ВИНТИ, 1982, вып. 19, с. 137—147.

Шмелев Д.Н. О некоторых употреблении вопросительных местоимений и наречий в разговорной речи. — РЯНШ, 1959, N 6, с. 14—18.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 279 с. Изд. 3. М.: Изд-во ЛКИ/URSS, 2008.

Шмелев Д.Н. Синтаксическая членность высказывания в современном русском языке. — М.: Наука, 1976. 149 с.

Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972, с. 95—113.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика. — В кн.: Структурализм: "за" и "против" / Под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975, с. 193—230.

Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода. — В кн.: Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978, с. 16—24.

Adamec P. K vyjadřování referenční určenosti v češtině a v ruštině. — Slovo a slovesnost, 1980, vol. 16, p. 257—264.

Allwood J., Andersson L.-G., Dahl Ö. Logic in linguistics. L., etc.; Cambridge univ. press, 1977. 185 p.

Anscombe G.E.M. The first person. — In: Mind and language. Oxford, 1975, p. 71—77.

Aqvist L. Revised foundations for imperative epistemic and interrogative logic. — Theoria, 1971, vol. 37, p. 33—73.

Austin J.L. How to do things with words. Oxford: Clarendon press, 1963. 119 p.

Babby L.H. Existential sentences and negation in Russian. Ann Arbor: Karoma publ., 1980. 180 p.

Bach E. Pronominalization. — LI, 1970, vol. 1, p. 121—123.

Bäuerle R. Questions and answers. — In: Semantics from different points of view. B., 1979, p. 61—73.

Bellert I. On the use of linguistic quantifying operators. — Poetics, 1971, vol. 2, p. 71—86.

- Belnap N.* Questions: their presuppositions and how they fail to arise. — In: *The logical way of doing things*. L., 1969, p. 17—21.
- Bhat D.N.S.* The referents of noun phrases. Pune: Deccan college, 1975, 91 p.
- Bickerton D.* Where presuppositions come from. — In: *SaS*, N.Y., 1979, vol. 11, p. 235—248.
- Bilý M.* Reflexives and the subjective ("emphatic") side of FSP. — In: *Pap. 4th Scand. Conf. linguistics*. Odense: Univ. press, 1978, p. 227—233.
- Böer S.E., Lycan W.G.* The myth of semantic persupposition. — *Work. Pap. Linguist.* Ohio, 1976, N 21, p. 1—90.
- Boguslawski A.* On the uniqueness condition on definite descriptions and their differentiation. — In: *Probleme der Textgrammatik II*. B.: Akad.-Verl., 1977, p. 159—172.
- Bolinger D.* Ambient it is meaningful too. — *J. Linguist.*, 1973, vol. 9, N 2, p. 261—270.
- Bolinger D.* Pronouns and repeated nouns. *Bloomington: IULC*, 1977, 63 p.
- Bolinger D.* Yes-no questions are not alternative questions. — In: *Questions/Ed. H. Hiz*. Dordrecht: Reidel, 1978, p. 87—105.
- Brown R.* How shall a thing be called? — *Psychol. Rev.*, 1958, vol. 65, N 1, p. 17—27.
- Carlson G.N.* Generics and atemporal when. — *Linguist. and Philos.*, 1979, vol. 3, p. 49—98.
- Castañeda H.-N.* On the logic of attributions of self-knowledge to others. — *J. Philos.*, 1968, vol. 65, p. 71—77.
- Castañeda H.-N.* On the philosophical foundations of the theory of communication: reference. — In: *Contemporary perspectives*, 1979, p. 125—146.
- Caton C.E.* Comments on: Z. Vendler. *Illocutionary suicide*. — In: *Issues in the philosophy of language/Ed. A.F. MacKay, D.D. Merrill*. New Haven etc.: Yale univ. press, 1976, p. 147—161.
- Chomsky N.* Aspects of the theory of syntax. *Cambridge (Mass.)*, 1965. (рус. пер.: Н. Хомский. Аспекты теории синтаксиса. М.: МГУ, 1972).
- Chvany C.V.* On the syntax of BE-sentences in Russian. *Cambridge (Mass.): Slavica publ.*, 1975, 311 p.
- Conrad R.* Transformationsanalyse russischer Infinitivkonstruktionen. *Leipzig*, 1969, 277 S.
- Contemporary perspectives in the philosophy of language*. Minneapolis: Univ. Minnesota press, 1979, 415 p.
- Culicover P.W.* A constraint on coreferentiality. — *FL*, 1976, vol. 14, p. 109—118.
- Dahl Ö.* Some notes on indefinites. — *Language*, 1970, vol. 46, N 1, p. 33—41.
- Dahl Ö.* On generics. — In: *Formal semantics of natural languages*. L.: Cambridge univ. press, 1975, p. 99—111.
- Davidson D.* Reality without reference. — In: *Reference, truth and reality/Ed. M. Platts*. L. etc.: Routledge and Kegan Paul, 1980.
- Davidson D.* The logical form of action sentences. — In: *The logic of decision and action/Ed. N. Rescher*. Pittsburg: Univ. press, 1966, p. 81—95.
- van Dijk T.A.* Text and context. L. etc.: Longman, 1977, 260 p.
- Dik S.* Crossing coreference again. — *FL*, 1973, vol. 9, p. 306—325.
- Dinsmore J.* The inheritance of presupposition. *Amsterdam: John Benjamins B.V.*, 1981, 99 p.
- Donnellan K.S.* Speaker reference, descriptions and anaphora. — In: *Contemporary perspectives*, 1979, p. 28—44.
- Ducrot O.* La description linguistique des énoncés français et la notion de présupposition. *Homme*, 1968, vol. 1, p. 7—21.
- Dummett M.* Frege: philosophy of language. N.Y. etc.: Harper and Row, 1973, 698 p.
- Evans G.* Pronouns, quantifiers and relative clauses. — *Canad. J. Philos.*, 1977, vol. 7, N 3, p. 467—536.
- Fillmore C.J.* On the syntax of preverbs. — *Glossa*, 1967, vol. 1, p. 91—125.
- Fillmore C.J.* The case for case. — In: *Universals in linguistic theory/Ed. Bach E., Harms R.T.* N.Y. etc.: Holt, 1968 (русск. пер. в кн.: НЗЛ. М.: Прогресс, 1981, вып. 10).
- Fillmore C.J.* Types of lexical information. — In: *Studies in syntax and semantics/Ed. F. Kiefer*. Dordrecht, 1969, p. 109—137.
- Fillmore C.J.* Subjects, speakers and roles. — *Synthese*, 1970, vol. 21, p. 251—274.
- Fillmore C.J.* The need for a frame semantics within linguistics. — *Statist. Meth. Linguist.*, 1976, vol. 1, p. 37—41.
- Fillmore C.J.* Towards a descriptive framework for spatial deixis. — In: *Speech, place and action/Ed. R.J. Jarvella, W. Klein*. Chichester etc.: J. Wiley and sons, 1982, p. 31—60.
- Firbas J.* On defining the theme in functional sentence analysis. — In: *Travaux linguistiques de Prague*. Praha, 1966, p. 267—280.
- Fodor J.D.* Semantics: theories of meaning in generative grammar. N.Y.: T.Y. Crowell co., 1977, 225 p.
- Fodor J.D.* In defence of the truth value gap. — In: *SaS*, N.Y. etc.: Acad. press, 1979, vol. 11, p. 199—223.
- Forman D.* The speaker knows best

principle. — CLS. Chicago, 1974, N 10, p. 71—81.

van Fraassen B.C. Presupposition, implication and self-reference. — J. Philos., 1968, vol. 65, N 5, p. 136—152.

Fraser B. A partial analysis of vernacular performative verbs. — In: Toward tomorrow's linguistics. Wash.: Georgetown Univ. press, 1974, p. 121—127.

Frege G. Translations from the philosophical writings of Gottlob Frege. Oxford, 1952.

Freudenthal H. LINCOS: Design of a language for cosmic intercourse. Amsterdam, 1960. Pt. I.

Garner Q. "Presupposition" in philosophy and linguistics. — In: Studies in linguistic semantics. N.Y., 1971, p. 22—42.

Gazdar G. Pragmatics. N.Y. etc.: Acad. press, 1979. 186 p.

Geach P. Reference and generality. Ithaca: Cornell univ. press, 1962. 170 p.

Gensler O.D. Non-syntactic antecedents and frame semantics. — In: 3rd ann. meet. Berkeley linguist. soc. Berkeley, 1977, p. 321.

Givón T. Forward implications, backward presuppositions and the time axis of verbs. — In: SaS. N.Y.: Acad. press, 1972, vol. 1, p. 20—50.

Givón T. Definiteness and referentiality. — In: Universals of human language. Stanford: Univ. press, 1978, vol. 4. Syntax, p. 293—330.

Gordon D., Lakoff G. Conversational postulates. — In: SaS. N.Y.: Acad. press, 1975, vol. 3, p. 83—106.

Grice H.P. Logic and conversation. — In: SaS. N.Y.: Acad. press, 1975, vol. 3, p. 41—58.

Grimes J.E. The thread of discourse. The Hague: Mouton, 1975. 101 p.

Guillaume G. Langage et science du langage. P.: Nizet, 1964. 286 p.

Grzegorzczkova R. Problemy kwantyfikacji w grupie werbalnej. — In: Liczba, ilość, miara. Materiały Konferencji Naukowej. Warszawa, 1975.

Hajicová E. Some remarks on presuppositions. — Prague Bull. Math. Linguist., 1972, vol. 17, p. 11—24.

Hajicová E., Vrbova J. On the role of hierarchy of activation in the process of natural language understanding. — In: Proceedings of the IX-th International conference on Computational linguistics. Amsterdam, etc.: North Holland, 1982, p. 107—114.

Harris Z. The interrogative in a syntactic framework. — In: Questions/Ed. H. Hiz. Dordrecht: Reidel, 1978, p. 1—36.

Hawkins J.A. Definiteness and indefiniteness: A study in reference and grammaticality prediction. L.: Croom Helm, 1978. 271 p.

Hausser R., Zaefferer D. Questions and

answers in a context-dependent Montague grammar. — In: Formal semantics and pragmatics for natural languages/Ed. F. Guenther, S.J. Schmidt. Dordrecht: Reidel, 1979, p. 339—358.

Henry F. (ed.) Ambiguities in intensional contexts. Dordrecht: Reidel, 1981. 285 p.

Hintikka J. Answers to questions. — In: Questions/Ed. H. Hiz. Dordrecht: Reidel, 1978, p. 279—300.

Hintikka J., Carlson L. Pronouns of laziness in game—theoretical semantics. — Theor. Linguist., 1977, N 1/2.

Hirst G. Anaphora in natural language understanding. B. etc.: Springer, 1981. 122 p. (Lecture notes in computer science; N 119).

Hiz H. Questions and answers. — J. Philos., 1962, vol. 58, p. 107—117.

Hlavsa Z. Denotace objektu a její prostrédky v současném čestine. Pr., Acad., 1975. 110 s.

Horn L.R. A presuppositional analysis of only and even. — CLS. Chicago, 1969, N 5, p. 98—107.

Huddleston R.D. The sentence in written English. L.: Cambridge univ. press, 1971. 271 p.

Issatschenko A.V. The russische Sprache der Gegenwart. Halle, 1962, Bd. I. Formenlehre. 272 S.

Jackendoff R. Semantic interpretation in generative grammar. Cambridge (Mass.): MIT press, 1972. 317 p.

Jacobson P. The syntax of crossing coreference sentences. — Bloomington: IULC, 1979. 220 p.

Kaplan D. Dthat. — In: SaS. N.Y. etc.: Acad. press, 1978, vol. 9, p. 221—243.

Karttunen L. Pronouns and variables. — CLS. Chicago, 1969, N 5.

Karttunen L. Implicative verbs. — Language, 1971a, vol. 47, pt 2, p. 340—359.

Karttunen L. Definite descriptions with crossing coreference. — FL, 1971b, vol. 7, p. 157—182.

Karttunen L. Presuppositions of compound sentences. — LI, 1973, vol. 4, 169—193.

Karttunen L. Presupposition and linguistic context. — Theor. Linguist., 1974, vol. 1, N 1/2, p. 181—194.

Karttunen L. Discourse referents. — In: SaS. N.Y.: Acad. press, 1976, vol. 7, p. 364—385.

Karttunen L. Syntax and semantics of questions. — In: Questions/Ed. H. Hiz. Dordrecht: Reidel, 1978, p. 165—210.

Karttunen L. Peters S. What indirect questions conventionally implicate. — CLS, 1976, N 12, p. 351—368.

Karttunen L., Peters S. Conventional implicature. — In: SaS. N.Y. etc.: Acad. press, 1979, vol. 11. Presupposition, p. 1—56.

Katz J.J. The neoclassical theory of refe-

- rence. — In: *Contemporary perspectives...*, 1979a, p. 103—124.
- Katz J.J. A solution to the projection problem for presupposition. — In: *SaS. N.Y.: Acad. press*, 1979b, vol. 11, p. 91—125.
- Keenan E.L. Two kinds of presupposition in natural language. — In: *Studies in linguistic semantics/Ed. Ch. J. Fillmore, D.T. Langendoen. N.Y.: Holt*, 1971, p. 44—52.
- Keenan E. On semantically based grammar. — *LI*, 1972, vol. 3, N 4, p. 413—462.
- Keenan E., Hull R. The logical presuppositions of questions and answers. — In: *Presuppositions in philosophy and linguistics/Ed. J. Petöfi, D. Franck. Frankfurt a. M.: Athenäum*, 1973, p. 441—466.
- Keenan-Ochs E., Shieffelin B. Topic as a discourse notion. — In: *Subject and topic. N.Y.: Acad. press*, 1976, p. 335—384.
- Kempson R.M. Presupposition and the delimitation of semantics. *Cambridge: Univ. press*, 1975. 235 p.
- Kenny A. Action, emotion and will. *N.Y.: Humanities press*, 1963.
- Kiefer F. Some semantic and pragmatic properties of WH-questions and the corresponding answers. — *Statist. Meth. Linguist.*, 1977a, vol. 3, p. 42—71.
- Kiefer F. Two recent studies on presupposition. — *Lingua*, 1977b, vol. 43, p. 247—271.
- Kiefer F. Yes-no questions as WH-questions. — In: *Speech act theory and pragmatics. Ed. J.R. Searle et al. Dordrecht: Reidel*, 1980, p. 97—119.
- Kiparski P., Kiparski C. Fact. — In: *Progress in linguistics. The Hague: Mouton*, 1970, p. 143—173.
- Kripke S. Naming and necessity. — In: *Semantics of natural languages. Dordrecht: Reidel*, 1972, p. 235—355.
- Kuno S. Functional sentence perspective: A case study from Japanese and English. — *LI*, 1972, vol. 3, N 3, p. 269—320.
- Kuno S. Three perspectives in the functional approach to syntax. — In: *Sound, sign and meaning. Ann Arbor: Univ. Mich.*, 1976, p. 119—190.
- Kuroda S.Y. Linguistics harmony notes. Series A: charms of identity. — In: *SaS. N.Y.: Acad. press*, 1978, vol. 7, p. 227—229.
- Lakoff G. Pronouns and reference. — *Bloomington: IULC*, 1968. 50 p.
- Lakoff G. Linguistics and natural logic. — In: *Semantics of natural language/Ed. D. Davidson, G. Harman. Dordrecht: Reidel*, 1972, p. 545—665.
- Lakoff G. Pragmatics in natural logic. — In: *Formal semantics of natural language/Ed. E.L. Keenan. Los Angeles*, 1975, p. 253—286.
- Lakoff R. The pragmatics of modality. — *CLS. Chicago*, 1972, vol. 8, p. 229—246.
- Langendoen T.D. Presupposition and assertion in the semantic analysis of nouns and verbs in English. — In: *Semantics/Ed. D.D. Steinberg, L.A. Jakobovits. Cambridge*, 1971, p. 341—344.
- Langendoen T.D., Savin H.B. The projection problem for presuppositions. — In: *Studies in linguistic semantics/Ed. Ch. Fillmore, T. Langendoen. N.Y.*, 1971, p. 55—61.
- Langendonck W. Indefinites, exemplars and kinds. — In: *The semantics of determiners. L.*, 1979, p. 211—231.
- Lewis C.I. An analysis of knowledge and valuation. *La Salle*, 1946. 171 p.
- Lewis D. General semantics. — In: *Semantics of natural language/Ed. D. Davidson. et al. Dordrecht: Reidel*, 1972, p. 169—218.
- Lewis D. Adverbs of quantification. — In: *Formal semantics of natural language/Ed. E. Keenan. Cambridge: Univ. press*, 1975, p. 3—15.
- Lycan W. Hintikka and Moore's paradox. — *Philos. Stud.*, 1970, vol. 21, N 1, p. 9—14.
- Lyons J. *Semantics. L. etc.: Cambridge Univ. press*, 1978. Vol. I, II. 897 p.
- Martin R.L. (Ed). The paradox of the liar *New Haven*, 1970.
- McCawley J.D. Where do noun phrases come from? — In: *Semantics/Ed. D.D. Steinberg, L.A. Jakobovits. Cambridge (Mass.): Univ. press*, 1971, p. 217—231.
- McCawley J.D. Everything that linguists have always wanted to know about logic but were ashamed to ask. *Oxford: Blackwell*, 1981. 508 p.
- McCawley J.D. Presupposition and discourse structure. — In: *SaS. N.Y.: Acad. press*, 1979, vol. 11, p. 371—387.
- Mittwoch A. Grammar and illocutionary force. — *Lingua*, 1976, vol. 40, p. 21—42.
- Montague R. Formal philosophy: Selected papers of Richard Montague. *New Haven: Yale Univ. press*, 1974. 321 p.
- Morgan J. On the treatment of presupposition in transformational grammar. — *CLS. Chicago*, 1969, N 5, p. 167—177.
- Morgan J. Two types of convention in indirect speech acts. — In: *SaS. L. etc.: Acad. Press*, 1978, vol. 9, p. 261—280.
- Mourelatos A.P. Events, processes, and states. — In: *SaS*, 1981, vol. 14, p. 191—212.
- Nunberg G.D. The pragmatics of reference. *Bloomington: IULC*, 1978. 188 p.
- Oh C.-K., Godden K. Presuppositional grammar. — In: *SaS. N.Y.: Acad. press*, 1979, vol. 11, p. 225—234.
- Padučeva E.V. Topic and focus in Russian bi-nominative sentences. — *SMIL. J. Linguist. Calculus*, 1979, N 3/4, p. 29—48.
- Partee B. Opacity, coreference and pro-

nouns. — In: Semantics of natural language. Dordrecht: Reidel, 1972, p. 415—441.

Peterson P.L. On representing event reference. — In: SaS. N.Y.: Acad. press, 1979, vol. 11, p. 325—354.

Pfeifer D.E. The question of reference in the writings of J.A. Fodor and J.J. Katz. — FL, 1966, vol. 2, p. 142—150.

Postal P.M. On so-called "pronouns" in English. — Georgetown Univ. Monogr., 1966, N 19, p. 177—206.

Postal P.M. Anaphoric islands. — CLS, Chicago, 1969, N 5, p. 205—239.

Postal P.M. On raising. Cambridge (Mass.), 1974, 310 p.

Postal P.M., Grinder J. Missing antecedents. — LI, 1971, vol. 2, p. 269—312.

Prince E. On the function of existential presupposition in discourse. — CLS, Chicago, 1978, N 14, p. 362—376.

Quine W.O. From a logical point of view. Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 1953, 271 p.

Quine W.O. Word and object. Cambridge (Mass.): MIT press, 1960.

Quine W.O. Logic as a source of syntactical insight. — In: Structure of language and its mathematical aspects. Providence, 1961, p. 1—5.

Quine W.O. Natural kinds. — In: Essays in honor of Carl Hempel, Dordrecht: Reidel, 1969, p. 5—23.

Quine W.O. Quantifiers and propositional attitudes. — In: Reference and modality/Ed. L. Linsky. L.: Oxford univ. press, 1971, p. 71—77.

Reichenbach H. Elements of symbolic logic. N.Y.: The MacMillan Co, 1947, 437 p.

Reinhart T. Whose main clause? — Harvard Stud. Syntax and Semantics, 1975, N 1, p. 127—171.

Reinhart T. Pragmatic and linguistics: An analysis of sentence topics. — Philosophica, 1981, vol. 11, p. 1—44.

Ross J.R. On declarative sentences. — In: Readings in English transformational grammar/Ed. R. Jacobs, P.S. Rosenbaum. Waltham (Mass.): Ginn, 1970, p. 222—272.

Ross J.R. Clausematurity. — In: Formal semantics of natural language. L.: Cambridge univ. press, 1975, p. 422—475.

Russell B. An inquiry into meaning and truth. N.Y.: Norton and Co, 1940, 447 p.

Ružička R. Reflexive versus nonreflexive pronominalization in modern Russian and other Slavic languages. — In: Generative grammar in Europe/Ed. F. Kiefer, N. Ruwet. Dordrecht: Reidel, 1973a, p. 445—481.

Ružička R. Kmo-mo und kmo-nubdyb — Ztschr. Slawistik, 1973b, Bd. 18, N 5, S. 705—736.

Rybak I. Charakter opozície neurčitých zamen typu kmo-nubdyb kmo-mo — Československa rusistika, 1965, N 4, s. 196—201.

Sadock J.M. Toward a linguistic theory of speech acts. N.Y.: Acad. press, 1974, 171 p.

Sadock J.M. Aspects of linguistic pragmatics. — In: Proc. Texas conf. on performatives, presuppositions and implicatures/Ed. A. Rogers et al. Arlington, 1977, p. 67—78.

Sapir E. Grading. A study in semantics. — Philosophy of science, 1944, vol. 11, p. 93—116.

Schiebe T. On presuppositions of complex sentences. — In: SaS. N.Y.: Acad. press, 1979, vol. 11, p. 127—154.

Schmerling S.F. Presupposition and the notion of normal stress. — CLS, Chicago, 1971, N 7, p. 242—253.

Schwarz D.S. Naming and referring: The semantics and pragmatics of singular terms. B. etc.: Walter de Gruyter, 1979, 196 p.

Searle J.R. Speech acts: An essay in the philosophy of language. L. etc.: Cambridge univ. press, 1969, 171 p.

Searle J.R. Indirect speech acts. — In: SaS. N.Y.: Acad. press, 1975, vol. 3, p. 59—82.

Searle J.R. Expression and meaning. L. etc.: Cambridge univ. press, 1979, 187 p.

Sellars W. Presupposing. — Philos. Rev., 1954, vol. 63, N 2, p. 197—215.

Seuren P. Referential constraints on lexical items. — In: Formal semantics of natural language. L. etc.: Cambridge univ. press, 1975, p. 84—98.

Sgall P., Hajičová E. Focus on focus, I. — Prague Bull. Math. Linguist., 1977, vol. 28, p. 5—54.

Sgall P. Meaning, content and pragmatics. — Prague Stud. Math. Linguist., 1978, vol. 6, p. 215—225.

Sloat C. Proper names. — Language, 1969, vol. 45, N 1, p. 26—30.

Smuljan A.F. Modality and description. — J. Symbol. Log., 1948, vol. 13, N 1, p. 97—111.

Soames S. A projection problem for speaker presuppositions. — LI, 1979, vol. 10, N 4, p. 623—666.

Stalnaker R.C. Pragmatics. — In: Semantics of natural language/Ed. D. Davidson, R. Harman. Dordrecht: Reidel, 1972, p. 380—397.

Stalnaker R.C. Presuppositions. — J. Philos. Logic., 1973, vol. 4, p. 447—457.

Stalnaker R.C. Pragmatic presupposition. — In: Semantics and philosophy/Ed. M.K. Munitz, P.K. Unger. N.Y.: Univ. press, 1974, p. 135—148.

Stalnaker R.C. Assertion. — In: SaS. N.Y. etc.: Acad. press, 1978, vol. 9, Pragmatics, p. 315—332.

Tésniere L Eléments de syntaxe structurale Paris Klincksieck 1959

Timberlake A Reflexivisation and the cycle in Russian — *Linguist Inquiry*, 1979, vol 10, N 1, p 109—141

Timberlake A Oblique control of Russian reflexivisation — *Morphosyntax in Slavic*/Ed C Chvany, R Brecht Columbus (Ohio) Slavic, 1980, p 235—259 (русск перев в кн *НЗЛ М Проросс*, вып 11, 1982)

Urmson J O Parenthetical verbs — In *Philosophy and ordinary language*/Ed C Caton Urbana Univ Ill press, 1963, p 220—240

Vendler Z Verbs and times — *Philosophical review*, 1957, vol 64, p 143—160

Vendler Z Causal relations — *J Philos*, 1967, vol 64, N 21, p 704—713

Vendler Z Illocutionary suicide — In *Issues in the philosophy of language*/Ed A F MacKay, D D Merrill New Haven, London Yale univ press, 1976, p 135—146

Veyrenc J Кто-нибудь et кто-либо formes concurrents? — *Rev études slaves*, 1964, vol 40, p 224—233

Veyrenc J Corréférence, emphase et réflexivité — In *SLAVICA* Lisse Peter de Ridder press, 1978, p 451—464

Weinreich U Explorations in semantic

theory — In Sebeok T A (ed) *Current trends in linguistics* vol 3 The Hague Mouton, 1966 (русск пер в кн *НЗЛ М Проросс*, вып 10, 1981)

Weinstein H K Proper names and propositional opacity — In *Contemporary perspectives* 1979 p 147—150

Wierzbicka A *Dociekania semantyczne* Wrocław etc Ossolineum, 1969

Wierzbicka A *Lingua mentalis* Sydney etc Acad press, 1980 367 p

Wilks Y Methodological questions about artificial intelligence Approaches to understanding natural language — *J Pragmatics*, 1977, vol 1, N 1, p 69—83

Wilson D Presuppositions and non-truth-conditional semantics L Acad press, 1975 371 p

Wunderlich D Methodological remarks on speech act theory — In *Speech act theory and pragmatics*/Searle J et al (eds) Dordrecht etc Reidel, 1980, p 291—312

Yokoyama O T Klenin E The semantics of 'optional' rules Russian personal and reflexive possessives — In *Sound, sign and meaning*/Ed L Matejka Ann Arbor Univ Mich press, 1976, p 249—270

СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

- БП — биноминативное предложение
ВМ — возвратное местоимение
ДС — денотативный статус
ИГ — именная группа
ИП — исходное предположение (вопроса)
К-парадигма — коммуникативная парадигма
К-структура — коммуникативная структура
ЛИ-структура — линейно-интонационная структура
ЛС — логическая структура
ПОВ — предметная область вопроса
СППВ — семантико-прагматическое представление высказывания
+ *Опр* — определенность, — *Опр* — неопределенность
+ *Сл.опр* — слабая определенность
— *Сл.опр* — отсутствие слабой определенности
У — квантор общности 'для всякого'
Э — квантор существования 'для некоторых'
Э! — квантор существования и единственности
' — оператор определенной дескрипции 'тот, который'
R — оператор введения в рассмотрение
┐ — отрицание
& — конъюнкция 'и'
V — дизъюнкция 'или'
— — импликация 'если . то'
≡ — эквивалентность
⊃ — логическое или семантическое следование
⇔ — синонимическое соотношение
⇒ и ⇐ — знаки преобразования
/ и \ — повышающаяся и понижающаяся интонация
' и ' — главное и второстепенное фразовое ударение
∪ — безударность
∅ — нулевой знак (анафорический)
* и ' — недопустимое и сомнительное употребление

ЛЕКСИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Семантико-синтаксические признаки слов

- +!Факт = способно обозначать только факт
- +*Проц = может соотноситься с процессом (а не с фактом), ср. *процессные существительные*
- +*Соб = может соотноситься с событием (а не с фактом)
- +*Факт = может соотноситься с фактом (а не только с действием, событием, состоянием или процессом)
- +1л. = первое лицо, ср. *местоимение первого лица*
- +2л. = второе лицо, ср. *местоимение второго лица*
- +3л. = 3-е лицо, ср. *местоимение 3-го лица*
- +S0 = *отпредикатное имя (абстрактное)*
- +S0(вещн.) = *отпредикатное имя, не являющееся именем ситуации*
- +S0(снт.) = *отпредикатное имя ситуации*
- +S1 = *отпредикатное имя деятеля*
- +V_{пос.} = *полуслужебный глагол*
- +АМ = анафора, ср. *анафорическое местоимение*
- +АСод = имеет актант «одержжание»
- +Ак = актуализатор
- +Алт = вводит альтернативную ситуацию
- +Ан = может иметь анафорическое употребление
- +БД = может употребляться в бессубъектной диатезе
- +Буд = вводит план будущего
- +Быт = бытие, ср. *бытийные глаголы*
- +Введ = введение в рассмотрение
- +Взаим = взаимность (взаимная диатеза), ср. *взаимное местоимение*
- +Вирт = вводит обозначение виртуальной ситуации
- +ВнСо = внутреннее состояние, ср. *предикаты внутреннего состояния*
- +Вневр = с вневременным значением, ср. *глаголы с вневременным значением*
- +Возвр = возвратность (возвратная диатеза), ср. *возвратные местоимения*
- +Возм = вводит модальность возможности
- +Возраж = возражение
- +Врем = временное (темпоральное) обстоятельство, ср. *временные наречия*
- +Гом = гомогенный процесс
- +Дей = действие, ср. *глаголы действия*

* Указатель составлен С. А. Крыловым — по особой методике, за которую он сам несет ответственность.

- +Дин = динамическая ситуация
- +Дистр = вводит ситуацию дистрибутивности
- +Длит = обладает длительностью
- +Долж = вводит модальность долженствования
- +Жел = вводит модальность желания
- +Им = имплицативный, т. е. имплицитует истинность подчиненной пропозиции, ср. *имплицативные глаголы*
- +ИнфИм = сочетается с приименным инфинитивом
- +ИнфОб = сочетается с объектным инфинитивом
- +ИнфСуб = сочетается с субъектным инфинитивом
- +КРеСт = требует конкретно-референтного статуса некоторого актанга
- +Квал = квантификация, ср. *кванторные слова*
- +Кл = классификатор
- +Контр = влечет контрфактическую презумпцию (нереальную модальность) в подчиненной пропозиции
- +ЛМ = личное, ср. *личное местоимение*
- +ЛеОтр = содержит внутрилексемное отрицание
- +Мен = ментальное состояние, ср. *предикаты ментального состояния*
- +Мир = миропорождающий оператор
- +Мод = модальный (обозначает модальность)
- +Монот = монотонное изменение, ср. *глаголы монотонного изменения*
- +Наб = предполагает фигуру внешнего наблюдателя
- +Наз = называние
- +Нат = натуральный класс, ср. *имена натуральных классов // категориальные имена*
- +Негом = негомогенный процесс
- +Недлит = ситуация, не обладающая длительностью
- +Неисч = неисчисляемость, ср. *неисчисляемые существительные*
- +НейСт = требует нейтральной модальности в подчиненной пропозиции
- +НеконСт = неконкретный статус
- +Необх = вводит модальность необходимости
- +Неопр = имеет значение неопределенности
- +Непредм = непредметное, ср. *слова с непредметным значением*
- +Нереал = вводит нереальную модальность
- +Ном = номинальный класс, ср. *имена номинальных классов = вторичные имена*
- +ОВи = употребляется в общем вопросе
- +ОИм = имеет отрицательную импликацию, т. е. отрицательно имплицитует истинность подчиненной пропозиции, ср. *глаголы отрицательной импликации*
- +ОбВозм = вводит модальность «возможности» (несовершившегося факта) в подчиненной пропозиции
- +ОбВр = образует (обычно) обстоятельство времени
- +ОбМн = может образовать обстоятельство мнения
- +ОбПроц = управляет процессным существительным
- +ОбЭкз = общеэкзистенциальное, ср. *общеэкзистенциальные местоимения*
- +ОбстРасп = распределенное обстоятельство
- +Отн = относительность, ср. *относительное местоимение*
- +ОтнАб = абстрактное отношение
- +ОтрСуб = отрицательная оценка субъекта действия
- +Оц = оценочное или квалифицирующее, ср. *оценочные предикатные слова*
- +ПУ = пропозициональная установка, ср. *предикаты пропозициональной установки ⊃ глаголы пропозициональной установки*

- +Перф = перформативный
- +ПодФ = требует модальности факта в подлежащем
- +Пост = постоянная ситуация
- +Предпол = вводит предположение
- +ПриСо = может сочетаться с обозначением состояний
- +Присказ = показатель однозначно предикатного употребления ИГ
- +Притяж = притяжательность, ср. *притяжательное слово*
- +Проя = процесс
- +РеСт = требует референтного статуса актанта
- +Рем = рематический
- +РоСт = требует родового статуса актанта
- +СУ = требует снятой утвердительности в подчиненной пропозиции
- +СвПо = постоянное свойство
- +Связ = связочный, т.е. требует предикатного статуса некоторого актанта
- +СитАб = абстрактная ситуация
- +СлОпр = слабая определенность, ср. *слабоопределенные местоимения*
- +СоВр = временное состояние
- +СоУс = устойчивое состояние
- +Соб = событие
- +СрезОба = обстоятельство времени, срезающее оба конца временной оси
- +СрезОд = обстоятельство времени, срезающее один конец временной оси
- +Стат = статическая ситуация
- +СубАг = допускает конструкцию с агензивным субъектом
- +Терм = образует целостный терм (не расчлняемый на актуализатор и общее имя) употребление?
- +УМ = указательность, ср. *указательное местоимение*
- +Унив = универсальность, ср. *универсальные местоимения*
- +Усл = вводит условие
- +Утв = требует утвердительной модальности в подчиненной пропозиции, ср. *глаголы говорения (некоторые)*
- +УчНеиз = вводит ситуацию с неизвестным участником
- +ФВМ = возвратное местоимение во фразеологически связанном употреблении
- +Фаз = фазовый
- +Факт = фактивный (требует презумптивной модальности, т.е. презумпции истинности в подчиненной пропозиции)
- +Цель = вводит контекст цели
- +ЭС = эмоциональное состояние
- +Экз = экзистенциальность, ср. *экзистенциальные местоимения*
- +неПерф = неперформативный
- +неФакт = нефактивный, ср. *нефактивные предикаты*

Значения помет при ссылках на страницы

- а (от лат.: antonymia) Описаны связи данного слова с его антонимами
- А (от англ.: Aspect) Описано аспектуальное поведение слова
- с (от лат.: conversio) Описаны связи данного слова с его конверсивами
- С₀ (от лат.: complementum) Описаны ограничения на подлежащее (на 1-й актант)
- С₁ (от лат.: complementum) Описаны ограничения на прямое (1-е) дополнение (2-й актант)
- С₂ (от лат.: complementum) Описаны ограничения на косвенное (2-е) дополнение (3-й актант)

d (от лат.: derivatio) Описаны деривационные связи данного слова — либо с его семантическими дериватами, либо со словами, от которых оно является семантически производным (иногда — с другими дериватами от одного источника)

E (от лат.: emotio) эмоциональное содержание слова

f (от лат.: functio) Данное слово выступает в служебной функции (напр., это сильноуправляемый предлог) или в полуслужебной функции (т. е. выражает «нескленный» лексический параметр)

g (от лат.: grammatica) Описаны грамматические особенности парадигмы данного слова, взаимодействующие с его семантикой — напр., числовая и видо-временная дефектность)

h (от лат.: hyponymia) Описаны связи данного слова с его гиперонимом (родовым словом), его гипонимимами (видовыми словами) или его место в кругу его когипонимов — т. е. слов, принадлежащих к той же лексической микросистеме.

i (от лат.: interactio) Описаны правила семантического взаимодействия данного слова с контекстом, семантические ограничения на его сочетаемость

k (от нем.: kommunikativ) Описаны коммуникативные свойства слова.

K (от нем.: Kategorie) Описана категориальная принадлежность слова, его вхождение в крупные грамматико-семантические классы

L (от лат.: Lexicalia) Описана лексическая сочетаемость слова, его фразеологические потенции, лексически обусловленная избирательность средств, выражающих какие-либо нескленные лексические параметры при данном слове

m (от лат.: metonymia, metaphora) Описаны возможности метонимического и метафорического переноса, присущие данному слову

n (от лат.: negatio) Описано поведение слова под отрицанием (в том числе — при слитном написании не-)

p (от лат.: partialia) Описано вхождение данного слова в семантические отношения типа «часть—целое»

P (от лат.: pragmatica) Описаны прагматические свойства слова

r (от лат.: realia) Описана ситуация действительности, в которой слово может быть употреблено

s (от лат.: synonymia) Описаны связи данного слова с его синонимами

v (от лат.: valentia) Описаны валентности данного слова и его модель управления

108 Подчеркивание и полужирный шрифт номера страницы означают, что дано подробное описание слова.

108 Курсивное указание страницы означает, что на ней даны сведения не об исходном члене словообразовательного гнезда, а о его дериватах.

[108] Речь идет не столько о лексеме русского языка, сколько о ситуации действительности, в которой она употребляется (в тексте книги такие слова набраны всегда прямым шрифтом, а не курсивом).

* * *

-либо [209–210f, 218–219s] + Неопр, +Экз

-нибудь [27fi, 91fi, 209–211f, 215–220s] + Неопр, +Экз

-то [27i, 91, 209–212f, 219–220s] + Неопр, +Неизв

Ваш [208iv] + Терм, +Притяж, +ДМ, +ЛМ, +1л.

Вашингтон [13m] + 'столица', + 'правительство'

Париж [228A] + Стат, + Пост

Пекин [13m] + 'столица', + 'правительство'

Пушкин [13m] + 'писатель', + 'произведение'

a [18i, 47i, 66–67i, 110k]

a то [46i]

автобус [229iA] + ОбМе

автор [103C0] + актуальный, + признак

актер [227A] + Стат, + Сост, + СоУс

ангел [176iC0] + Оц

ароматен [106iC0] + РоСт

ароматный [106iC0] + РеСт

байбак [103C0] + оценочное

байдарка [13m] + 'вместитель', + 'предмет, + физический', + 'содержимое'

бандит [176iC0] + Оц

бежать [229A] + Стат, + Сост, + СоВр, + Длит

без [218adiC1] + ЛеОтр

без чести и совести [176iC0] + Оц

белый [17i]

беспрерывно [216i] + Дистр

бессмысленно [218iC0] + ЛеОтр

биссектриса [181v, 184v] + БД

битъ2 [227A] + Стат, + Сост, + СоУс

благодарить [19P, 21P] + Перф

более [85q] + Ак

более чем [85q] + Ак

болен [106A, 222A] + Стат, + СоВр

болеть [56d, 229A] + Стат, + Сост, + СоВр, + Длит

больной [106A] + СвПо

больше [73ia, 74in]

борьба [166, 167, 193v] + S0(сит.), + *Факт, + *Проц, + БД

бояться [15C1, 17C1, [36C1], 37C1, 68iC1, 138C0P, 216i] +ПУ, +ЭС, +Бул
брезгать [141C0C1P] +Дей, +ОтрСуб
бросить [56iC1, 72iC1] +Факт
брюзжать [141C0C1P] +Дей, +ОтрСуб
будто [218fiC1] +Контр
будущее [54i]
бы [45f]
быть1 (существование) [99i, 105iC0, 110k, 128k, 129k, 130–132k, 146fiC0, 155–156fiC0, 158fiC0, 218mC0, 227A, 231A] +Стат, +Сост, +СоУс, +СитАб
быть2 (локализация) [105iC0, 110k, 226A]
быть3 (идентификация) [17f, 42f, 99iC1, 110k, 164C0C1]
быть3 (отношение к классу) [99iC1, 110k, 181cf] +Связ
в настроении (каком-то) [225A] +Стат, +Сост, +СоВр, +Длит
в отчаянье [104AiC0] +Стат, +Сост, +СоВр, +КРсСт
в панике [223A] +Стат, +Сост, +СоВр
в раздражении [104AiC0] +Стат, +Сост, +СоВр, +КРсСт
в состоянии [218mC1]
важный [207iv]
вадил от [218adiC1] +ЛеОтр
ведь [68ik]
везать [20iv] +Мир, +ИнфОб, +Вирт, +Контр-роль
верить [37fiC1, 139C0P] +Стат, +Сост, +СоУс, +Мен, +ЭС
вероятно [215–216i] +УчНеиз
вести [167fiL] +Vfunc, +ОбПроц
вести себя [181d] +ФВМ
весь [9q]
вечер [230iA] +ОбВр
вечно [221] +Терм, +Кван, +Врем
взять на себя [181d] +ФВМ
вибрация [111dk]
вибрировать [111dk]
вид [159]
видеть [141C0C1P, 218mC0, 222A] +ПУ, +Стат
видимо [216i] +Предпол, +УчНеиз
виднеться [170iC0] +Введ
видно [218mC0]
виновник [202dv] +S1
висеть [129fk, 130fk]
вместо [167if] +*Соб
внимание [181v, 184v] +БД
вода [80r] +Нат
водитьсь [94iC0, 104AiC0, 106iC0, 128k] +СвПо, +Быт, +Вневр, +РоСт, +НеконСт
возвышаться [227A] +Стат, +Пост
воздержаться [62mC1] +ОИМ
возможно [15f, 27i, [36C1], 78i, 215] +Мод, +Мир, +Албт, +Возм
возможность [37fiC1, 215i]

возмущать [68iC0]
возмущенный [138C0P] +ЭС
возникать [112dfk]
возражать [166iC1] +ОбВозм
войти [116k, 127k, 170iC0] +Введ
вольф [192v] +ИнфОб
воображать [102iC1, 140iC1P, 218iC1] мнение, +Контр
воображать много о себе [141C0C1P] +действие, +ОтрСуб
вопрос [160v] +вторичное, +АСод
ворчать [141nC0C1P] +действие, +ОтрСуб
ворчлив [106iC0] +РоСт
ворчливый [106iC0] +РоСт
воспитывать [223A] +Стат, +Сост, +СоУс, +ОтнАб
воспитывать [223A] +Стат, +Сост, +СоУс, +ОтнАб
воспользоваться возможностью [62mC1] +Им
воспоминание [54C1i, 188iv] +ОбМн
восставать против [166iC1] +ОбВозм
восторг [111cdkL]
восторгаться [111cdk]
восхищаться [138C0P] +ЭС
первые [73m]
врать [218iC1, 230A] +ЛеОтр
вращаться2 [226A] +Стат, +Пост
вроде [177–178f] +Приказ
всадник [103C0] +актуальный +признак
все [40q, 44P, 85, 88, 95, 98, 111kl] +Ак
всегда [221–232] +Терм, +Кван, +Унив, +Врем
всегда1 [225–229i] +Терм, +Кван, +Унив, +Врем
всегда2 [229–231i, 232k] +Терм, +Кван, +Унив, +Врем
всегда3 [231–232ik] +Терм, +Кван, +Унив
вс [85, 199] +Терм, +Кван
вс время [221, 228–229s] +Терм, +Кван, +Унив, +Врем
вс ещ [221] +Терм, +Кван, +Унив, +Врем
встречать одобрение [230A]
всякий [85, 92, 94, 104, 134, 152, 153–154, 218m] +Ак
всякий2 (человек) [152] +Терм, +Кван
вчера [39D, 40D]
вы [142, 210] +Терм, +ДМ, +ЛМ, +1л
вывести из себя [181d] +ФВМ
выглянуть [116k]
выгодный [198iv, 208iv]
выздороветь [56dm, 57i]
вызывать [166iC0] +ПодФ
выйти из себя [181d] +ФВМ
выкатываться вон [141C0C1P] +действие, +ОтрСуб
вымирать [104AiC0] +Быт, +Вневр, +РоСт
вынужден [21fiC1, 137fiC1] +Мод
выпендриваться [141nC0C1P] +действие, +ОтрСуб
выполнять функцию [105iC1] +Связ

выпучить глаза [142C0C1P] +ЭС, +Наб
 выражение [188iv] +ОбМн
 выругать [137P] +Перф
 выскочить [116k]
 выступление [194v] +S0
 высунуть [116k]
 выходить2 (окна в. на море) [222A, 226A] +Стат,
 +Пост
 выщипать [159h]
 газ [174h] +Кл
 где? [134f, 237–238, 241] +Терм, +ЧВопр
 глухой [226A] +Стат, +Пост
 говорить [57C1Pк, 68C1, 78iC1], 138C0P] +ПУ,
 +Мир, +неФакт
 головчатый [231A] +СитАб
 галоден [104AiC0] +Стат, +СоВр, +КРсСт
 голосование [166–167] +S0, +*Проц
 гордость [214K] +Неисч
 город [159h, 171–172] +Нат
 господствовать [223A] +Стат, +Сост, +СоУс,
 +ОтнАб
 гостиница [171–172] +Нат
 государство [174h] +Кл
 грабитель [163d]
 гребень [181v, 184v] +БД
 грозиться [28P] +неПерф
 густой [223–224A] +Стат, +Сост, +СоВр
 да (ответное) [44, 234–236]
 давать слово [217i] +Утв
 давно уже [226iA] +СрезОба
 даже [18i, 53i, 64iP, 73in, 75i, 110k, 116k, 121k,
 127k]
 два [85, 92] +Ак
 делать [166iC0] +ПодФ
 делать вид [76iC1, 218iC1] +Контр
 дело [192v] +ИнфИм
 дельфин [161h]
 деньги [159d, 163d]
 дерево [159h, 171] +Нат
 дети [147–148]
 дефицитный [104AiC0] +РоСт
 диссертация [13m] +‘произведение’, +‘предмет
 физический’
 дитя [178iC0] +Оц
 дитя2 (чего) [203v] +S1
 длина [160vC1] +вторичное
 для [177–178f] +Присказ
 до [167if] +*Соб
 до мозга костей [178f] +Присказ
 добавить [137P] +Перф
 доверие [197v] +S0, +СубГен
 доважный собой [228A] +Стат, +Сост, +СоВр
 догадаться [140C0C1P, 141C0C1P] +ПУ
 доказывать [69iC1] +Факт
 должен [21fC1, 45P, 137AfC1, 219–220iC0] +Мир,
 +Мол, +СУ, +Необх, +Буд, +Долж
 должник [228A] +Стат, +Пост
 должно быть [216i] +УчНеиз

доложить [22P, 137P] +Перф
 дом [168K] +предметное
 дома [226iA] +ОбстРасп
 домосед [176iC0] +Оц
 дорога [163d]
 друг друга [133] +Терм, +АМ, +Взаим
 другой [91f, 136]
 дружить [227A] +Стат, +Сост, +СоУс
 дуб [80г] +Нат
 думать [27P, 94iC1, 176iC1] +ПУ, +нефактивный,
 +СУ, +Предпол, +Альт
 думать2 (намереваться) [191v] +ИнфСуб
 душить [141C0C1P] +действие, +ОтрСуб
 дышать2 [222–223A] +Стат, +Пост
 дывал [178iC0] +Оц
 его [134f, 188s]
 если [15t, 44P, 46i, 64P, 78i, 98i, 102iC1, 152i, 154i,
 219i] +Мир, +Альт, +Предпол, +Усл
 если бы [77i, 219i] +Предпол, +Усл
 есть [14г]
 ехать [163dC3]
 ещ [72in 73in]
 ещ (+ сравн. ст.) [65i]
 жаждать [216i] +ПУ, +Буд
 жалеть [56iC1, 57i]
 жалость [194v] +S0
 ждать [146iC1, 225A] +Стат, +Сост, +СоВр,
 +Длит, +ПУ, +Буд
 же [110k, 127k]
 желательно [216] +Буд
 желать [20P] +ПУ, +Перф
 жена [146d]
 женат [146d]
 женщина [171–172, 179, 222–223A] +Нат, +Стат,
 +Пост
 животное [161h]
 жизнь [193v] +S0(сит), +БД
 жил-был [116k]
 жить1 [104AiC0, 120k] +Быт, +Вневр, +РоСт
 жить2 [213C0, 214in, 227A] +Стат, +Сост, +Со-
 Ус, +Быт
 заблуждаться [140C0C1P] +мнение, +Контр
 забота [194m] +S0
 забыть [22C1f, 62inC1] +ВнСо, +ОИМ
 завешание [188iv] +ОбМн
 завтра [83i, 219i] +Буд
 загадка [168K] +Непредм
 задумчив [142C0C1P] +ЭС, +Наб
 заключение [166d, 167L] +S0, + (отVfunc), +¹Факт
 законный [111ad]
 закончиться [105iC0] +Фаз, +Рем
 замечать [137P] +Перф
 замечать [140P] +ВнСо, +Мен
 замкнутость [197v] +S0, +СубГен
 замужем [49d]
 занятие [159h]
 запретить [201dvC1]
 запрещать [94iC1] +СУ, +ЛеОтр

запрещенный [218iC0] + ЛеОтр
заронить [218mC1]
заставить [200–201vn, 204v] + ИнФОб
заставлять [112dfk, 166iC0, 200v] + ПодФ, + ИнФОб
застенчивый [228A] + Стат, + Пост
защаться [142C0C1P] + ЭС, + Наб
защитник [203v] + S1
зваться [100iC1] + Наз
здесь [41, 82D]
здоров [104A1C0, 230A] + Стат, + СоВр, + КРесТ
зеленый [17r]
знаю [203v] + S1
знать1 (, что Р) [10C1, 15C1, 22PC1, 37rC1, 49nC1, 50mC1, 52iC1, 58mC1, 58k, 63P, 70iC1, 76mC1, 77mC1, 104A1C0, 127kC1, 138nC0P, 139nC0P, 176iC1, 222A, 227A, 234i, 240–245] + Стат, + Сост, + СоУс, + ПУ, + неПерф, + Факт
знать2 (+ косв. вопр.) [242–245]
знать3 (математику) [104A1C1, 227A] + Стат, + Сост, + СоУс, + РоСт
золото [80r] + Нат
и [15t, 18i, 46i, 184v]
и2 (частица) [64iP, 110k, 122k]
играть [227A] + Стат, + Сост, + СоУс
идти [104A1C0]
из [85i, 94i, 96i]
избавить [18C2E]
избежать [62mC1] + ОИМ
известить [21P] + Перф
известный [211]
извиняться [137P] + Перф
издеваться [75iC0]
изобретатель [160vC1] + вторичное, + отглагольное имя
изобретение [194v, 221m] + S0
или [15t, 38P, 43P, 91f, 239, 242]
или...или... [215] + Альт
иметь [181cf, 222A]
иметь в виду [138C0P] + Мен
иметь значение [226A] + Стат, + Пост
иметь несчастье [62mC1] + ИМ
иметь честь [22C1f] + ВнСо
имя [159h]
инженер [212C0]
ингода [94i, 111ak, 221, 229iA] + Терм, + Кван, + Неопр, + Врем
иной [85, 94, 210, 219] + Ак, + Неопр, + ОбЭкз
интересный [208iv]
искать [219iC1] + Буд
исключительно [122k]
исполнитель [202dv] + S1
использование [190v] + S0
использовать в качестве [105iC2] + Связ
исправление [167] + S0, + *Соб
испытывать [167fL] + Vfunc, + ОбПроз
истолковывать [138C0P] + Мен

к счастью [27i]
кабинет [229–230iA] + ОбМе
каждый1 [85, 94, 96, 98, 110k, 135, 153–154, 215, 230, 243] + Ак, + Кван, + Дистр
каждый1 из [85, 88, 96, 153, 154, 157] + Ак, + Кван
каждый2 [человек] [85, 143, 152–154] + Терм, + Кван
казаться [78iC1, 98i, 140C0P, 176iC1] + ПУ, + мнение, + Мир, + НеЯСт
как (отн.) [65iP]
как (сравн.) [97i, 187v]
как будто (сравн.) [172i]
как насчет [45P]
как? [234]
какой-либо [85] + Ак, + Неопр, + Экз
какой-нибудь [83, 85–86, 94, 98, 134, 143, 156, 210, 215–220] + Ак, + Неопр, + Экз
какой-то1 [85, 91–93, 103, 130–131k, 134, 140i, 177, 209–212, 220s] + Ак, + Неопр, + Неизв
какой-то2 (модальное) [210]
какой?! [64P, 134f, 237]
какой?! [28P, 233–234]
какой3 бы ни [85, 152] + Ак
какой3 бы то ни было [85, 209] + Ак, + Неопр
какой3 попало [85] + Ак
какой3 угодна [85, 209] + Ак, + Неопр
какой3 хочешь [209] + Ак, + Неопр
капризен [106iC0] + РоСт
капризный [106iC0] + РеСт
каракуль [221d]
катастрофа [168K] + Непредм
капарис [159h]
клясться [20P] + Перф
книза [13m, 159h, 160h, 171] + ‘произведение’, + ‘предмет физический’, + ‘артефакт’
когда (отн.) [227iA]
когда-нибудь [221] + Терм, + Кван, + Неопр, + Экз, + Врем
когда-то (давно) [210m]
когда? [134f, 238] + Терм, + Кван, + ЧВопр, + Врем
кое- [209–210f, 212–214, 219s] + Неопр
кое-как (плохо) [210m]
кое-какой [85, 134, 209–210, 214] + Ак, + Неопр
кое-кто [85, 172, 213] + Неопр
кое-что [90, 213] + Неопр, + СлОпр
кой-какой [90, 213] + Ак, + Неопр, + СлОпр
кой-кто [211]
кой-что [211]
комплимент [137dLP]
консерватория [229iA] + ОбМе
кончить [72iC1, 105iC1] + Фаз, + Связ
король [10C0, 16C0]
который1 [65i, 87, 98, 99, 103, 121k, 122k, 142, 146, 154, 155] + Терм, + АМ, + Отн
который2? [241]
кристик [202–203dv] + S1
кто-либо [85] + Терм, + Неопр, + Экз

кто-нибудь [85, 94, 156–157, 215–217, 219–220s]
 + Терм, +Неопр, +Экз
кто-нибудь из [156] +Терм, +Неопр
кто-то [85, 91, 130k, 143, 156, 173, 209–212,
 219–220s, 240, 244] +Терм, +Неопр, +Неизв
кто1? [64Р, 134, 155, 171, 235–245]
кто2 (отн.) [111k, 142] +Терм, +АМ, +Отн
кто2! [234]
куда-либо [219] +Терм, +Неопр, +Экз
кузнец2 (чего) [203vC1] +S1
купаться [224А] +Дин, +Прощ, +Гом
курить1 [223А] +Дей, +Сост
курить2 [223А] +Стат, +Сост, +СоУс, +ОтнАб
ладно [27Р]
легкомысленный [104АiC0] +РоСт, +КРесТ
лежать [224–225А] +Стат, +Сост, +СоВр,
 +Длит
лечение [167] +S0, +*Соб
ли [212, 215i, 239–243] +ОВп, +Альт
либо... либо... [78i] +Мир
лишенный [218iC1] +ЛеОтр
лишить [18C2Е] +ЛеОтр
лишь [207i]
ловить рыбу [159h]
лысый [14г]
любить [104АiC1, 139C0Р, 222–223А, 227Аn]
 +Стат, +Сост, +СоУс, +Эс, +РоСт
любовь [190v] +S0
любой [85, 95, 173, 220i] +Ах, +Кван, +Дистр
любой из [85] +Ах
любопытно [22C1f] +ВнСо
мальчик [158h, 160h]
мальчишка [178iC0] +Оц
мастер2 (чего) [203v] +S1
мастер3 [176iC0] +Оц
маячить [141C0C1Р] +Наб
меньше [73ia]
меняться [229А] +Дин, +Прощ, +МоноТ
мечтать [227А] +Стат, +Сост, +СоУс
мешать [166iC0] +ПодФ
млекопитающее [9C0, 212C0, 222–223А, 226А]
 +Стат, +Пост
мнение [193v] +S0(несит)
многие [85, 94, 214–215s] +Ах, +Неопр, +СлОпр
много [85, 214–215s] +Ах, +Неопр, +СобНеопр
может быть [37fC1, 41, 215] +Мод, +Возм,
 +Альт
можно1 (деоитич.) [45Р] +Мод, +Буд
мой [54D, 134f, 187s, 204s] +Терм, +Притяж,
 +ДМ, +ЛМ, +Л
молodeц [103C0] +оценочное
молодой [14г, 225А] +Стат, +Сост, +СоВр, +Длит
молчаливый [228А] +Стат, +Пост
молчать [228А] +Стат, +Сост, +СоВр, +Длит
море2 (много) [111k]
мочь [45Р, 94i, 104АiC0, 137fC0C1Р] +Стат,
 +Сост, +СоУс, +Мод, +СУ, +Возм
мошеник [103C0] +оценочное
мрачный [223А, 225–227А] +Стат, +Сост, +СоВр,
 +Длит, +Эс
муж [49d, 203v, 223А, 227А] +Стат, +Сост, +Со-
 Ус, +S1
мужчина [171–172] +Нат
мука [168K] +Непредм
мы [85, 142D] +Терм, +ДМ, +ЛМ, +Лл
мысль [192v] +ИнФИМ
наверно [215] +Возм
надеяться [138C0Р] +ВнСо, +ПУ, +Эс
надо [22C1f] +ВнСо
называть [100iC1] +Наз
найти нужным [62inC1, 218inC1] +Им
наконец [45Р, 46Р]
намекать [28Р] +неПерф
начисать [224А] +Дин, +Соб
напоминать [137Р] +Перф
населять [104АiC0] +Быт, +Вневр, +РоСт
наследование [221m]
наследство [221m]
наставлять1 (на) [217i] +Утв
наставлять2 (что) [166iC1] +ОбВозм
настоящее [20Р]
нахмуренный [227–228А] +Стат, +Сост, +СоВр
находиться [107iC0, 128k, 129k, 131k]
начать1 [61inC1, 72iC1] +Фаз
начать2 [167fiL] +Vfилс, +ОбПрощ
начинать [112dfk]
наш [205] +Терм, +ДМ, +ЛМ, +Лл, +Притяж
не [49i, 56i, 61i, 66i, 78i, 111k, 207i, 214i, 218i,
 239–240] +Возраж
не ... собачье дело [141C0C1Р] +действие, +Отр
 Суб
не менее [85q]
не настолько [177–178f] +Присказ
не один, так другой [209] +Ах, +Неопр
не по себе [181d] +ФВМ
не хватать [94iC1] +СУ, +ЛеОтр
не- [209–210f]
негодая [103C0] +оценочное
недовольство [193v] +S0(сит), +БД
недостойный [199iv]
недоступность [190v] +S0
недоступный [199iv]
незаконнорожденный [111adks]
незнакомец [103C0] +актуальный признак
неинтересен [106А] +Стат, +Сост, +СоВр
неинтересный [106А] +СвПо
некий [85, 90, 209] +Ах, +Неопр
некоторые [40q, 43–44Р, 85, 94, 101–102, 110k,
 143, 214–215s] +Ах, +Неопр, +СлОпр
некоторые из [90, 91, 94, 213] +Ах, +Неопр,
 +СлОпр
некоторые2 [люди] [85, 92, 102] +Неопр, +СлОпр
некоторый [85, 134, 209–210] +Ах, +Неопр, +Об-
 Экз
некто [214]
нелегкий [198 199iv]

немец [223A] + Стат, + Пост
немного [177–178f] + Присказ
ненавидеть [104A₁C¹, 223A] + Стат, + Сост, + Со-
 Ус, + РоСт
ненормальный [18SE]
необходимо [15f, [36C1], 37fC1] + Мод, + СУ, + Буд
необходимость [192v] + ИнфИм
необычный [18SE]
неожиданность [168K] + Непредм
неплохой [198–199iv, 208iv]
непонятный [198iv]
неправда [218i] + Возраз
неправда [27P]
неприятный [199iv]
несгибаемый [228A] + Стат, + Пост
несколько [85, 214–215s] + Ак, + Неопр, + СоБНе-
 опр
нескрываемый [142C0C1P] + НаБ
несовместимость [218iC1] + ЛеОтр
несогласный [199iv]
несчастен [106iC0] + РоСт
несчастный [106iC0] + РеСт
нет1 (ответное) [44, 234–236, 239]
нет2 (не имеется) [107iC0, 132k, 146fC0]
нетиличный [207iv]
неужели [27i, 233] + ‘неуверенное утверждение’
нечто [91, 172, 178, 209] + Терм, + Неопр
нечто1 [214] + Терм, + Неопр, + СлОпр
нечто2 [91, 172, 178, 209] + Терм, + Неопр
ни один [85, 86, 94, 216i] + Ак, + Кван, + Отр,
 + Дистр
никакой [85, 86, 134, 153] + Ак, + Кван, + Отр
никогда [111ak, 221] + Терм, + Кван, + Отр, + Врем
никто [63P, 85, 90–91, 98, 153, 218, 238–239]
 + Терм, + Отр
ничего [199] + Терм, + Отр
ничей [134] + Терм, + Притяж, + Отр
ничто [85] + Терм, + Отр
но [18i, 47i]
новый [114k, 198iv]
норовить [142C0C1P] + ЭС, + НаБ
ноябрь [229A] + ОбВр
правиться [104A₁C0] + РоСт
нужно [216] + Буд, + Долж
нужный [62iC1, 199iv, 209iv, 218mC1]
оба [85, 88] + Ак
обвинять [67iC1]
обеспечивать [166iC0] + ПодФ
обещание [20P]
обещать [19–22AP, 28fP, 137P, 191–192v, 209iv]
 + Перф, + ИнфСуб
обитать [104A₁C0] + Быт, + Вневр, + РоСт
обобщать [138C0P] + Мен
обсуждение [166–167] + S0, + *Проц
объездить [215]
объявлять [19P] + Перф
объясняться [166iC0] + ПодФ
обычно [102i]

обычный [104A₁C0] + РоСт
огорчать [68iC0]
огорчи [69iC1, 76iC1] + Факт
огрбить [163dC0]
ограничивать [138C0P] + Мен
один [85–86, 90–91, 93, 103, 129k, 131k, 143, 155,
 170, 177, 210, 213–214, 240] + Ак, + Неопр,
 + СлОпр
один из [85, 92, 94, 172, 213–214] + Ак, + Неопр
одно [173] + Терм, + Неопр
оживать [230A]
оживли [142C0C1P] + ЭС, + НаБ
ожидать [138C0P, 216iC1] + ЭС, + Буд
оказаться [78iC0] + Мир
оказывать [167fL] + Vfinс, + ОбПроц
оказывать влияние [227A] + Стат, + Сост, + СоУс
окалачиваться [141C0C1P] + действие, + ОтрСуб
окружить2 [223A] + Стат, + Сост, + СоУс
он (она, оно, они) [10D, 16D, 85, 88, 91, 95, 98–99,
 103, 109k, 114k, 116k, 121k, 123–125k, 134–136,
 138, 141P, 142–158, 166–167, 171, 173–179, 212]
опаздывать [229–230A]
опасаться [27P] + ПУ
определенный [90f]
опровержение [197v] + S0, + СубАг
опять [73m]
осадить [28P] + неПерф
оскорблять [24P] + Перф
осмелиться [21fC1, 62mC1, 76mC1, 137fC1]
 + Мод, + ВнСо, + Им
основание [181v, 184v] + БД
остаться [230A]
осуждать [67iC1]
ответить [230A]
отделять [219iC1] + ЛеОтр
отец [160vC1] + вторичное
отказаться [62mC1, +218aiC1] + ОИм, + ЛеОтр
отказываться [94iC1, 218iC1] + СУ, + ЛеОтр
открыть [168K] + Непредм
отмежевать [156dC2]
отметить [22P] + Перф
отношение [197v] + S0, + СубГен
отыные [226iA] + СрезОд
отождествление [193v] + S0
отправка [194mv] + S0
отрицание [197v] + S0, + СубАг
отрицать [94iC1] + СУ, + ЛеОтр
отсутствовать [218iC0] + ЛеОтр
отпуск [13m] + ‘произведение’, + ‘предмет физи-
 ческий’
ошибочно [140P] + Контр
ощущение [193v] + S0(сит), + БД
палатка [13m] + ‘вместитель’, + ‘предмет физи-
 ческий’, + ‘содержимое’
певец [202dv] + S1
переполненный [225–226A] + Стат, + Сост, + СоВр,
 + Длит
перестать [56iC1, 72iC1, 76–78mC1] + Фаз

писатель [13m] + 'писатель', + 'произведение'
писать1 [224A] + Дин, + Прощ
писать2 (письмо, роман) [224A, 229A] + Дин,
 + Прощ, + Негом
плавать [224A] + Дин, + Прощ, + Гом
план [184v] + БД
по [188f] + ОбМн
по крайней мере [85q, 93q] + Ак, + СУ
по профессии [177–178f] + Присказ
побеспокоиться [62mC1] + Им
поблагодарить [137P] + Перф
поблизости [218adnC1]
повадиться [141C0C1P] + действие, + ОтрСуб
повеление [192v] + ИнфИм
под [112dfk]
подарок [197v] + S0, + СубГен
поддаваться [218–219mC1]
поддержка [184v] + БД
подняться [116k]
подозревать [105iC2, 138C0P] + ЭС, + Связ
подписка [111ks]
подразумевать [138C0P] + Мен
подтверждать [137P] + Перф
подтверждение [175iC1] + ПУ, + мнение
подумать [145iC1, 172iC1, 175iC1] + Мод, + Мир,
 + ПУ, + мнение, + Нервал
подчиненный (кому) [207iv]
подчиняться [223A] + Стат, + Сост, + СоУс, + От
 нАБ
подъехать [127k]
пожалеть [78iC1]
позаботиться [62mC1] + Им
позволить [200–201vn] + ИнфОб
позволить себе [22C1f] + ВнСо
позволять [166iC0, 200v] + ПодФ, + ИнфОб
поздравлять [20P, 137P] + Перф
пойти [216i] + Цель
пока [46i]
показаться [141C0C1P] + НаБ
полагать [138C0P] + ЭС
положение [160v] + вторичное, + АСод
пользоваться [218anC1]
помнить [225A] + Стат, + Сост, + СоВр, + Длит
помогать1 (одуш.) [70mC1, 197v]
помогать2 (неодуш.) [166iC0] + ПодФ
помощь [166–167L] + S0, + *Прощ
помыкать [223A] + Стат, + Сост, + СоУс, + ОтнАБ
понимать [104AiC1] + РоСт
понять [57C1Pk]
попросить [21P, 25C1i, 45–46P, 137P, 200–201v,
 204iv, 208iv] + Перф, + ИнфОб
поражаться [138C0P] + ЭС
после [167if] + *СоБ
после [229A] + ОбВр
последний [126k]
посоветовать [137P] + Перф
посетить [62mC1] + Им
постесняться [62mC1] + ОИм

построен [107iC0]
поступление [167L] + S0
потому что [46i, 154i]
потряснный [138C0P] + ЭС
потупиться [142C0C1P] + ЭС, + НаБ
похвастаться [28P, 137P] + Перф
похожий [9S]
почему бы не [45P]
почему? [238, 243]
почесаться [141nC0C1P] + действие, + ОтрСуб
почти [74i]
почудиться [218iC0] + Контр
поэт [158h, 160] + вторичное, + профессия
поэтика [46i]
появиться [170iC0] + Введ
правда [32P]
править [223A] + Стат, + Сост, + СоУс, + ОтнАБ
право [197v] + S0, + СубГен
превратить [99iC2, 105iC2] + Связ
предание [211] + АСод
преданный [227A] + Стат, + Сост, + СоУс
предложить [21P, 201v] + Перф, + ИнфОб
предмет [111dfk]
предоставление [166d] + S0, + (отVfunc), + 'Факт
предполагать [175iC1] + ПУ
предпочитать [138C0P] + Стат, + Сост, + СоУс,
 + Мен
представление [197v] + S0, + СубГен
представлять себе [181d] + ФВМ
предупреждать [23P] + Перф
предусмотрительный [62mC1] + Им
предчувствие [197v] + S0, + СубГен
прекрасен [106iC0] + РоСт
прекрасный [106iC0] + РеСт
прекратить1 [68iC1, 72iC1] + Фаз
прекратить2 [167fiL, 219iC1] + Vfunc, + ОбПрощ,
 + ЛеОтр
прекратиться [105iC0] + Фаз, + РеМ
пренебречь [62mC1] + ОИм
прентяствовать [218iC1] + ЛеОтр
прервать [218iC1] + ЛеОтр
преследование [160vC1] + вторичное, + отглаголь-
 ное имя
при [111fk]
приводить к [166iC0] + ПодФ
привозить [230A]
привычка [192v] + ИнфИм
пригласить [22P] + Перф
приговаривать2 [22P] + Перф
приезд [166] + S0, + *Факт
приезжать [120k]
приезжий [172] + Ном
признаваться [137P] + Перф
признаться [137P] + Перф
прийти [117k, 119k, 226A] + Недлит
прийтись [192v] + ИнфОб
приказать [200v] + ИнфОб
приказчик [172] + Ном

приказывать [94iC1] +Перф, +СУ
применение [190v] +S0
применять1 в качестве [105iC2] +Связ
применять2 [167fiL] +Vfunc, +ОбПроц
прыгивать [222–223A] +Стат, +Пост
принадлежать [227A] +Стат, +Сост, +СоУс
принять1 (что от кого) [221mv]
принять2 (что) [218niC1]
принять3 (что за что) [221mv]
присниться [78iC0, 218iC0] +Мир, +Контр
присылка [194mv] +S0
притворяться [218iC1] +Контр
приучить [201v] +ИнфОб
причина [168K] +Непредм
проведение [166d] +S0, +(отVfunc), +!Факт
проводить [167fiL] +Vfunc, +ОбПроц
проводжась [230A]
продаваться [111dk]
продажа [111dk]
продать [159dC3, 163dC3]
продолжать1 [72iC1, 76iC1] +Фаз
продолжать2 [167fiL] +Vfunc, +ОбПроц
продолжаться [105iC0] +Фаз, +Рем
производить [111fk]
производиться [107iC0, 111cfk]
просить [19P, 22P, 23P, 32P, 36P, 94iC1, 105iC2, 200v, 216i, 241] +Перф, +СУ, +НейСт, +ИнфОб, +Буд
просить прощения [20P] +Перф
прост [227A] +Стат, +Сост, +СоУс
против [167if] +*Соб
процесс [111k]
прощать [137P] +Перф
проявить [218inC1]
психовать [141C0C1P] +состояние, +ОтрСуб
пусть [102iC1] +НейСт
пытаться [100i]
пыль [104AiC0, 223A] +Стат, +Сост, +СоВр, +КРсСт
пятница [229–230iA] +ОбВр
раб2 (чего) [203v] +S1
работа [159h]
работать [227A, 230A] +Стат, +Сост, +СоУс
равнодушие [142C0C1P] +ЭС
рад [22iC1, 67–69iC1, 10iC1, 223A] +Стат, +Сост, +СоВр, +ВнСо, +Факт, +презуп-
 тивный статус
радость [168K] +Непредм
раз2 'если' [46i]
разбираться (в) [104AiC1] +РоСт
разбухнуть [201v] иррефлексивное действие
разве [27i]
разговаривать [197v]
разговор [197v] +S0, +СубГен
раздаться [127fk] +возникновение
раздумье [197v] +S0, +СубГен
разжалоить [105iC2] +Связ
разрешать [200v] +ИнфОб

разрешенный [218aiC0]
разрешить [22C1f, 201v, 218ad] +ВнСо
раскаиваться [78iC1] +Мир
раскалание [194v] +S0
распределение [166] +S0
распространенный [104AiC0] +РоСт
рассеянный [228–229A] +Стат, +Сост, +СоВр
рассказывать [156dC2] +Утв
расследование [167] +*Проц
расстояние [214K] +Неисч
расти [104AiC0, 231A] +СитАб, +Быт, +Вневр, +РоСт
расти [231A] +СитАб
растяла [205E] +Оц
ревнивый1 [228A] +Стат, +Пост
ревнивый2 [227–228A] +Стат, +Сост, +СоУс
ревновать [228A] +Стат, +Сост, +СоВр
редкий1 [104AiC0] +РоСт
редкий2 [223–224A] +Стат, +Сост, +СоВр
рекомендовать [137P] +Перф
религия [174h] +Кл
решить [70iC1, 156iC1] +нефактивный, +Мир
ригоричный [228A] +Стат, +Пост
рисковать [62inC1] +Им
ровно [85a] +Ак
родители [111d]
рост (быть ... роста) [223A] +Стат, +Пост
руководство [194v] +S0
с [194v, 207iv]
с тем чтоб [192v] +ИнфОб
сам [121k, 185–186v, 196v, 201v, 206iv]
сам не свой [181d] +ФВМ
сам по себе [181d] +ФВМ
самодовольный [228A] +Стат, +Пост
самый [185v]
свидетельствовать [69iC1, 166iC0, 231A] +Си-
 таб, +ПодФ
свой [95, 98, 120k, 121k, 134, 180–209] +Терм, +Притяж
свойственный [218aniC0]
сделать квадратные глаза [142C0C1P] +ЭС, +Наб
сделать комплимент [137P] +Перф
себя [120k, 134–136, 142, 181, 185–188]
сейчас [16D, 82D, 223iA] +ПриСо
сердитый [227–228A,] +Стат, +Сост, +СоВр
сидеть [104AiC0, 129fk, 225A] +Стат, +Сост, +СоВр, +Длит
систематизировать [138C0P] +Мен
ситуация [160v] +вторичное, +АСод
сказать [22P, 32P, 45P, 137P, 141iC0C1P, 211, 217i]
 +Перф, +ПУ, +Утв
склонный [191v] +ИнфСуб
скромный1 [227Am] +Стат, +Пост
скромный2 [227Am] +Стат, +Сост, +СоВр
следует [21C1f] +Мод
слишком [207i]

слишком жирно [141C0C1P] +действие, +ОтрСуб
 слопарь [13m] +‘произведение’, +‘предмет физический’
 слуга [203v] +S1
 служение [194v] +S0
 служить1 (сторожем) [227A] +Стат, +Сост, +СоУс
 служить2 (кому) [201v] иррефлексивное действие
 служить3 [105iC1] +Связ
 случай [160v] +вторичное, +АСод
 случайный [207iv]
 случиться [62inC1] +Им
 слушатель [156d]
 смертный [9S, 226A] +Стат, +Пост
 смотреть [142C0C1P]
 снизойти [62inC1] +Им
 сниться [230A]
 собака [80г] +Нат
 собеседник [103C0] +актуальный признак
 соболь [221m]
 собственный [190v]
 событие [168K] +Непредм
 советовать [19P, 36P, 137P] +Перф
 современный (кому) [207iv]
 совсем еще [178f] +Присказ
 согласно [188f] +ОбМн
 согласный [230A]
 содействие [167L] +S0
 соединить [201dvC1]
 сожаление [190v] +S0
 сожалеть [21P, 69iC1, 78iC1, 138C0P] +ЭС, +неПерф, +Факт
 звуочный [199iv]
 создание [13m, 166] +S0
 сознать [138C0P] +ЭС
 сознание [193–194v] +S0(сит.), +БД
 солдат [172] +Ном
 сомневаться [101iC1, 138C0P, 212iC1, 218iC1] +ЭС, +НейСт, +ЛеОтр
 сомнение [194v] +S0
 сообщить [217i] +Утв
 сообщить [22P, 137P] +Перф
 сообщить (о) [13C1]
 сопоставлять [138C0P] +Мен
 состоять в браке [111kn]
 состоять в том, что... [160fC0C1]
 союзник [228A] +Стат, +Сост, +СоУс
 спасибо [27P]
 способствовать [166iC0] +ПодФ
 справедливо [67i]
 спросить [137P] +Перф
 спутница [172] +Ном
 срчать [28P] +неПерф
 статья [99iC1]
 статья [13m] +‘произведение’, +‘предмет физический’
 стесняться [228A] +Стат, +Сост, +СоВр

стоять [45–46a, 170iC0] +Введ
 стоять2 [226A] +Стат, +Пост
 странно [67iC1]
 стремиться [94iC1] +ПУ, +СУ
 строительство [167] +S0, +*Соб
 строить из себя [181d] +ФВМ
 судно [171–172] +Нат
 суметь [62inC1] +Им
 существование [166, 194v] +S0, +!Факт
 существовать [106iC0, 227A] +Стат, +Сост, +СоУс, +РоСт, +НеконСт
 счастлива (+ Inf.) [21C1f, 137P] +Мод, +ВнСо
 счастье за благо [62inC1] +Им
 считать1 (+, что) [10C1, 15C1, 17C1, [36C1], 77–78iC1, 94iC1, 102iC1, 127kC1, 139iC0C1P, 140iC0C1P, 144iC1, 145iC1, 211iC1, 227A] +Стат, +Сост, +СоУс, +Мир, +ПУ, +мнение, +неФакт, +СУ
 считать2 (+ кого кем) [227A] +Стат, +Сост, +СоУс
 сын [203v] +S1
 так [100, 150]
 так что [46i]
 также [122k, 150f]
 таки [68ik]
 такой [85, 133D, 135, 154] +Ак, +ДМ, +УМ
 такой... когда... [160]
 такси [159h]
 твой [208iv] +Терм, +Притяж
 тебе [27P] +развенчание ложных презумпций
 то1 [85] +Терм, +ДМ, +УМ
 то2, что... [156, 165]
 то3 ли... то ли... [78i] +Мир
 то3 один то другой [85] +Ак
 тоже [67i, 77i, 78i, 122k]
 только [58i, 59ik, 67i, 68iC1, 78i, 110k, 122k, 143f, 206i]
 торчать [141C0C1P] +Наб
 тот1 (дейкт.) [85, 133, 142] +Ак, +ДМ, +УМ
 тот2 (анаф.) [85, 88, 133, 142, 177] +Ак, +ДМ, +УМ, +Ан
 тот2 же самый [85] +Ак, +ДМ, +УМ, +Ан
 тот2 или иной [85, 209] +Ак, +Неопр
 тот3 (отн.) [87–88, 154, 160, 177] +Ак, +АМ, +Отн.
 тот3...который [87, 88, 154, 177] +Ак, +АМ, +Отн.
 тот3...что... [160] +Ак, +АМ, +Отн.
 тот4 (субст.) [125–127k] +Терм, +АМ
 трамвай [13m] +‘транспорт’, +‘вид транспорта’, +‘объект физический’, +‘маршрут’
 транспорт [159h]
 требовать [166iC1] +ОбВозм, +Долж
 требоваться [192v] +ИнФОб
 три [85] +Ак
 трудно [218iC1] +ЛеОтр
 трудный [198iv, 207–208iv, 218iC1] +ЛеОтр

ты [10D, 41, 82D, 85, 127k, 134, 136D, 139DP, 140DP, 142D] + Терм, +ЛМ, +2л.
тысяча [110k]
тягостный [231A] + СитАб
убеждать [24P, 146iC2] + Перф, +Мир, +ПУ, +мнение
убежден в [166iC1] + ОбВозм
убеждение [188iv] + ОбМн
убежден [67iC1] + ПУ
убираться вон [141C0C1P] + действие, +ОтрСуб
уважать [223A] + Стат, +Сост, +СоУс
уважение [166L, 184v, 197v] + S0, +*Проц
уверять [137P] + Перф
увидеть [170iC1, 175iC1] + Введ, +ПУ, +мнение
угрожать [24P, 28P] + Перф, +неПерф
удача [46i, 62inC1, 100iC1] + Им
удивляться [69iC1, 138C0P] + ПУ, +ЭС, +Факт
удостоверять [20P] + Перф
ужасный [198iv]
уже [72–73in, 177–178f] + Присказ
уйти [45–46a]
уйти в себя [181d] + ФВМ
украшать [227A] + Стат, +Сост, +СоУс
уметь [227A] + Стат, +Сост, +СоУс
умыть [201dvC1]
умыться [201dvC0]
уподоблять [138C0P] + Мен
упомянуть [21P, 137P] + Перф
упрекать [28P] + неПерф, +Утв
усилие [192v, 194v] + S0, +ИнфИм
ускорить [111ck]
ускориться [111ck]
успокоение [193v] + S0(сит.), +БД
устать [139C0P] + ЭС
утверждать [20P, 32P, 217i] + Перф, +Утв
уточнить [138C0P] + Мен
ухудшаться [229A] + Дин, +Проц, +Моног
участвовать (в) [13C1]
учитель [203v] + S1
факт [160v] + вторичное, +АСод
формалист [178iC0] + Оц
фотограф1 [222A] + Стат, +Пост
фотограф2 [227A] + Стат, +Сост, +СоУс
хвастаться [28P] + неПерф
хватит [192v] + ИнфОб
хватить ума [62inC1] + Им
хищник [223A] + Стат, +Пост
хозяин [156d, 202dv] + S1
хорошо [45P]

хотеть [15C1, 17C1, 21Pf, 25i, 27P, 45P, 78iC1, [100i], 137P, 140P, 146iC1, 216iC1, 227A] + ПУ, +Мод, +Мир, +СУ, +Буд
хотеться [139C0P, 192v, 219–220C0] + ЭС, +ИнфОб, +Жел
хоть [85q, 216i, 219i] + Ак
хоть бы [216i]
хотя [154i]
хранить [227A] + Стат, +Сост, +СоУс
художник1 [228Am] + Стат, +Пост
художник2 [228Am] + Стат, +Сост, +СоВр
царствовать [223A] + Стат, +Сост, +СоУс, +ОтнАб
цель [216iC1] + Цель
часто [221, 229iA] + Терм, +Кван, +Врем
частый [104AiC0] + РоСт
чей-нибудь [134] + Терм, +Притяж, +Неопр, +Экз
чей-то [134] + Терм, +Притяж, +Неопр, +Неизв
чей? [134] + Терм, +Притяж
человек [160h, 171–172] + Нат
чем (сравни.) [187v, 219i]
черта [192v] + ИнфИм
четный [231A] + СитАб
чистый [178f] + Присказ
что-нибудь [209, 215–216, 220s] + Терм, +Неопр, +Экз
что-то1 [130k, 156, 172–173, 209, 212] + Терм, +Неопр, +Неизв
что-то2 (модальное) [140fP, 210m]
что1? (вопр.) [134]
что2 (косв. вопр.) [165]
что3 (отн.) [68, 142]
что3 краснота [116k]
чтобы [46i]
чувствовать [26P, 138C0P, 140C0P] + ПУ, +ВнСо, +ЭС, +НейСт
чувствовать себя [181d] + ФВМ
чудак [176iC0] + Оц
чуждый [218aiC0] + ЛеОтр
чурбан [179] + Нат
это1 [10D, 19, 41, 68, 122k, 142, 145, 164–180]
это2 (частица) [58Pk, 110k, 111k, 115k, 118k]
этот [10, 84–85, 87–89, 103, 114k, 122k, 125k, 142D, 158–164] + Ак
я [10D, 39P, 40P, 41, 82D, 85, 127k, 134, 136–142] + Терм, +ЛМ, +1л.
являться [181sf]
ягненок [221d]
якобы [142fC1P] + ПУ

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ *

- Абсурд, бессмыслица 53, 57, 145, 146
Автоматическая переработка информации 4
Автоимное употребление,
автоимность 20, 86, 99, 100, 150, 159
Автореферентность 20, 32
Адресат 29, 63, 90
Актант 24, 32, 36, 62, 71, 74, 75, 77, 104, 105,
127, 132, 160, 182–186, 190, 192, 195–197,
202, 216, 222, 230, 246, 248
Активированность 113, 114
Актуализатор 85–87, 98, 99, 102, 103, 105,
107, 130–132
~ нулевой 85
~ эксплицитный 102
Актуализация 3, 7, 41, 85
Актуализованная ИГ 84, 85
Актуальное членение (=К-структура) 8, 39,
60, 107, 110, 112, 119
Акцент (логический) 59, 71, 72, 228
Альтернатива 15, 38, 43, 78, 79, 215, 234,
236, 238–241
Анаколуф 72
Анафор, анафорический знак, а. выражение
125, 134, 159, 161, 163, 184
Анафорическая связь, а. отношение,
анафора 5, 7, 11, 125, 134–136, 147, 158,
159, 161, 165, 179, 180
~ функция, а. употребление 123, 125, 126,
133, 134, 158, 167, 178, 179
Анафорический остров 159
Аномалия, аномальность 49–51, 54, 61, 63,
67, 72, 74, 138, 139, 141, 239
Антецедент 18, 88, 91, 95, 96, 98–100, 102,
103, 108, 121, 123–126, 133–136, 142–159,
161–163, 165–174, 176–180, 182, 184–190,
192, 194, 197, 198, 200–202, 204–206, 208,
212
Антизмфаза 65
Апозитивный 65, 99, 103, 145, 188
Аргумент (предиката) 17, 36, 38, 60, 67, 99,
151, 242
Артиклевые языки 9, 59, 86, 92, 95, 211
Артикль 7, 10, 49, 59, 84, 87, 92, 95, 98, 158,
164, 211, 213
Ассертивная часть значения, а. компонент,
ассерция 33, 54, 66, 68, 72, 73, 78, 79, 230
Ассоциация 44
Ассоциированное множество 118, 119
Атрибутивная ИГ, а. употребление, а. статус
89, 90, 93, 96, 97, 142, 209
Атрибутивно-референтное употребление 89,
93, 209
Аудитория 24
Безартиклевые языки 9, 98, 99, 158, 211
Безударность (фразовая) 112
Биноминативное предложение 110, 128, 164,
168, 171, 173, 180, 186, 206
Благодарности выражение, благодарность
19, 23
Будущее, план будущего 28, 38, 54, 163, 215,
216, 219, 220, 226, 229
Будущее время 21, 157, 228
Бытийные предложения 105, 110, 128–132, 213
Валентность 32, 37, 160, 184, 190, 193, 194
Введение в поле зрения, в рассмотрение
115, 119, 127, 155, 156, 170, 179

* В составлении указателя принимал участие С.А.Крылов.

Вводный компонент, в. употребление 61, 65, 67

Вежливая просьба, вежливость 45, 208, 209

Верификация 20, 21

Вечные предложения (по Куайну) 39

Вещественные предпосылки коммуникации 45

Внерематический компонент 113, 115, 117, 120, 125

Возможность 17, 37, 137, 166, 218, 219

Возможные миры 10, 15–17, 40, 50, 76, 80, 135, 144, 157, 158

Возражение 141

Вопрос 19, 22, 25, 27, 28, 33, 38, 41, 45, 49, 53, 61, 63–65, 92, 94, 115, 117, 130, 131, 134, 139, 169, 212, 232–245

~ альтернативный 215, 236, 237, 239, 242–244

~ гипотетический 46

~ косвенный 33, 242, 243, 245

~ общий 44, 212, 215, 233, 236, 237, 239, 240, 242

~ -предложение 233

~ -просьба 233

~ рефлексивный 12.1

~ риторический 47, 233

~ специальный (частный) 233, 236–241, 243, 244

~ экзаменационный 27, 139

Вопроса перформативный анализ 240

Вопросительное предложение 17, 26, 30, 32, 45, 47, 139, 212, 233, 234, 236, 240, 241

~~ с нестандартной семантикой 233

~ предположение 212, 233, 236, 239

Вопросительность, вопросительное слово 32, 33, 64, 234

Вопросительный компонент 47, 237

Вопросо-ответное соответствие 234

Восклицательное предложение 4, 27, 28, 30

Временная локализация 104, 163, 222, 223, 226, 248

~ ось 225, 226, 228, 229

~ фаза (=срез, манифестация) объекта 84, 85, 104, 163, 222

Время (действия), временной план 3, 8, 11, 16, 21, 22, 30, 39, 41, 61, 70, 72, 80, 94, 95, 104, 118, 129, 132, 134, 137, 139, 150, 151, 157, 163, 179, 205, 222–226, 228–231, 238, 248

~ высказывания (речевого акта) 16, 39, 41

~ грамматическое 8, 11

Выделенность в общем поле зрения (salience) 160

Высказывание 3–5, 7–12, 14, 16, 19–23, 26–35, 38–44, 46, 48, 50–54, 57–60, 63, 65, 66, 81–83, 86, 89, 90, 92, 93, 96, 97, 101, 107–109, 113, 115, 118, 120, 130, 133, 136–141, 205, 206, 212, 217, 219, 233, 235, 240, 246, 249

~ от 1-го лица 6, 136, 137, 139

Гипотетичность, предположительность 94, 95, 157

Главный компонент 72, 120, 164

~ предикат 67, 143, 230

Глаголы говорения 78, 146, 211, 217, 248

~ бытийные 99, 104, 128, 129, 130, 132

~ десемантизированные 127, 129, 130

~ делопутивные 22

~ мнения 203, 211

~ имплицитивные 52, 62

~ модальные 137

~ названия 100

~ монотонного изменения 229

~ полуслужебные 166, 167

~ отрицательной импликации 62

~ связочные 105, 164, 203

~ фазовые 61, 72, 79, 105

Глобальная тема, тема текста 116

Говорение 78, 146, 211, 217, 248

Говорящие 3, 8, 18, 41, 42, 52, 81–83, 85, 86, 92, 94, 96, 101, 115, 119, 159, 161, 162, 165, 169, 170, 171, 174, 179, 207, 214, 236

Говорящий 5, 8–13, 16, 18, 23–32, 35, 36, 63, 65–67, 70, 71, 77, 79–82, 87–93, 96–98, 101, 109, 115, 116, 122, 125, 129, 130, 133, 134, 136–142, 144, 155, 157, 164, 178, 185, 196, 205–207, 209–213, 220, 228, 233, 235, 236, 239, 240, 242, 249

Деепричастие 215, 183, 190, 191, 193

Данное 79

Дейксис, дейктичность 7, 84, 102, 158, 159, 165, 180

Дейктический жест 18, 19

Дейктическое слово, выражение, д. элемент, д. категория 11, 54, 82

~ употребление, д. функция 85, 125, 178

Действие 19–21, 23, 25, 30–32, 38, 69, 70, 72, 74, 83, 87, 128, 137, 141, 166, 189, 214, 221–223, 227, 232

~ нррефлексивное 201

~ повторяющееся 93
 ~ узуальное 227
 Дежауэтивизация 111
 Действительность 3, 7, 9–12, 20, 29, 32, 41, 43, 86, 101, 142, 165, 176, 196, 246, 249
 Демагогический прием 57
 Демонстратив 203
 Денотат 7, 11, 12, 17, 36, 55, 80, 81, 88, 179, 206, 207, 240
 Денотативная зависимость 151, 203, 205, 206
 ~ неоднозначность 13, 177
 ~ неопределенность 135
 ~ характеристика 85
 Денотативное пространство текста 155
 Денотативный (= референциальный) статус 3–5, 57, 70, 76, 83–86, 89, 93, 94, 98–100, 102, 103, 105, 107, 108, 127, 133–135, 148, 150, 151, 154, 178, 203, 212, 217, 222, 238, 240, 246
 ~ ~ пропозиции 75, 79, 101, 102, 246
 ~ ~ двоякий 100
 Дескрипция 10–12, 54, 80, 82, 84, 89–93, 96, 97, 100, 107, 118, 143, 144, 151, 152, 154–156, 158, 160, 203, 207, 211, 212, 240
 Детерминатив 10, 84, 162, 211
 Диалог 4, 32, 43–45, 49, 61, 91, 121, 155
 Диватеза 193, 198
 ~ редуцированная 184, 185, 193
 Дизъюнкция 31, 43, 66, 78, 79, 94, 215, 238, 239
 Дислокация сложной ремы 119, 129
 ~ ~ ~ контрастная 120
 Дистрибутивная ИГ 94, 95, 149
 Дополнение 76, 104, 117, 146, 163, 186, 188, 194, 199, 242
 ~ агентивное 189, 193, 197, 198
 ~ гентивное 193, 197, 198
 ~ косвенное 192, 198
 ~ сентенциальное 22, 127, 242
 ~ фактивное 22
 ~ прямое 189, 192
 Дистрибутивность 89, 93, 104, 110, 157, 205, 215–217, 220
 Единственность 4, 49, 63, 87–90, 92, 93, 96, 97, 107, 118, 128, 236, 243
 Желание 27, 34, 46, 47, 122, 137, 140, 146, 211, 220
 Жесткие деизматоры 80

Заблуждение, введение в з. 189, 196
 Залог 182, 183, 189
 Замена на местоимение (= местоименная з.) 100, 109, 120, 135, 169, 174, 180, 186, 205
 Замешательство 23
 Запреты (языковые) 47, 122, 132, 149, 188, 199, 202, 212, 214, 227
 Знак-тип / знак-экземпляр (token) 21
 Знания 8, 26, 39, 59, 81, 82, 87, 96, 138, 146, 249
 ~ внеязыковые (з. о мире) 26, 45, 81, 82
 ~ общие 60, 82
 ~ слушающего 57, 60
 Значение (= смысл) буквальное // прямое 44
 ~ контекстное 158, 233
 ~ оценочное 103, 178
 ~ предметное 3, 83, 100, 168, 242
 ~ пропозициональное 10, 81, 101, 222
 ~ словарное 228
 ~ эмотивное 70
 Идентификация (= отождествление, тождество) 80, 99, 115, 131, 133, 135, 160, 161, 169–171, 175, 178, 179, 188
 ~ субстанциальная 133, 168, 172
 ~ таксономическая 13, 172, 180
 Известность 9, 59, 86, 107, 207, 209, 210
 Иллокутивная функция (illocutionary force) 3, 17, 23, 24, 26–28, 30, 31, 33, 34, 38, 39, 67, 96, 134, 139, 212, 217, 241, 246, 249
 ~ ~ косвенная 44–47
 ~ ~ сложная 46
 Иллокутивное предназначение 30–33, 38, 39
 ~ самоубийство 28
 Иллокутивный акт 24, 26–28, 36, 38
 ~ ~ косвенный 28
 ~ компонент вопроса 240
 ~ показатель 33, 46
 ~ тип 26, 27, 30, 31
 Именная группа 3, 4, 7–9, 37, 69, 70, 74, 79, 80, 82–88, 94, 99–102, 105, 117, 120–124, 127, 134, 135, 142, 143, 147, 160, 165, 168, 170, 173, 174, 177, 179, 185, 212, 237, 240, 246–248
 Именованное 48
 Импликатура (= и. дискурса, коммуникативная и., conversational implicature) 42–45, 52, 53, 61, 63–65, 78, 118, 119, 129, 155
 ~ конвенциональная 44, 52, 53

Импликация (= следствие) 44, 51, 60–62, 229, 243
 Имплицированный компонент 52, 53, 72, 73
 Имя 4, 54, 55, 80–82, 143–145, 159–161
 ~ деятеля 202, 203
 ~ исходное, производное 109, 145
 ~ категоризационное 171
 ~ нарицательное 10
 ~ неисчисляемое 210, 214
 ~ общее 12, 13, 80–82, 84, 85, 87, 92, 94–96, 99, 161, 211, 213
 ~ отпредикатное 166, 167, 181, 190, 193–195, 197, 198, 202, 203
 ~ релятивное 148, 206
 ~ ситуации 202
 ~ собственное 7, 10–13, 69, 81, 82, 84, 99, 109, 123, 143, 150, 152, 154, 158, 160, 169, 171, 211
 Индекс (по Скотту), точка референции 16, 18, 19, 40, 124, 187
 Индексальность (= указательность) 11, 16, 82
 Индивид, индивидуализированный (= индивидуализированный) объект 8, 9, 15, 16, 29, 39, 41, 83, 87, 88, 91–94, 97, 103, 150, 160, 161, 171, 180, 210, 212, 247, 248
 Индивидуализация 9, 91, 155, 174, 210
 Интенционал 16, 17
 Интерпретации вторичные механизмы 56
 ~ обычные способы 56
 Интерпретация 16, 39, 40, 47, 66, 76, 97, 99, 113, 118, 124, 125, 130–132, 157, 188, 191, 202, 203, 220, 227, 232
 ~ исчерпывающего перечисления 118
 ~ нестандартная 234
 ~ предпочтительная 234, 240
 Интеррогатив 233
 Интонация 39, 71, 108, 110, 121, 140, 163, 236
 ~ нейтральная 5
 ~ нормальная 117
 Интродуктивное предложение 90, 214, 248
 Интродуктивность 119, 163
 Информативность, неинформативность 42–44, 244
 Информатика 142
 Информационный поиск 241
 Информация (= сведения) 4, 9, 13, 19, 25–27, 71, 77, 86, 92, 96, 110, 115, 233, 234, 241, 242
 ~ имплицитная (= неэксплицитная, скрытая) 60, 64
 ~ лишняя 42

Информирование 19, 28
 Ирония 42
 Истина 14, 16, 17, 101, 140, 235, 241
 Истинностное значение 10, 16, 17, 20, 23, 32, 35, 37, 39, 40, 50–53, 55, 60, 65, 88, 93, 98, 152, 155, 241
 Истинность 3, 8–10, 14–18, 20, 21, 24, 27, 35, 38, 42, 48–50, 52, 54–56, 60, 63, 69, 77, 87, 89, 96, 98, 146, 231, 243
 Исходное предположение вопроса 61, 64, 65, 238
 Каламбур 43, 237
 Категоризационная несовместимость 176, 177, 180, 227
 Категоризация 26, 81, 159, 160, 171, 172
 Квантификация 5, 86, 222, 226, 248
 Квантифицированная ИГ 98, 143, 152–154, 158
 Квантифицируемая область, к. класс 98, 231
 Квантор 4, 22, 37, 92, 93, 95, 98, 151, 152, 156, 222, 225, 229, 231, 236, 243, 245
 ~ общности 95, 154, 157, 225, 229, 244
 ~ ~ ограниченный 225, 229
 ~ ~ подразумеваемый 235
 ~ существования 43, 92, 95, 155, 156
 Кванторное наречие времени 221
 ~ слово 7, 15, 84, 154
 Класс объектов 9, 85, 94, 130, 134
 Класса объектов разнородность 85, 210
 Классификатор 160, 174
 Ковассигнация 98, 135
 Когнитивы (глаголы знания–мнения) 70
 Количественные ИГ 106
 Коммуникативная значимость 127
 ~ неудача, к. провал 238, 241
 ~ организация 3, 58, 82, 183
 ~ парадигма 108, 112, 120, 122, 127
 ~ дефектная, неполная 108, 127
 ~ структура 4, 8, 39, 58, 107–112, 120–125, 127, 182, 206, 232, 247
 ~ ~ первичная vs. вторичная 108
 ~ ~ нейтральная 117, 124
 Коммуникативное намерение 3, 23, 38, 82, 109
 Коммуникативные постулаты 42–45, 64
 Коммуникативный акт, коммуникация 8, 10, 42, 45, 45, 49, 58, 64, 91, 136, 239
 Компонент предложения 3, 8, 16, 18, 30, 31, 46, 49, 51, 53, 54, 60, 61, 63, 64, 66, 68, 75, 77, 85, 112, 118, 185, 187, 247
 ~ коммуникативной структуры 247

Конвенции употребления 45
 Конкретизация, отношение к. 91, 172, 213
 Конкретная референция 4, 9–12, 83, 89, 97
 Конкретно-референтная ИГ (= к.-р. терм),
 к.-р. употребление, к.-р. ДС 10, 39, 89, 90,
 103, 107, 135, 143, 144, 146, 158, 178
 Коннотация 60, 113, 141, 198, 209, 212
 Константа 15, 35, 93, 150, 151
 Констатация 25, 28
 Контекст 8, 17, 19, 20, 29, 30–37, 39, 40, 43,
 79, 81–84, 87, 88, 92–98, 100–106, 109,
 112, 114, 116, 124, 129, 130, 132, 135–139,
 141–146, 149, 150, 156–158, 160, 165–169,
 171, 173–176, 179–181, 184, 185, 195, 196,
 201–205, 207–209, 211–213, 215–231
 ~ внеязыковой 82
 ~ диагностический 223
 ~ интенциональный —
 см. к. неэкстенциональный
 ~ локальный 75
 ~ модальный 56, 217
 ~ «моощный» 56
 ~ побудительный 216
 ~ нейтральный 104
 ~ понятийный 113
 ~ прагматический 3, 236, 238
 ~ речевого акта 14, 18, 20, 29–33, 39, 40–43,
 82, 138, 246
 ~ семантико-синтаксический 33
 ~ семантический 56, 221
 ~ синтаксический 84, 85, 99, 221
 ~ ситуативный 113, 141
 ~ снятой утвердительности 33, 94, 95
 ~ текстовой 113
 ~ (не)экстенциональный 17, 38, 246
 Контекстная связанность 114–116, 130
 Контекстно-независимые предложения 12,
 14
 Контрапозиция, закон к. 51, 61, 62
 Контраст 111, 120, 127, 129, 132, 162
 ~ потенциальный 117
 Контрастная рема 100, 120, 125, 127, 129,
 131, 132, 170
 Контрастное начало 113, 117–121, 123, 125,
 127, 129, 162
 Контроль, контроллер 184, 186, 190–196,
 200, 220
 Контрфактический 15, 16, 71, 76, 80, 140, 218
 Концепт 5, 7, 35–37, 80–82, 145, 178–180,
 222

Концептуальное тождество 5, 135
 Конъюнкция 52, 65–67, 74, 239
 Кооперации (=кооперативности) принципы
 42, 53
 Кореферентность, кореференция,
 кореферентное отношение 3, 5, 7, 11, 15, 18,
 19, 91, 98, 99, 124, 134–136, 145, 147–151,
 157, 158, 168, 180, 186, 190, 192, 194, 196,
 202, 203, 248
 Красная нить 116, 125
 Кулиса 112, 232
 Лексико-синтаксическая структура 109, 127
 Лингвистические процессоры 4, 142
 Линейно-акцентные преобразования 108,
 117–119
 Линейно-интонационная структура 52, 58,
 85, 108–113, 117, 120, 127, 128
 Литота (=мейозис) 42
 Лицо 30, 41, 43, 84, 89, 100, 126, 127, 136,
 137, 140, 141, 144, 151, 167, 169, 170, 171,
 174–176, 183, 188, 189, 206, 210, 211, 232,
 233, 238
 ~ второе 121, 133, 136, 141, 204, 205, 208
 ~ первое 5, 6, 21, 22, 24, 25, 28, 30, 133,
 136–141, 183, 195, 204, 205, 247
 ~ третье 5, 24, 25, 28, 46, 88, 100, 102, 103,
 105, 106, 123, 124, 133, 136–142, 144–150,
 155, 158, 159, 161, 165–171, 173–181, 189,
 193, 200, 204–206, 211, 212
 Личные имена 80, 150
 Логика 4, 7, 9, 14–16, 18, 34, 35, 43, 48, 50,
 51, 79, 92, 94, 242
 ~ модальная 40, 50
 ~ трехзначная 50
 Логическая семантика 11, 35, 48, 49
 ~ структура 147, 150, 155, 157, 242, 245
 ~ форма 50, 95
 Локализация во времени (=временная л.)
 104, 163, 222, 226, 231, 248
 Локальное предложение 128, 129, 131, 132
 Матрица специального вопроса 237
 Место высказывания, речевого акта 16
 Местоимение 3–5, 7, 10, 11, 15, 18, 19, 27,
 30, 40, 41, 85, 87, 88, 90–93, 95, 96, 98–100,
 102, 103, 105–108, 120–124, 131, 133–136,
 142–161, 164–182, 184–187, 189, 197, 199,
 200, 204, 206, 209–220, 232, 237, 238, 247
 ~ автономное 100
 ~ адъективное 142, 211

~ анафорическое 88, 125, 133, 142, 143, 158, 166, 177
 ~ взаимное 133, 136
 ~ возвратное 5, 120, 121, 133, 135, 142, 180–182, 185, 186, 188, 190, 199, 201, 202, 204–208
 ~ вопросительное 5, 134, 155, 171, 172, 232–234, 236–238
 ~ дескриптивное 155, 156, 158
 ~ кванторное 5, 134
 ~ личное 5, 133, 158, 170, 174, 181, 182, 185, 188, 202, 205–208
 ~ неизвестности 134, 210–211
 ~ неопределенное 5, 131, 140, 172, 173, 177, 180, 209, 210, 220, 249
 ~ относительное 121, 133, 135, 136, 142, 173
 ~ отрицательное 134, 218
 ~ повтора (= «ленивое» м.) 99, 147–150
 ~ притяжательное 134, 185
 ~ с локальным antecedentом 157, 158
 ~ связанное 158
 ~ слабоопределенное 134, 210, 212–214
 ~ субстантивное 126, 142, 164, 185, 204
 ~ указательное 5, 10, 125–127, 133, 134, 158–161, 164, 177, 249
 ~ универсальное 5, 134, 221, 226
 ~ экзистенциальное 210, 215, 219
 Местонаимений тематические компоненты 238
 ~ референциально-семантические разряды 133, 134, 136
 Метафора 42
 Метонимический перенос, м. связь 13, 165
 Мир 3, 7, 9, 10, 15–17, 26, 40, 45, 50, 51, 54, 69, 76–78, 80–82, 84, 98, 102, 135, 144, 146, 157, 158, 166, 220, 226, 246, 249
 ~ нереальный, ирреальный 78, 157
 ~ представлений субъекта 145
 ~ реальный 7, 16, 39, 41, 69, 77, 78, 102, 157, 246
 ~ сказочно-басенный 103
 Миропорождающий предикат, м. оператор 77, 78, 98, 102, 157
 Мнение 16, 35, 37, 38, 56, 68, 70, 140, 144–146, 175, 176, 188, 193, 203, 207, 209, 211, 240
 Многократность 104, 230
 Множественность 89, 90, 95, 96, 110, 132, 196, 213, 214
 ~ собирательная 89, 95, 110, 214
 ~ разделительная 214

Множество 14–16, 63, 83–85, 87, 94, 96, 118, 119, 161, 179, 196, 210
 ~ абстрактное 84, 94, 96
 ~ более чем одноэлементное 89
 ~ конкретное 96, 210
 ~ объектов, ситуаций 15, 16, 84, 85, 87, 89, 92, 94, 133, 157, 210, 241
 ~ определенное 96, 213
 ~ открытое 84, 92, 96
 ~ размытое 14
 ~ универсальное 94, 210
 Модальная «окраска» презумпции 77, 78
 Модальные слова, модальные операторы 21, 22, 34, 36–38, 40, 56, 94, 95, 137, 143, 144, 196, 216, 249
 Модальность 7, 41, 56, 57, 67, 70, 101, 140, 157, 172, 217
 ~ нейтральная/презумптивная/утвердительная 101
 Мольба 31
 Момент времени, временной интервал, отрезок, промежуток 55, 118, 151, 222, 225, 226, 229, 230, 31, 238, 248
 Мысль 10, 34, 92, 122, 138, 147, 192, 196
 Наблюдатель 141, 142, 207, 217, 249
 Называние 100, 204
 Наклонение 3, 8, 11, 30, 32, 33, 38, 41, 47, 102, 249
 Наклонение пересказывательное 207
 ~ изъявительное (= индикатив) 21, 31, 33, 137
 ~ повелительное (= императив) 23, 30–32, 41, 94, 183, 190, 195, 200
 ~ сослагательное 70, 71, 137
 Намерение (= интенция) говорящего 3, 23, 24, 30, 43, 59, 82, 109, 235, 236
 ~ выражаемое vs. подлинное 45
 Настоящее время 21, 22, 138, 139, 228, 249
 Натуральный класс 80, 82, 160, 171, 179
 Начало, начальная группа, н. компонент 113–122, 125–131, 162
 ~ независимое 114, 116
 Незнание 9, 86, 95, 134, 210–212, 214–216, 220
 Нейтральный статус пропозиции 101, 102
 Неизвестная ИГ, н. ДС 94, 95, 102, 106
 Ненормативное употребление 53
 Необходимость 33, 116, 124, 140, 206, 220
 Неоднозначности обыгрывание 28

- Неоднозначность, омонимия 13, 28, 42–45,
 77, 125, 190, 202, 204, 221, 236, 238, 248
 ~ намеренная 43
 Неодушевленность 74, 134, 189
 Неопределенная (= собственно
 неопределенная) ИГ, н. ДС 91–93, 95, 100,
 10, 105, 107, 118, 130, 155, 161, 162, 170,
 171
 Неопределенность значения 238
 Неопределенность неконкретная (-Specific)
 86, 95
 Неопределенное наречие 209
 Нерасчлененное предложение 113
 Неуверенность 94, 95
 Нереперентная ИГ, н. употребление,
 н. статус, нереперентность 7, 11, 84, 86,
 93, 94, 97, 106, 107, 149, 156, 170, 203,
 210, 232
 Неутвердительный статус пропозиции,
 н. употребление 35, 97
 Новое 113–115
 Номинация, наименование 7, 80, 100, 145,
 160, 172, 178, 179, 205, 206, 211
 Нормальность семантическая 54, 74, 138
 Нормативное употребление, нормативность,
 норма 173, 199, 204, 205
 Нулевой знак, ноль 101, 125, 184
 ~ заместитель 88, 123, 125, 142, 146, 148, 196

 Обещание 19, 20, 22, 23, 25–28, 34, 36, 38
 Обстоятельство 67, 71, 112, 181, 186, 188,
 195, 221, 222, 229, 230, 232
 ~ времени 61, 226, 229
 ~ мнения 188
 ~ распределяющее 226, 230, 231
 Обращенность на экземпляр
 (token-reflexivity) 21
 Общая тема дискурса 40
 Общее поле зрения 25, 39, 45, 49, 87, 88, 92,
 96, 115, 119, 152, 159, 160, 161, 165, 170,
 174, 176, 206, 214
 Общепризнательное предложение 111
 Общеэпистемические ИГ 94, 95, 102
 Общий фонд знаний (common informational
 background) 8, 26, 39, 45, 82
 Объединенность 110, 205
 Объект (внеязыковой) 7, 79, 82, 83, 86
 Обязательство 10, 20, 24, 25, 38, 63
 Ограничения на ДС 105
 ~ ~ ~ врожденные 103
 ~ сочетаемости 47, 74, 122, 128, 167, 212,
 214, 226, 230, 232
 ~ семантические 22, 226
 ~ синтаксические 98, 133, 152, 193
 Ограниченно референтные ИГ,
 ограниченная референция 98, 102
 Ограничительное (= рестриктивное)
 придаточное, о. определение 69, 155,
 161
 Однозначность 5, 19, 82–84, 125, 126, 162,
 186, 194, 201, 202, 204, 214
 Одущевленность 74, 75, 134, 176, 185, 189
 Окказиональный семантический компонент
 54
 Опасение 27, 67
 Оператор 9, 22, 34, 36, 37, 40, 65, 93, 98, 102,
 143, 144, 151, 152, 155–157, 215, 242–245
 ~ интенциональный 36, 37
 ~ побуждения 242
 ~ сентенци(он)альный 37, 66
 ~ эпистемический 242, 244
 ~ введения в рассмотрение 155–157
 Определенная ИГ, о. ДС 68, 85, 87, 88, 90,
 92, 105, 106, 118, 128, 131, 132
 Определенность 7, 9, 51, 52, 59, 86–88, 93,
 95, 98, 101, 104, 105, 115, 116, 127, 128,
 130, 158, 171, 207, 210, 212, 213
 ~ внетекстовая 88
 ~ сильная 87
 ~ слабая 59, 87, 90, 91, 127, 213, 214
 ~ скрытая 106
 ~ текстовая 88, 98, 159
 Опровержение 197
 Оскорбление 24
 Осмысленность 46, 49, 53, 54, 65, 87
 Остенсивное указание 41
 Ответ (= ответная решлика) 25, 27, 28, 34, 38,
 41, 43, 44, 49, 58, 59, 64, 90, 92, 128, 129,
 139, 171, 182, 192, 233–240, 244
 ~ допустимый 234, 235
 ~ (не)информативный для спрашивающего
 240
 ~ (не)полный 235, 236
 ~ (не) соблюдающий исходное
 предположение вопроса 238
 ~ (не) соблюдающий предметную область
 вопроса 237
 Ответов допустимых множество 234, 239
 Отказ 27, 31, 41
 Отклонение предложения 27

Отношение 7, 11, 12, 15, 18, 25, 29, 48, 51, 79, 88, 90, 91, 99, 108, 118, 132, 136, 148, 157, 180, 186, 196, 197, 203, 213, 223

~ вынуждения (necessitation) 51

Отрицание 36, 49, 55–57, 62, 64–67, 70–73, 87, 90, 94, 106, 111, 117, 119, 141, 170, 197, 212, 214, 218, 219, 226, 236, 239, 240

Отрицательное предложение 61, 64, 66, 72, 73, 92, 214

Отсылка 5, 17, 57, 126, 133, 134, 140, 157, 161, 164–168, 172, 173, 179, 180, 182, 211

~ к исходному имени 109,

~ к речевому акту 11, 54, 133

Оценка 21, 44, 54, 141, 198, 207, 208, 210

Парадокс Мура 63, 139

Пассив 101, 197, 198

~ бессубъектный 101

Пауза 113

Переменная 18, 19, 35, 38–40, 48, 75, 88, 93, 95, 118, 147, 150–152, 154–157, 179, 189, 222, 226, 229, 231, 232, 237, 242, 244–246

Перефразировка 32, 118, 173, 221, 242–244

Персонификация 75, 97, 176

Перформатив 32, 33, 36, 37, 137

Перформативная гипотеза 31–33

Перформативное предложение,
п. высказывание, употребление 19–24, 27,
28, 33, 37, 136, 137, 241

Побудительное предложение 17, 23, 30, 47, 214

Побуждение 24–27, 38, 41, 46, 47, 53, 63, 241, 242, 244

Побуждения дезидерат 242

Поведение ненормативное (неискреннее, провокационное) 57

Повеление 23, 241

Поверхностная структура 32, 56, 69, 156, 173, 182

Повествовательное предложение 19, 21, 23, 30, 32, 33, 47, 112, 139, 241

Повтор 142

~ лексический 123

~ семантический 136

Подлежащее 94, 99, 104–107, 110, 112, 116, 117, 122, 124–132, 138, 144, 162, 163, 169, 178, 182–184, 186, 187, 189–192, 194–198, 200–203, 207, 208, 213, 221, 232, 249

~ подразумеваемое 183, 195, 200

~ семантическое 183, 190–192, 195, 200, 201, 208,

~ невыраженное 190

Подлежащий семантический акт 182, 183

Подразумеваемое/подразумевание 10, 135, 183, 195, 200, 235

Подтверждение 26, 41

Подчинение 21, 135, 154, 184

~ непосредственное 153, 184, 185, 190, 198

~ обобщенное 184

~ опосредованное (= через посредство) 120

~ почти непосредственное 153, 184, 186, 193, 198, 200

Пожелание 36

Положение вещей (= ситуация, state of affairs) 3, 7, 14, 25, 32, 36, 46, 222, 242, 244, 248

Понимание 9, 13, 15, 28, 35, 42, 44, 55, 56, 60, 70–72, 77, 78, 82, 87, 89, 97, 98, 100, 102, 103, 106, 124, 140, 145, 152, 168, 194, 197, 200, 202, 214, 221, 228, 231, 234, 236, 238, 243

~ более сильное 236

~ предпочтительное 197, 201, 236

~ прямое (= нейтральное) 213, 227

Понятийное поле 114

Порядок слов, составляющих 39, 108–110, 112, 119, 123, 154, 178, 202

Постулаты значения 24

Правдоподобное заключение 61, 96, 217

Прагматика 8, 9, 12, 45, 57, 213

Прагматическая переменная 39, 40, 242, 246

~ релевантность 117, 132

Прагматический подход к *презумциям* 57–60, 77, 87

Предикаты (глаголы, прилагательные, существительные-предикативы) 12, 15–17, 21, 34, 36, 38, 55, 60, 67, 69, 70, 74, 75, 78, 83, 84, 88, 92, 93, 95, 98–100, 103, 104, 106, 107, 118, 120, 133, 135, 136, 140, 141, 150, 154, 176, 181, 200, 201, 208, 222, 226–228, 230, 232, 242, 245, 248

~ мнения 16, 145

~ (не)фактивные 70, 76

~ пропозициональной установки 17, 34, 36, 37, 67, 98, 141, 146, 157, 175, 180, 249

~ стативные 222

~ условные 71

- Предикатив 99, 128, 168, 169, 171, 172, 174–178, 180
- Предикатная группа (г. предиката) 36, 83, 104
- Предикатная ИГ, п. употребление, п. ДС 86, 99, 101, 103–105, 135, 136, 148, 149, 177, 178, 183, 212
- Предикатный актант, п. аргумент 36, 62
- Предикация 23, 101, 118, 154, 155, 171, 216, 218
- Предложение 3, 4, 8, 14–16, 19–21, 23, 29–32, 35, 37–41, 44, 47–50, 53–59, 62, 63, 65–67, 69–78, 83, 86, 88, 92, 95, 103, 105, 108–110, 117–122, 124, 125, 128, 129, 131, 133, 139, 141–147, 150, 152, 155, 169, 170–173, 189, 193, 199, 206, 214, 215, 220, 225, 227, 230, 233–237, 241, 248
- ~ идентификации (= тождества) 115, 131, 169, 171, 172, 175, 188
- Предложение в контексте речевого акта 29, 30, 33, 34, 39
- Предмет (= объект внеязыковой) 7–9, 11–19, 23, 36, 37, 39, 45, 49, 59, 61, 66, 67, 69, 75, 79–94, 97, 98, 100, 102–104, 107–110, 114–116, 118, 119, 123, 129–136, 142, 144–146, 148–152, 155–157, 159–161, 163–165, 167, 169–172, 174, 176, 178–180, 182, 188, 194, 203–206, 209–218, 220, 223, 225, 227, 231–233, 236, 238–241, 248
- Предметная ИГ (= п. терм) 36, 37, 39, 101, 102
- ~ область вопроса 237, 238, 244
- ~ соотношенность 7
- Предметный antecedent 142, 167, 168, 177, 179
- Предположение 35, 44, 61, 64, 75, 103, 122, 204, 212, 215, 220, 238, 239, 244
- Предположительность (= гипотетичность) 94, 95
- Предупоминание 77, 88, 130
- Предупреждение 19, 23, 27, 28, 31
- Презумптивный компонент, п. часть 33, 68, 72, 73
- ~ статус пропозиции 101, 217
- Презумпции альтернативные 78, 79
- Презумпции нарушение, несоблюдение 51–52, 54, 63
- ~ насыщение 76, 77
- ~ подавление (cancelling), утрата 56, 77, 79
- ~ подтверждение 77
- ~ порождение 73, 75, 132
- ~ сохранение 56
- ~ схема 74
- ~ эксплуатация 59
- Презумпций вычисление, выявление 73, 76
- ~ наследование (= проекция) 75, 76
- Презумпция (= пресуппозиция) 3, 4, 18, 25, 26, 40, 42, 44, 48–51, 53–57, 59–79, 87–90, 92, 93, 96, 97, 106–108, 118, 127, 132, 139–141, 155, 178, 179, 217, 218, 230, 236, 239, 243, 244
- ~ ложная 49, 51, 53, 60, 107, 108
- ~ потенциальная 75–79
- ~ прагматическая 3, 18, 57–60, 87
- ~ семантическая 3, 49, 50, 53, 57–60, 69, 87
- ~ фактивная 52, 60, 69–71
- ~ экзистенциальная 52, 54, 60, 69
- Прием 42, 43
- ~ демагогический 59
- Признак 74, 87, 88, 90–92, 95, 102, 103, 134, 169, 176, 222–224, 227
- Приказ, приказание 19, 23, 25, 27, 31, 36–38
- Притяжательность 134, 185
- Причина 37, 49, 66, 168, 206, 238, 240
- Происшествия 224
- Прономинализация 124, 147, 153
- Пропозициональная компонента 17, 46
- ~ установка 15, 17, 21, 27, 34, 36, 37, 65, 67, 70, 96–98, 140, 141, 146, 157, 175, 180, 211, 215, 216, 249
- ~ форма 35, 38–40, 57, 60, 152, 245, 246
- Пропозициональное содержание 17, 18, 30, 34, 46, 241, 245
- Пропозициональный актант 32, 105, 248
- ~ компонент 3, 4, 8, 17, 33, 48, 53, 54, 101, 247, 248
- Пропозиция 10, 16, 17, 25, 26, 30, 32, 34–40, 48, 50, 57, 60, 62, 65, 67, 69, 70, 75, 76, 79, 83, 97, 98, 101, 102, 114, 116, 152, 155, 156, 215–217, 222, 223, 231, 238, 240, 246, 248, 249
- ~ (не)замкнутая 39, 40, 60, 246
- ~ неутверждаемая 36, 60
- ~ общеутвердительная 102
- ~ подчиненная 36, 66, 105, 217, 218
- ~ родовая 101, 102
- Просьба 19, 22, 23, 25, 27, 28, 31, 36–38, 44–46, 212, 232, 240–242, 245
- Противоречие 10, 26, 56, 57, 63, 78, 79, 116, 129, 139, 141, 208, 227

Процесс 13, 19, 41, 71, 147, 166, 189, 224, 230, 248

~ имеющий внутренний предел 224, 229

~ (не)гомогенный 224–225

Прошлое 54, 61, 72, 163, 215, 226

Разрешение 31

Рамка модальная 18, 217

Распределяющее множество 229, 230

Расчлененное предложение 116

Редукция смысла к референции 7, 17

Результаты (как виды ситуаций) 224

Рема 111, 112, 114, 115, 117, 119, 128, 129, 168, 170

~ двойная 113 *составная рема 112*

~ нормальная vs. сдвинутая 117, 121

Реплика 21, 43, 64, 91, 165, 233–235, 240

Референт 5, 9, 10–14, 16, 17, 40, 74, 80, 82–88, 92, 98, 132–135, 145, 155, 173, 180, 195, 203, 222

~ локальный В, 135, 157, 158

Референтная ИГ (= р. терм), р. выражение, р. употребление, р. ДС, референтность 10, 16, 40, 81, 86–90, 92–96, 99–107, 134, 135, 148–151, 154, 155, 168, 169, 171, 178, 180, 203, 209, 210, 212

Референциальная неоднозначность 13

~ неопределенность 14

~ оформленность 84

~ (не)прозрачность 37

Референциальное предназначение 83, 84

Референциальные аспекты семантики 8, 13, 82, 246

~ индексы 18, 19, 40

Референции дискретность 8

Референция 3, 4, 7–14, 16–18, 20, 23, 30, 39–41, 48, 79–84, 86, 88–90, 92, 93, 96–98, 107, 132, 134, 135, 151, 157, 178, 180, 195, 206, 213, 247, 248,

~ автономная 8

~ двойная 213, 214

~ непредметная 11

~ условная 156, 157

~ успешная 92

Рефлексивизация 120, 121, 181, 182, 188, 189, 194, 196, 197, 199–205, 208

Рефлексивная конструкция 186, 190–198, 200, 201, 203, 205, 207, 208

Рефлексивность 185, 186, 204, 205

Речевая ситуация 133

Речевой акт 3, 4, 5, 7, 8, 9, 12, 14, 16, 18–21, 23–27, 29–46, 53, 54, 57, 61, 63–65, 79, 82–84, 86, 88, 109, 115, 132, 136, 138, 139, 150, 152, 156, 160, 234, 236, 241, 245, 246, 248

~ ~ косвенный 42, 44, 45

Родовая ИГ, р. употребление, р. ДС 97, 98, 102–106, 128, 148, 149, 161, 162, 173, 212, 217, 232, 250

Самоверифицируемость, самоверификация 20

Свойство 8, 10, 15, 19–23, 42, 49, 50, 60–62, 64, 65, 67, 69, 74, 81–84, 86, 87, 89, 92–94, 96, 104, 109, 118, 134, 135, 142, 148, 156, 169, 171, 176, 179, 201, 207, 210, 216, 222–225, 228, 231, 233, 235, 236, 238–241, 248

~ актуальное 228

~ постоянное 83, 84, 95, 104, 106, 223, 224, 226, 228, 230, 231, 248

Связность 5, 62

Сдвиг ремы 117, 118, 128, 132

Сдвоенный денотативный статус 100

Семантика грамматических категорий 8

~ лексическая 8

~ логическая 11, 48, 49

~ референциальная 12

~ сильная/слабая 48, 49, 51

~ «стереоскопическая» 136, 139

~ функционально-истинностная 14, 49, 60

Семантико-прагматическое представление 4, 18, 29–31, 246

Семантическая неразложимость 15

~ структура 35, 46, 50, 54, 61, 143, 150, 230, 235, 249

Семантический (=смысловой) компонент 4, 34, 51–54, 60–62, 65, 67, 68, 71, 73, 75, 76, 78–90, 138, 150, 211, 217

~ признаков 74

Семантическое представление предложения 4, 18, 30, 31, 33, 45, 69, 74, 76, 86, 89, 99, 100, 111, 246

~ разложение 33, 46, 63, 100, 150, 242

~ следование (semantic entailment) 51, 55

Синонимия (= синонимичность) 5, 32, 48, 49, 243

Синтаксическая позиция 105, 108, 182, 187, 192, 193

~ структура 3, 4, 8, 35, 46, 50, 54, 61, 102, 103, 108, 110, 117, 119, 182, 184, 189, 234, 236, 246

~ сфера действия 18

- Ситуация (= положение вещей) 3, 5, 7–10, 28, 29, 36, 39, 42, 50–54, 59–61, 65, 66, 75, 79–81, 88, 89, 91, 92, 94, 97, 100, 113, 119, 130, 133, 140, 143, 145–147, 154, 155, 157, 159, 160, 163, 164, 169, 173, 178, 179, 185, 190, 193, 202, 212, 214–217, 219–222, 224–226, 228, 229, 231, 232, 234–236, 240, 241, 248
- ~ динамическая vs. статическая 222, 224
- ~ (не)длящаяся 226
- ~ конкретная (= индивидуальная) 8, 29, 160
- ~ неограниченно воспроизводимая во времени 225
- ~ повторяющаяся 248
- ~ подразделяемая 224
- Сказуемое 22, 106, 110, 112, 117, 121, 128, 132, 152, 153, 168, 169, 173, 183, 185–187, 189–192, 195, 197, 198, 200, 221
- Скрытоопределенная ИГ 158, 159, 161–163
- Слабоопределенная ИГ, слабая определенность 57, 67, 90–92, 102, 127, 129, 130, 132, 155, 212–214, 240
- Следствие (= импликация) 27, 30, 51, 55, 56, 61, 62, 64, 65, 75, 76, 78, 100, 119, 145, 235
- Слушающий (= слушатель) 8, 9, 23–28, 38, 42, 43, 53–55, 57–60, 82, 87–92, 133, 134, 139, 207, 209, 210, 212, 213, 234, 240–242
- Смысл (= значение) 4, 5, 7, 8, 10, 12, 14–18, 20, 22, 24, 26, 49, 53–60, 62, 64, 66, 67, 71–75, 79–87, 90–95, 99, 100, 102, 106, 109, 111, 117, 118, 121, 125, 133, 134, 138–140, 143, 150, 152, 158–162, 169, 171, 178–182, 189, 191, 196, 201, 202, 205, 206, 208, 209–211, 216, 221, 225, 227, 229, 232–234, 236, 237, 239, 242, 244
- ~ прямой vs. скрытый 42, 44
- Смысловая тема 91, 115–117, 119, 120, 122, 123–126, 129, 132
- ~ ~ неначальная 115
- ~ ~ подчеркнутая 116, 117, 119, 120
- Снятая утвердительность 33, 94, 97
- Собственно рема 112, 113, 119, 120
- Событие 3, 7, 10, 25, 26, 28, 39, 49, 61, 71, 80, 92, 94, 101, 107, 166, 167, 169, 215, 216, 220, 222, 224–226, 229, 230, 232, 247, 248
- Совет 19, 23, 28, 31, 46
- Согласование денотативное 102, 103
- ~ иллокутивных функций 47
- ~ между типом речевого акта и структурой пропозиции 38
- Содержание 9, 18, 19, 23, 30, 34, 35, 38, 40, 42–46, 62, 63, 65, 97, 99, 111, 134, 138, 141, 160, 180, 183, 190, 195, 205, 241, 245
- ~ ситуативное 81
- Сомнение 36, 68, 98, 106, 146, 215, 217
- Сообщение (как речевой акт) 7, 25–27, 29, 41, 43, 93, 101, 139
- Сопредикатность 186, 187, 190–192, 197, 198
- ~ дальняя/ближняя 200, 201, 208
- Составляющие 17, 49, 57, 75, 112, 114, 116, 180, 187, 242
- Состояние 21, 25, 63, 70, 71, 104, 138–142, 163, 166, 223–228, 242, 247
- ~ временное 104, 106, 223, 224, 228, 230, 248
- ~ ментальное, эмоциональное 137, 138, 140, 223
- ~ прерывное (= прерываемое и возобновляющееся) 223, 227
- ~ устойчивое 223, 224, 227, 228, 230, 232, 248
- Сочетаемость характеристика 74
- Сочетаемость 47, 122, 214
- Сочинение (предложений, именных групп) 47, 123, 126
- Способ представления объекта (mode of presentation) 80, 81
- Срез объекта (временной, пространственно-временной) 84, 163
- «Стереоскопическая» семантика 136, 138
- Стиль жесткий/свободный 163
- Субстантивная (= термовая) ИГ, с. употребление, субстантивность 86, 94, 102, 134, 185
- Субститут 88, 143, 146–148, 155, 166, 173, 189
- Субъект 29, 65, 70, 98, 101, 104, 106, 107, 120, 125, 133, 138, 140, 141, 144–146, 157, 173, 175, 182–184, 188–198, 202–209, 211, 220
- ~ пропозициональной установки, оценки 65, 70, 141, 157, 211
- ~ референция 9, 11
- ~ семантический 190, 191, 193–195, 197, 203
- Суждение 5, 6, 13, 16, 26, 32, 34, 35, 37–39, 43, 48–50, 52, 54, 55, 57, 58
- ~ (не)утверждаемое 26, 35, 57
- ~ побочное 52, 55
- ~ условное 48

- Существование 4, 9, 19, 43, 51, 54, 59, 67, 69,
 78, 87–90, 92, 93, 95–98, 105–108, 121,
 127, 131, 132, 155, 156, 174, 186, 194, 215,
 216, 226, 239, 243, 244, 248
 Сфера действия (предиката, оператора) 18,
 22, 56, 67, 71, 95, 96, 98, 143–145, 151,
 152, 154, 156, 157, 204, 214–216, 225, 229,
 230, 232, 243–245
 ~ ~ оператора дескрипции 156
 Тавтология, тавтологичность 50, 51
 Таксономическая предикация 99, 171, 172
 ~ принадлежность 93, 179
 Таксономический класс 9, 13, 135, 210
 Текст, дискурс 3, 7, 34, 43, 53, 60, 62, 88, 94,
 102, 109, 116, 119, 123–126, 133, 134, 136,
 142, 146, 151, 152, 155, 156, 159–161, 163,
 165, 167, 175, 179, 180, 230, 248 Тема
 текста 116
 Теория референции 4, 7, 8, 13, 20, 48, 79, 180
 ~ ~ каузальная vs. классическая 79–81
 Теория речевых актов 4, 19, 23, 27, 34, 35, 42,
 241
 Терм (= ИГ) 10, 36, 37, 39, 88, 102, 135, 136,
 143, 147, 151, 154, 184–188, 191–193, 200
 ~ сингулярный 12, 89
 Тип референции 4, 82, 83, 86, 96
 ~ ~ экстенциональный 96
 Тождество 5, 7, 48, 118, 134, 135, 180
 ~ лексическое 180
 Толкование 18, 19, 69, 72, 74, 75, 86, 87, 215,
 218, 226, 246
 Точка отсчета 203, 228, 248
 ~ ~ (не)синхронная 228
 ~ ~ проспективная vs. ретроспективная 228
 Трансформация 101, 108, 111, 118, 147, 181,
 182
 Убеждение (как тип речевого акта) 24, 67,
 70, 91, 92
 Угроза 24, 27, 28
 Ударение (фразовое) 112, 113, 117, 119, 121,
 123, 125, 216
 ~ аффектированное 112
 ~ восходящее vs. нисходящее 112, 117, 119,
 120
 ~ второстепенное vs. главное 112, 113, 117,
 118, 119
 ~ контрастное 107, 112,
 ~ логическое 112
 ~ нейтральное, обычное 112
 Удивление 23, 61, 146
 Узуальность 93, 223, 224
 Указательная группа 123, 142, 158, 159,
 161–164, 179
 Указательные слова (у. элементы, средства)
 11, 54, 82, 84
 Уместность/неуместность 51, 57, 60, 61
 Универсальная ИГ, у. ДС, универсальность
 86, 94–96, 98, 100, 102–104, 106, 127, 134,
 173, 183, 232
 Универсум речи 7, 69, 97
 Упоминание 54, 68, 81, 88, 109, 124, 126,
 140, 151, 152, 156, 161, 178, 179, 182,
 188
 ~ первое, первичное 88
 ~ повторное 88, 109, 178
 Уровни представления предложения 122,
 182, 184
 Усилие говорящего 44, 228
 Условие искренности 24–27, 63, 139
 Условия истинности 14–16, 18, 20, 24, 38,
 49, 52, 55, 98, 139, 146, 221, 231
 ~ осмысленности 49, 87
 ~ успешности речевого акта 63–65, 136, 138,
 139
 Утвердительное предложение 4, 17, 29, 32,
 35, 53, 64, 72, 236
 Утвердительный денотативный статус
 пропозиции 76, 102, 114, 217
 Утверждение, утвердительное
 высказывание 14, 23, 25–27, 29, 32–35, 37,
 38, 41, 43, 44, 53, 55, 56, 63, 65–68, 77, 89,
 96, 97, 100, 102, 106, 108, 118, 120, 131,
 134, 139, 141, 161, 236
 ~ единичное 101
 ~ настоятельное 31
 ~ неуверенное 26, 27, 212
 ~ общее/частное 100
 Фаза объекта (пространственно-временная)
 84, 85, 104
 Факт 7, 10, 13, 21, 22, 32, 37–39, 41, 44, 50,
 52, 57, 58, 60, 66–70, 73, 83, 96, 101, 112,
 115, 120, 127, 137, 155, 160–162, 166, 167,
 174, 181, 199, 204, 205, 211, 217, 219, 220,
 222, 237, 241, 244, 248
 Фактивное/нефактивное дополнение 22
 Фактивный глагол, предикат 52, 68, 70
 Формализация 14, 15, 234–238, 241, 242, 244
 Функционально-истинностный провал 52,
 107

- Цель высказывания, сообщения** 3, 38
- Центр внимания** 4, 7, 116, 162, 182, 189, 192, 247
- Частицы** 18, 27, 32–34, 52, 58, 60, 64, 66, 68, 72, 73, 110–112, 127, 150, 171, 177, 206, 207, 216, 219, 236, 248
- Частноутвердительный статус пропозиции** 101
- Человеко-машинный диалог** 49
- Шифтеры** 40
- Эгоцентричность** 21
- Экзистенциальная ИГ, э. квантификация, э. референция, э. ДС** 11, 86, 94, 95, 98, 100, 102, 106, 127, 130, 149, 157
- Эксплицитное выражение, эксплицитность** 23, 55, 60, 101, 237
- Эксплоатация коммуникативных постулатов** 42
- Экстенционал** 11–14, 16, 48, 82–85, 94–96, 213, 221
- ~ открытый 84
- ~ размытый 14
- Экстенциональная разнородность** 14
- Эмотивные предложения, эмотивы** 21, 70
- Эмпатия (говорящего)** 115, 185, 206, 207
- Эмпатии фокус** 115, 205, 208
- Эмфаза** 65, 71, 120, 121, 185
- Эмфатическая препозиция** 119, 128
- Эпистемическое обязательство** 24
- Языки логики** 18
- Языковая интуиция** 52

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

- Адамец П. (Adamec P.) 112–113, 119, 164, 166
 Андерссон Л.-Г. (Andersson L.-G.) 14
 Апресян Ю. Д. 13, 18, 22, 54, 72, 127, 141, 181, 221, 228, 246
 Арутюнова Н. Д. 6–7, 9, 13, 27, 34, 46, 74, 81–83, 89–90, 93, 99, 101, 103, 105, 110, 115, 128–132, 166, 168–169, 171, 179, 188, 214, 249
 Бабайцева Л. Л. 167
 Балли Ш. (Bally Ch.) 3, 9, 10, 41, 84, 97, 139, 237
 Барулин А. Н. 238
 Бах Э. (Bach E.) 147, 151
 Бахтин М. М. 29
 Беллерт И. (Bellert I.) 53, 93, 156
 Белнап Э. (Belnap E.) 234–235, 238
 Бенвенист Э. (Benveniste E.) 7, 11, 20, 22, 28, 36, 40–41, 133, 136
 Бердник Л. Ф. 45, 233
 Бикертон Д. (Bickerton D.) 68
 Билый М. (Bіly M.) 207
 Богуславский А. (Bogusławski A.) 88
 Богуславский И. М. 56
 Бюер С. Э. (Böer S. E.) 55, 64
 Бюерле Р. (Bäuerle R.) 236–237
 Болинджер Д. (Bolinger D.) 147, 165, 239
 Болла К. (Bolla K.) 188–189, 192
 Бондарко А. В. 222
 Браун Р. (Brown R.) 171
 Брызгунова Е. А. 112
 Булангин Л. Л. 222
 Булаховский Л. А. 164
 Булыгина Т. В. 104, 223–225
 Былинский К. И. 124
 Бэт Д. Н. С. (Bhat D. N. S.) 8
 Василевская Л. И. 11
 Вежбицка А. (Wierzbicka A.) 18–19, 24, 26–28, 33, 46, 73, 82, 98, 103–104, 121, 139, 173
 Вейнрейх У. (Weinreich U.) 14, 33, 74, 94
 Веренк Ж. (Veurenc J.) 192, 197, 204, 218
 Вендлер З. (Vendler Z.) 21, 28, 35, 37–38, 68, 81, 89, 222, 224
 Веттштейн Х. К. (Wettstein H. K.) 81
 Виноград Т. (Winograd T.) 49
 Виноградов В. В. 7, 30, 46, 103
 Вольф Е. М. 141, 161–162, 164
 Врбова Я. (Vrbova J.) 160
 Вундерлих Д. (Wunderlich D.) 30
 Газдар Дж. (Gazdar G.) 21, 26, 55, 59–60, 63–64, 78–79
 Гаичева Э. (Hajičova E.) 54, 110, 113, 118, 160
 Гак В. Г. 6, 102, 248
 Гарнер К. (Garner Q.) 54
 Генслер О. Д. (Gensler O. D.) 165
 Гжегорчикова Р. (Grzegorzczkova R.) 226–227
 Гивон Т. (Givón T.) 61, 86, 98, 101, 116, 123
 Гийом Г. (Guillaume G.) 102
 Гиндин С. И. 142
 Гич П. Т. (Geach P. T.) 83, 88, 99, 143, 147–148
 Гладкий А. В. (Гладкий А. В.) 29, 184
 Годен К. (Godden K.) 79
 Головачева А. В. 160, 161, 163
 Гордон Д. (Gordon D.) 24
 Граймс Дж. Э. (Grimes J. E.) 116
 Грайс Х. П. (Grice H. P.) 42, 44, 52, 57, 63, 66, 91, 236
 Гриндер Дж. (Grinder J.) 146
 Даль Э. (Dahl Ö.) 14, 96, 220
 Даммит М. (Dummett M.) 12
 Дейх Т. А. ван (Dijk T. A. van) 107, 117
 Джекобсон П. (Jacobson P.) 143
 Дик С. Ч. (Dik S. C.) 151
 Динсмор Дж. (Dinsmore J.) 79
 Доннеллан К. (Donnellan K.) 89–91, 96–97
 Дорофеев Г. В. 62
 Дэвидсон Д. (Davidson D.) 12
 Дюкро О. (Ducrot O.) 40, 51, 57, 84
 Ермакова О. П. 105
 Есперсен О. (Jespersen O.) 27, 223, 233, 245
 Зализняк Андрей А. 136
 Зализняк Анна А. 6
 Захава-Некрасова Н. Б. [210]

* Цифры указывают на страницы, где упоминается соответствующий автор; в конце приложения также список ссылок на коллективные труды.

- Здоровов Ю. А. 165
Земская Е. А. 45
Золотова Г. А. 111, 128, 249
- Иванов Вяч. Вс. 10, 164, 248
Ильян Г. М. 54, 234, 237
Исаченко А. В. (Issatschenko A. V.) 186, 199, 204
Ицкович В. А. 91, 106, 211
- Йокояма О. Т. (Yokoyama O. T.) 205
- Каплан Д. (Kaplan D.) 39, 82, 97
Карлсон Л. (Carlson L.) 84, 104, 148
Карнап Р. (Carnap R.) 12, 17, 79, 146, 154
Карттунен Л. (Karttunen L.) 20, 50, 52, 59, 62, 71, 76, 79, 105, 147, 149, 151, 155, 241
Кастаньеда Х.-Н. (Castaceda H.-N.) 81, 144
Катц Дж. Дж. (Katz J. J.) 52, 80
Кацнельсон С. Д. 34
Кемпсон Р. М. (Kempson R. M.) 55–56
Кенни А. (Kennly A.) 222
Кинэн Э. Л. (Keenan E. L.) 50, 65, 67, 237–239
Кинэн-Окс Э. (Keenan-Ochs E.) 116
Кипарский К. (Kiparski C.) 70
Кипарский П. (Kiparski P.) 70
Кифер Ф. (Kiefer F.) 57, 64, 70, 233, 239
Кленин Э. (Klenin E.) 205
Кобозева И. М. 212, 217–218
Ковтунова И. И. (Ковтунова И. И.) 108, 110, 113, 119, 127
Крейдлиг Г. Е. (Крейдлиг Г. Е.) 66, 97, 102
Крипке С. (Kripke S.) 14–15, 80
Кронгауз М. А. 96
Крылов С. А. 6, 9, 88
Куайн У. ван О. (Quine W. van O.) 10, 12, 17, 38, 48, 80, 89, 100, 134, 143, 147, 150, 154, 171
Куликвер П. У. (Culicover P. W.) 152
Кулькова Р. А. 137
Куно С. (Kuno S.) 98–99, 118, 123–125, 127, 204–205
Курилович Е. (Kuryłowicz J.) 7, 10
Курода С. И. (Kuroda S. Y.) 147
Кэйтон Ч. (Caton Ch.) 21, 137
Кэрролл Л. (Carroll L.) 28
- Лайонз Дж. (Lyons J.) 13, 21, 23, 28, 31
Лакофф Дж. (Lakoff G.) 20, 24, 31, 71, 102, 124, 152
Лангендун Т. Д. (Langendoen T. D.) 67, 75
Левин Ю. И. 134
Лейбниц Г. (Leibnitz G.) 15, 16
Леонтьева Н. Н. 142
Ликан У. Г. (Lycan W. G.) 55, 63–65, 139
Линский Л. (Linsky L.) 9–12, 79, 83–84
Литтре Э. (Littre E.) 225
Лотман Ю. М. 6, 136
Льюис Д. (Lewis D.) 17, 24, 32, 34, 221, 226, 241
Льюис Ч. (Lewis Ch.) 35, 79
- Майтинская К. Е. 232
Мак-Коли Дж. (McCawley J.) 43, 46, 58, 101
- Маловицкий Л. Я. 209, 210
Манин Ю. И. 9
Мартемьянов Ю. С. 62, 111
Мартин Р. Л. (Martin R. L.) 176
Маслов Ю. С. 7, 222, 224, 248
Матвеев В. А. 127, 220
Милль Дж. Ст. (Mill J. S.) 12
Миттвох А. (Mittwoch A.) 26, 47
Молотков А. И. 164
Монтэгю Р. (Montague R.) 14–17
Морган Дж. Л. (Morgan J. L.) 45, 71, 78
Мур Дж. (Moore G.) 63, 139
Муравьева И. А. 123
Мурелатос А. П. (Mourelatos A. P.) 222
- Нанберг Д. (Nunberg D.) 13
Николаева Т. М. 119, 212
Новицкая И. М. 234, 237
- Оквист Л. (Equist L.) 241
Оллвуд Дж. (Allwood J.) 14
Остин Дж. (Austin J.) 19, 23, 46
Откупщикова М. И. 110
Оу Ч.-К. (Oh C.-K.) 79
- Павилинис Р. (Pavilionis R.) 14
Палл Э. (Pall E.) 188–189, 192
Папп Ф. (Papp F.) 188–189, 192
Парти Б. Х. (Partee B. H.) 93
Патнам Х. (Putnam H.) 11, 80
Пете И. (Pete I.) 210, 215
Петерс С. (Peters S.) 52, 71, 79
Петерсон П. Л. (Peterson P. L.) 211
Пешковский А. М. 134, 182, 202, 247–248
Постал П. М. (Postal P. M.) 5, 146–147, 159
Принс Э. (Prince E.) 79
Пулькина И. М. 210
Пфайфер Д. Э. (Pfeifer D. E.) 12–13
- Рассел Б. (Russell B.) 12, 21, 97, 146, 164
Рахилина Е. В. 97, 102
Ревзин И. И. 116, 125, 158, 160, 202
Рейнхарт Т. (Reinhart T.) 65, 115–116
Рейхенбах Г. (Reichenbach H.) 21, 36, 69, 133, 228, 248
Рестан П. (Restan P.) 45, 233
Риверо М. Л. (Rivéro M. L.) 102
Розенталь Д. Э. 124
Рословец Я. И. 169
Росс Дж. Р. (Ross J. R.) 31, 200
Ружицка Р. (Růžicka R.) 201, 212
Рыбак И. (Rybák I.) 219
- Савинья Е. Н. 188
Савин Х. Б. (Savin H. B.) 75
Саламин Э. (Salamin E.) 218
Сгалл П. (Sgall P.) 18, 110, 113, 118
Севбо И. П. (Севбо И. П.) 248
Селлверстова О. Н. 86, 94, 210, 215, 217, 223
Селларс У. (Sellars W.) 57

- Сепир Э. (Sapir E.) 73
 Серл Дж. (Searle J.) 9–10, 23–24, 27, 34, 44–45, 79, 90, 139, 156, 233, 245
 Скотт Д. (Scott D.) 40
 Слоут Ч. (Sloat C.) 11
 Смирницкий А. И. 101
 Смирнова Л. Н. 234, 237
 Смутьян А. Ф. (Smuljan A. F.) 143
 Соамс С. (Soames S.) 79
 Срезневский И. И. 198
 Степанов Ю. С. 137
 Стил Т. (Steele T.) 234, 238
 Столнейкер Р. С. (Stalnaker R. S.) 12, 26, 34, 37–38, 40, 57, 59
 Стросон П. (Strawson P.) 8, 10, 26, 50–51, 79, 107, 115
 Сьюрен П. (Seuren P.) 93
 Сэдок Дж. М. (Sadock J. M.) 31, 33
 Тарский А. (Tarski A.) 14–16, 43
 Теньер Л. (Tésniere L.) 187
 Тимберлейк А. (Timberlake A.) 193–194, 197–198, 208
 Торопова Н. А. 59
 Уилкс Й. (Wilks Y.) 142
 Уилсон Д. (Wilson D.) 18, 31, 55
 Урмсон Дж. О. (Urmson J. O.) 65
 Успенский Б. А. 81
 Успенский В. А. 34, 50, 110, 177
 Уфимцева А. А. 10
 Филлмор Ч. (Fillmore Ch.) 36, 44, 50, 63, 67, 82, 93, 95, 111
 Фирбас Я. (Firbas J.) 127
 Фодор Дж. Д. (Fodor J. D.) 14, 17, 52
 Форман Д. (Forman D.) 139
 Фраассен Б. Ч. ван (Fraassen B. C. van) 50–51
 Фреге Г. (Frege G.) 7–8, 12, 17, 35, 51, 54–55, 79–80, 177, 182
 Фрейденталь Г. (Freudenthal H.) 9, 179
 Фрейзер Б. (Fraser B.) 21
 Хаддлстон Р. (Huddleston R.) 30
 Халл Р. (Hull R.) 50, 237–239
 Харрис З. С. (Harris Z. S.) 236
 Хауссер Э. (Hausser E.) 236
 Херст Г. (Hirst G.) 116, 125
 Хинтикка Я. (Hintikka J.) 64, 148, 233, 235–236, 238–241, 244
 Хлавса З. (Hlavsa Z.) 156
 Хокинс Дж. (Hawkins J.) 87
 Хомский Н. (Chomsky N.) 24, 180
 Хорн Л. Л. (Horn L. R.) 50
 Цайферер Д. (Zaefferer D.) 236
 Чвани К. В. (Chvany C. V.) 187
 Чейф У. Л. (Chafe W. L.) 113, 171
 Черч А. (Church A.) 34–35, 52, 79, 80–81, 179, 182
 Чехов А. С. 9, 147, 152
 Шахматов А. А. (Шахматов А. А.) 178
 Шварц Д. С. (Schwarz D. S.) 10, 171
 Шелякин М. А. 209, 215–219
 Шие Т. (Schiebe T.) 77, 79
 Широкова Е. Г. 34
 Ширяев Е. Н. 128, 130–132
 Шиффелин Б. (Schieffelin B.) 116
 Шмелев Д. Н. 13, 45, 127
 Шмерлинг С. Ф. (Schmerling S. F.) 57, 59
 Эванс Дж. (Evans G.) 88, 98, 155–156
 Энскомб Дж. Э. (Anscombe J. E.) 144
 Якобсон Р. О. (Jakobson R.) 7, 43, 49, 102, 241

* * *

Ссылки на коллективные труды:

- *Грамматика (1970) 47
 *Грамматика (1952) 232–233
 *Грамматика (1980) 105, 209, 232–233, 237
 Оксфордский словарь (Oxford ED) 225
 *Словарь (1950) (БАС) 126
 *Словарь языка Пушкина (1961) 126

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Часть первая. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕФЕРЕНЦИИ	
Глава I. Теория референции как раздел лингвистической семантики	7
§1. Референция и смысл	7
§2. Местоимение как одно из главных средств референции	10
§3. Референт, денотат, экстенционал	11
§4. О несводимости смысла к референции	14
Глава II. Теория речевых актов и понятие высказывания	19
§1. Перформативные предложения	19
§2. Иллокутивная функция высказывания	23
§3. Семантико-прагматическое представление высказывания	29
§4. Пропозициональное содержание высказывания: понятие пропозиции	34
§5. Предложение и высказывание	38
§6. Импликатуры дискурса и косвенные речевые акты	42
Глава III. Понятие презумпции	48
§1. Семантическая презумпция	49
§2. Прагматическая презумпция	57
§3. Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в предложении ..	60
§4. Общие свойства презумпций	65
§5. Примеры семантических презумпций	69
§6. Проблема наследования презумпций	75
Глава IV. Денотативный статус именных групп и пропозиций	79
§1. Классическая и каузальная теория референции	79
§2. Денотативный статус именных групп с предметным значением	83
§3. Референтные именные группы	87
§4. Нереферентные именные группы	94
§5. Предикатные именные группы	99
§6. Денотативный статус пропозициональных компонентов	101
§7. Связь денотативного статуса с лексической и синтаксической структурой предложения	102
Глава V. Референция и коммуникативная структура высказывания	107
§1. Общие положения	107
§2. Коммуникативная структура предложения	109
§3. Коммуникативная структура и местоимения	120
§4. Коммуникативная парадигма и денотативный статус именной группы	127
Часть вторая. СЕМАНТИКА И СИНТАКСИС МЕСТОИМЕННЫХ СЛОВ	
Глава VI. Семантические явления в высказываниях от 1-го лица	136
§1. 1-е лицо в перформативных контекстах	136
§2. 1-е лицо и условия успешности речевого акта	138
§3. 1-е лицо в контексте слов со "стереоскопической" семантикой	139

Глава VII. Логический анализ местоимений 3-го лица	142
§1. Антецедент и субститут	143
§2. Местоимения повтора	147
§3. Референциальные типы местоимений 3-го лица	150
Глава VIII. Указательные местоимения	158
§1. Местоимение <i>этой</i>	158
§2. Местоимение <i>это</i>	164
§3. Местоимение <i>это</i> с предметным антецедентом	167
Глава IX. Возвратные местоимения	180
Вводные замечания	180
§1. Сопредикатность с подлежащим	186
§2. Сопредикатность с семантическим подлежащим и с семантическим субъектом	190
§3. Сопредикатность с семантическим субъектом, выраженным агентивным или генитивным дополнением	197
§4. Субстантивно-адъективная цепочка	198
§5. Дальняя сопредикатность	200
§6. Именная цепочка	201
§7. Отпредикатное имя деятеля	202
§8. Семантика рефлексивности	204
Глава X. Неопределенные местоимения и наречия	209
§1. Местоимения неизвестности	210
§2. Слабоопределенные местоимения	212
§3. Экзистенциальные местоимения	215
§4. Конкуренция <i>-нибудь</i> и <i>-то</i>	219
Глава XI. Универсальные местоимения. Значение <i>всегда</i>	221
§1. Квантификация ситуаций	221
§2. Значение <i>всегда</i>	224
Глава XII. Вопросительное местоимение и семантика вопроса	232
§1. Вопросительное предложение и вопрос	233
§2. Вопросо-ответное соответствие	234
§3. Перформативный анализ вопроса. Семантика глагола <i>знать</i>	240
§4. Пропозициональные и иллюкутивные аспекты семантики вопроса в их взаимодействии	244
Заключение	246
Литература	250
Сокращения и условные знаки	261
Лексический указатель	262
Значение помет при ссылках на страницы	264
Предметный указатель	275
Именной указатель	288

Другие книги нашего издательства:

URSS

Серия «Лингвистическое наследие XX века»

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики.

Мартине А. Основы общей лингвистики.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка.

Есперсен О. Философия грамматики.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Введение в языковедение.

Блумфилд Л. Язык.

Бенвенист Э. Общая лингвистика.

Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии.

Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка.

Балли Ш. Французская стилистика.

Балли Ш. Упражнения по французской стилистике.

Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков.

Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании.

Порциг В. Членение индоевропейской языковой области.

Десницкая А. В. Сравнительное языкознание и история языков.

Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков.

Макаев Э. А. Общая теория сравнительного языкознания.

Матезиус В. Избранные труды по языкознанию.

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание.

Вандриес Ж. Язык (лингвистическое введение в историю).

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования.

Рождественский Ю. В. Типология слова.

Колшанский Г. В. Логика и структура языка.

Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке.

Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка.

Колшанский Г. В. Контекстная семантика.

Колшанский Г. В. Паралингвистика.

Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке.

Уфимцева А. А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики.

Уфимцева А. А. Типы словесных знаков.

Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы.

Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание.

Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение.

Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление.

Поливанов Е. Д. Введение в языкознание.

Поливанов Е. Д. Лекции по введению в языкознание и общей фонетике.

Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки.

Головин Б. Н. Введение в языкознание.

Пизани В. Этимология (история, проблемы, метод).

Шерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность.